

Людмила Сурова

**Педагогика
духовного развития**

Статьи разных лет

Украина Православная
Киев 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Предлагаемая читателю книга — это сборник статей по вопросам духовного развития, воспитания и образования. Статьи были написаны в разное время и опубликованы, какие в книгах, какие в журналах, какие — отдельными брошюрами. В них отражено становление новой духовно-ориентированной школы и педагогики России на рубеже тысячелетий, освещен тот педагогический процесс, который шел и идет в наших школах, семьях, в культуре.

Статьи разные: одни родились из выступлений и сохранили полемическую интонацию, другие представляют собой исследование, анализ и обобщение накопленного педагогического опыта, третьи — просто начало уже оформившегося курса лекций, прочитанного педагогам. Не хотелось, да и невозможно привести их к «общему стилю». Наверно, практикам будут более интересны одни материалы, теоретикам — другие, но у нас в России редко кому удавалось остаться только в рамках одного стиля, жанра и темы. Русская культура воспитывала своих тружеников так, чтобы они не смели защищаться от жизни, оседлав каждый своего «конька» — но слышали ее нужды и отвечали на них разными словами и в разной форме. Широта открыта обществу, глубина — сущности. Дело само показывает, что сейчас делать, куда двигаться; но и полифонические, и фоновые связи нужны — и они, расширяя круг, питают мысль и рождают дерзновение.

Одно можно сказать с уверенностью — в наших материалах нет книжных спекуляций и перепевов, все они рождены личным опытом. И опытом писательским, общения со словом, и опытом педагогическим, творческими занятиями с детьми и взрослыми, и опытом жизни в нашей культуре: ее образами, ритмами, живой формой, рождающейся на перекрестии силовых линий земли и духа, — и, самое главное, опытом жизни в Церкви, под золотым, стозвонным ку-

Сулова Л.В.

Педагогика духовного развития. Сборник статей разных лет. М. 2011. — 296с.

В книге известного православного педагога, бакалавра богословия, члена Союза писателей России Людмилы Суловой представлены статьи, по вопросам духовного развития, воспитания и образования. В них отражено становление новой духовно-ориентированной школы и педагогики России на рубеже тысячелетий. Материалы разные по жанрам: и публицистические заметки, и научно-аналитические исследования, и лекций, которые читались на Курсах подготовки Законоучителей при Отделе религиозного образования и катехизации МП в 1996-2006 г.

В статьях отражен большой педагогический опыт автора. Книга актуальна и будет интересна не только учителям и родителям, но теоретикам педагогической науки, а также всем, радеющим о деле духовного просвещения.

полом ее Священного Предания. Вот направляющие нашей деятельности.

Нельзя не сказать, что, готовя книгу к изданию, мы обнаружили в статьях разного времени некоторые повторы рассуждений и примеров, но решили сохранить их, чтобы не нарушать целостности каждого материала. К тому же это позволяет увидеть путь мысли, ее развитие от тезиса к обоснованию и открытию новых связей, а, кроме того, показывает, как педагогика (наше общее — общественное — дело) слышала и понимала время.

Книга актуальна и сегодня, но в чем-то наша педагогическая действительность оказалась более суровой, чем ожидалось и, возможно, русское педагогическое дело, сохранив свои главные духовные и творческие принципы, которые так дороги нам, будет искать себе новых, не порывающих с глубинной традицией форм.

Из книги «Православная
школа сегодня»

НАШИ ПРОБЛЕМЫ

Православное образование получило сегодня в России гражданские права. Церковноприходские воскресные школы, православные гимназии, Православный университет, и Богословский институт, множество различных лекториев, семинаров, кружков — вот далеко не полный перечень подразделений сегодняшней православной школы.

Но прежде, чем говорить о том, какой должна быть православная школа сегодня, нам следует понять, в чем особенность этого нашего «сегодня»? Нынешний нравственный и идеологический кризис России должен быть осмыслен нами во всей его остроте и глубине, ибо что он такое, как не кризис наших душ.

Кто он — наш современник? Каков его внутренний мир? Каковы его думы и надежды? Пока мы не поймем этого, мы даже не сможем приблизиться к кругу педагогических вопросов. Поэтому нам нужно отважиться посмотреть правде в глаза.

Может быть, главная личностная особенность нашего современника — это тяготение к авторитетам и, как следствие, невероятная внушаемость. Его столько раз обманывали, столько лживых образов, идеалов и догм было им воспринято, а потом отвергнуто, что душа его почти утратила самостоятельность и способность к живому чувству, к живой вере, она растерялась, как на перепутье, и оказалась погребенной под обломками множества относительных истин.

Изменилась сама психология личности. Долгое время вся организация нашей общественной жизни подталкивала не столько к жизненно необходимому действию, сколько к демонстрации своего действия. И с годами выработался определенный тип поведения, алгоритм внешнего действия. Хотим мы это признать или нет, но нас хорошо научили «делать вид». Не надо думать, что нам легко будет отучиться от этого и восстановить естественные, человеческие формы общения. Понадобятся годы усердного покаянного тру-

да, чтобы отойти, наконец, от умственного жульничества и устойчивого чувства самодостаточности.

Отец Г.Флоровский в последней главе своей книги «Пути русского богословия», анализируя внутренние проблемы России, говорил: «В русской душе есть опасная склонность, есть предательская способность к культурно-психологическим превращениям и перевоплощениям... слишком часто заболела она мистическим непостоянством»¹. Как мы это чувствуем сейчас!

Массовый приток народа в храмы сегодня скорее свидетельствует не о вере, а об отсутствии опоры в жизни, о вдруг ушедшей из-под ног почве, о горячем желании обрести хоть в чем-то уверенность. Сегодня многие идут в храм с надеждой на спасение, но спасение — в этой жизни. Человек готов верить, но желает получить по вере уже здесь и теперь.

В эту-то неоязыческую наивность и требовательность и спряталась, как в новую скорлупку, измученная атеизмом и эгоизмом душа нашего современника. Опыт опустошенности рождает настороженность. Ее не удастся просто и быстро побороть, это некая духовная болезнь общества, некое «замораживание» сердца. Сначала оно должно оттаять, а потом уже сможет что-то вмещать.

Острота проблемы состоит в том, что те, кто ныне призван на высокое поприще христианской педагогики, сами также заражены болезнями нашего общества. Поэтому очищать свои сердца и души от лукавства и двоедушия, от подозрительности и агрессивности нужно всем. Всем помнить, что мы не учителя, а лишь ученики, постоянные ученики. Сколько же нерадивых учеников получила сегодня Русская Церковь!

Наша ситуация осложняется еще и тем, что в Церковь сегодня пришли и родители, и дети одновременно. Проблемы отцов и детей приобрели у нас совершенно новое

¹ Прот. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1981, с. 500–501.

звучание. Традиционные внутрисемейные рычаги воспитания почти не действуют. В Церковь бегут за «скорой помощью», готовые эту помощь принять и почти не готовые к труду самовоспитания в союзе с Церковью. А ведь именно этот труд — необходимое условие духовного возрастания.

Напомним, что слово «педагогика» переводится с греческого как «детоводительство», то есть совместный путь учителя и ученика. Но один у нас Учитель, говорит Евангелие, Христос. Именно Он является истинным Педагогом, утверждает в своей книге «Педагог» один из учителей Древней Церкви св. Климент Александрийский. А стало быть, те, кто называют себя воспитателями, наставниками и попечителями, смысл своего служения должны видеть в том, чтобы лишь указывать путь, препровождать ученика к этому любящему всех Учителю.

Но как это сделать? Какими средствами? Прежде всего — словом. Поэтому-то во все времена Церковь и ищет эти особые слова, и ведет диалог с миром, диалог-призывание, диалог-свидетельство. А чтобы быть услышанной и правильно понятой, ей приходилось высокие понятия христианского откровения всегда переводить на язык, доступный современникам. Многие века звучит этот живой диалог вечности и времени, огненная и печалующая речь Церкви, обращенная к страждущему миру.

В Новом Завете мы находим много примеров таких диалогов. Они для нас лучшие образцы для подражания. Рассмотрим один из них — речь апостола Павла в афинском Ареопаге (Деян., 17, 22–31).

Напомним, что сначала апостол Павел познакомился с тем, чему поклонялись афиняне, и нашел основание для начала своей проповеди: «Проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам».

Здесь, в сущности, продемонстрированы несколько главнейших правил христианской педагогики. Во-первых, наблюдение. Апостол Павел сначала узнал, чем, так ска-

зять, «дышат» афиняне, соприкоснулся с их жизнью, попытался разобраться в ней, почувствовать ее. Город, полный идолов, заставил его возмутиться духом, видимо, он даже негодовал, но эти свои чувства учитель народов никак не проявил. Вот второе правило педагога — сдерживание эмоций, коррекция личных ощущений и впечатлений.

Далее мы видим, что апостол Павел не начинает свою проповедь ни с укоров, ни с обличений, он вообще ничем не отделяет себя от слушателей. Это-то и дает ему возможность естественно и легко связать реальное бытие своих собеседников с тем новым знанием, которое он хотел донести до них.

Павел строит свою речь психологически очень грамотно, так, чтобы все слушатели могли ее не только понять, но и принять. Сначала он говорит почти холодно, просто информируя, но с каждой фразой его речь все больше приобретает черты огненного пророчества и призыва. Но вот чего нельзя не заметить: имя Христа апостол Павел в первом своем обращении к просвещенным греческим язычникам так и не произносит, он лишь подводит своих слушателей к пониманию нового мира, который Христос оставил после Себя.

Мы видим, что на протяжении всей своей речи апостол Павел ни на мгновение не забывает о своих слушателях, стараясь максимально учитывать возможности их восприятия. Такой метод должен был бы стать заповедью для каждого христианского наставника.

По сути своей педагогика подобна садоводству. Недавно один из выдающихся немецких педагогов Фридрих Фребель так и называл воспитателя — садовником. Садовник же — это не собиратель, а выращиватель, в этом его особенность. Смотри, что происходит в твоём саду, и действуй не по заранее намеченному плану, невзирая ни на что, а природосообразно, руководствуясь знаниями, собственными наблюдениями и интуицией. Это-то и оказалось самым сложным.

Еще в древности многим стало ясно, что педагогика — дело страшное, в подлинном библейском смысле этого

слова. Отваживаясь на необходимое участие в формировании того или иного человека, мы берем на себя ношу Творца. И, независимо от нашего мировоззрения, мы не можем не почувствовать вселенской ответственности. Поэтому, сколь бы ни был велик соблазн воспитать себе подобных, мы не должны поддаваться ему. Интуиция подсказывает, что другой человек, пусть даже маленький, не должен быть похожим на нас, он — другая вселенная, у него свой путь в жизни, — мы же призваны всемерно помогать ему.

Необходимо развить личность, развить все благое, изначально заложенное в ней. В процессе этого развития человек начинает более глубоко осознавать себя и активно стремиться к духовной жизни. Эта энергия духовного развития и вводит ребенка в Церковь. И здесь уже перед учителем стоит более сложная задача: не противореча внутреннему развитию, организовать в определенной последовательности встречи души человека со Священным Писанием, с богослужением, с творениями святых отцов, с церковной историей и церковным искусством и, наконец, с жизнью реальной общины, с людьми. Именно организация встреч, способствующих внутреннему духовному развитию, и может считаться основой нашего педагогического процесса.

Христианское образование нельзя исчислить суммой богословских знаний. Результатом его может считаться только духовный опыт, особое устройство души человека. В этом специфика христианской педагогики. Концептуально ее следовало бы понимать как процесс глубинного воспитания, и весь учебный материал должен быть средством достижения этой великой цели.

Воспитание — процесс медленный, непростой, требующий комплексного, системного подхода, то есть увязывания многих различных, часто просто противоречащих друг другу компонентов. Воспитывать нужно учиться. Нельзя не привести здесь замечательного высказывания А.С. Макаренки: «Воспитывает все: люди, вещи, явления, но, прежде всего, и больше всего — люди. Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок

входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка. Весь этот «хаос» не поддается как будто никакому учету, тем не менее, он создает в каждый момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им — вот задача воспитания»¹.

Эти слова как нельзя лучше объясняют, что воспитывать — это значит быть рядом с воспитуемым и принимать участие в его жизни и внешней, и опосредовано во внутренней. Духовное воспитание, воспитание религиозного чувства — это также пребывание рядом, постоянная готовность к помощи, к союзничеству в борьбе с грехом.

Вспомним, что слово «грех» в переводе с греческого означает «непопадание в цель». Нестройность, противоречивость всей нашей природы — вот тяжелое наследие первородного греха. В течение всей жизни мы пытаемся, собрать себя, «наладить», «отцентровать». Процесс этого созидания себя, строительства своей души может начаться уже в детстве, но тут ребенку нужен помощник. Педагог и должен явиться этим помощником. Он не руководитель, а проводник, связной детской души — вот его священное место. Учитель связует живое рождающееся вопрошание ребенка с опытом и жизнью всей Церкви.

Процесс воспитания можно было бы охарактеризовать еще как процесс выработки благотворных реакций, созидание в человеке гармонической системы отношений с миром. Но воспитание не может сводиться к закреплению однажды определенных отношений. Христианская антропология не допускает возможности дрессировки человека, выработки у него стереотипных эмоциональных реакций. Нет, живой движущийся мир и развивающаяся, «дышащая» духовная жизнь в человеке должны каждый раз вступать в новые отношения, ибо каждый раз это есть новая встреча, новые свидетельства промысла Божия.

¹ Макаренко А.С. Книга для родителей. М., 1934, с. 4.

Итогом христианского воспитания нужно считать не вышколенность, а обретение внутренней системы ценностей, которая ляжет в основу всей жизни человека. Но не забудем, система эта должна быть движущейся, развивающейся. Система ценностей отражается не в перечне дозволенного и недозволенного, а во внутренней обращенности, в приверженности и, наконец, в любви к истине.

Христианское воспитание неминуемо есть и воспитание чувств, надо приучить их не властвовать над нами, а служить нам. Ибо как иначе мы определим правдивость отношений, как не чувством. И лицемерие, и фальшь — как распознаем? Чувства помогут нам. Христианское воспитание можно толковать как воспитание в человеке главного чувства — чувства истины. Ведь, в сущности, человек может считаться состоявшейся личностью только тогда, когда у него не просто появились понятия добра и зла, а когда они руководят его волей. Только тогда он становится способным к настоящему диалогу с миром, не растворяясь в нем, не теряя своей совести.

Несколько лет назад на одном из педагогических семинаров зашел разговор об общих принципах христианской педагогики. Это была живая дискуссия, не претендующая на строгость теоретических определений. Но христианская педагогика это не система правил и приемов, а, прежде всего, сам христианский педагог с его живой интуицией, знанием и решимостью к действию. Поэтому мы и сочли возможным предложить вашему вниманию тезисы того нашего разговора. Представим их в той последовательности, в какой они рождались в самой аудитории.

Первым был провозглашен принцип *ненасилия*. Мера агрессивности сейчас в обществе нашем столь велика, и насилие стало таким обыденным делом, что мы его даже не всегда замечаем. Христианскую же педагогику хотим возводить без насилия. Бог создал нас свободными. Пусть первой заповедью христианской педагогики будет заповедь «Не убий». Не совершай насилия над душой, не угашай духа! Но нельзя забывать, что принцип ненасилия не есть вседозволенность для ребенка.

Затем был высказан один из главных принципов вообще любой педагогики — *своевременность*. В Евангелии, мы знаем, слова и дела Божии открываются людям по мере их способности воспринять их. Учение Христа не теория, а Благая весть. И педагогическое воздействие, если оно питается Евангельским духом, также будет тяготеть не к заданной априори системе, а к системе реактивной, то есть реагирующей на духовное состояние и уровень детей.

Следующим оказался принцип *единства педагогических влияний*. Вспоминая известную басню «Лебедь, Рак и Щука», мы более всего должны бояться разорвать ребенка, «растащить» его в разные стороны. И поэтому, принцип единства был истолкован как принцип дополнения, ибо мы не всегда можем уберечь ребенка от нежелательных влияний, но непременно должны их учитывать и, по возможности, смягчать и исправлять.

Затем был сформулирован принцип *личности*. Все в православии лично: личностными отношениями проникнут духовный мир, личность человека обретает самое себя в личностном общении с Богом. Главное нам, педагогам, не стать на этом личном пути человека к Богу, не подавить личностное начало в ребенке.

Следом назвали *антропологический* принцип. Уважение к человеку, к его достоинству является основополагающим в христианстве. Этот принцип призывает нас изучать человека во всей его полноте, дабы интуитивное чувство было подкреплено церковным, святоотеческим и научным знанием человека. То есть мы должны учиться видеть человека и понимать, что происходит в нем. Отсюда непреложное требование: чтобы учить, надо самому учиться.

Это неминуемо потребует от нас *неусыпного бдения и трезвения*. Вот следующий принцип христианской педагогики, который был назван также принципом неустанного внимания. Если процесс обучения может быть организован по-разному, в том числе с большими временными перерывами, то воспитательный процесс по сути своей непрерывен. Если мы прекратим воспитывать, то ребенок не пре-

кратит воспитываться, он просто найдет себе другого воспитателя. Поэтому-то у педагога не может быть отдыха, пока он не найдет себе должную замену. От нас требуется постоянное участие в жизни детей, может быть, это самое трудное для внутреннего мира самого педагога.

Следующий принцип связан с нравственным кодексом педагога, это — *ответственность*. То есть мы должны всегда сознавать, что мы делаем и не строить иллюзий, не мечтать, не навязывать ученикам своих идеалов, образов и желаний. Православию чужд романтизм во всех его проявлениях. Иллюзии часто рождают агрессию. Ведь реальная жизнь обычно вступает в противоречие с романтическими представлениями и неминуемо начинает раздражать. Отсюда может возникнуть желание подавить, переделать, подогнать жизнь под наше представление о ней. Мы не должны этого делать — человек свободен и имеет право на собственный путь к Богу. Зловещий романтизм и революционеров-преобразователей, и охранителей-законников да обойдет нас стороной.

И вот был назван принцип любви. Конечно, о нем думалось раньше, но нужно было время, чтобы подойти к нему. Что значит для педагога любить ребенка? Это значит видеть его в Божественном замысле. Здесь мы вспомнили цитату из Цветаевой: «Любить — это видеть человека таким, каким его создал Бог, а не осуществили родители» (Из дневниковых записей «Земле — земное»).

Но, конечно же, человек не в прошлом хорош, а в будущем. Ибо весь он есть возможность. Любить — это не просто видеть эту возможность, но ощущать образ «грядущего во имя Господне». Любить трудно, поступки и страсти этот образ сильно затемняют. Сколько сил, веры и энергии нужно, чтобы очи сердца не стали очами земными?! Где же взять нам эту любовь? Жестокосердие, кажется, поразило весь мир...

Но не поразило Того, Кто победил мир! Если сердце педагога на самом деле обращено ко Христу, Творец будет омыwać его Своей неистощимой любовью, питать чувства,

поддерживать способность к состраданию, милосердию и любви.

И, наконец, прозвучал принцип *смирения*. По мнению многих святых отцов Церкви смирение — главная христианская добродетель. В чем же может выражаться смирение педагога? В понимании, что истинным детоводителем является Господь, мы же не должны мешать Его действию. Но все ли нам открывается в этом Божественном замысле о человеке? Конечно, нет. И дело не только в духовном уровне педагога, а, в первую очередь, в том, что человек никогда не может быть нам до конца открыт и понятен. Мы не должны им руководить. Мы — соратники Богу, по словам апостола Павла, и должны дать Ему возможность действовать. Наше педагогическое усердие должно иметь четкие границы — перед таинственным промыслом Божиим надо отступать.

На этом педагогический семинар закончился. Но всем было ясно, что тема эта не может быть завершена, она будет звучать в наших сердцах, мыслях...

И мы оставим наши размышления о концептуальных проблемах христианской педагогики и перейдем к насущным вопросам методики преподавания.

УЧИМСЯ УЧИТЬ (Поиск православного метода в педагогике)

Если мы внимательно посмотрим на множество воскресных школ и других православных учебных заведений — то в большинстве случаев без труда заметим некое единообразие структуры. Похожи программы, похожи учебные планы, да и сам методический подход к преподаванию как бы имеет один прототип. В истории педагогики обнаружить его не трудно: создавая сегодня православную школу, мы, не сговариваясь, стали возрождать систему христианского образования дореволюционного типа.

Произошло это, скорее всего, потому, что мы горячо желали продолжить педагогическую традицию церковного российского образования. Но само понятие традиции нельзя понимать упрощенно: это не набор уже сложившихся правил, не действие по уже имеющимся образцам, а живая творческая жизнь в духе Церкви. Желая следовать традиции мы должны будем, вдумчиво изучая прошлое, все время рождать новое. «Истина вечна и неизменна, но способы ее выражения временны и переменчивы»¹, — читаем мы у одного из подвижников дореволюционного христианского образования, священника Е.Ф. Сосунцова.

К вопросу о традиции и наследии мы должны подходить творчески. Нужно, прежде всего, понять, что именно из наследия прошлого мы хотим продолжить, а от чего следует избавиться, что из опыта прошлого нам полезно, а что противно и чуждо? Ответить на эти вопросы мы сможем только тогда, когда сами почувствуем живое биение времени, ощутим реальные нужды сегодняшнего дня, начнем осмысливать их в контексте всей истории Церкви.

Прямое повторение в истории невозможно. Христианская школа обуславливается не только христианскими

¹ Свящ. Сосунцов Е. Ф. Методика и конспекты уроков по Священной истории. Казань, 1910. С. 23.

догматами и христианским пониманием человека, но как любая школа, она есть часть органического целого, определенный этап в развитии общественного сознания. Школа не может быть свободна ни от различных веяний времени, ни от нас самих, нашего духовного, нравственного уровня, интеллектуального развития, психологических особенностей личности как учителей, так и учеников.

Давайте совершим небольшой экскурс в прошлое. В дореволюционной России церковноприходская школа была первой ступенью обучения, соответствующей нашей начальной школе. Туда приводили детей 6-7 лет, в основном из простых семей, обучение длилось 3 года. Созданы были эти школы в 1884 году и находились в ведении Священного Синода и, как сказано в «Положении» 1902 года, имели целью «распространять в народе образование в духе православной веры Церкви».

Какие там преподавались дисциплины? Закон Божий, церковное пение, гражданская печать (так называлось чтение), письмо и начатки арифметики. Для сельской местности церковноприходская школа была первым и часто единственным учебным заведением. Кто не уезжал в город, довольствовался теми знаниями, которые получал здесь.

Следующей ступенью образования были городские и духовные училища, затем шли гимназии, реальные училища, семинарии и, наконец, университеты и духовные академии. Как видим, в дореволюционной православной России было два типа образования: светское и духовное.

Духовное образование, находилось в ведомстве Синода и начиная с духовного училища, носило характер узкой профессиональной специализации, то есть все программы в основном состояли из вероучительных дисциплин и были жестко ориентированы на подготовку клириков. Светское образование также было православно ориентировано: как обязательный предмет изучался Закон Божий, основы православной веры, — это составляло фундамент духовно-нравственного воспитания в школе.

Внешне картина довольно благополучная, но присмотримся, какой дух царил в светской и духовной школе, какая атмосфера создавалась вокруг?

И здесь нельзя не прибегнуть к многочисленным свидетельствам литературы. Наши русские писатели оставили множество заметок, воспоминаний, наконец, автобиографических рассказов и повестей о школе, где отразились их детские впечатления. О чем же они доверительно рассказывают? Каков в них образ учителя? Законоучителя? Каковы сами уроки вероучительных дисциплин?

И тут мы должны будем с прискорбием признать, что отрицательных впечатлений от преподавания Закона Божьего литература сохранила намного больше, чем положительных. На фоне других дисциплин этот предмет выделялся часто как самый сухой, зубрильный, безрадостный. Как редко исключения! И как отличаются эти горькие впечатления от радужных детских впечатлений, связанных с церковными праздниками!

Не станем приводить здесь многочисленных отрицательных примеров, но отмахнуться от них тоже не можем. Ведь русская литература никогда не проходила мимо типического: любая мало-мальски оформившаяся социальная или психологическая общественная тенденция неминуемо запечатлевалась в ней. Эти свидетельства помогают увидеть то, что не сохранили ни министерские отчеты, ни программы, ни статистические данные, а именно: что происходило в душе ребенка.

И среди многочисленных литературных свидетельств есть одно, которое никакой законоучитель и просто педагог не должен забывать — это «Очерки бурсы» Н.Г.Помяловского. Оно касается сугубо духовной школы. Сейчас, когда мы пытаемся концептуально и методологически осмыслить, какой должна быть православная школа сегодня, именно дореволюционную духовную школу многие берут за образец, не очень-то зная, что она представляла собой.

Напомним, что 14 лет Помяловский учился в духовных училищах и семинариях, по окончании же работал в

Шлиссельбургской воскресной школе, где ярко проявился его педагогический и литературный талант. Не забудем и того, что над его гробом современниками были произнесены высокие слова — честный писатель! Все это не дает нам возможности не принимать во внимание его поистине страшных свидетельств.

В «Очерках бурсы» раскрывается некий внутренний механизм системы школьного духовного образования, описывается как, каким образом живые сообразительные дети порой превращались в «мертвецов», бесчувственных лицемеров и пошляков, а иные и вовсе в неверующих критиканов. Один из героев повести, пытаясь противостоять этой чудовищной машине подавления и надругательства над личностью, вдруг открывает для себя некоторые «законы сохранения живого человеческого ума»¹.

Это горько и страшно читать. Но педагогика давно знает, что ранняя специализация, как показывает опыт, дело очень опасное. Душа ребенка должна свободно пройти все ступени своего развития от инстинктивного эгоцентрического существования в младенчестве через осмысление себя и своих желаний в отрочестве до возможности разумного и свободного выбора своего служения в юности. Выбор же, сделанный за ребенка, не просто ставит его в положение пленного, порой он входит в противоречие и с его типом психики, и с его развивающимися, но еще не полностью проявившими себя способностями. Если же навязанное вменяется в обязанность еще и с грубостью и педагогической бестактностью, надо быть готовым к тому, что сами жизненные силы растущего человеческого организма восстанут и начнут борьбу с угнетением и угнетателем. О чем и свидетельствует Помяловский.

«Очерки бурсы» написаны в середине XIX века, но основные болезни духовной школы: казенщина, начетничество, запреты творческого мышления и развития, репродуктивные формы преподавания, которые к несчастью отя-

¹ Помяловский Н.Г. Сочинения. М.: Правда, 1949. С. 318.

гощались еще нравственным давлением и угрозами наказания, — все эти беды не были изжиты и к началу XX века. И они привели к страшным последствиям. Вот что можно было прочитать в газетах и журналах того времени: «За последние годы газеты с разных сторон России приносили самые неутешительные вести о положении в семинариях, хотя в силу общих условий, только очень немногое из замкнутой семинарской жизни попадало в печать, своей гнетущей системой воспитания духовные педагоги порой доводят питомцев до явных преступлений. В квартирах ненавистных воспитателей случаются поджоги, со звоном вылетают разбитые стекла; из-за угла в этих воспитателей летят поленья, кирпичи, над ними учиняются физические насилия. В ход пускаются кинжалы, револьверы и даже взрывчатые вещества. Известны неоднократные случаи покушений на жизнь духовных педагогов. За последние пять лет два подобных случая знает только одна Киевская семинария»¹.

Приведем еще одно ошеломляющее свидетельство современников, отрывок из дореволюционного сборника «Духовная школа»: «Семинарские бунты широкой волной разливаются от края и до края России, принимают формы эпидемий и становятся явлением хроническим. Три года тому назад в первое учебное полугодие было закрыто более 23 семинарий. В начале 1905 года повторилось то же самое. Волнения ураганом пронесли по всей Руси и охватили на своем пути громадную сеть семинарий от центральных, до самых отдаленных, окраинных. Теперь закрыто 44 семинарии, все духовные академии и даже некоторые женские епархиальные училища. Известны случаи, когда семинарское начальство только бегством спасалось от своих питомцев. Иные семинарии усмирялись военной силой»².

Даже если мы сделаем скидку на публицистическую нестрогость текста и явную обобщенность цифр, все равно неоспоримость фактов ощутима, и она не может не пугать.

¹ Ж-л «Сын Отечества», 1905, № 75.

² Духовная школа. М., 1906. С. 104.

Об этом мы читаем в Отзывах епархиальных архиереев в 1905 году. Об этом же тревожно свидетельствуют документы подготовки Поместного собора 1917 года.

В чем же был корень бед?

«Жизнь волнуясь и спеша, неудержимо стремится вперед, уходит все дальше и дальше, — читаем мы в статье С. Любимова «Воспитание в духовной школе», — а прогнившая «система» бережно хранится, как заветная святыня, и поддержкой кастового строя духовной школы воздвигается над ней железный колпак, не пропускающий света и воздуха»¹. «В духовно-учебном ведомстве» — пишет один из инспекторов семинарии, — перемену костюма педагогов должно признать самую крупную реформой за последние 20 лет»².

Но, может быть, это проблемы сугубо профессиональные, специфические?

Вспомним, кого готовила духовная школа? Кем были и куда направлялись ее ученики? Тогда нам станет понятным, почему духовное воспитание в светских школах также вызывало озабоченность многих передовых умов России.

Вот, например, высказывание уже цитировавшегося нами священника Е.Ф. Сосунцова: «Неудовлетворительность постановки религиозно-нравственного воспитания в школе зависит главным образом от веры учащихся в полную идеальность современного преподавания, от достигнутого школьными деятелями убеждения в необходимости прочного консервирования достигнутых результатов». И далее: «Школе необходимо пробудиться от мертвенного покоя, а ее деятелям своевременно припомнить, что находит лишь тот, кто ищет»³.

¹ Любимов С. Воспитание в духовной школе. // Духовная школа. М. 1906. С. 135.

² Церковный вестник. 1905, № 18. С. 552.

³ Свящ. Сосунцов Е.Ф. Библиографический обзор учебников по Закону Божию. 1915. С. 18.

У нас нет оснований не верить этим многочисленным свидетельствам. Идеализировать картину российского образования XIX — нач. XX в. значит просто не желать видеть истину, заменять действительную жизнь нашими, то есть удобными для нас, представлениями о ней. Для педагога это в особенности пагубно. Приведем здесь слова недавно почившего замечательного московского священника-ученого о. Глеба Каледы: «Надо найти в себе мужество признать, что сонм русских святых и подвижников благочестия был воздвигнут на русской земле не благодаря школьному духовному воспитанию, а, скорее, вопреки ему».

Все эти горькие свидетельства не позволяют нам бездумно копировать модель дореволюционной школы как духовной, так и светской. Но полезно будет выявить причины, сделавшие ее такой, отыскать глубинные корни питавшие эту столь уродливую, но незыблемую, по словам современников, образовательную структуру. Это поможет нам правильно строить нашу сегодняшнюю православную школу, не повторять ошибок прошлого, но учиться на его высоких образцах.

Итак, желая разобраться в том, что же происходило с нашей дореволюционной школой, мы должны не забывать, что никакая школа не случайна, так как она является живой формой общественного сознания и общественной религиозной жизни. Школа невольно выявляет те идеологические течения и тенденции, которые наличествуют в обществе. Какое же идеологическое основание мы можем обнаружить в старой русской школе? Оно угадывается без труда: основание это — схоластика.

Что же такое схоластика? Напомним, что схоластика, как церковная наука, систематизировавшая все христианское учение, возникла в XIII веке, отцом ее считается Фома Аквинский. Заслуга высокой схоластики в том, что она дала позитивное обоснование христианскому мировоззрению в категориях логики, истины Откровения Божия ею были переведены на язык человеческого разума. Схолистическая строгая классификация церковных понятий в ка-

кой-то момент истории дала возможность примирить веру и знание. Это могло бы стать началом одухотворения всей науки и искусства. Но случилось обратное: в последователях Фомы Аквинского схоластика вырождается из стройного богословского откровения в заданную и навязываемую идеологию. Поздняя схоластика полюбила свои категории и построения больше человека, для которого они первоначально предназначались, она стала не помощницей в созидании человеческого духа, а препятствием в его развитии.

Схоластические споры средневековой Европы по свидетельству современников походили, если можно так выразиться, на рыцарский турнир логиков. Блеск доказательств становился здесь целью, а слушатель — партнером-противником. Риторика, стремление к яркому красивому слову, желание победить в словесном поединке постепенно вытесняет из сердец жажду истины и любви. Во многих происходит охлаждение веры, утрата живого чувства Бога.

Интересно, что в словаре В. Даля схоластика определена как «философия внешности, школярное направление, сухое, тупое, безжизненное»¹. И там же читаем устрашающее — «схоластический дух», то есть дух мертвящий, замораживающий, и вместе с тем дух многословный, витиеватый, дух внешнего императивного долженствования, запугивания и угроз...

Можно быть твердо уверенным, что этот дух несовместим с духом любви. Каким бы высоким ни было здание схоластики, оно вмещает только одно «я», только одно сознание — сознание говорящего. А с точки зрения Православия этого не достаточно, ибо только соборный разум непогрешим.

Так что же такое схоластика в педагогике, в самом процессе обучения?

Научение не сущности, а форме, стремление не столько сориентировать учащихся в сложном и непрерывно ме-

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Спб., М. 1882. Т. 4. С. 370.

няющемся мире, сколько просто дать некоторые пассивные знания о нем, необходимые для выработки алгоритмов определенных действий. При схоластическом подходе в педагогике не возникает задачи целостного развития личности и воспитания духовного разума, в большинстве случаев идет безличная трансляция знаний, уже имеющихся в багаже человечества, определенным образом структурированных и систематизированных, и параллельно с этим обучение операциям с этими знаниями.

На поверку этот метод в образовании оказывается вообще антипедагогическим и праздным, так как не отвечает актуальным потребностям самого ребенка, не пробуждает его к духовной жизни. Между учителем и учеником здесь не предполагается личностных отношений, но пролегает бездна отчуждения. Не это ли заставило Даля назвать схоластику «безжизненным направлением»?

Живучесть же схоластики поразительна. Этот метод стал довольно быстро господствующим в духовной школе средних веков и постепенно распространился на большинство светских учебных заведений. Почему же?

Есть в схоластике великий педагогический соблазн — быстро наполнить человека теми знаниями, которые нам кажутся полезными, научить его использовать их и тем самым сделать его удобным для окружающих. Этот соблазн спекулятивно оправдывался и ревностным служением, и требованиями церковного единства. Он драпировался в тогу государственной заботы о нравственном воспитании подрастающего поколения, ссылаясь на буквалистски понятые библейские цитаты о наказании детей и воспитании их в страхе Господнем. (На самом же деле учили не страху Господню, а мелочному страху перед учителем, трусливости, ябедничеству).

Все это создавало иллюзорную картину благополучия в педагогике и породило в общественном сознании глухую терпимость по отношению к схоластическому бытию школы. Детей было жалко, да что поделаешь: ученье — не сахар.

Но тем, что дореволюционная школа отвернулась от ребенка, она сама себе подписала обвинительный приговор. Вспомним мудрые предостережения А.С.Хомякова: «Те, которые приняли за веру истинную мертвую веру, то есть ложную, или внешнее знание, дошли в своем заблуждении до того, что из своей мертвой веры сделали восьмое таинство»¹. Духовное руководство школой оказалось парализованным и отторгло все новое. Естественно, что живые творческие силы Церкви, да и всего мыслящего человечества восставали против этого.

В начале нашего века можно сказать произошла почти «антисхоластическая революция». Многие педагоги мира возвысили свои голоса: Мы не можем больше не замечать, к кому обращены наши слова! Школа должна существовать для ребенка, а не для учителя! Но чтобы этот протест реально принес благотворные плоды, нужно было понять, в чем беда схоластики и выяснить, что можно ей противопоставить в духовном и научном смысле, что более бы соответствовало самому духу Евангельского откровения, духу любви и служения. Нужно было искать новый метод. И методом таким стал диалог.

Сразу следует сказать, что диалог не следует понимать только как взаимодействие двоих. Диалог — это включение личности в непрерывно действующую, то есть движущуюся систему всей жизни, участие в ней, единение с ней. Поэтому настоящий диалог невозможен вне системного мышления, вне системного подхода. Но что это такое?

Системный подход — это способ восприятия мира как единого целого. С этой точки зрения любой факт нужно рассматривать не как самостоятельный феномен, а как элемент системы с множеством зримых и незримых связей. Вне этих связей факт перестает быть тождественным самому себе и становится только частью рассматриваемого явления, то есть в строгом смысле слова, становится другим фактом. О системном подходе в педагогике существует уже

¹ Хомяков А. С. Церковь одна. Соч. в 2-х тт., т. 2. М., 1994. С. 17.

обширная литература¹. Наша задача — осмыслить системный подход с точки зрения Библейского Откровения.

Христианство учит нас восприятию мира как живого целостного творения Божия, как откровения: все связано здесь со всем. Узкий взгляд в христианстве не просто ограничивает понимание, он искажает всю картину мира. Углубляясь в познание, мы не должны терять ориентиров и во что бы то ни стало должны сохранять в себе чувство целого. Пусть оно звучит в нас, как некий чистый божественный камертон, тогда наш собственный голос неминуемо будет в диалоге со всем творением Божиим. И не стоит бояться, что человек погибнет от этой гремучей полифонии мира. Он превосходит мир, как учит христианская антропология, поэтому-то и возможен диалог как способ бытия, как вечный совет с Богом, как неустанное внимание к человеку.

Монологу схоластики должно противопоставить диалог внимания, диалог слушания, диалог вопрошания. Школа должна слушать ребенка, не выслушивать, чтобы он потом лучше нас самих слушал, а слушать, что в нем происходит, слушать замысел Божий о нем.

Христианину ясно, что слушание это вовсе не пассивное действие. Слушание, внимание — уже духовная связь, уже некоторое сердечное единство, личностные отношения: слушая окружающих, мы и их учим слушать. Не забудем и замечательного выражения из древнерусского сборника «Пчела»: «Разве не знаете, что мера слову есть не то, что говорится, а то, что будет услышано»². Учим слушать в надежде, что Господь даст каждому услышать то, что для него является важным и существенным. Педагогике отчужденного учительского монолога должна быть противопоставлена педагогика внимания, вслушивания, участия.

¹ См. кн. Чуприковой Н. И. «Умственное развитие и обучение». М.: Столетие, 1995, гл. II.

² См. «Древняя русская Пчела по пергаментному списку, труд В.Семенова». //Сб. отд. Рус. яз. и словесности АН. (54) № 4.

Небезынтересно нам будет узнать, что уже в Древней Церкви существовали школы, в основе которых лежал метод диалога. Так, в III веке в Александрии, а затем в Кессарии Палестинской работала такая школа. Это было Огласительное училище, которое вначале возглавлял Пантен, затем Климент Александрийский (оба в Древней Церкви почитались как святые). Затем во главе его стал учитель Церкви Ориген, при котором содержание и методы преподавания, принятые в училище, обрели систему целостного духовного образования. Все в ней было построено на диалоге с учениками, на вслушивании в движения их души, на учете их духовных и физических возможностей.

В этой школе учились многие будущие знаменитые богословы и среди них Григорий Чудотворец. Заканчивая училище, он написал благодарственную речь, отрывки из которой мы приведем. В ней он дает характеристику учебного процесса по этапам.

1 этап — Диалектика. Здесь Ориген поступал как хороший земледелец с необработанной землей. Он возделывал ее с помощью сократического метода доказательств. На этом этапе у учеников рождалась способность мыслить. Ориген учил исследовать вещи не только внешне, но стремиться к постижению сущности.

Ориген увещевал своих учеников любознательствовать, так как любознательны живут, по его мнению, жизнью, подобающей человеку: они достигают знания о себе.

2 этап — Физика. Здесь ставилась задача — развить низшую часть души.

Изучается разнообразное и премудрое устройство мира, тщательно исследуется все мироздание и его части. После этого в душу человека вкладывается разумное удивление перед священным домостроительством Божиим, согласующим все со всем. В это же время изучается геометрия, астрономия, разнообразные учения о природе.

Органическим продолжением этого естественнонаучного этапа является *3 этап — Этика.* Теперь нужно сделать учеников невосприимчивыми к скорбям, внут-

ренне упорядоченными и подлинно богоподобными. Как Ориген достигал этой цели? На этом этапе он становился истинным духовным наставником своих учеников, помогал им управлять собой как с помощью слов, так и с помощью дел.

Это была система аскетического воспитания. Конечная цель всей этики — приблизить человека к Богу и научить его пребывать в Нем.

4 этап — Богословие и философия. Ориген требовал чтения всех философов и поэтов за исключением безбожников. Поначалу ученики не должны были ничего отвергать, так как их критические способности еще не развились. Учитель как бы шел рядом, ведя ученика за руку. Все же ложное, касающееся мнимого благочестия, он сокрушительно отвергал сам и всех учил отвергать.

И только после этого Ориген обучал своих учеников Священному Писанию, разъясняя так называемые «“темные” места в Священных Словесах»¹.

Надо сказать, что некоторые положения в богословии Оригена не стали общепризнанными, а были определены Церковью как частные богословские мнения. Что же касается педагогических и, главное, методических достижений, то они поистине одобрены всеми христианскими педагогами. Воспитанники оригеновской школы составили истинную славу Церкви III–IV веков.

В древности были и другие богословские школы, каждая из которых развивала свой метод обучения и воспитания². Вот, например, Антиохийская школа или, как ее еще называют, Восточно-Сирийская с центром в Эдесе. Здесь в основе занятий лежал историко-грамматический принцип. Учащиеся разбирали, переписывали и заучивали сначала Пятикнижие Моисеево, затем книги пророков, затем благовестие Нового Завета. Вся ставка делалась на при-

¹ Творения Григория Чудотворца. Петроград. 1916, с. 18–52.

² См. статью А. Дьяконова. Типы высших богословских школ в Древней Церкви. Христианские чтения, т. 239. Ч. 2. 1913. С. 500.

лежание, память, на выработку правильного произношения при чтении Священных Текстов.

В методическом плане эта школа продолжила традицию синагогальной ветхозаветной педагогики, как бы влив новозаветное содержание в хорошо отработанные в Древнем Израиле формы подготовки учителей и наставников в вере. Во второй половине IV в. этой школой руководил св. Ефрем Сирин. Известно также, что в ней учился св. Иоанн Златоуст, но правда пришел он туда, уже получив довольно хорошее греческое образование и уже сформировавшись как личность.

Нельзя не сказать и о древней богословской школе в г. Иппоне, вдохновляемой блаженным Августином, впоследствии она получила название латинской школы. Здесь в основу воспитания будущих церковных служителей была положена риторика. Развитие церковного красноречия начиналось с Цицерона, чтение и изучение Священного Писания сопровождалось разбором и заучиванием лучших образцов проповедей.

Августиновская школа ставила перед собой практические цели подготовки пастырей, которые должны уметь толковать тот или иной отрывок из Библии, объяснять людям смысл законов церковной жизни. Воспитание здесь было строгим с некоторыми элементами принуждения.

В Древней Церкви были и другие богословско-педагогические школы. Мы остановились лишь на самых известных. Но в истории никакой опыт не исчезает окончательно: одно вдруг оказывается актуальным для одной эпохи, другое — для другой.

Для нас сейчас, учитывая всю сложность нашей исторической и духовной ситуации, наиболее важным, как нам кажется, является опыт диалога. Кстати сказать, начавшись в Древней Церкви, этот метод, несмотря на общую схоластическую тенденцию, периодически возникал в живом опыте педагогов разных стран.

Это имело место и в нашей отечественной педагогике. Нельзя не вспомнить здесь имена замечательных русских педагогов Н.Д.Ушинского, С.А.Рачинского, Н.И.Пирого-

ва, преподавателей Поливановской, Стоюнинской гимназий и многих других, которые пытались творчески подойти к вопросу христианского воспитания детей и самим своим бытием противостояли схоластике.

Мы начали свои размышления с дореволюционных церковноприходских школ конца прошлого века. Но читателям небезынтересно будет узнать, что первые воскресные школы и для детей и для взрослых были созданы в Киеве в 1859 году, когда попечителем Киевского учебного округа был наш знаменитый педагог и врач Н.И.Пирогов. Под его руководством студенты Киевского университета имени св. кн. Владимира стали по воскресеньям проводить занятия с народом. Для преподавания Закона Божиего приглашали священника, остальные занятия вели сами.

Вот что пишет об этом Пирогов в статье «Воскресные школы»: «Учителя принялись учить грамоте, письму и счёту с неожиданным педагогическим тактом, обратили внимание на все новые способы учения, занялись ими и успели сверх всякого ожидания. Училище скоро переполнилось учениками. Его начали посещать и ученики уездного и приходского училищ. Различие между этой воскресной и обычными казенными школами и в приемах, и в способах учения, и в обхождении учителей с учениками были разительными. Успехи же учеников — изумительны. Грамота усваивалась почти вдвое и даже втрое скорее, чем в приходских и других школах и училищах, посещаемых ежедневно. Воскресные школы для нас — предмет необходимости»¹.

Надо сказать, что в этих школах кроме предметов, перечисленных Пироговым, преподавали также русскую историю, проводили беседы о словесности, и все это организовывалось так, чтобы занятия имели не просто образовательное, но в первой степени воспитательное значение. Пирогов ясно формулирует свое видение российского образования как образования широкого религиозно-нравственного содержания. Вот выписка из его статьи «Воспитание и

¹ Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. М., 1985. С. 302–303.

образование»: «Конечная цель разумного воспитания должна заключаться в постепенном образовании в ребенке ясного понимания вещей окружающего мира. Затем результатом понимания должно стать возведение добрых инстинктов детской природы в сознательное стремление к идеалам добра и правды и, наконец, постепенное образование твердой и свободной воли»¹.

Обратим внимание, что здесь перед нами удивительно точно названы последовательные этапы духовно-нравственного становления личности, принятые в христианской антропологии.

Пирогов занимал довольно высокие государственные должности в системе образования и всеми силами поддерживал живые методические начинания педагогов, неустанно призывая к уважению ребенка, творческому развитию его личности и интеллекта. «Чтобы судить о ребенке справедливо и верно, — пишет он в статье «Быть или казаться», — нам нужно не переносить его из его сферы в нашу, а самим переселиться в его духовный мир. Тогда и только тогда мы и поймем глубокий смысл слов Спасителя: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3)².

Пирогов, будучи и педагогом и врачом, удивительно глубоко чувствует антропологическую целостность человека и потому неустанно призывает учителей к гармоничному развитию личности. В христианстве идея развития заложена в самом Священном Писании Церкви, в ее Предании. Сама заповедь «Храни и возделывай рай», данная нашему праотцу Адаму Господом, говорит о предстоящем развитии жизни, возделывании ее человеком. Да и человек создан был Творцом не как завершенный образец — ему Господь так же уготовил развитие, возрастание в процессе непрестанного Богообщения. Человек же, в свою очередь, должен был просвещать и направлять своим разумом все движение жизни.

¹ Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. М., 1985. С. 175.

² Там же. С. 95.

И хотя катастрофа отпадения от Бога лишила людей благодати Жизни Вечной, благодати возделывания себя, теперь уже как сада, заросшего терниями и волчцами, — этой благодати человек не лишился. Теперь благодать развития требует усиленных трудов. Сам же принцип развития как внутреннего движения остается во всей жизни доминантным. Перед нами встает вопрос: так как природа человека стала ущербной и все время стремится подавить высокие порывы души, — что же развивать в человеке?

Православие призывает нас к гармоническому развитию личности. Но понимание гармонии следовало бы уточнить. Гармония — это пропорциональность, безупречное расположение частей в пространстве. А пространство жизни в христианстве особое, оно как бы разгерметизировано, в него вошла непостижимо большая величина, сразу изменив все законы перспективы. Гармония в этом новом человеческом пространстве возможна только в союзе с Богом. Принцип гармонического развития и устройства в Православии требует доверия к Богу, к Его промыслу, молитвенного диалога с Ним.

Пироговские воскресные школы, о которых мы рассказали, ставили перед собой вроде бы скромные задачи «распространения осмысленной грамотности», на деле же это был пример живой христианской педагогики, в которой явственно ощутима гармония диалога.

Нельзя не сказать, что и в нашей советской общеобразовательной системе было диалоговое направление. Правда официально оно не декларировалось как нечто особенное. Но всегда были у нас педагоги-новаторы, так их иногда называли, которые стремились подойти к учебному процессу творчески, максимально учесть возрастные и интеллектуальные особенности учащихся. Что двигало этими подвижниками? Любовь. Не побоимся этого святого слова.

Многие из них не называли себя христианами, но на протяжении всей жизни творили дела любви и жертвенного служения.

Православная педагогика, если она на самом деле хочет сегодня быть соработницей Богу и служить современному человеку, быть ему помощницей в его трудном жизненном пути,— наша педагогика должна отовсюду брать лучшее, искать новые оригинальные методики, уточнять их, совершенствовать, сверяя с духом Божественного Откровения, и, не боясь, применять все лучшее в своей практике. Только так мы сможем выполнить те задачи, которые сегодня ставит перед нами Церковь.

ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ... (Сократическая беседа и слайд-фильм как средство христианского воспитания)

Мы рассмотрели некоторые вопросы общей методики православной педагогики, а теперь можем поделиться опытом учебного слайд-фильма и частной методикой сократического урока, много лет используемой автором на занятиях с разными возрастными группами.

Любая методика, претендующая называться христианской, должна, прежде всего, сохранять свободу учащегося. Обычно принято говорить о свободе действия, но в христианской педагогике чрезвычайно важна именно проблема свободы восприятия.

Что же это такое? Прежде всего, способность и возможность свободно, без всякого внешнего эмоционального, интеллектуального и физического давления видеть, слышать, чувствовать окружающий нас мир, и, как высшее проявление свободы — доверительная открытость миру духовному, горнему. Но может возникнуть вопрос, разве наши органы чувств не гарантируют уже нам этой свободы? В том-то и дело, что нет. Восприятие — труд души, а не органов чувств. Очень быстро непосредственное восприятие детей гаснет и становится восприятием опосредованным, обусловленным, то есть зависимым и несвободным. Почему это происходит?

Пассивное восприятие — это болезнь современного общества — своего рода защитная реакция на информационную и эмоциональную атаку, которую приходится выдерживать каждому. Современный человек знает уже слишком много фактов из истории культуры разных народов. Мифы, легенды, сказки, эпические и религиозные предания существуют в нашем сознании как некий культурный багаж, ни к чему особенно нас не обязывающий.

Более того, мы с детства приучены выбирать, что нам интересно, а что нет, поэтому критически-прагматическое

восприятие очень рано начинает подменять собой восприятие непосредственное. Есть и еще одна причина быстро возрастающей пассивности детского восприятия — это наша школа. Вспоминается возглас одной матери: «У меня был такой активный мальчик, все ему было интересно, сказки сочинял, а теперь весь потух, все убила школа». Но ведь школа не хотела специально убивать, как-то само так вышло...

Для христианства вопрос о свободе — это вопрос ключевой. Если свобода действий человека иногда нуждается в ограничении, то свободу восприятия надо охранять, и всем друг в друге поддерживать. Она — наше достояние. Творческие способности личности непосредственно связаны со свободой восприятия, с тем, что человек видит многое, чувствует многое. Творчество же, к которому человек поистине призван здесь на земле, которое есть одно из проявлений образа Божия в нем, из-за утраты живого восприятия как-то сворачивается, «оуклиивается» в человеке. По существу он отказывается от самой жизни. Поэтому сегодня во всем мире первоочередным является вопрос об активизации творческого потенциала личности. Христианская же педагогика к этой проблеме должна подходить как к своему основному поприщу, ибо нигде, как в христианстве, высота и достоинство человека не явлены в такой полноте. И нигде, как в Евангелии, мы не видим такого бережного отношения к личности и, главное, к ее собственному пути.

Итак, поговорим об учебном слайд-фильме как об одном из средств развития творческого мышления учащихся.

Обычно слайды применяют на уроках как иллюстрации к объясняемому материалу. И как любое наглядное пособие они, конечно, повышают эффективность учебного процесса и оживляют атмосферу урока. Но с помощью слайдфильма можно добиться гораздо большего. Надо только понять, что такое слайд-фильм и чем он отличается от простого иллюстрирования учительской речи?

Давайте подумаем, какую роль при объяснении материала играет зрительный образ, иллюстрирующий слова учителя. Он первичен? Его восприятие непосредственно?

Нет, хотим мы этого или нет, зрительный образ оказывается вторичным. Свободен ли ученик в своем восприятии? Если честно, то никак он не может быть свободным от уже навязанного ему нашего представления.

Разберем живую педагогическую ситуацию: взрослый (учитель) показывает ребенку (ученику) что-то, чего тот раньше не видел, при этом он, естественно, хочет на что-то обратить внимание больше, на что-то меньше. Вот его первая реплика: «Посмотри, какой белоснежный цветок!» или: «Видишь, на что похож этот дом, ну, настоящая гора!» или: «Посмотри, какой черный лес на фоне белого поля и совершенно белого неба. Помнишь, как у Пушкина «прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет, и речка подо льдом блестит...»

Казалось бы, учитель все делает правильно, даже более того, он вплетает в свои впечатления уже имеющиеся в культуре образы. Все очень грамотно.

С точки зрения уже имеющейся в багаже человечества культуры грамотно, а с точки зрения педагогической науки *неграмотно*. Почему? Да потому, что перед нами живой человек, который видит, слышит, чувствует все раньше, чем мы ему на то укажем. Он способен чувствовать сам.

Урок — это совместное свободное движение, дружеское сопровождение, но никак не «ведение на привязи». Мы же часто в первом же предложении указуем не только на то, что, как и когда произошло, но и как это надо воспринимать. Мы ребенку чувствовать, а затем и действовать не даем. Фактически он оказывается в безвоздушном пространстве, мы выпили весь воздух, мы высказались, — а он? Что с ним происходило и происходит?

Невнимание к личным впечатлениям ученика ведет за собой массу педагогических ошибок, и в первую очередь — невнимание к самому предмету обучения.

Не внимая, мы учим не внимать! Мало того, не отвечая на внимание ребенка, мы учим его не отвечать нам. Чрезмерно выделяя что-то одно, мы учим видеть не целое, а довольствоваться частью. Преодолевая сопротивление,

учим насилию, и более того — возможности и законности насилия в жизни. Можно будет потом долго говорить о гуманности и ненасилии, но опыт насилия, хотим мы того или нет, уже будет привит.

Но вернемся к слайд-фильму, если он не иллюстрация слов учителя, то что? Урок со слайд-фильмом — это, прежде всего, урок сократический, т. е. в основе его должна лежать сократическая беседа. Два слова о ней.

На сократическом уроке видимая активность принадлежит ученику, а невидимое руководство — учителю. Причем внешне они равны. В нашем случае оба смотрят слайд-фильм, оба реагируют. Но только учитель этот слайд-фильм уже видел раньше, и уже имел опыт общения с этим материалом. Сейчас его восприятие должно быть глубже, полнее и по ассоциациям, и по чувствованию. Но непременно педагог сам должен смотреть и переживать то, что составляет сегодняшний предмет познания. Он сам — ученик на своем уроке и, глядя на экран, переживая и получая определенные впечатления, не сообщает их своим ученикам, а уточняет их, стремится дополнить и — вопрошает.

В катехизисе епископа Александра (Семенова Тянь-Шанского) мы читаем, что сущность научного исследования есть преимущественно вопрошание¹. А поскольку на уроке идет процесс познания, то всех и надо учить вопрошанию. Учитель же, как старший ученик, вопрошает первым, так рождается сократический вопрос.

Что такое сократический вопрос? Для учителя это перекрестие нескольких мыслительных потоков: его сегодняшнего живого впечатления от предмета и воспоминания своего прошлого впечатления. А кроме того, этот вопрос должен быть отзвуком самих впечатлений детей. Как это сделать? Если мы предложим себе посмотреть вокруг их глазами и послушать их ушами, то тут же заметим, что начинаем слышать детские вопросы. Причем не частные во-

¹ Епископ Александр (Семенов Тянь-Шанский). М.: Изд. Московской Патриархии, 1990. С. 15.

просы конкретного ребенка, а типичный, общий вопрос для данной возрастной группы, для данного класса.

Чем более мы вживаемся в своих учеников, тем лучше их чувствуем (заметьте, не узнаем, а чувствуем!), тем точнее и вернее будет этот вопрос, который в нас самих неминуемо встретится с нашим сегодняшним впечатлением.

То есть, в основе сократического урока лежит внутренний диалог. Но истинный диалог — это не «вопрос-ответ», это прежде всего совместное движение. Когда двое идут взявшись за руки, вопрос должен только выполнять функцию контрольного рукопожатия: «я тут», «а я тут».

Во время сократического урока педагог при всем желании не может оторваться от учащихся и оказаться в некотором смысле в безвоздушном пространстве, куда не долетает ни взгляд ученика, ни его мысль, — он тут. Он не просто видит ученика, но слышит его и помогает родиться его живому вопросу, его мысли. На сократическом уроке педагог чувствует себя некой обобщенной личностью и ведет занятия, задает вопросы, не очень-то обнаруживая свое мнение, но лишь всемерно побуждая учеников к поиску. Тогда дети сами втягиваются в поиск, уточняют вопрос учителя своими вопросами и одновременно прислушиваются: не звучит ли уже в них искомый ответ?

Если вопрос учителя задан правильно, то дети, пытаясь найти ответ, расширяют саму область вопроса, хотя, конечно же, стремление к единственному ответу всегда есть. И все же педагог не торопится закрыть вопрос, а поддерживает загоревшийся огонь любознательности и подбрасывает новые вопросы, которые дети уточняют, так вместе они ищут ответ — сумму ответов. То есть, мы приближаемся к области ответов, но никогда не стремимся закрыть вопрос, преградить путь живой энергии познания.

А как же быть с догматическими вопросами, которые требуют как раз одного единственного ответа? Этот ответ, конечно, должен прозвучать, но — не первым. Вначале надо очертить, актуализировать максимально широкий круг вопросов, чтобы все наше существо возжаждало ответа,

подготовилось к напряженному восприятию истины. Только тогда зерно догматической формулы падет на благодатную почву. В противном случае, пассивность нашей души и нашего ума победят слабенький позыв к истине и, в лучшем случае, информация будет воспринята памятью, что для христианского воспитания явно недостаточно. Вспомним замечательное высказывание законоучителя о. Е. Сосунцова: «Воспринятое одной памятью, хотя и сохраняется в душе очень долго, но не оказывает никакого нравственного воздействия на человеческую волю»¹.

Итак, сократический вопрос помогает нам искать истину. Он не прост. Учитель задает его, желая побудить ученика к догадке, к открытию. Интересно здесь было бы привести слова святого Иоанна Златоуста из его толкований на последнее свидетельство Иоанна Крестителя о Христе: «Наставники не все говорят так, как хотели бы сами, но так, как требует состояние немощных»². Сам Иоанн Златоуст сократической беседой владел в совершенстве. Все его толкования на Евангелие — это живые сократические уроки. Он сам себе задает вопросы, но эти вопросы как бы «сняты с языка» слушателей, подслушаны у них. Он их просто опережает. Он сам — первый спрашивающий, за ним в действие вопрошания втягиваются все присутствующие.

Особо следует сказать о личных мнениях, так как они — постоянные искушения во время сократического урока. Мы личного мнения ребенка не спрашиваем. И не провоцируем высказывать его. Почему? Мы хотим, чтобы ребенок увидел жизнь, факт, слово, а не свое отношение к жизни, к факту, к тому или иному слову. Местоимение «я» больше препятствует зрению истины, чем способствует ему. Поэтому мы и не разворачиваем ребенка, не привлекаем его внимания к собственному «я». Вопрос «Как тебе это нравится?» в

¹ *Свящ. Сосунцов Е.Ф.* Методика и конспекты уроков по Священной истории. Казань, 1910. С. 61.

² *Свт. Иоанн Златоуст.* Беседы на Евангелие от Иоанна Божьего слова. М.: Изд. Моск. Патриархата, 1993, с. 194.

сократической беседе мы не задаем. И сами, естественно, не торопимся высказывать собственного мнения.

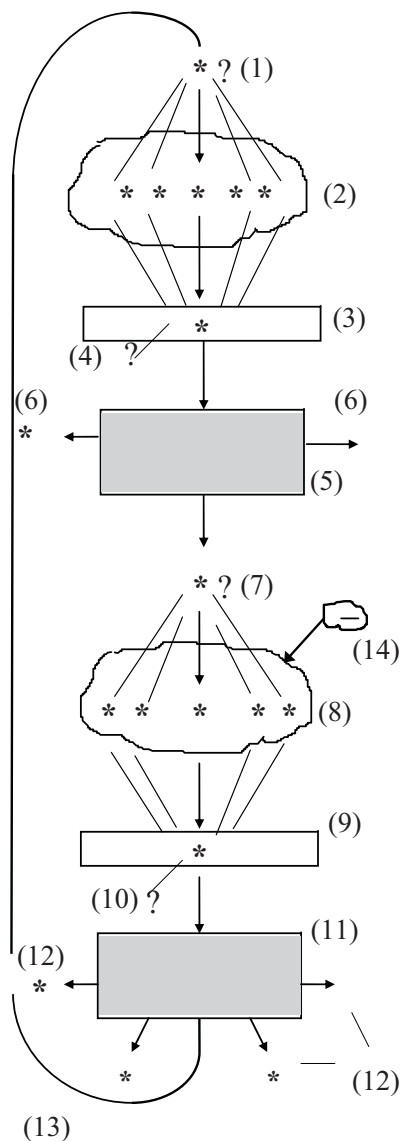
Но разве беседа — не обмен мнениями? Сократическая беседа — нет. Это лестница, по которой мы движемся. Есть направление, есть область уже известного и также область неизвестного — вопрошаемого. И есть энергия рождения открытия, которую мы всячески поддерживаем.

Разберем примерную схему сократического урока (см. схему № 1). Первым вопросом (1) учитель оживляет ту область знаний и опыта детей, с которой может быть смежен новый материал. Затем он ответы детей тоже стремится перевести в вопросы, только более конкретные. Таким образом увеличивается область вопросов (2), активизируется восприятие и начинается поиск ответов.

Когда вопросов и первичных ответов накапливается достаточно, учитель делает первое обобщение вопросов детей (3), не столько отвечая на них, сколько выявляя главную проблему (4). Затем он начинает отвечать на вопрос и дает блок информации (5), то есть новый материал урока, который уже незримо «присоединен» к детям их вопросами.

После образного рассказа учителя учащиеся сами стараются найти связи этой новой блок-информации с миром (6). Учитель им помогает и одновременно освещает главный, оставшийся нерешенным вопрос (7). Затем вместе с детьми он вновь дробит этот главный вопрос на более мелкие — начинается поиск ответов (8). Опять обобщение (9), выделение основной проблемы (10) и новый блок информации (11). Затем связывание ее с жизнью, с уже имеющимися знаниями (12), с началом урока (13), с первым вопросом (1).

Бывает, что ребята сами жаждут «повести» действие, иногда удачно вопрошая, а подчас и нарочно мешая. Этот зреющий протест может выразиться в контрдовод (14), вопросе, что называется, «на засыпку», который может возникнуть на любом этапе урока. На него можно ответить, но лучше включить его в общее действие урока, то есть найти ему место в нашей системе вопросов. Так или иначе учитель должен быть готов к этой провокации и не бояться ее.

- 1, 7 — вопрос учителя.
 2, 8 — область поиска ответов и уточнения вопросов.
 3, 9 — обобщение ответов учеников.
 4, 10 — выявление основной проблемы.
 5, 11 — блок новой информации.
 6, 12 — связывание новой информации с уже имеющимися знаниями и опытом детей.
 13 — связывание новой информации с первоначальным вопросом урока.
 14 — контрдовод.

Примерная схема сократического урока

Сколько же блоков информации может быть освоено за урок? У опытного педагога — пять, у начинающего — минимум два.

Где же можно посмотреть сократический диалог? В первую очередь, у Платона в «Диалогах»¹. В православной же литературе — это александрийская школа: Климент Александрийский, Григорий Чудотворец. Но и представители других школ, такие как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, часто строили свои проповеди по правилам сократического диалога. Это была великая пастырская традиция вспомоществования. Ведь Платон называл искусство своего учителя Сократа майевтикой, что в переводе с древнегреческого означает «повивальное искусство».

Вот как говорит о сократическом методе беседы священник Александр Ельчанинов в своих «Записях»:

«Сегодня, объясняя мистику Сократа, я наткнулся на такой образ. Как он заставлял «рождать» своих собеседников собственную мысль. Своими вопросами он создавал страшно разреженную атмосферу вокруг своего собеседника, он уничтожал все ответы и решения, взятые готовыми со стороны: наконец, собеседник чувствовал себя, как мышь под колоколом воздушного насоса, он идейно задышался и с напряжением и натугой рождал в эту пустоту свою мысль».

В эвристическом методе Сократа поразительны смирение и кротость. Вместо того чтобы сразить собеседника — оппонента одним резким ударом — терпение матери, ведущей ребенка, подымающей его много раз и опять направляющей... Сократ по душевному своему складу православен; одна из существенных черт православия — «озаренные благодатью сердца в глиняных сосудах». (2 Кор. 4, 7). То же пленяет и у Сократа»².

Нам хотелось бы добавить, что типов сократических бесед может быть очень много, важно только, чтобы то но-

¹ Платон. Собр. соч. в 4-х тт. М.: Мысль, 1993.

² Свящ. Александр Ельчанинов. Записи. М., 1992. С. 101.

вое, о чем вы хотите рассказать, само нашло свое место в уме и сердце ребенка или взрослого. Открытое самостоятельно — твое!

Но пора вспомнить, что наш сократический урок проходит со слайдами. Первый вопрос рождается при первом слайде. Что? Где? Почему? Как?

Если посмотреть внимательно, мы заметим, что энергия внимания, или энергия вопроса, как угодно, через определенное время начинает иссякать. Мы не дали однозначного ответа, а приблизились к ответу, но мы поняли и zapomнили вопрос, — наступает некоторая усталость мысли.

Дело в том, что впечатление по природе своей коротко. Оно принципиально отличается от наблюдения, где длительность необходима.

Впечатление пронзительно, но мимолетно, оно, именно оно, свидетельствует о живой реакции всего нашего существа, о свободе или несвободе восприятия, но его нельзя искусственно продлевать. Мы и не длим.

На уроке со слайдами, как только мы начинаем чувствовать, что энергия вопроса иссякает, мы ставим следующий слайд, то есть предлагаем новое впечатление, — и, о чудо! — оно рождается. И в нас самих, и в наших соучениках. Сколько раз приходилось наблюдать это чудо оживления зала, и каждый раз реально понимаешь, что вот здесь, сейчас ты встретился с тайной самой жизни. Что вспыхнуло при новом образе? Что вспомнилось, о чем захотелось спросить? Что просто произнести? Здесь начинаешь понимать смысл искусства монтажа, во всех его великих возможностях.

Что такое монтаж? Это стыковка, очередность кадров, в нашем случае — слайдов, можно сказать лестница, которую мы строим. И именно в монтаже более всего проявляется внутренняя, скрытая активность педагога — что он приготовил, куда теперь поведет? То есть каждый шаг на уроке — веха пути, который задуман учителем.

Итак, мы движемся по лестнице урока, по тем слайдам, «которые задают вопросы». В этом-то и состоит глав-

ное отличие слайд-фильма от простой иллюстрации учительских слов.

В заключение хотелось бы сказать, что составление слайд-фильма похоже на писание драмы или киносценария, можно вводить любые темы, лишь бы мы смогли выстроить лестницу вопросов. Но следует напомнить, что приемы монтажа могут быть очень разными. Монтаж бывает и резким, контрастирующим, и мягким, продолжающим и проясняющим предыдущий кадр.

Составлять слайд-фильм нужно непременно глядя на каждый кадр, только это дает возможность правильно выстроить вопросы, то есть почувствовать «лестницу понятий» будущего урока. Это удивительное творческое занятие: весь урок — вот он у тебя на столе, и строишь лестницу до неба...

Но сразу хотелось бы предупредить, что настоящий сократический вопрос может родиться только в аудитории, в живом союзе зала и учителя.

КАКОЙ МОЖЕТ БЫТЬ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА СЕГОДНЯ (Концептуальный проект современной воскресной школы)

Введение

Воскресная школа сегодня — острый вопрос для многих. Почему? Потому что школа, с одной стороны, — плоды наших усилий, а с другой, в ней можно увидеть и наше ближайшее земное будущее. Это наш фронт, наш передний край битвы за человека. Как же идут наши школьные дела? Заглянем в школу, поговорим с педагогами, какие у них сейчас проблемы?

«Посоветуйте что-нибудь, ребята на уроке скучают, занимаются своими делами, им почему-то неинтересно...» — «А как вы организуете урок?» — «Да, в основном, пересказываю Священную Историю». — «А какими средствами наглядности или образности пользуетесь?» — «Одним средством — языком...»

Или другой диалог. На этот раз с мамой. «Подскажите, как бороться со снобизмом знающего ребенка?» — «Что же он такое знает, что порождает снобизм?» — «Он же ходит в церковную школу, и теперь на многие вопросы может ответить». — «И это приводит его к зазнайству?» — «Похоже, что да». После таких слов невольно задумаешься, что знает этот ребенок о христианстве и о Христе? И знания, в которых он так преуспел, ведут ли и приведут ли его ко Христу?

Еще один пример. Педагог показывает программу по Закону Божию для младшего и среднего школьного возраста, расписанную по минутам. «Видите ли, это только Ваши планы, Вы не учли реакции детей, Вы не учли, что они пришли из какого-то своего конкретного и полного событий и переживаний мира. Все может получиться не так, как Вы думаете». — «Но я же должна спланировать, как вести урок, вот я оставила несколько минут на вопросы, если они

появятся. Иначе я ничего не успею...» Но ведь должны успеть прежде всего дети. Успеть своим сердцем откликнуться на наш зов, успеть понять, куда мы их зовем и двинуться вместе с нами.

Конечно, есть и другие диалоги, и другие, радостные, эпизоды. Но, в общем, воскресная школа сегодня болеет. Она оказалась поражена всеми нашими болезнями: в ней, как в увеличивающем зеркале, отразились и общие социальные проблемы страны, и современные внутрицерковные противоречия и нестроения, и частные трудности конкретных приходов. Что такое воскресная школа, каково ее место и значение в нашей жизни — мы еще не поняли. Еще требуется концептуальное осмысление этой новой для нашего времени образовательной структуры. Пока же мы пребываем в эмпирическом пространстве частных и личных мнений.

Но время не ждет. Ситуация с каждым годом осложняется: нравственное здоровье общества под угрозой. Целе-направленные воспитательные программы, которые раньше органично сопровождали весь учебный процесс в общеобразовательных школах, сегодня почти сведены на нет. Школа в воспитательном смысле пущена на самотек, все внимание в основном сосредоточено на обучении. Это грозит неминуемой катастрофой обществу. Вспомним слова Н.И.Пирогова: «Не учивши дитя, можно вырастить круглого невежду; но если его не воспитывать, то оно воспитается собственными средствами. И вся разница будет заключаться в том, что оно может воспитаться дурно тогда, когда могло бы воспитаться разумно и правильно. Словом, от образования некоторого взгляда на вещи, правильного или неправильного, от основания своего рода нравственного кодекса вы его не уберезете»¹.

Мы не имеем права сегодня бездействовать. Если не мы, то кто возьмет на себя необходимые в обществе функции воспитания подрастающего поколения в духе любви и

¹ Пирогов Н.И. Избр. пед. соч. М., 1985, с. 174.

нравственности? Дело христиан — противостоять невежеству и разращению детей и юношества. Поэтому-то мы и считаем, что воскресная школа сегодня должна и реально могла бы стать центром воспитания человека. И это не голословное утверждение.

Чуть раньше мы читали у Пирогова, как нашлись никому не известные студенты Университета им. святого князя Владимира и организовали по всей Украине множество воскресных школ, которые в течение нескольких лет были настоящими очагами народного просвещения. «В этом, — как говорит он сам, — была насущная потребность времени»¹. И мы сегодня тоже должны побороть инерцию, робость, лень и понять, что живая, действенная воскресная церковная школа является насущной необходимостью и для нашего времени.

У нас так много сейчас людей, потерявших опору в жизни, «вышибленных из седла», дезориентированных во внутреннем своем мире, — и это люди самых разных возрастов. У них есть уже свои дети, а то и внуки, но они не могут их правильно воспитать, ибо сами оказались смущены, растеряны и хотели бы прежде разобраться в жизни, понять, что есть что.

Куда им идти? Кто их выслушает и ответит на многочисленные вопросы?

Воскресная школа призвана сегодня стать христианским народным домом — школой для всех. Нельзя более ограничиваться преподаванием Закона Божия и еще нескольких вероучительных предметов детям или взрослым. Речь должна сейчас идти не только о правильном научении вере, но, в первую очередь, о научении жизни через веру. Вот первоначальный смысл любого духовного образования.

В этой связи можно выделить три педагогические задачи, стоящие перед нами.

Первая — это подвести человека к осмыслению онтологических понятий: Бог, мироздание, жизнь. Здесь

¹ Там же. С. 76.

Церковь должна будет вступить в открытый диалог с человеком, дабы помочь ему обрести целостное мировоззрение, скорректировать уже имеющиеся у него знания, устремить его к истине, показать за видимым невидимое, Божественное.

Вторая задача — познакомить человека с наукой о человеке, чтобы он мог понять, каково его назначение в жизни, его истинное призвание. Не забудем, что каждому предстоит строить свой внутренний мир, учиться жить, то есть возрождать и созидать себя по образу и подобию Божию. На этом этапе христианская Церковь может не только просвещать истинным знанием, но реально вовлекать в христианскую жизнь, учить делам добра и милосердия. Но не забудем, что к добру мало призывать, его нужно показать, самому дать пример исполнения Заповедей Божиих.

И третья задача — это подготовка человека к таинственной молитвенной жизни, к осмыслению личного духовного опыта, то есть опыта общения с Богом. Только это может стать прочной основой настоящей церковной жизни.

Мы фактически перечислили задачи духовного воспитания. Но не следует думать, что они должны решаться строго в приведенной нами последовательности. В том-то и дело, что все эти три области духовного ведения должны быть актуализированы для человека на протяжении всего учебно-воспитательного процесса, ничто не должно быть отстранено или забыто.

Но может ли воскресная церковная школа взять на себя такие задачи?

Конечно, может, только это потребует некоторого изменения привычной модели церковноприходского образования. При широкой воспитательной программе мы не сможем обойтись только предметным обучением, которое сейчас повсеместно возрождается. Анализ учебных планов многих воскресных школ показал, что они действительно в большинстве своем включают в себя начальные богословские дисциплины: введение в Священное Писа-

ние, катехизис, основы догматики, литургики и пр. То есть с самого начала мы предлагаем человеку изучать жизнь Церкви, влечем его сразу в самую глубь, к ее центру. С точки зрения христианской антропологии это, по меньшей мере, неоправданная поспешность. «К введению во храм человек должен быть подготовлен подвигом, — читаем мы у кн. Е.Трубецкого, — он не может войти в храм таким, каков он есть, для самодовлеющей плоти в храме нет места»¹.

В начале церковного пути каждому полезно было бы с точки зрения Евангельского Откровения осмыслить свою личную жизнь. Тут Церковь может как бы выйти навстречу человеку и показать ему его путь в свете своей святости. Это совершенно необходимый этап в обращении — взглянуть на себя со стороны, понять, в чем мы отходим от Христа и Его заповедей, это и рождает желание измениться.

Мы должны помнить, что путь ко Христу, истинное воцерковление, каждый начинает именно на своем месте, и это не случайно, а промыслительно. И только уже в процессе церковной жизни, то есть доверительного длительного диалога человека и Бога, Церковь может начать звать свое чадо вглубь себя, открывать множественные пути Премудрости. Как правило, на этом этапе и сам человек начинает стремиться к более точному знанию Священного Писания, догматики, церковной истории, литургики. Но теперь это становится важным не само по себе, — теперь правильно преподанные церковные науки реально могут служить духовной жизни человека, укреплять его, поддерживать в минуты испытаний.

Но какой же должна быть программа такой воскресной школы? И какие формы и методы обучения будут ей соответствовать?

Не забудем, что христианская педагогика во всех своих действиях может опираться только на свободную волю

¹ Кн. Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. // Три очерка о русской иконе. М.: ИнфоАрт, 1991. С. 14.

человека. В сущности у нас есть одно главное воспитательное средство — диалог, но диалог, понимаемый не как разговор двоих, а как внимание ко всему, что происходит в людях и в мире. Задача педагога и заключается в том, чтобы для каждой возрастной группы организовать свое грамотное действие диалога.

Уместно здесь будет привести слова Медынского из его «Трудной книги»: «Воспитывать — не значит прочесть лекцию, даже очень интересную и полезную, и думать, что вот проведено мероприятие и дело сделано: все слушатели будут делать, как говорил лектор. Воспитывать — не значит сказать: будь таким, делай так, — и все будут делать так. Ах, если бы можно было внушать идеи «прямой наводкой»! Воспитание значительно более сложный, диалектический процесс...»¹.

Далее мы предлагаем наши тезисы к концептуальному проекту современной воскресной школы, как системы непрерывного православного образования. Мы попытались с учетом возрастной педагогики и психологии восприятия поэтапно дифференцировать примерные цели духовного воспитания и частично обосновать способы и возможности их достижения в системе классных занятий современной воскресной школы.

ПЕРВАЯ ВОЗРАСТНАЯ группа (4–6 лет)

Спросим себя, с какого возраста можно и нужно начинать христианское воспитание детей? Интуиция подсказывает — с самого раннего. И действительно, невозможно сначала вырастить ребенка, а потом заняться его воспитанием, — все происходит одновременно. Христианское воспитание начинается с младенчества, но вначале ребенка воспитывает мать, затем все домашние и, наконец, когда ребенок уже способен продолжительное время оставаться без родных, к этому прибавляется школьное воспитание.

¹ Медынский Г. А. Собр. соч. в 3-х тт., т. 3. М.: Художественная литература, 1981. С. 11.

Но не следует упрощать этот процесс, мы прекрасно понимаем, что воспитывает не только человек, воспитывает все, весь уклад, весь строй окружающей жизни. В самые первые годы происходит наиболее активное воспитание средой. Поэтому хорошо, когда к среде домашней гармонично присоединяется среда храмовая, нельзя только, чтобы в душе ребенка они сливались. Храм всегда должен быть высшей ступенькой бытия, выше, чем наша обыденная жизнь.

Поэтому особую проблему составляют дети, которые с детства бывают на клиросе, и вообще привыкли к храму, перестали в нем «бояться». Трудно сказать, хорошо это в духовном смысле или плохо, опыт показывает, что результаты бывают самыми разными. Нам кажется, что ребенка непременно нужно готовить к каждому посещению храма, нельзя допускать «обвыкания». Родители должны помнить, что их собственная внутренняя собранность и правильное понимание церковной жизни передаются ребенку и исподволь настраивают его на духовные переживания и благоговейное поведение в храме.

Мы не говорим здесь о таинственной жизни, понятно, что она самое необходимое, тот Хлеб Насущный, который Господь приготовил для нашего ребенка. Таинство сначала принимается младенцем бессознательно, а по мере его роста будет осмысливаться, как и вся церковная жизнь. Наша задача, и родительская и учительская, состоит в том, чтобы ребенок осознал Церковь как необходимое для него пространство, но одновременно чувствовал бы его духовную высоту. Храм для ребенка всегда должен быть горным миром, где немножко страшно, где захватывает дух, где не играют.

Вот что нужно воспитать в ребенке к четырем годам, чтобы он мог заниматься в воскресной школе. Младшие группы целесообразно создавать как раз для детей 4–5 лет. Именно в этом возрасте за счет новых мыслительных и речевых возможностей резко возрастает способность ребенка к познанию мира. Он уже не только повторяет за нами, но начинает мыслить самостоятельно, сопоставлять услышан-

ное и увиденное, сравнивать, частично обобщать и разделять. До этого момента ребенок так зависит от среды, его внутренний мир так пластичен, что отваживаться на коллективные занятия не стоит, здесь нужно индивидуальное внимание матери или педагога. Контакты же со сверстниками должны быть дозированными, и в основном — в присутствии взрослых, так как взаимовлияния при большой пластичности детской психики могут быть болезненными и пагубными.

Когда же речь начнет свидетельствовать о некоторой самостоятельности сознания, можем смело создавать группу детей и начинать коллективные занятия.

Первое, к чему мы должны быть готовы, это к тому, что дети к нам придут очень разные. Каждый будет свидетельствовать о своем доме, как об особом герметичном мире. Когда ребенок попадает в любую школу, происходит разгерметизация того пространства, в котором он существовал ранее. И воскресная школа не исключение. Поэтому задача педагога и состоит в том, чтобы этот процесс разгерметизации внутреннего пространства семьи прошел для ребенка без болезненных сломов и разрывов. А это не просто: нужно будет увязать то бытие, которое для ребенка уже привычно и естественно, с тем новым путем, который будет открываться ему в Церкви.

С чего же здесь начать? И какие занятия предпочесть? Конечно же, диалог, и диалог направленный. Нельзя с детьми обсуждать быт и жизнь их дома. Нельзя компрометировать родительские взгляды. Мы не должны с детьми обсуждать родителей, какими бы они ни были. Это и для взрослого человека духовно очень тяжелое и небезопасное занятие. Поэтому знакомство с детьми педагог начинает с наблюдения за ними. Именно оно скажет вам, из какой семьи пришел ребенок, и чем эта семья «болеет». Но не забудем, что христианский учитель не должен отрывать ребенка от семьи создавая в душе очаг неразрешимых противоречий. Воцерковление — процесс медленный. Мы ни в коем случае не должны его форсировать. Иначе может воз-

никнуть внутренний раскол между обычной внутрисемейной жизнью ребенка и храмовой.

Воцерковление — это начало личных отношений человека с Богом, начало осознанной духовной жизни, осмысление мира, человека в мире, познание жизни, ее назначения и смысла и, наконец, вхождение в само бытие церковной общины. Воцерковление нельзя считать знакомством с распорядком храмовой жизни и объяснением смысла и назначения церковной утвари и священных предметов.

Маленькому ребенку трудно постичь смысл церковных таинств, историческое бытие Церкви пока для него закрыто, он все воспринимает фрагментарно. Для него возможно лишь «очаговое», локальное знание, как вспышка озаряющее кусочек нового неведомого пространства, которое начинает притягивать своей зримой и незримой красотой.

Не забудем, что христианином можно назвать только того, кто разумно и свободно выбрал Христа, кому оказался нужен Христос. Ребенок часто не может о себе этого с полной ответственностью сказать, его нужды ограничены средой, возможностями физического и психического развития. Хотим мы того или нет, каждый ребенок проходит языческую стадию в своем детстве: там царствуют одухотворение предметов, обожествление сил природы, желание победить их, повелевать, стяжать свою невинную детскую выгоду.

Что должно представлять собой христианское воспитание и образование на этом этапе — вопрос очень сложный, и в общем-то, нерешенный. С уверенностью можно только сказать, что быстро усваивая внешнюю атрибутику христианства, дети не отказываются от привычных для них способов мышления. В этом возрасте у ребенка легко возникает особый вид пантеистического миропонимания, включающий внешние образы и символы христианства в органически исповедуемые языческие отношения одухотворенного детским сознанием мира. Отсюда может возникнуть вопрос, а возможно ли тогда вообще говорить о воцерковлении детей?

Воцерковление, как известно, — это приобретение не только определенных знаний, а встреча с Истиной, обретение особого ума, который будет просвещать и облагораживать всю жизнь. Воцерковление — начало обоживания человека. Поэтому всю христианскую педагогику со всей совокупностью ее мероприятий и следует считать длительным, многолетним поступательным воцерковлением детей, то есть научением их в каждый конкретный момент жизни сопоставлять свои поступки, переживания и мысли с жизнью Спасителя, Богородицы и святых.

С другой стороны, воцерковление — это приобретаемый постепенно опыт молитвы, борьбы с искушениями, а также опыт внутреннего выбора пути жизни и самого образа жизни. Самостоятельно сделать этот выбор ребенок, за исключением редких избранников Божиих, не может. Рядом с ним на протяжении многих лет должны быть взрослые. Но, будем помнить, что мы, желая быть сорботниками Богу, должны лишь помогать детям, мы не уполномочены выбирать за них. Поэтому в наших педагогических методах не может быть не только ни малейшего принуждения, но и малейшего обязывания.

Ребенок ничего нам не должен — вот, что надо помнить христианскому педагогу. Ни пребывание в храме, ни стояние на длинной службе, ни заучивание молитв нельзя вменять в обязанность. Мы учим общению, разговору, учим смотреть, слушать, замечать, но с самого раннего детства мы предоставляем ребенку суверенное право свободы духа. В чем это может выражаться? В уважении к его чувствам и впечатлениям, в том, что мы хотим ему послужить, а не просто к чему-то приучить или наполнить полезными, как нам кажется, знаниями.

А начинается это служение педагога, как правило, с комментария к увиденному. Любая информация в этом возрасте еще закрепляется на чувственном уровне. Учим наблюдать, учим собирать внимание, учимся выражать словами то, что увидели и почувствовали. Общие занятия в этом возрасте — это, как правило, уточнение и разбор услышанного или увиденного.

Конечно, без наглядных пособий, без слайдов, репродукций и специальных предметов для демонстрации внимания детей на занятии не удержать, но главное — это и не нужно. Мы не должны переделывать то, что является естественным и природосообразным. Добиваться тишины на занятии, того, чтобы ребенок сидел, не шевелясь — значит просто не понимать самой цели христианского воспитания. Нельзя заниматься дрессировкой, поведение христианина — производная от его уровня духовности. Поэтому наши педагогические воздействия и влияния должны быть направлены больше на формирование внутреннего мира ребенка, а не на приучение его к каким бы то ни было внешним правилам.

Но самая большая опасность в дошкольной христианской педагогике — это все-таки превратить Священное Писание, рассказ о Христе в красивую, но далекую сказку, а саму церковную жизнь преподнести как традиционный и наиболее разумный распорядок жизни. А сколько именно таких примеров!

Мы ни в коем случае не должны им следовать: христианство нельзя сводить к внешнему укладу жизни, оно, прежде всего, есть новый человек с особым благодатным устройством души. Поэтому-то и начинать христианское воспитание нужно с гармонизации внутреннего мира детей, с постепенного выстраивания в их сознании православного мировоззрения, а не с приучения к внешним правилам поведения в храме или во время трапезы. Нужно искать особую систему доверительного диалога с детьми, только в этом случае педагог будет иметь возможность слышать, что происходит в душе ребенка, сопереживать и служить ему своими советами и реальными делами.

Мы в своей программе для дошкольников предлагаем цикл общих бесед об устройстве мира, о жизни, о человеке. На занятиях в живом диалоге разбираем разные случаи из жизни, где мы сталкиваемся с добром, злом, завистью, жестокостью, обидой. Именно так исподволь закладываются нравственные представления и будущая система ценностей.

Сразу хотелось бы предупредить, что на публичных занятиях ни в коем случае нельзя вводить большого числа жестких императивов, то есть запретов и долженствований. Мера распушенности в нашем обществе сейчас такова, что не готовый к церковной жизни ребенок инстинктивно может отшатнуться от самых малых ограничений в привычную «бездну свободы».

Нужно сделать и другое предостережение. Иные дети легко принимают церковный уклад, ведут себя так, как полагает, отвечают то, что нужно, но присмотритесь, — вот один из них вышел за ворота храма и, как в игре, легко принял другие, противоположные правила, правила мира. С кем же его сердце? Когда он был искренним?

Лицемерие очень легко привить, и часто способствует этому несвоевременное призывание к высоким целям жизни, к «слишком» правильным образцам, которые еще не по возрасту человеку. Душа хочет быть хорошей, какой учат, но внутренних возможностей еще нет в ней, и она старательно «делает вид», то есть принимает тот внешний образ, который от нее требуют.

Многим знаком этот тип маленького лицемера, который знает, как встать, кому что сказать, куда повернуться, но задумывались ли мы, что часто такое нравственное уродство является продуктом ревностного, но неграмотного воспитания. Не будем умиляться раньше времени, правильные обрядовые действия еще не гарантируют христианского устройства души, но могут стать привычными и потерять всякий духовный, нравственный и даже знаковый смысл.

Для того чтобы научить Страху Господню, нужно никогда не учить ничему внешнему, но приучать ребенка искать внутренний смысл и значение каждого поступка, приучать жить перед Лицом Божиим, а не перед лицом учителя или наставника. «Духом овнутренения» назвал Иван Ильин христианство¹. Педагогу, работающему с дошкольниками, это надо помнить всегда.

¹ Ильин И.А. Основы христианской культуры. Мюнхен, 1990, с. 20.

Но христианское воспитание в дошкольном возрасте должно быть не только комментарием к окружающему миру, но и опытом новых христианских отношений. И тут можно предложить различные совместные дела.

В каждом детском саду запланированы занятия по лепке, рисованию, вырезанию. Ребенок должен пройти все этапы естественного развития, их нельзя отменить. Но в то время, как пальчики его учатся точным действиям, мы можем сердце его учить любви. Каким образом? В первую очередь, правильной организацией совместного действия. Можно предложить здесь коллективный рисунок¹. Кроме того, возможна совместная лепка, когда каждый делает какую-то деталь, фигуру, и все вместе собирают город или дом. Очень хороши макеты из бумаги. Но это не должны быть сложные конструкции, так как не аккуратность является нашей целью, а радость совместного действия.

И еще одно, очень важное замечание: вездесущность Бога воспринимается нами в основном как пространственная всепроницаемость. Ребенку же еще нужно просто понять, что такое пространство. Вначале он ощущает его только относительно своего тела и невольно формирует вокруг себя эгоцентрическое пространство. А когда мы предлагаем самое простое строительство бумажного города (не дома — города!), где есть храмы, улицы, речка, дома, школа, и этот город строится всей группой, — эгоистическое пространство ребенка невольно соприкасается с пространствами других детей, расширяется и перестает быть болезненно единственным. Если же каждый будет стараться увязывать свою малую часть постройки со всем остальным, то дети непременно ощутят радость соборного единения.

Под чутким руководством учителя такое учебное действие может стать незаменимым опытом совместного суще-

¹ См. нашу программу для дошк. и мл. школьного возраста «Введение в Предание» // *Сурова Л.В.* «Православная школа сегодня» Изд. Владимирской епархии. 1996; а также книгу «Открытый урок». Клин. 2006.

ствования, что для христианина является очень важным. Не забудем, что борьба с собственным эгоизмом намного тяжелее, чем исполнение внешних обрядов, — поэтому будем учить детей терпимости и братству. Для этого целесообразно в дошкольном возрасте давать детям мастерить одну большую поделку на всех, одну постройку, рисовать одну картинку.

Нельзя не сказать и о том, что рисунок неизбежно выявит психологические особенности и недостатки в развитии некоторых детей. Учитель должен быть грамотным в этом вопросе и знать, что означают те или иные деформации в рисунках детей. Ведь чем раньше недостатки будут обнаружены, тем больше шансов их исправить. Но, конечно, делать это должен специалист в союзе с родителями и педагогами.

Несколько слов об особенностях организации вероучительного материала для дошкольников. Мы должны понять, что никакой стройной системы нельзя сразу вложить в головы маленьких детей, если мы не хотим их искалечить. Главная задача педагога — все время поддерживать в сознании детей целостную картину мира и любую новую информацию крепко связывать со всем комплексом предшествующих детских знаний. Это верный залог будущего системного мышления, которое реально можно развить в детях уже с раннего возраста. Со временем именно на этой почве будет возрастать интуиция и чувство истины, те достоинства новозаветного человека, которые обретаются в таинствах Церкви и звучат в душе христианина, как камертон высшей чистоты.

Итак, повторяем неукоснительное для младших групп требование — разговор о Боге должен начинаться только после того, как дети уже научатся хоть немного управлять своим вниманием, смогут дифференцировано видеть окружающий их мир, улавливать некоторые его связи, на которые мы уже указывали им.

Что же касается самого объема начальных вероучительных курсов, то можно с уверенностью сказать, что

нужно преподавать не Священную историю, а «свертку» событий, т. е. грамотную выборку, узлы, веши Священной истории. Какой бы значительной и необходимой для жизни ни казалась нам Священная история, не забудем, что она непременно должна соприкасаться с личной жизнью ребенка. Он должен ощутить личную значимость для себя и библейских пророчеств, и слов Спасителя, и деяний апостолов, и подвигов святых. Ребенок еще не может выйти из своего внутреннего мира, нужно, чтобы примеры святости сами вошли в него, но не испугали своей высотой, а восхитили бы его, восхитили, то есть оторвали бы сердце и внимание от обыденной действительности, от законов мира сего и обратили бы «горе». Должно нам разбросать зерна, но прежде следует распахать почву...

В нашей программе для дошкольников¹ мы попытались выстроить «лестницу понятий» от зрения мира внешнего, видимого, к ощущению мира невидимого, духовного. Каждое занятие мы стремились сделать завершенным, целостным, чтобы сохранять в детях чувство единства мира.

Несколько слов о самом введении необходимых понятий. Учитывая, что ребенок в этом возрасте все с ходу повторяет, у нас возникает соблазн быстро научить его правильным понятиям о Боге, мире и человеке, дать точные церковные определения, рожденные Божественным Откровением в союзе с человеческой мудростью. А делать этого категорически нельзя. Так как никакое чужое определение, если оно по-настоящему не востребовано сердцем человека, не может быть принято. Опыт открытия и уяснения некоторых истин жизни нужно каждому обрести самому. И маленький ребенок открыт для опыта, соответствующего его возрасту и разумению. Именно об этом должен помнить педагог.

Сенека писал, что можно говорить только слушающему, хочется добавить — спрашивающему и вопрошающему, ищущему ответа на свои вопросы.

¹ См. Программу «Введение в Предание» для дошкольников.

Каковы же вопросы ребенка? Они разные, но дело учителя — сделать так, чтобы появились вопросы не бытовые, а сущностные, принципиально важные для жизни. И дети, поверьте, такие вопросы внутри себя почти всегда имеют. Педагогу нужно только помочь им эти вопросы правильно сформулировать. Вот тогда перед нами действительно окажется жаждущая аудитория. И отвечая этой живой детской любознательности, мы сможем рисовать перед умственным взором ребенка великую Божественную картину мира, все более уточняя основные христианские понятия.

Напомним, что любое понятие должно быть преподавлено не только в его сущности, но и в его развитии. Так как развивающийся и растущий ребенок сможет по-настоящему срастись лишь с теми понятиями, которые будут развиваться вместе с ним. Поэтому еще раз хочется предупредить, что непонятое, но заученное определение, как бы правильно и высоко оно ни было, окажется отброшенным на новом витке интеллектуального развития, если оно не будет содержать в себе некой будущей возможности познания.

Излишне говорить, что в детстве ни в коем случае нельзя ограничивать ум ребенка указанием на его объективную немощь и слабость. Этим можно легко спровоцировать отказ от любой умственной деятельности, она ведь и так требует напряжения сил, внимания, терпения. Наоборот, мы стремимся максимально развить интеллектуальные возможности ребенка, чтобы сделать его восприимчивым к Божественному Откровению, к Слову Божию.

Интеллектуальные способности напрямую связаны с речью. Несколько слов о ней. Ребенок в этом возрасте начинает овладевать письменной речью. Он интересуется буквами, конечно же, надо научить его правильно читать. Развитие речи, по нашему глубокому убеждению, должно непременно войти в дошкольное христианское воспитание. Но, не забудем, это должно быть научение живому языку, а не мертвым риторическим формам.

Вряд ли полезно в этом возрасте и чрезмерное увлечение церковнославянским языком. Педагог не должен обольщаться тем, что дети легко заучивают высокие церковнославянские выражения. Во-первых, репродуктивное повторение не свидетельствует ни о глубоком понимании, ни о решимости жить в соответствии с этим новым знанием. Во-вторых, родной язык в детстве еще не сформирован окончательно, нет пластичной способности словесного отображения мира. Другой язык в этой ситуации ребенку по сути еще не нужен. Он своим иным строем может по большей части лишь помешать органичному рождению родного слова.

Не будем вводить себя в заблуждение и схожестью церковнославянского языка с русским. Синтаксисы их различны. А синтаксис — это, прежде всего, строение предложения, которое, в свою очередь, является целостной единицей мышления, так как содержит в себе первичные умозаключения. Детское мышление очень пластично, оно находится в процессе самого начального становления, еще не найдены формы ни речевого общения, ни умозрения. На этой стадии развития ребенка готовые блоки богатого, метафорически сложного языка невольно могут исказить живое речевое чувство. А оно связано с глубинными духовными основами личности. Если мы не хотим уродовать эти тонкие структуры, будем помогать формированию родной речи в ребенке, ибо именно она — первый проводник его духа.

Этот вопрос почему-то недостаточно понимается педагогами. И желая побыстрее подготовить ребенка к пониманию богослужения, его начинают усиленно учить славянским текстам, упуская, что живые чувства ребенка легче всего соединяются в нем все-таки с родным языком.

До высоты церковнославянских молитв, составленных святыми нужно еще просто дорасти и сердцу, и уму. Начинает же человек искренне говорить с Богом, как правило, на том языке, который он слышал с колыбели. Может быть потом, высота уже обретенного духовного

опыта даст возможность духу соединиться с другим языком? Так, мы знаем многие иерархи Церкви творят свои молитвы на разных языках, но нам неведома тайна их духовной жизни. Ребенка же ставить в столь трудные для его сердца условия нельзя. Результат не преминет сказаться: сколько детей отвращены от молитвы только тем, что в раннем детстве их заставляли полностью выстаивать Литургию или читать и выучивать непонятные, по их словам, утреннее и вечернее правила на церковнославянском языке.

Мы не должны соблазняться множеством высоких примеров из церковной истории. Нельзя слишком жестко ориентировать наших питомцев на опыт святых подвижников. У каждого свои дары, свое призвание и служение Богу.

Главное в дошкольной христианской педагогике, что бы ребенок захотел собственной духовной жизни. Даже если он еще не очень-то знает, что это такое, сердце его может открыться для встречи с Богом и пребывать в благоговейном ожидании чуда. Вот цель, достойная трудов наставника. Если же она достигнута, будьте уверены, личная духовная жизнь ребенка вскорости потечет, как река, благодатно омывая свои берега.

Мы должны признать, что объединили в младшую группу детей 4–6 лет лишь условно. Всем ясно, что в шесть лет ребенок совершенно по другому развит, и занятия могут быть более интенсивными, с большей интеллектуальной нагрузкой, чем в 4 года. От обсуждения своих впечатлений, о которых не стоит забывать никогда, можно двигаться к уяснению понятия свободы человека и выбора пути жизни. Далее этот выбор сам собой дифференцируется: как жить? чему учиться? что развивать в себе? с чем бороться?

Понятно, что просто дидактические указания на эти темы не могут дать никакого педагогического результата, кроме скуки и отвращения детей от общения с учителем. Как мы уже говорили, надо искать настоящего доверительного диалога. А он может состояться только тогда, когда учитель не чувствует своего преимущества перед детьми,

когда он уважает их мысли и переживания, когда не происходит ежеминутной оценки детских действий и ответов. Оценивая ребенка, мы отдаляем его от себя, отделяем. Кто же тогда будет помогать его душе двигаться к Богу?

Важно, чтобы уже в детстве человек начал осмысливать свое «хочу». Он еще не знает, сколько бед может претерпеть через его тайное нашептывание или громкое призывание. Но и мы, взрослые, должны понимать, что словами: «Не делай этого! почему ты этого хочешь!? как не стыдно!» — ничего по-настоящему прочного добиться нельзя. Нужно учить человека понимать, что в нем происходит и ненавязчиво указывать ему на Святую врачебницу, где его всегда ждут.

Готовить детей к исповеди, как нам кажется, нужно значительно раньше, чем дети идут в школу. Да и сама исповедь, должна бы начаться не в семь лет, а как минимум на два года раньше. Когда ребенок начнет различать добро и зло и видеть свои поступки, он должен уже знать, куда бежать, если грех настигнет его.

Не будем думать, что младшая группа воскресной школы состоит только из детей 4–6 лет, она состоит и из их родителей. Вначале, пока дети еще не привыкли к школе, видимо, следует часть занятий проводить совместно с родителями, а затем уже приучать детей к самостоятельным урокам. Для родителей же хорошо организовывать в это время специальные беседы. Темы могут быть самыми разными: основы Православия, вопросы нравственности, проблемы детской педагогики и психологии...

Но не забудем, что родители — народ трудный. От учителя потребуется не просто информация и разбор той или иной интересующей их проблемы, а поистине миссионерский подвиг, апостольское горение. Но иначе воскресной школы — нашего общего христианского дома — не получится.

В разделе «Методические разработки» мы приводим специальную программу для родителей, которая включает цикл огласительных бесед и слайд-фильмов об основных

христианских понятиях: Откровение, храм, икона, Библия, Церковь и др. Эта программа в течение многих лет использовалась автором в его катехизаторской деятельности и давала хорошие результаты.

ВТОРАЯ ВОЗРАСТНАЯ группа (7–9 лет)

Это возраст радования бытию. Дети в это время живут не одну, а несколько жизней сразу: свою и героев сказок, житий, фильмов.

Главная возрастная особенность: стремление к подражанию, к максимально полному проживанию событий. Мальчики загораются подвигом. Одновременно с этим просыпается чувство времени: тогда — сейчас — в будущем.

Учитывая это, можно строить календарную бытийную программу «Мир и Бог». С одной стороны, выделяем исторический аспект, то есть различные особенности жизни того или иного времени: природа, этнография, быт, нравы. С другой стороны, вечная драма жизни души, конкретные человеческие судьбы.

В этот период детям просто необходимы героические образцы для подражания, потенциальные объекты их живой любви. Если правильно построить программу, можно поистине «зажечь» ребят подвигом святости, привить такую меру благоговения, которая не иссякнет с годами.

Программы для мальчиков и девочек в этот период должны немного отличаться, т. к. женское и мужское служение различны и требуют каждое своих знаний и навыков. Но совсем разделять группы не следует, можно просто провести несколько отдельных специальных занятий для тех и других на основе житий.

Программу этой возрастной группы хорошо начинать с понятия времени. Делаем вертикальную «ленту времени». Помечаем на ней в середине Рождество Христово. Вверх и вниз от Рождества Христова будем отмечать Библейские события и факты Священного Предания. Кроме того, делаем большой годовой круг с месяцами, где будем отмечать церковные праздники.

Программа должна пластично соединять календарный год и Священную Историю. Например, в начале каждого месяца проводим занятие по предстоящим праздникам: икона, событие, герои, духовный смысл, отражение в Богослужении. Затем делаем проекцию из этого праздника в Историю Церкви — находим нужное нам житие, углубляющее само усвоение праздника. А затем, так как всегда всплывает понятие греха и борьбы с ним, переходим к началу Творения, к факту грехопадения и вспоминаем долгий путь человечества ко Христу.

Ветхозаветные события представляем цепью локальных эпизодов: бытийный исторический факт, его духовный смысл и прообразовательное значение. Из Ветхого Завета необходимы пока только «узлы»: Творение (кратко, не по дням), человек, грехопадение, обетование Спасителя, изменившаяся природа человека и бытие после грехопадения. И далее — путь ко Христу: Ной — послушание Богу; Авраам — вера в Бога; Моисей — закон; Давид — царство; Соломон — храм; пророки — поддержание связи с Богом; предсказания о Мессии.

Какие ветхозаветные эпизоды выбираем? Героические, а не символические и не аллегорические. Не забудем, что чувство совести у нашего ребенка новозаветное и многие поступки ветхозаветных героев ему могут показаться странными или «плохими». Бережем его от недоумений. Эпизод из Ветхого Завета должен быть таким, чтобы сердце ребенка могло его принять. Тогда он сможет разумом осознать все, что доступно для его возраста.

Из необходимых житийных эпизодов нужны: строительство ковчега Ноем; Моисей, с сияющим лицом сходящий с Синая, несущий Скрижали Закона; Давид, говорящий с Богом песнями — рождение Псалтири; молитва Соломона при освящении Храма; пророк Илья — «ревность по Бозе», служение; пророк Исайя — пророчества о Мессии, гл. 52, кроме того, гл. 6 — призвание на служение; пророк Даниил — пророчество о семидесяти седмицах, гл. 9, а также рассказ о трех отроках в огненной печи — бесстрашие и чудо веры.

Остальные исторические ветхозаветные эпизоды выбираем по желанию и возможностям учителя, но ни в коем случае не стремимся к последовательному полному описанию событий. Обычно в таких случаях происходит «завязание» в материале, отрыв от реальности сегодняшней жизни, и у детей возникает отношение к Священной Истории, как к еще одной интересной сказке, которую они теперь знают. Этого нельзя допускать, необходимо постоянное «связывание» событий Ветхого Завета с Новым Заветом и с нашей сегодняшней жизнью.

Что же касается истории святости, то жития, которые мы будем читать, тоже надо отбирать очень внимательно и педагогично, то есть, учитывая возрастные психологические особенности ребенка.

Вот возможный круг житий: жития праведников, воинов, молитвенников-старцев, святителей, чудотворцев, бессеребрянников и т. д. Очень сдержанно рассказываем о мученичестве. В детстве и отрочестве оно может отпугнуть или, наоборот, подтолкнуть неустойчивую психику к срыву.

Неприменно надо рассказать о юродстве как о добровольной и вполне разумной форме отхода от благочестивой мирской жизни, так как в глазах мира юродство имеет нечто общее с шутовством и психической неполноценностью.

Постепенно начинаем прививать и понятие аскезы, крестоношения как подвига ради Христа (Кн. Владимир — княжение как крест).

9 лет — возраст исторического рассказа. Поэтому часто возникает искушение преподнести все знания полно и в строго хронологической последовательности. Это ошибочное решение, так как в этом случае мы оказываемся просто в плену у самого материала. Ребенок увлекается, он полностью может погрузиться в новую историческую среду, где встретится с необычными нравами и законами. Он будет жить чужим бытием, вовсе не связывая его со своим собственным. И чем богаче, полнее и последовательнее будет этот исторический материал, тем дальше он может отстоять от сегодняшней жизни ребенка, от его насущных проблем.

Как же с этим бороться? Прежде всего не создавать стройных и замкнутых в своей исторической линейности и полноте курсов. Душа ребенка еще не нуждается в системной полноте знаний, для нее полезней, чтобы он усваивал все не последовательно, а ассоциативно, связуя новое, которое ему предлагают, с уже известным, личным и родным. Эпизоды из Священной Истории и истории Церкви должны выбираться по такому признаку, чтобы они могли раствориться в сегодняшнем нашем ребенке, стать духовной пищей для его растущей и все более осознающей и творящей себя души.

В этом же возрасте, идя по церковному календарному кругу, можно начать приучение детей к молитве. Но будем помнить, что ошибки и поспешности в этой области могут привести к настоящей духовной драме. Самое важное дело христианина есть созидание себя в молитве, поэтому в первую очередь стремимся не навредить!

Вообще-то разговор о молитве возникает сам собой, как только мы начинаем касаться конкретных эпизодов из Священной истории, жизни библейских героев, а также святых Новозаветной Церкви. Так, рассказ об Иоанне Златоусте может привести за собой разбор его молитвы на каждый час.

Обучение личной молитве начинается медленно, исподволь: возможны слайды с молитвами, совместное чтение «единым сердцем и едиными усты». Но главное — не торопиться! Пусть сердце ребенка ищет путь к Богу, как тропу из темного леса домой, тогда и молитва у него пойдет.

Личный опыт молитвы открывает перед ребенком высоту и силу нашего богослужения. Начальные понятия о богослужении должны опираться на эпизоды Священного Писания. Пусть нас не смущает, что они будут несколько фрагментарными. Например, рассказ о строительстве храма Соломона дает возможность сказать несколько слов о ветхозаветном богослужении. Читаем молитву Соломона на освящение храма, говорим об историческом преемстве

богослужебной традиции. Если можем, кратко показываем, что из богослужебной практики Ветхозаветной Церкви перешло в Новозаветную.

Затем, на занятии о каком-нибудь церковном празднике знакомим ребят со схемой богослужения. Это должны быть очень простые плакаты: суточный круг богослужения — названия, смысл служб. Говоря о чинопоследовании Литургии, показать основные структурные части Литургии Слова, указать время евхаристического канона в Литургии Верных¹.

Обращаем внимание на соборное действие молитвы в храме. И ни в коем случае не заставляем заучивать непонятные слова наизусть. Это может привести к магическому отношению к молитве, как к заговору. Предлагаем научиться начальным этапам молитвы, т. е. вниманию, собиранию себя, предстоянию перед Богом. Затем только приходят слова молитвы: молитвы-прошения, молитвы-благодарения, молитвы-покаяния и молитвы-славословия.

Пусть сначала это будут простые безыскусные детские слова родного языка. Молитва — глубинное действие духа, разумное обращение к Богу, она должна созреть как плод души. Посредником между духом человека и Богом вначале, как мы уже говорили, может выступать только родной язык, за исключением редчайших, чудесных случаев мистической одаренности детей.

После же того, как мы указали главный стержень молитвы, внутреннее внимание и сосредоточение, и научились молитвенному обращению к Богу, можем обратиться к текстам самых известных церковных молитв. На слайдах даем текст коротких молитв или нескольких отдельных прошений, чтобы сначала объяснить смысл, вразумить сердце учащихся и дать возможность осознать молитву.

В этом возрасте церковнославянскую грамоту лучше упростить до конкретного комментария знаков и слов, и

¹ См. схемы № 4–6 в наших программах «Мироведение» и «Введение в Предание».

только когда язык уже будет фонетически усвоен, тогда можно предложить несколько таблиц: времена глагола в самом обобщенном виде — форма — русский аналог — употребление; краткое и полное причастие и прилагательное; личные местоимения; двойственное число (очень кратко).

Мы уже говорили, что не следует прививать детям магического отношения к церковнославянскому языку, это может увести их во тьму обрядоверия и неоязычества. Церковнославянский — наше сокровище, достояние нашей духовной культуры. Многие переводы псалмов на этот язык поистине являют собой редчайшие совершеннейшие образцы словесного искусства. Но молитва выше любого слова. Не следует таинственное духовное действие молитвы в нас отождествлять со словами молитвы. Но и пренебрегать словами не станем, ибо они — священные ступени, помогающие нам идти к Богу.

На каких же молитвах строим занятия в этом возрасте? После начального периода собирания внимания надо сразу в одном уроке давать молитву-прошение, молитву-благодарение и молитву-покаяние. Нужно, чтобы дети знали, не «какую молитву, когда надо читать», или, как говорят, «какая от чего помогает», а слушали, что происходит в их сердце — ибо «от избытка сердца говорят уста».

Список же необходимых молитв приводить здесь не будем, так как у всех детей совершенно разный языковой уровень. Иногда родители речь ребенка вообще воспринимают как дополнение к его физическому росту и совершенно ее не развивают. Тогда к 7–8 годам чувства слова у ребенка еще нет, и практически никакой словесной нагрузки давать будет нельзя, придется различными способами развивать собственную речь ребенка. В таком случае заучивание длинных церковнославянских молитв тем более нежелательно.

Также надо предостеречь педагога и от стремления выучить с детьми какую-нибудь молитву непременно до конца. Гораздо полезнее внимательно разобрать некоторые прошения, молитвенные благодарения или покаянные со-

крушения из какой-либо молитвы, которые сегодня будут лучше приняты сердцем ребенка.

Следует указать, что для формирования правильного исторического мышления детям на занятиях воскресной школы необходима добавка мировой истории. Нужно попытаться охватить наше общечеловеческое бытие в его целостности, не довольствоваться общими сообщениями о том, что, где, когда и как происходило. Будем стремиться войти в живой поток времени, ощутить его, почувствовать пульс истории, хотя бы отчасти понять ее религиозный эсхатологический смысл.

Можно предложить программу «узлов» истории отечества от наших дней до древности. Обратная хронология имеет свое педагогическое обоснование. О современных событиях дети уже кое-что знают, так как большинство, к сожалению, помногу и бессистемно слушают радио, смотрят телевизор. Мы же предлагаем им как бы сняться с определенного, но вполне исторически конкретного места и двинуться по основным вехам истории вглубь прошлого, спуститься в таинственный колодец времени.

Помощницей нам здесь опять выступает «лента времени». Отмечаем на ней Ветхозаветный период — до Рождества Христова и Новозаветный — после него. История не прерывается. Ребенок начинает реально чувствовать, что он тоже живет в истории, начинает ощущать, что Предание Церкви творится всегда и везде. Надо отметить, что этот исторический материал требует непрерывных домашних заданий.

Теперь уточним трудовую и внеурочную деятельность, возможную в этой возрастной группе.

В 7–9 лет абсолютно необходим ручной труд. На уроках хорошо строить, лепить, делать крепости из бумаги, воинство из пластилина и т. д. Можно и рисовать, только непременно на больших листах красками, пастелью или толстыми фломастерами, желательно не слишком ярких цветов.

Не забудем, ребенку необходимо активное действие, только в его живом процессе он творчески развивается и по-

настоящему что-то усваивает, то есть приобретает личный опыт. Творческое действие в любом учебном процессе не может без ущерба быть заменено теоретическими дисциплинами, немедленно начнет развиваться детская инфантильность и празднословие. Так что, хотя творческая мастерская и приносит большие хлопоты для любой школы, мы все-таки должны их принять. Иначе кто же научит детей чистоте творческого замысла, кто поведет борьбу с самоутверждением и зазнайством, кто расскажет о возможных искажениях святого пути созидания и художества?

И в заключение, несколько слов о поездках и экскурсиях. Конечно, они необходимы. Но не забудем, что в 7–9 лет редко встречается сознательное паломничество, скорее у ребят проявляется тяга к внеурочному общению в пути, на природе, в новом необычном месте.

Куда везем? Недалеко и ненадолго, чтобы они не грустили по дому и привычному распорядку жизни. И не стараемся сразу нагрузить «духовностью». Рассматриваем мир видимый, ищем в нем следы Божии, и открываем в видимом невидимое. Стараемся заложить привычку не только сообщать что-то друг другу, а беседовать друг с другом, приучаем к культуре диалога.

ТРЕТЬЯ ВОЗРАСТНАЯ группа (10–12 лет)

Это возраст усвоения понятий, решения задач. У ребенка появилась возможность не только проживать церковное событие, но и понимать его более полно, то есть устанавливать множественные причинно-следственные связи. Развивается любопытствующее сознание. Велик естественно-научный интерес. Возраст почемучек.

Программа этой возрастной группы должна быть интеллектуально нагруженной, можно построить особый догматический курс — Основы Православия (катехизис для отрочества). Сразу же следует сказать, что мы не призываем к заучиванию догматических определений или вопросов и ответов из какого бы то ни было уже имеющегося в нашей Церкви катехизиса. Главные понятия веры должны

опираться на все накопленные ребенком знания, на его личный опыт, — пусть он откроет их сам.

Как же так? Ведь догматические истины нельзя вывести из наблюдения за жизнью мира. Они есть Откровение Божие, данное Церкви для ясности и крепости веры.

С этим нельзя не согласиться. Но нельзя не согласиться и с тем, что принять это Откровение может только живое, вопрошающее сердце.

Вот воспитательная цель на этот возрастной период: научить детей правильно вопрошать. Не гасить их любознательности, не стращать гордостью и грехами человеческого мудрования, а воспитывать православное сознание детей, внедрять культуру научного мышления, как его понимает христианство.

Как же организовать учебный процесс с такими воспитательными целями?

Прежде всего, совершенствуя форму занятий. Какие здесь наибольшие опасности? Скатиться на формальную катехизацию и сообщать истины веры как готовые формулы. Это совершенно не годится. Занятие должно обязательно проводиться в форме диалога. То есть нам нужны не репродуктивные формы обучения: услышал — запомнил — повторил, а продуктивные — эвристические.

Многие педагоги боятся сократического диалога, как огня. Мол, урок тогда неизвестно, куда идет, класс становится неуправляемым, и темп «прохождения программы» значительно замедляется. Хочется возразить только одно: нужно, чтобы знания не «давались», а «брались». Только по этому показателю усвоения можно судить об эффективности и интенсивности учебного процесса. И тут эвристический, проблемный метод преподавания — сократическая беседа — на первом месте. Ребенок не только начинает думать сам, но и педагога активизирует, побуждает к творческим поискам и открытиям.

Но почему мы так настойчиво рекомендуем в этом возрасте активные формы занятий? Дело в том, что дореволюционная православная традиция преподавания в боль-

шинстве случаев несла в себе элемент схоластики. То есть как раз заучивания, даже задалбливания церковных установлений. И сейчас, возрождая массовую православную школу после долгого перерыва, мы на эту традицию невольно натолкнулись, так что необходимо ее критически осмыслить и не повторять старых ошибок.

А теперь непосредственно о понятиях, на которых, как нам кажется, необходимо заострить внимание детей в этом возрасте.

Как и раньше, в занятиях можно двигаться по богослужебному годичному кругу, но рассказывать о праздниках следует уже по-другому. Теперь нужно не только указать сам факт, положенный в основу празднования, но выявить его догматическое основание, связать с главным исповеданием веры, выделить кристаллы, зерна строгих церковных определений, которые в нем находят отражение.

Как это лучше всего делать? Через толкование Евангелия. В начале каждого месяца можно провести занятие по ближайшим праздникам, восстановить в памяти сами события, их наиболее распространенное понимание. А затем на занятиях будем читать Евангельские отрывки и задавать себе вопросы: о чем здесь говорится? что является самым главным и проясняет духовный и догматический смысл события?

То есть от Евангелия через разрастающиеся и уточняющиеся вопросы движемся в сторону катехизиса, и наконец, можем дать одно из определений веры.

Следующий шаг — спрашиваем, а где еще в Библии или в Священном Предании мы видим действие этого же определения. Необходимо указать, что Библейские определения Бога, мира и человека — суть законы, а не частные описания. Вот мы и движемся вместе с группой от конкретного описания, к понятию, а затем к тому, как это понятие еще раз подтверждается Священным Преданием и всей жизнью Церкви.

Например, Праздник Троицы — Сошествие Святого Духа на апостолов. Не забудем, что-то дети уже об этом пра-

зднике знают. Даем догматическое определение Третьего Лица Пресвятой Троицы, говорим о Троиединстве Божиим, о новом этапе в духовной жизни человечества, начавшемся с пришествием Святого Духа. Можем рассказать об исихастах, которые в опыте познали действие Святого Духа и смогли осмыслить его с новой глубиной. Затем преподобный Серафим: смысл жизни — стяжание Духа Святого. Вот мы уже оказались в сегодняшнем дне и получили толчок не только к размышлению, но и к собственному деланию.

Конечно, можно по усмотрению учителя давать больше внутрибиблейских и святоотеческих толкований, но желательно все-таки сначала искать ответ самим, а потом уже поставить догматическую и каноническую «печать определения».

Но нет ли в повторном изучении праздников по церковному кругу ошибки, ведь материал детям уже известен? Ничуть. Это намеренный, педагогически необходимый повтор. Ребенок уже знает какие-то факты Священного Писания. Они ему, может быть, уже не так интересны. Мы же приучаем его известное рассматривать как неизвестное, открываем глубину уже знакомого, показываем, что познание Священного события безгранично и имеет для нас в сегодняшней жизни реальное значение. При этом учим культуре мышления, строгости вопросов.

Этот этап в становлении сознания во многом определит дальнейшую жизнь ребенка. Если он научится углублять уже полученные знания — это будет очень значительным достижением. Христианин в жизни многократно возвращается к одним и тем же, на первый взгляд одинаковым вещам: к одинаковым словам молитвы, к чтению Евангелия, к ежегодному проживанию священных праздников. Духовная жизнь порой требует некоторого внешнего однообразия. Поэтому надо готовить детей к тому, чтобы они не искали развлечений, не старались разнообразить жизнь новыми фактами, но в одном и том же умели находить большую и большую глубину и смысл.

Какие же сущностным жизненные понятия необходимо рассмотреть и усвоить в возрасте 10-12 лет? Те, которые вытекают из уже известных событий Священной истории, а именно:

– *Бог* (пытаемся осмыслить сам факт существования Бога, даем понятие Божественного бытия);

– *Творение* (здесь у нас возникает целая неизведанная ранее область — апологетика, т. е. свидетельства науки, подтверждающие Священную Историю);

– *Заповедь свободы*, ее нарушение и зарождение зла (ангельский мир, рассказ об отпадении Денницы);

– *Грехопадение* (библейское притчевое повествование и его духовный смысл);

– *Природа человека до и после грехопадения* (антропология);

– *Закон* (Десять заповедей Моисея, их смысл и значение для жизни человека);

– *Пророки* (понятие призвания в ветхозаветные и в новозаветные времена);

– *Спаситель* (Иисус Христос — Спаситель мира);

– *Церковь* (понятие народа Божия, собрания святых);

– *Священное Предание и Священное Писание* (отношение Священного Писания и Священного Предания; Предание как форма творческого бытия Церкви. Состав Церковного Предания: Таинства, Литургическое предание, Священное Писание, догматическая и каноническая жизнь Церкви, деяния Святых Соборов, Творения св. отцов Церкви, жития святых, общинная жизнь Церкви, церковное искусство: храмы, иконы, облачения и т. д.).

Вот примерный список начальных догматических понятий, который может служить основой исторической катехизационной программы в 10–12-летнем возрасте. Педагог может расширить этот список, но не забудем, что и в этом возрасте дети не в состоянии усвоить слишком много мелких образов и понятий. Нужно, чтобы возникло чувство разумной преемственности эпох и событий, но не утрати-

лось чувство целого, т. е. союза Бога и человека на протяжении всех веков истории.

А теперь уточним, каково же место апологетики в нашей программе? Апологетику не следует в этом возрасте выделять в особый предмет, но она вполне может стать естественнонаучным комментарием к событиям Священной Истории и догматическим определениям. Как оживят занятия апологетические беседы о днях Творения, о грехопадении, о происхождении зла, о Великом потопе и гибели Содома и Гоморры. Но не забудем, что здесь педагогу придется ознакомиться с новейшими исследованиями различных наук: библеистики, герменевтики, археологии. Мы не сможем обойтись только древними святоотеческими творениями.

Апологетика — наука, и она не может родить веры, но она создает простор для мысли. По словам уже цитируемого нами священника о. Глеба Каледы, апологетика убирает камни преткновения на пути человека к Богу. Она же будет мостиком, соединяющим Библейское Откровение со школьными предметами: с математикой, физикой, химией, биологией, а также с литературой и историей. То есть в ребенке постепенно будет выстраиваться целостная картина мира, гармонично сопрягающая все знания, обретенные человечеством.

Педагог воскресной школы непременно должен быть хорошо знаком со школьной программой этого возраста и интересоваться, что дети сейчас проходят? Но надо помнить, что его дело — **не исправлять учителей общеобразовательной школы, но дополнять и уточнять их.** Поставив перед собой задачи христианского воспитания, воскресная школа, тем самым, оставляет за собой право на последнее слово. Серьезных обобщений в сознании ребенка этого возраста еще нет. Хорошо, если ненавязчиво, но вполне определенно они будут исходить от православного учителя, а стало быть, глубинно — от Церкви.

Нужно будет показать, что на многие глобальные жизненные вопросы у Церкви есть глубокие серьезные ответы: не рецепты, как поступить в том или ином случае, а

многовековой духовный опыт осознания бытия в свете Божественного Откровения. Этот опыт может служить опорой каждому человеку. Но трудность заключается здесь в том, что никакое уже приобретенное знание ребенка мы не можем считать несуществующим. Учителю придется прежде выявить все, что знает его ученик по тем или иным существенным вопросам жизни и веры, а затем уже уточнять, корректировать, «вправлять» эти, уже ставшие родными для него знания в точное православное миропонимание. Процесс этот очень сложный и, безусловно, болезненный для самолюбия ученика. От учителя здесь требуются не только безупречное знание предмета, но и такт, деликатность, терпимость.

Хорошо и даже необходимо было бы устроить в течение года несколько встреч с православными педагогами-предметниками. Специалисты по химии, физике, биологии познакомят детей со служением ученого в Церкви (Паскаль, Вернадский, архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) и др.). Наука как вид деятельности должна быть правильно понята ребенком, необходимо указать ее смысл и место в общей созидательной деятельности человечества, по возможности снять мнимые противоречия веры и знания.

В заключение — о главном.

Полноту церковной жизни человек познает только в совокупности всех своих ощущений, мыслей и переживаний. Но сколько бы мы его ни просвещали в школьных занятиях, истинно просвещает лишь Таинство. Поэтому необходимо в возрасте уяснения понятий привить понятие тайны как действия, не открытого для человеческого ума.

Как это сделать? Изучаем богослужение, то есть прибавляем к имеющемуся знанию, новые сведения и параллельно разбираем и объясняем на протяжении года все семь христианских Таинств. Необходимо разделить понятие таинства и священнодействия. И, конечно же, очень кратко, блоками даем схемы чинопоследований.

Не забудем, что перед нами «почемучки», надо дать им возможность понять четкий смысл, высокую художе-

ственность и композиционную стройность наших православных чинопоследований. Необходимо также деликатно разделить таинство и обряд, указать символический смысл обрядовых действий, которые сопровождают таинства.

Почти всегда нужно давать пояснения к церковнославянским текстам молитв, так как в этом языке для русского уха много «обманок», то есть мнимых понятностей.

В этом возрасте учитель должен научить ребенка правильно готовиться к исповеди. Это, пожалуй, самое важное для духовной жизни отрочества.

Как готовим к исповеди? Здесь, нам кажется, учителю необходимо непременно выполнять несколько правил, а именно:

- Никогда не спрашивать о грехах детей!
- Не заставлять каяться публично!
- Не обещать благ после исповеди!

Что же можно? Разбирать возможные отступления от 10 Заповедей и Заповедей блаженства, вести беседы о самих понятиях греха и сокрушения. Примеры берем из жизни, не касаясь никого из присутствующих.

А что делать, если дети сами начнут исповедоваться учителю? Останавливать, мягко, но останавливать со словами, что ты все это скажешь священнику на исповеди, именно он уполномочен в миг таинства засвидетельствовать твои слова перед Богом. Нужно воспитывать доверие не просто к теплой беседе, а к Таинству. Будем помнить, что Таинство исповеди ничем нельзя подменять. Но не забудем, что опыт исповедания придет к ребенку не сразу. Сейчас важно, чтобы он не приспособился к исповеди, а учился испытывать стыд, а не смущение, и желал бы очиститься от дурного в себе, от греха.

Несколько слов о трудовой деятельности этой возрастной группы. Потребность в ней огромная. Это уже должны быть не уроки рукоделия, а скорее совместный труд (шефство в больнице, в инвалидном доме, приюте, работы в монастыре, в храме).

Но вряд ли стоит ограничивать дела милосердия кругом внутрицерковных нужд. Если удастся организовать выездное «внешнее» служение, к трудам физическим можно прибавить и труды миссионерские. Речь идет конечно о небольших выступлениях среди нецерковных маленьких детей, рассказах о жизни любимых святых, о церковных праздниках и т. д. Мы знаем, что просветительская, миссионерская деятельность заставляет людей уточнять и глубоко осмысливать собственные представления о Церкви, она есть своеобразная форма обучения, поэтому нашим детям «малая миссионерская деятельность» была бы очень полезна, часто именно она по-настоящему открывает врата сердца для веры.

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЗРАСТНАЯ группа (13–15 лет)

Это возраст приближающейся катастрофы, времени душевных землетрясений, бурь и сломов. Многие отходят от Церкви, попадают в «компании». Нецерковные дети часто в этом возрасте убегают из дома, ищут приюта у друзей, в подвалах, иногда в лесу. Почему все это происходит? Не видим ли мы здесь поиска своего истинного места в жизни? Отрок убегает от того, что он не может принять. Не будем торопиться списывать это на юношеский максимализм. Природа пятнадцатилетнего юношеского бунта заключается в скрытом желании идеала. И все поколения в этом возрасте яростно ищут его.

Поэтому время, предшествующее этому возрасту очень ответственно для педагога. Мы уже встречаемся с неуравновешенностью, взрывными впечатлениями, смутными, но острыми желаниями. До 15 лет у нас есть еще последняя возможность дать что-то ребенку перед серьезными испытаниями.

Очень скоро мир, поработанный чувственностью, станет обжигать ребенка своими соблазнами. Надо успеть сориентировать его перед предстоящей бурей, чтобы он не только умом знал, что хорошо, что плохо, а всей своей натурой полюбил добро и истину, начал испытывать чувство

брезгливости ко всякой чрезмерности и плотской нечистоте. Только в этом случае он не утонет в водовороте грядущих чувственных призывов.

И тут перед нами стоит огромный вопрос. Как сделать, чтобы ребенок не просто узнал о Боге, а искренне захотел быть рядом с Ним? Сначала вспомним, к чему привязывается сердце крепче всего? К тому, что любит. А к чему вспыхивает безотчетная инстинктивная любовь? К красоте! Именно она обладает способностью привязать к себе сердце, в этом немощь человеческого духа, но в этом же и его прибежище.

Еще в древности было замечено, что в красоте есть некая глубинная тайна. У многих народов мы можем наблюдать обожествление совершенных форм. Впрочем, не так-то просто человечеству оказалось определить, что такое красота. К тому же у разных народов и в разное время были совершенно различные понятия о красоте. Отсюда появились и такие непохожие друг на друга эстетические образцы. Но одно признается всем человечеством без сомнения: что красота — сила. И, видимо, сила духовного свойства, которая здесь, на земле, воплощается во множестве рукотворных и нерукотворных форм.

Не забудем, что в Библии Премудрость Божия названа Художницею. Есть даже такая иконография «София — Премудрость Божия», где в центре на троне восседает сияющий Ангел в женском облике. Это олицетворение созидательной красоты мира. Но Премудрость, по мнению многих богословов, — это и одно из имен Господа нашего Иисуса Христа. В книге Притчей читаем, что Премудрость участвовала в творении мира и «была при Нем Художницею» (Притч. 8, 30). Вот где сокрыт исток красоты: совершенство художеств есть действие любви Художника.

Связь красоты и истины ощущалась человечеством во все времена, но в Библии указано качество этой связи: Истина творит красоту, Художник — искусство.

Нам хорошо известно, что произведение способно привести к своему автору, каким-то особым образом оно передает его чувства, окутывает его духом. Нельзя согласить-

ся с горестным восклицанием Тютчева, что «нет в творении Творца». «Следы» Божии мы находим везде. «Найдите Бога!» — призывал Левитан своих учеников, когда они писали этюды на природе. Как это перекликается со стихами из книги пророка Исаи: «Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко». (Ис. 55, 6). И действительно, красота во всем своем многообразии — не след ли Творца, не художество ли высшего Художника?!

Все это мы говорим для того, чтобы задать вопрос — можно ли в сегодняшнем ребенке воспитать любовь ко Христу без воспитания чувства красоты, то есть без развития эстетического начала?

Красота пленит. И пусть отрок будет пленен Божественной красотой, разлитой повсюду. Это убережет его в чувственной буре пятнадцатилетия и может стать началом настоящей любви к Богу.

Не только правильные понятия нужны человеку для укрепления в православной вере, но и правильные чувствования. Воспитание чувств — дело сложное и долгое. В общем-то, в системе православного образования этим серьезно еще не занимались. Хотя процесс эстетического воспитания, конечно же, шел: воспитывал сам храм и весь комплекс храмовых действий, воспитывала икона, поэзия богослужебных текстов, церковные распевы.

Ребенку дошкольного возраста этого укладного воспитания, может быть, и хватало — он живет впитыванием — но уже через несколько лет ему становится необходим товарищ в делах и собеседник. В 13–14 лет желание высказаться становится очень сильным. Чувства переполняют сердце, надо их кому-то излить, надо, чтобы тебя поняли.

Ребенок, а точнее уже отрок, все яснее слышит себя и чувствует себя, становится себе более и более интересен. В нем оживает весь его внутренний мир. Как страшно смотреть на отрока: все в нем ранимо и чутко, он наблюдает свои эмоции, в одном лице соединяя актера и зрителя... Но нет еще настоящего чувственного рабства, все подвижно: летит, исчезает, преображается, вновь властвует.

Главное в педагогике этого периода ничего не сломать, не устраивать разбирательств и обсуждений личности подростка, его меняющихся представлений и чувств. Всякое давление со стороны противопоказано. Время учительствования заканчивается, теперь возможна только педагогика сотрудничества — общее действие.

Что же может стать этим действием? Изучение художеств: в широком библейском смысле этого слова. Художеств, то есть красот, которые мы должны вместе обнаружить. А красота уже сама сделает свое дело — привяжет внимание и сердце к Художнику.

С чего же начинаем программу? Опять со Священного Писания и богослужения, но теперь мы делаем акцент не на самом библейском факте или его духовном значении, это уже заложено в ребенке. Но, как обычно, проживая церковный круг праздников, мы стараемся выявить эстетику форм православного богослужения.

В отрочестве вкусы детей еще не достаточно оформились, и, правильно действуя, вполне можно привить эстетический канон Православия. Сразу же хочется сказать, что нет и не может быть единых для всех эстетических образцов православной культуры: культура творится художником в каждый момент времени как откровение. Поэтому желая участвовать в ее созидании, мы должны не только хранить и изучать совершенные произведения церковного искусства прошлых лет, но, прежде всего, воспитывать сегодняшнего православного художника — художника-мастера и художника-зрителя.

Что конкретно можно и нужно для этого делать? В первых, занятия в этой возрастной группе должен вести человек эстетически грамотный. Более того, когда планируется разбирать богослужебные тексты, каноны, акафисты, то нужен учитель словесник, чувствующий живое движение языка. Когда речь пойдет об иконах и архитектуре, нужен будет человек с художественным образованием или православный искусствовед. Музыкальные тонкости должен будет пояснять только музыкант.

В эстетическом воспитании не должно быть профанов-учителей. В эту возрастную группу лучше приглашать разных специалистов. И, возможно, у них будут свои педагогические идеи. Мы же можем предложить такой вариант.

Словесное творчество

1. *Разбираем богослужебные тексты.* Начать можно с акафиста Благовещению, Иисусу Сладчайшему и какому-нибудь современному, например, Благодарственного. Составляем композиционный план, восстанавливаем сюжетную хронологию, выписываем эпитеты, относящиеся к Спасителю, Богородице, отмечаем запомнившиеся метафоры.

Для более глубокого понимания смысла, все время надо будет вводить параллельный русский перевод. Вообще лучше начать с разбора отдельных йкосов и кондаков, а затем уже разбирать весь текст.

Исследуем структуру канона как особой поэтической формы церковного искусства (на примере Покаянного канона, Канона из Последования ко Святому Причащению или Канона Богородице и Ангелу-хранителю). С более развитыми в языковом отношении детьми можно начать изучение Великого Канона Андрея Критского, но непременно с параллельным русским переводом. Схема разбора та же, что и у акафиста.

Затем, если у детей еще не наступило эмоциональное утомление, разбираем Канон Пасхи. Непременно предлагаем письменные задания: выписывать эпитеты, сравнения, Имена Божии и «к Божией славе служащие», как сказано в старой грамматике Мелетия Смотрицкого, и т. д.

Параллельно хорошо читать произведения русских писателей. А.С.Пушкин «Пророк» — сравнить с книгой пророка Исайи гл. 6; «Отцы пустытники» — сравнить с молитвой Ефрема Сирина. Читаем стихотворения «Странник», «Полководец», из прозы — «Повести Белкина». Из критики можно предложить статьи В.Розанова о Пушкине, книгу свящ. Б.А.Васильева «Духовный путь Пушкина» и, как дополнительную литературу, очерк митрополита Анастасия «О Пушкине».

Кроме того, на занятиях полезно просто почитать и поговорить о стихотворениях в прозе Тургенева («Христос», «Повесить его!» и др.), о религиозно-философской и пейзажной лирике Тютчева, о повести Лескова «Запечатленный Ангел», о рассказах Достоевского «Мужик Марей», «Сон смешного человека», о сказке В.Одоевского «Необойденный дом» и др.

(Конечно, воскресная школа не может ставить перед собой задачи глубокого изучения словесности как одной из областей православной культуры, но сделать необходимые добавки к школьным программам мы в силах, и, стало быть — должны).

2. *Читаем Библию:* Книги Притчей, Премудрости Соломона и Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Выписываем метафоры и понравившиеся выражения, обсуждаем основную проблематику и структурные особенности произведений. Подробно останавливаемся на вопросах стиля, символизма в языке, образности выражения. Затем пишем ассоциативные комментарии к Книге Притч (с определенными ограничениями: не употребляем местоимение «я», не оцениваем и не сравниваем, а пытаемся прислушаться, какой отзвук рождает в нас само слово священного текста, что в нас «выходит ему навстречу»?)

Конечно же, в процессе всех наших обсуждений необходимо давать эзегетические пояснения текста, но лучше приводить их не в самом начале разговора, а ближе к концу, чтобы высокая святоотеческая мудрость не подавила наших познавательных попыток и не повлияла на личное восприятие текста. Слово Церкви должно быть печатью, запечатлевающей уже понятое и прочувствованное.

3. *Псалтирь.* Выбираем некоторые псалмы, например: 1, 8, 103, 23, 115, 52, или другие по усмотрению учителя — читаем и разбираем их как священные песни. Не забудем, что слово «псалтирь» переводится именно так. Важно, чтобы это был действительно урок высокой поэзии. Не стоит смущаться, такие занятия, как показывает опыт,

только помогают родиться живой молитве, и никогда не отвращают от нее.

Тексты псалмов нужно брать на двух языках: и церковнославянском, и русском. А так как эти переводы не тождественны, то у нас появится возможность не только смыслового уточнения текста, но и дополнительных богословских толкований, что невольно расширит зону наших канонических и догматических знаний.

И еще одно замечание — занятия должны быть очень медленными. В художественном творчестве, а художественное восприятие тоже творчество, спешка противопоказана.

4. Из Нового Завета читаем Евангелие от Иоанна, речи Спасителя. А также из Деяний апостолов:

гл. 2 — слово Петра в Пятидесятницу,

гл. 17 — речь ап. Павла в Ареопаге,

гл. 13 — Слово ап. Павла в синагоге и др.

Мы остановились подробно на эстетике словесного творчества только потому, что это область наших профессиональных интересов и накоплен некоторый опыт в занятиях такого рода. Может быть, даже в таком сжатом виде он будет небезынтересен другим литераторам и преподавателям риторики.

Теперь о других искусствах.

Архитектура. Она абсолютно необходима в отрочестве, так как очень скоро придет для юноши пора организовывать вокруг себя пространство жизни. Чем мы можем ему помочь?

Дать ребенку правильное понятие города и, в частности, древнерусского города и храма. Можно разработать цикл слайд-фильмов о древних городах: Киев, Новгород, Псков, святыни Палестины, Византии. Частично можно использовать последние уроки нашей программы «Мироведение». Но не забудем, что нам нужна не история архитектуры, а религиозное осмысление форм архитектуры разных времен.

Конечно, нужны здесь и экскурсии. Но лучше, если они будут организованы после изучения на занятиях того

или иного города, после слайд-фильмов. Предварительное знание дает возможность более глубокого чувствования архитектурного ансамбля и реального пространства, которое здание создает вокруг себя, все это рождает живое впечатление и глубоко проникает в нашу душу, облагораживая ее.

Изобразительное искусство. Учитель должен быть готов к тому, что на занятиях сразу же проявится вкус и уровень культуры детей. Надо будет учить их смотреть и радоваться богатству и тонкости цвета, уводить от литературности восприятия, стремиться к эмоциональной правде.

Живопись не просто волнует, она вовлекает в свое переживание. Но надо научить детей видеть «подделку» и «агитку». Конечно, здесь нужна религиозная философия искусства, а не история искусств. Можем предложить опробованные нами варианты тем.

Начать с иконы. Смысл иконы, ее богословие, виды иконографии, школы иконописи (кратко со слайдами). Сопоставление православной иконы со средневековой западной религиозной живописью. Осмысление одного и того же события в разное время разными народами. А. Дюрер «Поклонение волхвов», П. Брейгель «Обращение Павла», «Избиение младенцев», «Проповедь Иоанна Крестителя», «Перепись в Вифлееме», «Несение креста», «Вавилонская башня», А. Мантенья «Поклонение волхвов», И. Босх «Несение креста», «Христос с легионерами», Караваджо «Призвание апостола Матфея», «Смерть апостола Петра» и вновь «Обращение Савла».

Затем, как бы шаг в прошлое и новый заход: фаюмский портрет, византийская мозаика, Эль-Греко, Веласкес, Рембрандт. Вечное и временное в изображении. Смена художественных школ. Непременно «доходим» и до искусства нового времени: импрессионизм, Сезанн, а также русское искусство, например: Н. Н. Ге «Голгофа», «Что есть истина?», В. Г. Перов «Гефсиманский сад», Н. Ломтев «Три отрока в огненной печи».

Но не забудем, нас интересуют не иллюстрации, не библейские сюжеты, а живопись.

Так как у нас нет задачи дать курс истории искусств, то мы вполне можем по нашему усмотрению делать перекоки из одного времени в другое, необходимо только отметить на «ленте времени», где свершилось рассматриваемое нами художественное событие.

Русских художников можно рассматривать вместе с западноевропейскими. Хотелось бы только особо выделить группу художников «Маковец», которая существовала в России с 1922 по 1925 г. и ставила уникальные задачи создания христианского искусства (см. библиографию: «Маковец»).

Мы прекрасно понимаем, что любой искусствовед или художник всегда сможет назвать свой ряд любимых и высоких имен. Не станем указывать православному педагогу, на каком материале ему следует воспитывать вкус у детей — важно, чтобы это были эстетически совершенные образцы, охватывающие художественное творчество разных времен и народов.

Ваение. Здесь необходимо познакомить детей вначале с церковной скульптурой. Западные образцы известны многим, но не забудем о деревянной церковной скульптуре Молдавии, Перми, Сибири.

Светскую скульптуру ребенку также необходимо показать, пусть даже на репродукциях. Это могут быть образцы античной скульптуры, искусства Возрождения, а также нового времени. Пластическое чувство очень обострено у юности и важно успеть привить целомудренное переживание формы до того, как она начнет вызывать вождление. Нужно дать детям почувствовать, как та или иная форма способна организовывать пространство.

Хороши были бы и сами занятия лепкой. Абстрактные пластические композиции — это ведь почти игра, но сколько ребенок сумеет выразить в них того, что невозможно сказать словом, в нем начнет просыпаться реальное чувство пропорции. Как оно поможет ребенку в постижении иерархической структуры жизни!

Музыка. Пение в храме дети слышат. Стало быть, да же помимо их воли церковные ритмы, распевы, тональнос-

ти уже у них внутри. Музыка действует на всю структуру нашей личности. Она способна пленить больше, чем любое другое искусство. Поэтому настоящая церковная музыка — это спасительная защита от разрушительных ритмов всепроникающей современной эстрады.

Храм хранит своих чад тем, что начинает звучать в них. Даже те, кто не умеют петь, слышат внутри себя это звучание. Поэтому клиросное пение часто кажется надежным способом воцерковления. Но есть в нем одна опасность: из надежного проводника оно может стать внешним ограничителем и способствовать росту чувства самодостаточности в человеке. Мы знаем, что иной может петь на клиросе, зная все гласы, но «от Бога отстоять далеко» (См. Ис. 29, 13).

Лицемерие везде распространено. Петь на клиросе далеко не всем полезно. Это церковное служение требует определенной духовной крепости. А для новоначальных это может оказаться не по силам. Дети же, поставленные петь в богослужении, часто поражаются снобизмом и ложным благочестием. Как же этому противостоять?

Ну, во-первых, может быть, не ставить некоторых на клирос, чтобы не искушать чрезмерно. А, кроме того, необходимо общее музыкальное развитие: не выработка исполнительских навыков, а приобщение к мировой культуре музыки, культуре слушания. Надо познакомить ребят с музыкой мира. Вместе послушать Моцарта (40 симфонию), Баха (хоралы), Гайдна («Семь слов Спасителя на Кресте»). Очень интересно разобрать литургию Шведова, который сам в юности был певчим. Фольклорные добавки тоже желательны. Этот здоровый пласт культуры будет радовать по-своему.

На музыкальных занятиях в воскресной школе можно сделать детям реальную «прививку» от антикультуры, поведать им об опасности ритмического закабаления и разрушении тонких духовных структур человеческого организма зловещими ритмами тьмы.

Часто встает вопрос, как мы можем защитить ребенка от извращений вкуса? Ответ прост — только привив к

ним брезгливость и отвращение, воспитав здоровый вкус. Детей надо научить видеть различие культур, стремящихся к познанию Бога своими средствами, и культур ядовитых, противящихся Богу. Надо показать ребенку, что истинная красота — дар Божий людям и должна вести к нашему Отцу Небесному.

Историю культуры в этом возрасте хорошо бы давать параллельно с историей святости, т. е. рассматривать светскую и духовную культуру одного периода одновременно. Тем самым мы сумеем осветить культуру изнутри светом святости, она станет более ясной в своих поисках и концепциях.

ПЯТАЯ ВОЗРАСТНАЯ группа (16–17 лет)

«Что может дать Воскресная школа юношеству? У каждого поколения — своя юность. Сейчас это уже не романтический, а вынуждено прагматический возраст: приходится задумываться о будущей профессии: куда пойти учиться? Что будет более перспективным и интересным?»

Время торопит человека взрослеть. Но что такое повзрослеть? Это стать способным действовать самостоятельно, не зависеть от других. А это возможно лишь тогда, когда человек состоится как личность, когда он сориентируется в окружающем его многообразии жизни. Иначе, о какой же самостоятельности можно говорить! Сориентироваться — это значит решить целый ряд вопросов, и, в первую очередь, всегда злободневные вопросы: как надо жить и как жить хорошо? Сориентироваться — это совершить выбор: от чего-то отмежеваться, к чему-то устремиться, над чем-то задуматься.

Выбор — это священное право человека, право его свободы. Господь вложил в людей, в каждого из нас это достоинство выбора. И в юности фактически человек выбирает себе жизнь. Но свободен ли этот выбор?

Если посмотреть на сегодняшний мир внимательно, то мы увидим, что свободы выбора человек как раз лишается все больше и больше. Жизнь становится все более обус-

ловленной внешними обстоятельствами, средой, средствами. Истинный же выбор предполагает только внутреннюю обусловленность. Таким образом, жизнь внешняя сегодня очень агрессивна и яростно посягает на внутреннюю жизнь человека. Вот в чем главная беда. Извращается само понятие свободы: из внутреннего чувства она становится только внешним действием.

Жизнь человека не есть только жизнь тела, это и жизнь души. Душа — первый наш воспитанник. Время учит человека жестокости по отношению к своей душе, пренебрежению к ней и даже насилию над ней. Мир предлагает множество суррогатов ей в пищу — лишь бы молчала. Но совсем отделаться от нее нет возможности, душа — наша пожизненная ноша.

Легка ли ноша души в юности? Легко ли быть молодым? У сегодняшнего юноши как-то нет времени на обдумывание житей, на внутренний выбор. Жизнь требует стремительно включиться в действие. Человеку все чаще предлагаются контрактные отношения. Но они для жизни души неестественны. Контракт как раз и лишает человека свободы. Язычество договорных отношений — вот второй топ, который обрушился на землю.

А что же юность? Внутреннее самоопределение личности очень затруднено. Может ли тогда состояться взросление, приобретает ли самостоятельность? И свободны ли мы, живем ли мы в настоящем смысле этого слова?»

С такого примерно диалога можно начать занятия с молодежной группой. Мы специально отступили от обычного плана нашего изложения, чтобы показать сам принцип беседы с молодежью.

В каком-то возрасте воскресная школа окунает своих питомцев в новую среду, в каком-то — дает новую информацию, в каком-то — насыщает переживаниями, а в каком-то — она должна задавать серьезные вопросы. Почему? Да потому, что 16–17 лет — это время «проклятых вопросов». В современном мире оно чрезвычайно сокращено — жить некогда. А Церковь стоит именно на страже жизни.

Не внешней деятельности, которая лишь необходима, но никак не достаточна для человека, а истинной жизни, жизни внутренней, которая здесь начинается и является проводником в Жизнь Вечную.

Если юноша в храм пришел, его не нужно сразу быстро пристраивать к функциональной жизни прихода, вовлекать в общие дела. Может быть, и не в этом сейчас у него нужда. Может быть, ему нужны вопросы, а не ответы, потому что вопрошание — это уже милость Божия. Значительно страшнее, когда нет вопросов. А ведь выражение «no problem!» стало почти символом нашего времени.

Культура мышления и есть умение переходить от одного вопроса к другому. Мы предлагаем человеку задуматься о жизни. Для юности это всегда было естественным, но сейчас молодому человеку в этом надо помогать, то есть надо учить юношей стремиться не к однозначным правильным ответам, а искать прежде глубоких вопросов.

Шестнадцатилетние и семнадцатилетние юноши и девушки оказались сейчас в непростом положении. Они на пороге жизни, перед ними два пути: путь жизни и путь смерти (так, кстати, можно было бы и назвать программу для юношества). Из чего же она должна складываться? Прежде всего из побуждающих к размышлению бесед.

Не будем думать, что если ребенок вырос в Церкви, то он защищен от проблем своего возраста и своего времени. Только для тех, кто чувствует внутреннее призвание к монашеству и готов уже оставить мир и начать иноческий подвиг, проблемы сегодняшнего дня не так актуальны. У всех других эти вопросы непременно найдут внутренний отклик.

Итак, воскресная школа может предложить юношеству особый вид занятий — религиозно-философские собрания, беседы о насущных вопросах жизни. Цель: активизация внутренней интеллектуальной жизни, которая по своим антропологическим законам непременно затронет жизнь духа. Недаром ум (νοος) у греков часто стоит синонимом к слову «дух».

Куда же мы поведем наш корабль? Ведь занятие — это совместное движение, и если мы вовлекаем юношество в совместное путешествие, то должны точно знать, куда плывем, и не сбиться с курса. Другое значение слова «курс» по существу является синонимом программы.

Итак, это должны быть занятия, которые окунут юношество в светлые потоки христианской мысли. Не забудем, что есть почти не читанное современниками наследие святых отцов Церкви, есть религиозная философия, есть христианская публицистика. Эти сокровища пусть послужат пробуждению пытливости ума и началам богомыслия.

Дело в том, что вера в человеке, если так можно сказать, «дышит», то есть вера не есть состояние одной неподвижной точки, а наоборот, состояние внутреннего движения. А движению нужно топливо. Богомыслие — это как раз то, что хорошо дать юноше с собой в дорогу. Но не будем богомыслие путать с человеческим мудрованием. И юношей надо научить отличать слово, идущее от Бога, от пустословия и, самое главное — от празднословия. (Как трудно нам избавиться от этой болезни, которая является, кажется, одним из худших наследий нашего недавнего прошлого!)

Так как же можно выстроить программу для юношества? Попытаемся наметить темы. Первую мы уже показали, это: «Как жить хорошо?» Затем, надо сохранять четкую непрерывность рассуждений — «А что такое хорошо?» (внутреннее и внешнее состояние). Что люди отвечали на этот вопрос на протяжении веков? Что сказалось христианство? Смысл жизни. Откровение веры. Путь к храму. Храм. Символика священнических облачений. Икона. Что такое Церковь? Священное Писание — Священное Предание. О молитве (см. методические разработки в книге «Мироведение»).

Кроме того, надо показать разные пути к святости. Историю Церкви можно представить и как историю обращений разных людей. Например:

1. Призвание пророка (Ис. 6). Хорошо показать лито-

графию Э. Барлаха «Призвание». Затем обращение Савла (не забудем об одноименных живописных полотнах П.Брейгеля и Караваджо). Затем — блаженный Августин и Франциск Ассизский — обретение радости. И в довершение этого круга можем почитать Достоевского: обращение Зосимы из «Братьев Карамазовых» и там же второй путь, путь к смерти — «Исповедь великого инквизитора».

И далее начинаем новый виток: В.Соловьев «Три речи памяти Достоевского», «Чтения о Богочеловечестве». Тут же хорошо показать, как православная мысль откликается на все значительные явления жизни: познакомить слушателей с трудом архимандрита Федора (Бухарева) «Православие в его отношении к современности» и дать его же рецензию на «Отцов и детей» Тургенева.

Затем, конечно, нужно остановиться на проблемах христианской антропологии: что значит образ и подобие Божие? Христианство — это не сумма знаний, а новый человек, как мы читаем у свт. Игнатия (Брянчанинова) в «Слове о человеке». Каковы же возможные пути человека, каков замысел Божий о нас? И, наконец, подходим к эсхатологии, самой горячей точке христианской богословской науки. Пытаемся привить православное понимание смерти. Здесь уместно показать и пояснить изображение иконы Страшного суда, а в заключение обобщить все Евангельское благовестие и дать образ Пасхальной веры как неиссякающей радости.

Затем можно перейти к историческому циклу, который хорошо построить на книге Г. Флоровского «Пути русского богословия». Нужно, чтобы занятия непременно включали слушателей в работу. Сократическая беседа «разогреет» аудиторию, расшевелит людей, но потом необходимо предложить им труд, и трудом этим пусть станет чтение.

Что выше чтения? Только молитва. Но читать, прямо скажем, мы не очень-то умеем. «Медленное чтение» по Бахтину — радость единиц. Поэтому-то и возникает нужда у Церкви — научить юношество правильному чтению,

т. е. восприятию не отдельных слов и сюжета, а всей языковой системы, движущейся в определенном времени и пространстве.

Как же это сделать? Читать на занятиях вслух с комментариями, с остановками, размышляя, а, если чувствуем, что перед нами слово истинно — вбирая.

Работа с РОДИТЕЛЯМИ

Мы уже говорили, что нынешнее время не позволяет нам заниматься в воскресной школе только с детьми — необходима систематическая работа с родителями. Недостаточно просто изредка устраивать беседы на религиозные темы, нужно организовать такую систему занятий, чтобы родители «шли в ногу» со своими детьми.

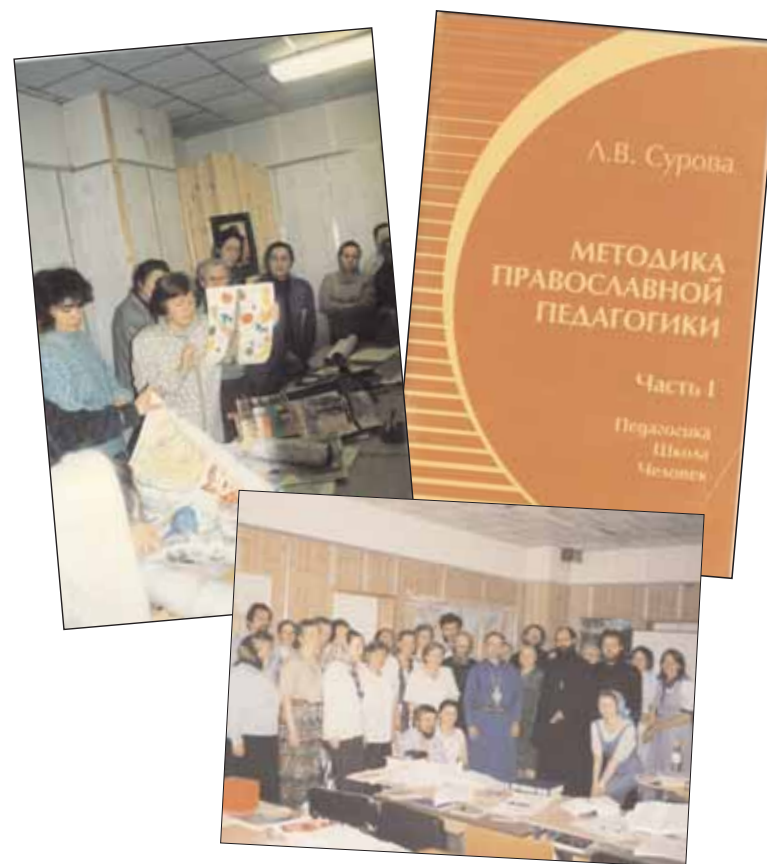
Вначале можно просто информировать, что проходят дети на уроках, и незаметно расширять зону этой информации до катехизации, делать ее соответствующей интересам взрослого человека. Занятия с родителями хорошо бы проводить раз в месяц, но не реже.

Незаменимую роль здесь могут сыграть тематические слайд-фильмы. Они, во-первых, зрелищны, во-вторых, как-то сам собой снимается элемент назидания, который делает свободное восприятие почти невозможным и многих взрослых может просто оттолкнуть.

Мы предлагаем программу, состоящую из чередующихся слайд-фильмов и бесед¹ Слайд-фильмы: «Храм», «Икона и ее отличие от картины», «Библия в храме», «Что такое Церковь?», «Священное Предание Церкви», «Символика церковных облачений» — все они дают возможность слушателям реально ощутить глубокий, таинственный мир Церкви. К тому же слайд-фильм всегда предполагает живое общение, которое на следующем же занятии естественно перерастает в вероучительную беседу. Но актуальность ее для слушателей уже значительно выше.

¹ См. нашу книгу «Мироведение»././ В книге «Православная школа сегодня». Изд. Владимирской епархии. 1996.

Итак, проект новой воскресной школы предполагает четыре ступени воцерковления. Программы первой ступени представлены в нашей книге «Мироведение». Там вы найдете планы уроков программ «Введение в Предание» и «Мироведение», а также монтажные листы учебных слайд-фильмов и текст огласительных бесед из программы катехизации для старшеклассников и родителей «Путь к храму».

Из книги «Методика
православной педагогики»

ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ¹

1. Педагогика как область социально-общественной деятельности.
Связь педагогики с господствующим в обществе мировоззрением.
Предмет педагогики.
2. Воспитание, обучение и развитие.
3. Содержание и особенности православной педагогики и отличие ее от других педагогических систем.

1. Напомним, что слово «педагогика» переводится с греческого как «детоводительство». Так называли слугу, который препровождал ученика к учителю (дидаскалу). Со временем это слово приобрело и новое значение — педагогией стали называть искусство воспитания детей, а также науку о воспитании. Как область общественной деятельности педагогика порождена самой жизнью. Она возникла вместе с обществом и умрет, видимо, тоже вместе с ним. Именно через воспитание общество репродуцирует себя, то есть обеспечивает свое воспроизводство.

На протяжении всей истории развития человечества можно видеть не только разные личности педагогов, но и разные педагогические системы. Откуда же рождается та или иная педагогическая система? В каком отношении находится педагогика с общественным сознанием данного времени?

Если мы посмотрим на любое общество, то обнаружим некий комплекс доминирующих идей, систему ценностей, некую идеологию, через которую общество не только осознает само себя, но и формулирует свои импе-

¹ Эта и две последующих статьи представляют собой вводный спецкурс по предмету «Православная педагогика», который читался на Курсах подготовки православных педагогов при Отделе религиозного образования и катехизации Московского Патриархата в 1996–2006 г.

ративы, то есть систему долженствований. Она рождается из естественной потребности развития, так как любое общество стремится не только себя воспроизвести, а как бы дойти до совершенства в самом себе, преодолеть противоречия и пороки сегодняшнего дня. Эта-то система долженствований, а проще, правил и закладывается в основу педагогики — этим правилам начинают учить детей. Таким образом, педагогика отражает не только нравы конкретного исторического общества, но и то, как общество хочет жить, как оно мыслит себя в будущем. Этим и обусловлено содержание образования в каждую конкретно-историческую эпоху.

Пример. Общественным идеалом Древней Греции был всеобъемлющий принцип гармонии. И ценность человека невольно зависела от того, насколько он сам гармоничен, то есть разносторонне и целостно развит. Это и определяло педагогическую систему греков — установка делалась на гармоническое воспитание. Знакомый всем тезис «В здоровом теле — здоровый дух» невольно отразился и в педагогической системе Греции. Духовное, сущностное начало вещей невольно оказывается здесь в подчинении у пленительной и совершенной материальной формы — греческая школа вся устремлена к воспитанию эстетического сознания, к идеалам прекрасного в разных областях жизни. По сути, только прекрасное и понимается как жизненно необходимое и достойное. Отсюда греческая школа стала школой искусств: гимнастикой она стремилась развить тела своих воспитанников, музыкой — их способность пластично двигаться. Даже изучение грамматики носило эстетический характер — это было постижение внутренней структуры языка, которая открывала дорогу риторике — столь любимому в Древней Греции искусству говорить.

Проходит некоторое время, и школа принципиально меняет свой характер. Средние века привели с собой новую жизнь. Проповедь христианства перевернула представления человечества о ценностях. В общественном сознании

возникают новые идеалы, которые ложатся в основу новой педагогики. Рождается христианская школа, в которой основное внимание уделяется вопросам духовного воспитания. Музыка и гимнастика исчезают бесследно, но вот что примечательно, в александрийской христианской школе и риторика не преподается, а, наоборот, считается вредной наукой, порождающей в воспитанниках соблазнительные навыки пустословия и празднословия. Все внимание теперь сосредоточено на внутреннем развитии личности, на воспитании души и укреплении духа.

Проходит еще некоторое время, и новая историческая эпоха заявляет о себе новыми общественными устремлениями. Возрождение воскрешает интерес к эстетическим идеалам древности и силится сопрячь их с духовным багажом христианства. В общественном сознании вновь появляется внимание к личности человека, к его индивидуальным духовным и душевным переживаниям.

Через несколько веков эпоха Просвещения выводит на арену общественной жизни новых кумиров: естественные и точные науки, — рождается новое мышление, мышление естествоиспытателя.

Школа отражает каждый период истории человечества. Мало того, в одно и то же историческое время противоборствующие общественные и духовные тенденции обычно порождают каждая свою школу. Мы здесь говорим не только о содержании образования, но и о формах и методах самого школьного дела. Идеалы школы не являются ее собственным порождением — они укоренены в обществе.

Таким образом, можно дать следующее определение педагогике:

Педагогика — это непрерывный общественный процесс воспитания детей, текущий в глубине любого общества, который своим содержанием и формой точно отражает основной комплекс идей, бытующих в обществе, способы организации жизни конкретно-исторической эпохи и ее основные общественные тенденции и противоречия.

2. Педагогику как общественное явление принято условно делить на несколько областей: прежде всего это **воспитание и обучение**. Они представляют собой диалектическое единство, но вместе с тем можно вычленить круг специальных интересов каждой. **Воспитание** — это процесс ориентации детей в культурно-социальном пространстве общества, выработка у них определенных, отношений к тем или иным общественным явлениям и понятиям, установление иерархической системы ценностей. Воспитание по своим методам есть глубинное проникновение в личность ребенка, формирование его мировоззрения. Оно способно охватывать не только ум человека, но и проникать в его чувства, направлять волю. Именно на основании чувств и воли, подкрепленных ясным видением и пониманием действительности, возникает у человека возможность активного поведения в обществе, адекватного своему мировоззрению.

Великие педагоги считали, что **процесс воспитания является базовым основанием любой педагогики**.

«Несомненно, что воспитание ребенка может происходить помимо всякой преднамеренной теории и независимо от того, обращено ли на это внимание, — пишет Н.И. Пирогов в своей статье «Образование и воспитание». — Не учивши дитя, можно вырастить круглого невежду; но если его не воспитывать, то оно воспитается собственными средствами... От образования некоторого взгляда на вещи — правильного или неправильного, — от образования нравственного кодекса вы его не убережете»¹. Таким образом, мы на педагогику «обречены», мы не можем устранимся, этим мы предали бы саму жизнь. «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием; — говорит Платон в книге «О законах», — если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля»².

¹ Пирогов. Н.И. Избр. Пед. соч. М. Педагогика. 1985. С. 174

² Платон «О законах», кн. 6.

В педагогической литературе можно встретить несколько синонимов слова «воспитания» — это: **образование, формирование** и даже **просвещение**. Во всех случаях речь идет об участии в духовно-нравственном становлении личности. «Образовать человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех, есть искусство из искусств» (Св. Григорий Назианзин).

Перейдем ко второй составляющей педагогики — к обучению. **Обучение** — есть целенаправленный процесс передачи технологического, научного и художественного опыта подрастающему поколению. В результате обучения дети получают систему научных знаний, фактов, овладевают практическими навыками жизнедеятельности. Умение читать и считать, умение мыслить и сопоставлять, умение решать различные задачи — вот что является одним из итогов правильного обучения. Но, пожалуй, самый главный навык, который должен быть привит человеку в детстве — это умение учиться, то есть желание приобретать новые и новые полезные знания и навыки. «Правильно обучать юношество — это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, — пишет выдающийся педагог Ян Амос Коменский в своей «Великой дидактике», — а это, значит, — раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки»¹.

Любая профессиональная деятельность опирается на реальное умение человека, на его способность к тем или иным операциям. Отсюда иногда обучению отводят первенствующую роль в педагогике. С этим трудно согласиться, так как любая деятельность включает в себя анализ и понимание проблемы, умение и возможность ее разрешить, и, может быть самое главное — желание приложить свои усилия к ее решению. Можно научить правильно анализировать ситуацию и выработать нужные технологические навыки, но желание участвовать в деле и воля к труду — могут

¹ Коменский Я. А. «Великая дидактика» с. 355.

быть развиты только в процессе длительного системного воспитания. Может быть, поэтому замечательный педагог Аделаида Семеновна Симанович писала в своей книге «Практические заметки об индивидуальном и общественном воспитании маленьких детей»: «Обучение — одно из вспомогательных средств воспитания. Посредством обучения, начиная с раннего возраста, приобретаются элементарные знания, развиваются умственные способности и нравственные силы»¹. К этому близка была и позиция немецкого педагога Фридриха Фребеля, который первый провозгласил тезис: **воспитание — в процессе обучения**, связав тем самым цель и средства педагогики в одно целостное действие.

Итак, **функция педагогики — воспитывать и обучать**. Но реализуется она только при одном условии — условии развития.

Развитие — общий закон жизни. Развивается все: общество, искусство, производство, развивается ребенок, его тело, его сознание, но развивается и болезнь, и преступные наклонности. Развитие — движение от зерна к растению, цветку и плоду, от замысла к воплощению. Развитие жизни остановить нельзя, также как нельзя остановить время. Но педагогу недостаточно эмпирически чувствовать факт развития, ему нужно осмыслить его философски, духовно. «Сущность развития — в направленном изменении систем от менее упорядоченного к более упорядоченному состоянию, в росте их организации»². Так определяет развитие современная психология. Причем мы нигде не встретим в жизни автономной системы: всегда одна система будет заключена в другой, а вместе они будут живой частью третьей и так далее.

Таким образом, развитие есть само течение жизни, сам ее процесс. Оказаться вне развития, значило бы, ока-

¹ *Симанович А.С.* Практические заметки об индивидуальном и общественном воспитании маленьких детей. 1874.

² *Чуприкова Н.И.* Психология умственного развития: принцип дифференциации. М: «Столетие», 1997.С.7.

заться вне жизни. Поэтому для педагогики развитие — это та операционная среда, которая и дает наставнику возможность действовать, то есть стихийное развитие личности делать целенаправленным. «Процессы развития делают научение возможным, но само научение не является причиной развития, — пишет замечательный английский психолог Томас Бауэр. — Способность к научению первоначально определяется врожденными механизмами, которые могут угасать, если их не упражнять»¹. Таким образом, постепенно вырисовываются и поле деятельности, и социально-психологические функции педагогики.

Педагогика берет на себя функцию целенаправленного развития личности.

«Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, — пишет А.С.Макаренко в Книге для родителей, — каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка. Весь этот “хаос” не поддается как будто никакому учету, тем не менее, он создает в каждый момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им — вот задача воспитания»².

Мы очертили круг проблем, общий для любых педагогических систем, ибо в структурном отношении они все обусловлены едиными законами. По—настоящему различным является, как мы уже пытались показать, содержание образования. Оно полностью определяется идеалами, господствующими в обществе или в определенной социальной группе. Предмет наших интересов — христианская педагогика, православное воспитание, развитие и обучение детей. Попытаемся осмыслить эти понятия, согласуя достижения

¹ *Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. М. «Прогресс», 1979. С.24–25.

² *Макаренко А.С.* Книга для родителей. М., 1934. С. 4.

современной психологии и педагогики с учением и жизнью Православной Церкви.

3. Отличие **христианской педагогики** от любой другой педагогической системы заключается в том, что она готовит человека не только для полноценного земного существования, но, прежде всего — для жизни будущего века. С христианством началась новая, третья онтологическая эпоха: 1 — хаос, 2 — космос, 3 — Церковь. Христианство не просто комплекс неких идей, овладевших умами, а новая жизнь, новый человек, свидетельствующий о своих новых ощущениях, чувствах и мыслях.

Церковь — это именно собрание новых людей, делящихся друг с другом своим духовным опытом. Митрополит Антоний (Храповицкий) называет церковь «собранием человеческих совестей»¹. Новые люди обрели и новое призвание: по словам апостола Павла, все мы призваны к святости. В христианстве жизнь человека обретает особый смысл и значение.

Отсюда и христианская педагогика опирается не на какую-то философскую идею, а на само бытие Церкви как нового богоданного союза человека и бога. Основанием ее стало, с одной стороны, христианское учение, а с другой — духовный опыт Церкви, то есть многообразные человеческие пути к святости. Из всего этого и вытекает, что:

Содержание христианской педагогики. Это прежде всего введение детей в жизнь Церкви, приобретение навыков общественной и личной духовной жизни. Кроме того, это воспитание христианского мировоззрения, осмысление мира, жизни, человека и его деятельности в свете Божественного откровения. И наконец, это подготовка детей к общественному христианскому служению, развитие их дарований, воспитание христианских чувств и воли.

Таким образом, христианской школа отличается от других, прежде всего тем, что не может не ставить задачу

¹ Митрополит Антоний (Храповицкий). Чтения по пастырскому богословию. Белград, 1935. С.12.

организации христианской жизни детей, в которой они приобретают новый опыт общения, общения в любви. Этот фактор является, пожалуй, самым значительным и вместе с тем не поддается никакому рациональному регулированию. На первом месте стоит в христианской педагогике — воспитание. Но и **воспитание** здесь **не есть выработка определенных норм поведения и стереотипов отношения, а живая духовная реакция на происходящее.** В христианской педагогике мы не имеем жесткого свода нормативов и примеров, под которые нужно подогнать ребенка, жизнь каждого ценна именно своим личным путем и личным трудом, на это педагог и должен ориентировать.

Святой древней церкви Климент Александрийский (II век), один из первых руководителей древнехристианской школы в Александрии, в своей книге «Педагог» говорит о трех этапах христианского образования: увещании, воспитании и научении¹. Они осуществляются не одновременно, а строго последовательно: сначала призывание к вере, указание на то, что уже в нашей жизни человек может обрести мир, свидетельствующий о Царствии Небесном. Затем период воспитания, когда идет реальное приучение себя к жизни по заповедям, тренировка воли и облагораживание чувств. И только после того следует научение высоким истинам Откровения, которые содержатся в Священном Писании.

На протяжении всех трех этапов истинным Педагогом, считает Климент Александрийский, является Господь Иисус Христос, Спаситель. О любом человеке именно Он совершает личное попечение, лично ведет его к спасению. Такая точка зрения не единична в Древней Церкви, скорее наоборот: вся история Церкви свидетельствует о Промысле Божиим, который реализуется в личных судьбах людей. Если мы примем эту общецерковную точку зрения, нам станет понятным и роль христианского педагога в деле воспитания личности. Мы — не самостоятельные возделыватели

¹ Климент Александрийский. Педагог. М., 1996. С. 29.

детских душ, а **соработники Богу**, ассистенты, помощники Первого Педагога, слова которого мы должны улавливать, и незримые действия которого расшифровывать. И основу христианской педагогики тогда можно представить как тончайшее **вслушивание в Промысел Божий**, в слова Божественной педагогики.

Но само вслушивание и созерцание — это большой труд. Можно сказать, что христианская педагогика — это не система тех или иных правил, а, прежде всего вопрошающий христианский педагог. Педагог, который стоит рядом с ребенком и помогает ему среди общего шума жизни различать слова Божии.

Христианский педагог всегда находится на перекрестке трех тайн:

- личностные особенности развития ребенка, его психологическая индивидуальность;
- промысел Божий о ребенке, о его духовном пути;
- чувство времени, как разворачивающееся в человеческой истории Божественное Домостроительство.

Наше христианское время принципиально отличается от ветхозаветного. Если в книге «Второзаконие» содержится очень подробный перечень Законов, которые надо выполнять, и разъяснений к ним, то в христианстве мы, прежде всего, сталкиваемся с законом любви, высшими заповедями становятся, по словам Спасителя, заповеди: «любите Бога и любите ближнего», «душу свою за други своя», «возлюби ближнего своего как самого себя». Как это можно воплотить в жизнь и как этому научить?! — может вырваться вопрос. Тем не менее, именно эти заповеди являют нам конечную цель и задачу христианского воспитания. Правда, задача эта осуществляется не только школой, но школой совместно с Церковью. По сути, христианская педагогика — это **введение в Церковь**, она готовит ребенка к духовной жизни, но сама не должна претендовать на духовное руководство.

Соработничество имеет две болезни: пассивность и своеволие. Досадно много в Церкви пассивных педагогов.

Они оправдываются обычно словами: «Что я могу своими малыми силами?! Господь Сам все как надо устроит, не надо ничего делать, давайте подождем, жили же наши предки с Богом без всякой педагогики и т.д.» Такие спекулятивные рассуждения обычно опираются на ложное смирение, которое на самом деле хуже гордыни. Они свидетельствуют не о вслушивании в слово Божие, и не о любви к ребенку, а о душевной холодности, которая предвещена в конце времен, как великое оскудение благодати.

Да, соработник — это не законодатель и не начальник. «Я хочу быть карандашиком в Божиих руках», — сказала однажды всемирно известная христианская подвижница мать Тереза, всю свою жизнь посвятившая делам милосердия и сострадания. Быть прозрачным, чтобы не заслонять Бога, не становиться проповедником самого себя, и вместе с тем быть действенным, чтобы суметь выполнять волю Божию — вот к чему должен стремиться христианский педагог. Боязнь же принять решение и возложить на свои плечи груз ответственности часто оборачивается протым дезертирством и предательством ребенка.

С другой стороны, не менее страшно и своеволие педагога, тем более, если это своеволие распространяется не только на руководство внешним поведением ребенка, но претендует вторгнуться в его святая святых — в душу. Христианская педагогика именно потому, что она в союзе с Церковью, должна четко знать свое место, то есть круг своих полномочий. Школьные занятия нельзя наделять никакой мистикой, никаким ритуализмом. Любая школа, прежде всего, должна быть подчинена законам детства, духовный опыт педагога не должен довлеть над детьми.

Уместно здесь привести концепцию христианской педагогики Констанции Тарасар, четко сформулированную в докладе на Рождественских чтениях 1998г.¹ Она рассмат-

¹ *Констанция Тарасар. Концепция христианского образования. // В кн. Рождественские чтения 1998 г. М.: Просветитель. С. 342.*

ривает христианскую педагогику в трех формах ее бытия: школа, богослужение, и в дом. На это практически и сориентированы догматика, литургика и нравственное богословие. Они рассматриваются не как школьные предметы, а как три различные области христианской жизни, в которых нужно научиться жить ребенку. В каждой из них свои педагогические методы. И христианская педагогика должна обхватывать все эти области, только тогда она выполнит свою задачу, то есть даст ребенку точные знания (школа), научит его со всей полнотой души молиться (участие в богослужении) и сохранять христианские идеалы в жизни, в реальном общении людей (нравственность). Эта позиция на сегодняшний день кажется наиболее целостной и соответствующей христианским идеалам.

На что же опирается христианская педагогика, как на свою незыблемую идейную основу? На то, что составляет основу и Православного богословия, и богослужебной практики Церкви, и домашнего благочестия:

- на Священное Писание
- на жизненную силу Таинств Церкви,
- на Священное Предание.

Но педагогу нужно всегда помнить, что кроме Священного Предания Церкви есть предания исторические, «предания старины глубокой». В жизни они тесно переплетены, и педагогу нужно научиться их различать, чтобы не впасть в догматизацию исторических, этнических или культурных особенностей бытия Церкви.

Например, установление о храме. Моисею было дано точное указание, каким должно быть место, где Бог будет говорить с человеком. Первым походным, переносным храмом стала скиния собрания. Через три века в Палестине воздвигается Иерусалимский храм — он был единственным. А в наше время в России великое множество храмов. Они сильно отличаются друг от друга по архитектурным особенностям, по убранству интерьера. Но во всех храмах есть и неизменные части: крест над маковкой, алтарь, престол, богослужебные книги и священные сосуды. Можно ли

говорить о едином образе православного храма? По-видимому, нет, во всяком случае, внешний образ — разный, внутреннее же содержание и назначение — едины. Православный педагог должен всегда стремиться обнаружить этот незыблемый центр в Предании Церкви, священное содержание любого образа. Формы же бытия этого священного содержания будут различны.

И потому учить детей нужно, прежде всего, содержанию, а не форме. Это применимо ко всем областям знаний и человеческого опыта, но особенное значение это имеет для правильного развития и становления духовной жизни ребенка: научение внешним формам благочестия никогда не приводит к правдивости и духовной глубине. Формальные знания опасны тем, что при определенном количестве они начинают восприниматься как сущностные. Пожалуй, это главная опасность православной педагогики, постоянное ее искушение.

Нужно различать Священное и историческое, священное и талантливое, священное и то, что нам нравится. Нельзя не вспомнить здесь слова о. Георгия Флоровского: «Два соблазна зачаровывают русскую душу. Соблазн священного быта, это соблазн Древней Руси, соблазн старообрядчества... И соблазн пиетического утешения, очарование душевного уюта»¹. В полной мере эти соблазны искушают православную школу: стремление воспитать у детей чистую правильную веру часто оборачивается воспитанием обрядоверия.

Ведь что такое обрядоверие? Это пристрастие к той или иной форме обряда, оно плохо, прежде всего, тем, что это пристрастие, что человек перестает чувствовать центр Священного, а большее внимание обращает на форму.

Есть и духовный корень в обрядоверии: человек страшитесь остаться в поиске, в неведении, ему легче иметь пример для подражания и алгоритм действия, это дает опреде-

¹ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. УМСА-PRESS, 1981. С. 502.

ленную опору, ему начинает казаться, что он знает, как жить и что делать.

Но христианство нам никаких внешних образов для подражания и алгоритмов поведения дать не может. Утренние и вечерние молитвы это молитвенные вопрошания, стояние в трепете и ожидании от Бога живых словес, просвещающих и указующих нам каждодневный путь нашей жизни: «Да будет воля Твоя»!

Чем больше мы углубляемся в живой опыт церкви, тем яснее становится, что содержанием христианской педагогики являются не столько знания и мировоззренческие установки, сколько сам **метод преподавания**, метод уже вводящий, **приучающий детей к вопрошанию как форме бытия**. Православный педагог должен понимать, что христианин — крепость, в которой правит Христос, а не он сам. Мы не властители самих себя, а потому и дети, ученики — не наши подчиненные.

Сопоставим две вещи: педагогику и проповедь. Проповедь — это, прежде всего слово веры, которое может стать началом движения человека к истинной жизни. Педагогика — это само движение, совместное движение учителя и ученика в пространстве диалога: слово веры должно непременно соединиться здесь с делом веры. Даже проповедь апостола Павла в ареопаге — необыкновенный образец ораторского искусства — была услышана только несколькими людьми, а после слов о воскресении мертвых, часть людей вообще перестала слушать и только несколько людей подошли к нему.

Для педагогики более подходит неразделенный образ Марфы и Марии — деятельного и созерцательного христианства: внимаем слову и ... действуем по слову. Эта первая заповедь христианского педагога, этому же учим и детей. Если мы педагогику сведем к проповеди, что часто и происходит в наших школах, то мы оставим ребенка в одиночестве.

В большую жизнь, которая детей ожидает, входит не только жизнь Церкви, но и жизнь общества, которое их окружает дома, в школе, на улице. Христианский педагог не

может учить жить детей отдельно от жизни мира. Мы не знаем промысла Божия и нужно ориентировать ребенка на жизнь глубоко самостоятельную и полную. Кто-то выберет монашеский путь, кто-то будет в миру врачом, строителем, художником, кто-то придет на клирос петь. Педагоги не должны воспитывать только клирошан, они должны, прежде всего, воспитывать — христиан, которые будут трудиться на ниве Божией.

Отсюда и **проблема развития** ребенка решается в христианской педагогике, так же как и в школах с другим мировоззрением: таланты надо развивать, это дары, которые Господь послал людям. Но само развитие должно быть целомудренным, не развращающим, а наоборот, собирающим воедино все силы души человека. Такое развитие личности по-настоящему и возможно только, когда мы осознаем себя образом и подобием Божиим. Только тогда человек получает как бы истинную систему координат и может ориентироваться в жизни. Мир начинает восприниматься им не как общественно-бытовое поприще приложения своих сил и талантов, а как школа Вечной жизни, как начало пути к себе, к своему истинному «Я». Знания о Церкви ребенку дать трудно, важно начать вместе с ним его духовный путь, то есть труды строительства себя по образу и подобию Божию.

Теперь нам может быть понятен кризис схоластической системы христианской педагогики, сложившейся в конце средних веков, которая стремилась прежде всего наполнить ребенка христианскими знаниями. Знания не определяют жизнь ребенка. По сути, кризис схоластики — это **кризис обучения, не связанного с воспитанием**. Как видим, в христианской педагогике этот вопрос стоит острее, чем в других школах.

Духовное знание, не подкрепленное личным опытом, не проведенное в жизнь — способно больше развратить, чем развить.

Живые формы педагогики рождались в самой Церкви на протяжении многих веков, но всегда они встречались с почти демоническим противостоянием схоластики, кото-

рая является соблазном для каждого нового поколения учителей.

Хорошую профилактическую помощь может оказать нам сама история христианской педагогики. Даже при беглом взгляде видна борьба косного, но комфортного для учителя способа обучения как вещания, как декларирования прописных истин, и педагогических поисков новых форм организации педагогического процесса.

Замечателен вклад в христианскую педагогику Николая Дмитриевича Ушинского. Его «Педагогическая антропология», в которой разбираются глубочайшие проблемы формирования личности ребенка, по истине должна стать настольной книгой православного учителя. Важны также работы Н.И. Пирогова, горячо радеющего о целостном воспитании. Ни с чем не сравним необыкновенный опыт Рачинского, который создал свою сельскую школу-общину.

Но, к сожалению таких примеров мало. А ведь преподавание Закона Божьего в гимназиях, реальных училищах и школах было обязательным, стало быть, педагогов Закона Божьего было очень много. Почему же история страны и история литературы сохранили так много отрицательных примеров? Можно ли посчитать это тенденциозной ошибкой? Вряд ли. Повсеместное господство схоластики в духовной школе, не давало возможности родиться православной педагогике как живой системе духовного воспитания детей. Педагогический опыт святого Иоанна Кронштадтского¹ с его пылким стремлением пробудить в ребенке любовь к Богу для конца XIX—начала XX века был скорее исключением, а не правилом. Кроме того, он практически неповторим, так как держится на необыкновенной духовной силе личности святого. Массовое же учительство в области Закона Божьего было ориентировано на начетничество, то

¹ Педагогическая деятельность о.Иоанна Кронштадтского. //В кн. Опыт православной педагогики. М: Молодая гвардия, 1993. С. 95–105.

есть на заучивание Священных истин вне какой бы то ни было связи с духовной жизнью самого ребенка¹.

Поэтому разрыв в традиции, который исторически образовался в православной педагогике России, может быть, не следует слишком драматизировать: теперь мы можем лучше рассмотреть, что в христианской школе дореволюционной России было вызвано требованиями времени, что человеческими слабостями и страстями, а что поистине являло собой педагогическое открытие и честное служение христианина.

Традицию в христианской педагогике мы должны понимать не как повторение и воспроизводство старых, привычных форм учебного процесса, а как единение с истиной, как рождение новых форм и методов образования, во времени соответствующих священному содержанию жизни. Таким образом, само собой уточняется и понятие развития в христианской педагогике.

Развитие — это поиск и обретение ребенком новых форм интеллектуального, эмоционального и духовного бытия в традиции и Предании Церкви.

Язык Церкви христианским педагогом должен быть правильно услышан и переведен на язык времени, надо соприять детскую душу, еще не знающую саму себя, с той живой жизнью, которой живет не только весь приход, но и вся Церковь. Но чтобы это стало возможным, прежде всего, нужно посмотреть на детей. Каковы же сегодняшние дети и как на них отразилось время? Педагог должен быть ответственным, он должен посмотреть, кто к нему пришел, и что он может сделать для этого человека. Детоводительство, коим является педагогика, в большей мере, чем любое другое служение, зависит от того, кого мы собрались вести.

Пример. На занятия в воскресную школу пришли две девочки 13 лет. Очень скоро оказалось, что у них нет не

¹ Свящ. Е.Сосунцов. Библиографический обзор учебников по Закону Божию. СПб. 1915. С.18.

только представления о девстве и целомудрии, но и о ценности человека, как целостного существа. Круг интересов — мальчики, деньги, интимные отношения, школа, поскольку там они встречаются с мальчиками. Мамы этих девочек родили их в одиночестве в возрасте 16–17 лет. Материнство их было чисто номинальным. Фактически эти девочки не только духовно беспризорны, они беспризорны и как дети, как девочки. У одной была бабушка, у других — нет. Фактически их воспитывала улица. Чудо само по себе уже то, что эти девочки пришли в храм. Они не могут сами сказать зачем? Они все заполнены чувственностью и ничем более, интеллект не развит, даже эмоциональная сфера подавлена грубостью физиологических инстинктов.

Что с ними сделать? Как установить контакт и на какой почве? У них свой язык и своя, уже сложившаяся система ценностей. Она так не согласуется с привычными ценностями христианства, что возникает желание отмежеваться от этих заблудших овец. Вот это-то отмежевание и является главным трудноискоренимым наследием нашего идеологического прошлого. Оно через века аукается с инквизиторской схоластикой и в современной православной школе сеет семена ревностного благочестия, а не служения ближнему. **Служение требует сближения.** Безличная проповедь христианства невозможна — это подмена любви — законом, то есть возврат к дохристианскому прошлому. Тем более невозможна безличная христианская педагогика.

Но как же быть с этими девочками? Искать в их системе координат неполноту и несоответствие с реальной жизнью и на их языке пытаться указать на эти противоречия. возникнут вопросы. Попытаться найти новые, ранее неизвестные связи в жизни, то есть раздвинуть горизонт. Опять возникнут вопросы — и так шаг за шагом по лестнице вверх из тьмы себя к свету, к Богу. Но, правда, это возможно только в том случае, когда вы не чувствуете собственного превосходства, не совершаете « акции спасения », а просто рассказываете о своем счастье жизни в Церкви — просто делитесь радостью Благой вести.

Учить — не уча! — вот высшая форма воспитания.

Для определенного возраста она одна-единственная.

Поэтому я хочу предложить вам учительское домашнее задание: посмотрите на сегодняшнего ребенка любого возраста, начиная с 6 лет, и запишите все, что вы увидите. Нельзя наблюдать за своим ребенком, или за ребенком, с которым вы играете. Вы должны оставаться пассивным в момент наблюдения и не входить в контакт. Это неременное условие наблюдения. Кроме того, есть несколько ограничений в этом упражнении.

1) Нельзя употреблять местоимение «я». Не нужно писать, что Вы подумали и почувствовали, нужно пытаться смотреть на ребенка, а не на себя. Но не придумывать его чувства, а записывать то, что вы точно видели.

2) Нельзя ребенка оценивать, нужно просто показать, что и как он делает.

3) Нельзя никого ни с кем сравнивать, сравнение — завуалированная форма нашей оценки. К тому же каждый человек — необыкновенная индивидуальность, сотворенная Богом, нужно стараться его видеть таким, какой он есть.

Это задание поможет нам приблизиться к ребенку, понять его жизнь и его ценности. Ведь часто нам только кажется, что мы видим детей, на самом деле мы в основном видим, слышим и чувствуем самих себя. И педагогика наша становится в таком случае служением себе, а не служением ребенку. Попытаемся сместить центр нашего внимания на ребенка — это начало нашего диалога с ним.

ХРИСТИАНСКАЯ НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ Духовное основание развития личности

1. Христианская антропология : предмет исследования — **НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК**.
2. Состав человека. Терминологическое и контекстное понимание священных текстов.
3. Тело: материя и форма.
4. Душа: бессмертное «чувствилище».
5. Дух: «чувство словества».

Среди многочисленных теорий личности, претендующих на целостное понимание и чувствование человека, христианская антропология занимает особое место. Для России ее понимание человека не только традиционно, но и органично, оно соответствует нашему культурному архетипу, особенностям русского менталитета и всему строю нашего общественного бытия.

Как же понимается человек в христианстве? Что нам говорит о этом Евангелие? Даже если внимательно читать, мы не найдем там точных определений, что такое человек, но мы явственно чувствуем, что все Евангелие есть вдохновенный призыв к новому Человеку. Иисус Христос явил нам его во всей полноте. И здесь уместно было бы вспомнить часто цитируемые слова св. Афанасия Александрийского «Если вы хотите увидеть настоящего человека, поднимите глаза к небу, там вы найдете Человека Христа».

Новый род людей «пошел» от Спасителя мира, апостол Павел так и говорит «мы Его и род» (Деян. 17,28). Вот этот-то новый род и является предметом изучения христианской антропологии.

Итак, христианская антропология наука опытная, она говорит о **НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ** не на основе теоретических и экспериментальных положений, а на основе личных свидетельств, на основе личного опыта подвижников церкви, в духовных откровениях постигших глубинные тайны человеческого существа.

И первенствующее место в понимании человека бесспорно принадлежит апостолу Павлу. Апостол Павел — не просто апостол и первоучитель, он был одним из первых, который стал этим новым человеком.

Антропология, как никакая другая область знания опирается на непосредственный, личный духовный опыт. Мы не можем говорить о человеке отстраненно, также как не можем не ощущать и хоть в какой-то мере не осознавать самих себя. Мало того, ощущение непосредственно предшествует осмыслению, т.е. человек прежде ощущает себя, а потом уже может о себе говорить. Не существует антропологии до опыта, хотим мы или нет, но в этой области каждый, если он честен в своих словах, невольно является идеологом самого себя.

Апостол Павел опытом своим понял, что такое **НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК**, и опираясь на это непреложное знание, знание-ощущение, знание-опыт, он начинает свидетельствовать, каков же состав нового человека, сам став этим человеком.

Обратимся к его 1-му посланию к Фессалоникийцам (Солунянам), гл. 5, ст. 16-23.

Всегда радуйтесь.

Непрестанно молитесь.

За все благодарите:

ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе.

Духа не угашайте.

Пророчества не унижайте.

Все испытывайте,

хорошего держитесь.

Удерживайтесь от всякого рода зла.

Сам же Бог мира да освятит вас **во всей полноте,**

и ваш дух и душа и тело во всей целости

да сохранится без порока

в пришествия Господа нашего Иисуса Христа.

Обратим внимание на последний стих, здесь у апостола Павла в живой речи рождается определение состава человека.

Целый Человек — это Дух, Душа и Тело.

Это троическое деление человека на три священные составляющие было принято многими святыми отцами и учителями Церкви. Такой взгляд получил в христианской антропологии название трихотомии, то есть трехсоставный. Сразу надо сказать, что в святоотеческой литературе мы можем встретить и условное деление человека на душу и тело, то есть дихотимию. Не будем этим смущаться: прежде всего, не следует воспринимать эти разногласия как сущностное противоречие. Это не столько два разных взгляда, сколько разная степень обобщения и разные акценты. У того же апостола Павла мы не раз встретим выражение: «душа и тело». Будет ли это значить, что он изменил свою точку зрения? Отнюдь. Попытаемся понять разницу между словосочетаниями «душа и тело» и «дух, душа и тело».

В сегодняшнем общественном сознании слово понимается терминологически. Оно устойчиво закреплено за определенным понятием. Мы, воспитанные современной наукой, употребляя то или иное слово, стремясь к точности выражения, порой, ищем этой точности в буквализме, сводя слово к знаку. Тогда речь становится системой операций со знаками, обслуживающей наши идеи, догадки, наблюдения и чувства.

Но слово по природе своей многозначно и одухотворено, оно есть прежде всего образ, способный передать и Божественное откровение, и внутренний мир человека, и красоту и дыхание предметного мира. А образ рождается только в соседстве с другими словами, то есть из контекста.

Древнее, религиозное употребление слова — это употребление **контекстное**. Это особенно хорошо видно в древних языках, например, на древнееврейском, где записывались только согласные звуки, для чтения же существовали особые значки (огласовка), но возникли они далеко не сразу. Поэтому в самом начале каждое прочтение носило характер личного духовного действия, в котором нужно было

сохранять целостность всего высказывания, а не расшифровывать отдельные слова. Из этой древней традиции отношения к слову, не как к термину, а как к историко-символическому образу, ключу, открывающему врата истины, и следует нам исходить. Возьмем, к примеру, хорошо известное Евангельское выражение: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее» (Мф. 16, 25). Как видим, под душой здесь понимается не духовная часть человека, как у апостола Павла в послании к Солулянам, а сама жизнь, как и в последующей цитате: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Ветхозаветный человек ощущал себя и осознавал себя, как таинственное сопряжение души и тела, как соитие высокого и низкого. Одно нуждалось в жестком внешнем ограничении, другое а priori было обречено на страдание. Но главное, что внутри самого себя человек не чувствовал никакой опоры, он был отлучен от Бога, и до искупительной жертвы Спасителя ничего изменить было невозможно.

Новозаветное же ощущение человека иное: дух его воскресен! Он может не только осознавать сам себя, но и творить себя под действием Духа Божия. «Свершилось!» — этот возглас Спасителя на кресте есть одновременно и изменение внутри самого человека, пала завеса отделяющая его душу от Духа Божия, — пробуждение, восстание, жизнь! **Свершилось!** — человек свершился. Теперь его путь — есть **усвоение, понимание и следование Духу Божию**.

Новозаветный человек — это человек духовный. Поэтому когда в Евангелии или творениях отцов Церкви говорится о душе и теле, как правило, имеется ввиду не состав человека, а два мира: духовный и материальный, два пути, две возможности, два устремления жизни человека: возможность жизни духовной и жизни телесной. Они составляют пару к онтологическим началам мира: небу и земле, к нравственным: добру и злу и пр. Когда же апостол Павел говорит о составе человека, то тут возникает уже четкое троическое деление.

В 8-й главе Послания к Римлянам апостол подкрепляет свой антропологический тезис.

Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии;
Потому, что вы не приняли духа рабства,
чтобы опять жить в страхе,
но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!»
Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему,
что мы — дети Божии.

Известно, что имена Божии, относящиеся непосредственно ко Святой Троице, пишутся с прописной буквы. И вот здесь мы видим, что в первом случае написано: «Дух Божий» — с большой буквы, а втором — с малой: «сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы сыны Божии..» А вот в этой же 8-й главе 23-й стих:

«И не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего».

«Мы сами в себе имеем начаток Духа». Здесь написано с прописной буквы. То есть наш дух — это начаток Духа Святого. Дух Святой может наш дух просвещать. Здесь перед нами прямое указание на возможное единство, но не в природном, а в духовном смысле.

Итак, ветхозаветное мышление доносит до нас онтологические тайны устройства мира, ученики же Христа ощущают себя поистине новыми людьми, их дух, просвещенный светом Духа Святого, был для них новой духовной реальностью, о которой они спешили свидетельствовать. Новый человек в христианстве начал не с того, что стал размышлять о том, что такое новый человек, а прежде всего почувствовал себя этим новым человеком. Первые христиане не столько богословствовали в слове, сколько это было богословие всей своей жизнью.

Троичный состав человека может быть косвенно подтвержден Церковным преданием. Вспомним Великий Канон преп. Андрея Критского, который читается в храмах в начале Великого поста, а также на пятой неделе по-

ста. «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши, конец приближается». Кто обращается к душе с таким призывом? Или в другом месте этого же канона: «Бди, о душе моя, совершенствуйся, по примеру великого Патриарха». Ясно, что внутренний голос, обращающийся к душе, не может исходить от тела, этот голос и есть **увещания духа к душе**. «Избегай, душа моя, воспламенения греха; как Лот убегай от Содомы и Гоморры, избегай пламени всякого безрассудного стремления».

Вот некоторые из множества свидетельств в пользу трихотомии, то есть троичного состава человека. С этой позиции мы и будем рассматривать личность человека, единую и единственную, многоплановую и неделимую.

Итак. Человек — дух, душа и тело. Как можно охарактеризовать эти три органические составляющие и как они взаимодействуют между собой?

Начнем с самого известного для нас: тело.

С одной стороны, мы свое тело ощущаем и, кажется, многое о нем знаем. С другой — понимаем ли мы истинное назначение нашего тела? Слово «тело» в древнегреческом языке может быть названо двумя словами: «σαρξ» (саркс) и «σῶμα» (сома). «Σαρξ» — имеет отношение прежде всего к материальной природе, к плоти, оно часто переводится как «живое мясо» (в противоположность мясу закланного животного), в новозаветной традиции этим словом принято обозначать несовершенную, грешную природу человека¹. Слово «σῶμα» — означает в греческом языке естественное тело людей и животных, иногда употребляется в значении слова «жизнь». Кроме того, этим слово пользуются, когда говорят о теле как о чем-то осязаемом, существенном, передающем сущность предмета, в новозаветной традиции здесь возможен перевод «целое»².

¹ См. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб. 1899. Репринт, 1991. С. 1123

² Там же. С. 1222.

Как видим, два эти греческих слова, обозначающих тело, делают акцент совершенно на различных вещах: «σάρξ» говорит о материи, как о низшем по сравнению с духом начале, «σώμα» говорит о материальной целостной форме предмета и по сути не имеет отрицательной окраски. Оба эти слова могут быть переведены как «плоть» или «тело», но значение их будет различно, что потребует от читателя контекстного понимания.

Разделение понятия «тело» на понятие плоти как формы и плоти как некоего низкого закона мы будем встречать и в выражении апостола Павла: «Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся» (Гал, 5,16–17). Или в другом месте: «Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти» (Рим. 8, 12). Апостол Павел говорит, что мы не должники низшего закона, то есть материального, мы освобождены от него и дух наш не должен подчиняться этим законам плоти, но должен подчиняться законам Духа Божия. Поэтому для правильного понимания нужно будет всегда уточнять, в каком контексте употребляется у святых отцов слово «плоть».

Наблюдая и анализируя поведение и состояние человека, важно понимать: что в человеке происходит от его личной воли, а что является законом «формы», то есть законом материи. У «материи» как у «формы» есть свои непреложные законы, законы развития. Их можно познавать, изучать, но они не находятся во власти человека, непосредственно не зависят от его воли. «Материя имеет свои права» — говорит Владимир Соловьев, и с ним нельзя не согласиться. Поэтому материальное существование для человека всегда является некоторым ограничением его личностной свободы, некоторой данностью, которую следует принять и... преобразить. «Мы — это ум и душа, наше — это тело», — говорит в одной из своих проповедей святитель Василий Великий¹. Здесь в противоречии между свободной духовной волей человека и материальной обусловленнос-

¹ Св. Василий Великий. Творения. М. 1991–93, Т. 4, стр. 34.

тью его существования заключен, по мнению христианских ученых, и находится источник всех движущих сил развития личности человека.

«Плоть — это земное начало в человеке. Это материя земного тела, — пишет архимандрит Киприан (Керн), обозревая антропологию апостола Павла, — а тело — это организованная форма. Душа мыслима внутри определенной плоти»¹. Христианская антропология стремится не впасть, подобно манихейским традициям в соблазн отвержения плоти, умерщвления и умаления ее, какие бы то были формы спиритуализма отвергаются полностью. Христианская жизнь как деятельность понимается не как «война» с материальными формами и законами жизни, а как рост духа человека, который — будучи первичным по отношению к материи (не забудем этого!) — непременно приведет за собой просветление и преобразование материи.

Христианство не отрицает законов естества и не отвергает плоти: форма — это то, что сотворил Господь. Мы пытаемся эту форму защитить от деформаций, совершаемых грехом, сохранить и облагородить, пытаемся ее духовно освятить и преобразить. Светлая плоть прародителя, потускневшая в грехопадении, обретает возможность обновления и истинного расцвета во Христе. В преображенном человеке и в преображенном мире дух уже не будет противным плоти, а плоть противна духу. Для нас это пока трудно представимо, но не об этом ли говорит апостол: «И ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока». Ведь это не только благое пожелание, но и духовное знание, интуиция о будущем человеке. Сейчас, на земле это невозможно: в нас действительно пока «дух противен плоти», но это только временный закон временного мира сего — мир Вечной жизни ему не подвластен.

Теперь остановимся на христианском понимании души человека.

¹ Арх. Киприан. Антропология св. Григория Паламы. Умса-PRESS. Париж, 1950. Репринт. М.: Паломник, 1996. С. 76.

Душа — это бессмертная, нематериальная, часть в человеке.

Но человек существует цельно — дух–душа–тело, и поэтому нельзя отдельно вынуть душу и ее рассмотреть. Если мы сказали о теле, что оно безусловно материальная субстанция, но может быть характеризовано с двух сторон: как материальное начало и как форма, то первая и главная характеристика души заключается в ее **неземной** природе. Душа — не материя в нашем понимании этого слова. В святоотеческих творениях на эту тему есть разные мнения. Некоторые считали, что душа — это высшее материальное начало, т.е. тонкая материя (такова была точка зрения святителя Феофана Затворника). Другие придерживались мнения, что душа безусловно нематериальна (свт. Игнатий Брянчанинов). Как же примирить эти мнения?

Многоголосый хор святых отцов, если специально не искать в нем противоречий, при всем разнообразии мнений, дает прежде всего правильное основание для духовной жизни. Поэтому и здесь нам нужно стремиться не к буквальному согласованию понятий, а искать духовного смысла законченных высказываний. От одного духовно опытного и высокообразованного священника однажды мне пришлось слышать фразу: «Вначале, когда я начинал читать святых отцов, я боялся каждого противоречия. А через какое-то время, когда я стал читать больше и больше, противоречия, или то, что я вначале считал противоречиями, перестали меня волновать. Я видел, что в данном контексте сказано так, а в данном по другому».

Поэтому и мы не будем смущаться тем, что одни отцы говорят о нематериальности души, а другие говорят о тонкой, высокой материи. Это вопрос не просто богословский, это вопрос тайн духовного опыта. Наше богословие — опытное, оно основано не на теоретических построениях, не на оригинальности авторской мысли, оно — откровение, данное личности в ответ на ее усердные труды и вопрошания. В Православном катехизисе архиепископа Александра (Семенова-Тянь-Шанского) главным делом науки, ее сущнос-

тью и признано преимущественно вопрошание¹. То есть никакое знание не является для нас самоцелью и не обладает абсолютной истинностью, необходимой для нас. Христианские мировоззрение не стремится обострить противоречия мнений, как и противоречия наук, но предлагает каждому идти своим духовным путем. И в той мере в какой нам нужно будет то или иное духовное знание, в такой мере оно к нам и приближается. Приближается и как бы руководит нашей духовной жизнью. Таким образом, тезис «истинность теории проверяется практикой» несколько утрачивает свое значение, ибо в христианстве нет теории отдельно от практики, есть личный духовный опыт, который в полноте свидетельствует о себе самом. Но характер этого опыта-свидетельства может быть разным: в одном случае он имеет всеобщее значение откровения, в другом — является частным случаем. Но одно неопровержимо, опыт, если он действительно опыт, а не мнение, не может быть опровергнут, как ложный, потому что он является не результатом мышления человека, а результатом его действительной жизни.

Итак. Иноприродное начало души как нематериальное признается большинством христианских ученых.

Живое тело является «священным ковчегом» для души. Душа, как жизненное бессмертное начало способна к развитию и изменению. Она дана нам в попечение. Душа — первый наш воспитанник.

Святые отцы Церкви говорили, что первозданный Адам был гармоничным в отношении этих трех составляющих человека: дух просвещал душу, душа делала бессмертным тело, и такой человек имел возможность глубокого и полного богообщения. Но та катастрофа, которая в истории человечества называется «грехопадением» изменила состав человека и вслед за ним всю систему жизни и мира. В грехопадении произошел как бы разрыв трех частей человека: дух перестал просвещать душу, душа подпала под действие

¹ Православный катехизис архиепископа Александра (Семенова-Тянь-Шанского). М: Изд. Московской Патриархии, 1990. С. 15.

законов плоти, тело же, непросвещенное духом стало смертным. Человек существо иерархическое, три его составляющие не равновелики и не равнозначны, все в человеке нуждается в руководстве. После грехопадения получилось как бы смещение.

Слово «грех» («амартия») переводится с греческого «непопадание в цель», «промах». («Мартира» — «стреляю точно», а здесь «амартия», то есть — «не стреляю точно»). Произошло изменение внутри человека и он как бы потерял эту точную фокусировку. Душа оказалась в состоянии беспризорном. Она слышит и чувствует все боли тела и воспринимает их как свои, ей одной присущие. Дух не имеет уже теперь авторитетного главенства над душой, да и сам он потерял точные ориентиры, так как нарушена связь с Творцом. Очень часто дух человеческий так и не может обрести истинной духовной опоры и остается совершенно беспризорным.

О душе можно еще сказать, что она есть наш внутренний человек. По словам святого Григория Нисского: «Бог сотворил внутреннего человека и слепил внешнего, слеплена плоть, сотворена же душа. Внешний человек — это не я, а мое: рука — это не я, тогда как я — это словесное начало моей души»¹.

Маленький ребенок все отождествляет с собой: свои капризы, все зовы своей плоти, капризы своей души — он считает, что все это и есть он сам, то самое «Я», с которым ему жить и от которого никуда не уйти. Христианская антропология разрывает эту обреченность, она подчеркивает, что у каждого человека есть желания, идущие от плоти, и желания души, и надо стремиться, чтобы дух наш желал соединиться с Духом Божиим, только тогда произойдет соединение всех частей нашего раненого и вечно страждущего естества.

¹ *Свт. Григорий Нисский*. Что значит по образу и подобию? //Цит. по кн. *Арх. Киприан (Керн)*. Антропология Григория Паламы. М. ?1996. С.155.

Разберем пример, ребенок капризничает и просит сладкого. Требуется ли сладкого его тело? Является ли эта просьба физиологической потребностью организма в данное время? Нужно присмотреться: как правило тело просит того естественного минимума, который не разграничивает конфеты «трюфель» от простых «карамелек» и сахара. Чего требует ребенок — вкусенького или необходимого? Именно на этот вопрос нужно ответить. Если мы слышим: «А эти конфеты не люблю, а люблю вот эти», — будьте уверены, никакой острой физиологической потребности нет, а, скорее всего, тон тут задает развращенное чувство вкуса, которое пленит и волю и естество ребенка. Оно идет откуда-то изнутри, из самых, кажется, недр души.

В святоотеческой литературе душа часто называется «чувствилищем». Уже само звучание этого слова указывает на возможность страдания. Именно страдание и приносит нам душа, рвущаяся к наслаждениям, и как бы убивающая сама себя в единении с телесным началом.

Итак душа — это внутренний человек. «Внутренний человек, — читаем у свт. Игнатия (Брянчанинова), — есть такое живое существо, имеющее свой образ и вид. Внутренний человек есть подобие внешнего человека, это превосходнейший и драгоценнейший сосуд потому, что Бог благоволил о нем более нежели о всех тварях»¹.

Остановимся на слове «подобие». Человек — образ и подобие Божие, это с самого начала задает путь нашей жизни — стремление к Богу, при росте и движении у нас есть возможность уподобления нашему Творцу! Мы никогда не можем с Ним слиться, но вечно будем к Нему стремиться, и только в этом стремлении обретать истинный свой образ. Душа должна обрести его и передать всему телу.

И закончим кратким определением души св. Иоанна Дамаскина, уточненное свт. Игнатием Брянчаниновым:

¹ *Свт. Игнатий (Брянчанинов)*. Слово о человеке. В сб. *Богословские труды №29*. Изд. Московской Патриархии. 1989. С. 289–290.

«Душа есть существо живое, простое бестелесное, телесными очами по своей природе невидимое, бессмертное, разумом и умом одаренное, безвидное, действующее посредством органического тела и сообщающее ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения, имеющее ум, не как что-либо отличное от нее, но как чистейшую часть самой себя. Душа есть существо свободное, одаренное способностью хотеть и действовать, изменяемое в воле, как существо сотворенное»¹.

Теперь попытаемся уточнить уже приведенные нами сведения о третьей, главной составляющей части человека — о духе.

Кто правит человеком? Что является его вершиной? Дух. Разум. Понятие «Дух» многие отцы Церкви, особенно греческие, отождествляли с греческим словом «νοος» (нус) — ум. А в еврейской традиции дух — это «руах», т.е. дуновение. Вспомним однокоренные слова к слову дух. Дыхание. Вдохновение, т.е. необыкновенное состояние, когда человек чувствует подъем, прилив сил. Воздух.

То есть дух — это то, что мы все время ощущаем, человечество все пронизано духом. Тело усопшего человека не имеет дыхания. В какой-то миг закончилась священная литургия жизни, дух отлетел от тела и оно стало уже совершенно иным.

Обратимся к словам свт. Игнатия (Брянчанинова): «Престол Божества — есть наш ум. И наоборот престол нашего ума — есть Божество и Дух»². Т.е. престол человека — есть ум, а престол ума — есть дух. Древние умом называли не наш человеческий разум, а некое духовное начало, престол Божий в человеке. Дух является в человеке как бы вершиной его существа. Дух является престолом. А в церкви престол — это священное место, на котором совершают

¹ Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Кн. 2, гл. 12. М. 1992. С.153. Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке. С. 298.

² Свт. Игнатий (Брянчанинов). Указ соч. С. 290.

ся таинства, на котором незримо присутствует Господь. Христианская антропология утверждает, что человек имеет внутри себя престол, на котором Господь может совершать свое таинодействие.

Дух присущ каждому человеку, до смерти этот престол Божий не может быть в человеке уничтожен. Самый даже страшный человек, в котором и не знаешь, есть ли что-нибудь в нем милосердное и человеческое, даже этот человек имеет Божий престол. Поэтому мы не имеем права думать, что человека ничто уже не может изменить, что он погиб и пал окончательно, — престол Божий в нем сохранен, и в любой миг Господь может совершить на этом престоле свое таинство призвания.

Но престол должно охранять. «По преступлении заповеди Адамом, — продолжает святитель Игнатий, — на его сердце, ум и тело, как на свой престол воссел сатана и начала и силы тьмы. Для разрушения их царства пришел Господь. Господь очистил совесть, соделал своим престолом разум, помышления и тело. Естество наше может быть в общении с демонами и лукавыми духами, равно как в общении с ангелами и Святым Духом, бывает храмом сатаны и храмом Святого Духа. Итак, рассматривайте, братие, совесть вашу»¹. Сколь значительны для нас эти слова! Человек — не завершен, он является открытым сосудом, который может в себя вбирать разное, он может начать в себе священное богослужение, то есть впустить в себя Бога и Господь начнет его творить, а может и отдаться силам тьмы, и они начнут творить свой шабаш в святая святых человека.

Престол всегда будет притягивать к себе самозванцев! И поэтому важно не просто осознать, что внутри нас воздвигнут алтарь, мы и при рождении его имеем, а важно, кто на этом алтаре будет совершать службу.

В другом месте святитель Игнатий называет дух «чувством словества»: «Дух наш есть словесное и умное

¹ Там же, с. 290.

чувство сердца, исходящее и зависящее от ума, содействующее и сообразующееся мысли. В этом словесном чувстве положено Творцом сознание добра и зла именуемое совестью»¹. Он вводит понятие совести не как нравственную внутричеловеческую категорию, регулирующую отношения между людьми, а совесть как онтологическое духовное основание личности. Попробуем прочесть слово «совесть». Корень в слове «совесть» — «весть», «со» — приставка. Откуда весть? — От Бога. Совесть — это голос Божий внутри нас, голос нашего духа, просвещаемого Духом Божиим.

Напомним, что в священнических молитвах евхаристического канона есть такое прошение: «избави мя от совести лукавья», а у апостола Павла читаем: «люди с сожженной совестью». Это говорит о том, что совесть — не абсолютная величина, не неизменная. Это некий таинственный «приемник». Частица «со» указывает на это: «со-общение», «со-действие», «со-товарищество», «со-работничество». Совесть, также как наш дух, может принять весть откуда-то из мира тьмы и может оказаться этой мыслью захвачена, может переродиться. Поэтому только опора на совесть, конечно же, невозможна, надо обязательно свою совесть все время сверять с Духом Божиим, со Священным Писанием, со всем духовным опытом Церкви, с литургическим преданием. То есть если мы оторвем совесть от Бога, то она окажется через какое-то время без того священного питания, которым она жива.

И еще одно уточнение: дух есть «словесное и умное чувство сердца». Сердце — это тоже одна из составляющих духа человеческого. Мы свое сердце очень чувствуем, например, если мы испугались, именно с сердцем что-то происходит, оно «уходит в пятки», а когда радуемся, готово, кажется, выпрыгнуть из груди. Подвижники веры свидетельствуют об опыте горячей молитвы, когда сердце начинает гореть и слышится его стук. То есть сердце дает нам целый комплекс очень ярких живых эмоциональных ощущение-

¹ Там же, с. 300.

ний, как бы подтверждая слова святителя Игнатия. «Управление человеком, — дальше продолжает он, — «принадлежит словесной силе, которая в непорочном состоянии действовала согласно с силой воли и с силой мужества, или твердости. Силою словесною человек пребывал в непрерывном общении с Богом»¹.

В первоначальном бытии человека до грехопадения, сила слова управляла всем, но сейчас все в нас пришло в разлад. Вслед за апостолом Павлом каждый может воскликнуть «доброе, которого хочу, не делаю, а злое, которое не хочу, делаю». Наше слово сегодня не управляет нами. В этом, может быть самая большая драма человеческой личности.

Итак, дух человеческий — как престол Божий, душа как внутренний человек, бессмертная нематериальная часть, которая здесь приобретает свое истинное, вечное содержание, и тело как священный ковчег, который хранит тайну жизни, и являет состояния души и духа.

По словам Григория Нисского: «человеку дана сила для уподобления Богу. Нам допущено быть работниками, деятелями в уподоблении Богу. Отсюда по образу — это мое разумное бытие, а по подобию — это моя возможность стать христианином»¹.

То есть мы имеем образ Божий как возможность нашего подобию. Только как возможность, и уже нашими трудами мы можем двигаться к этому подобию. Мы имеем возможность разумной жизни, возможность делания. По всему своему составу мы несем в себе образ Божественный, но будем ли мы ему подобны или нет — зависит от нашей реальной жизни. Человек может выбрать себе труд уподобления, а может и не заниматься этим.

«Образ Божий надо искать не в одном только моменте духовной жизни, надо помнить, что человек стяжал вовсе

¹ Цит. по кн. *Арх. Киприан (Керн)*. Антропология Григория Паламы. М. 1996. С. 158.

² *Григорий Нисский*. Макриния. //Цит по кн. *Арх. Киприан (Керн)*. Антропология Григория Паламы. М. 1996. С. 160.

не один какой-то образ и подобие, но и второй, изображаясь как бы в некоем зеркале и прикровенном начертании, прообразующем, конечно, а не природном, тайну Триипостасного Божества»². То есть образ как возможный, а не как уже данный. Это понять, видимо, сложнее всего. Мы можем себя соотнести со Богочеловеком Иисусом Христом, то есть мы можем стремиться быть подобными Ему. Вся святоотеческая традиция содержит точное такое указание: следуйте за Христом. Но Григорий Нисский здесь поднимается до Троичной антропологии, он говорит, что человек подобен Пресвятой Троице.

То есть человек одновременно един, но вместе с тем и троичен, дух в человеке является как бы главенствующим, то есть изначально все организующим, способным все просветить и оживить. (Примечательно, что в Великом каноне Андрея Критского рефреном звучат следующие стихи: «Троица в единице, и единица в Троице»). Видимо, это определение и можно принять за интегрированный образ состава человека, как его понимает христианская антропология.

ДРЕВНЕХРИСТИАНСКИЕ ШКОЛЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ

1. Древнехристианская педагогика и национальные особенности школы. Укладное и школьное образование.
2. Александрийская школа II—III веков.
3. Восточно-сирийская школа IV—VIII веков.
4. Латинская школа VI—IX веков.
5. Принципы использования опыта Древней Церкви в современной православной педагогике.

Христианское образование в широком смысле этого слова появилось одновременно с христианством, с возникновением христианской семьи, христианского уклада жизни. Это так называемое укладное воспитание, когда ребенок формируется прежде всего средой, медленно вращаясь в дела и понятия взрослых. В первохристианской литературе остались памятники такой педагогики. Например, описанное в Житиях святых воспитание св. Макрины, сестры святителя Василия Великого (IV в.)¹ или более поздние свидетель-

¹ *Свт. Григорий Нисский*. Что значит по образу и подобию. // Цит. по кн. Арх. Киприан (Керн). С. 157

¹ «Когда ребенок начал уже приходить в возраст, мать начала ее воспитывать и учить грамоте, начиная не с языческих басен (как это делали обыкновенно другие матери) и не с сочинений поэтов, в которых много такого, что недостойно чистого девичьего слуха; она выбирала из книг Премудрости Соломона и из псалмов Давида или из других книг божественного Писания подходящие стихи, и именно такие, которые заключали в себе или молитвы и славословия Божия, или же добрые нравоучения. Девочка училась успешно, она была способной; и были постоянно у нее на устах слова книжные и молитвенное пение на всякое время дня: вставала ли она с постели, или принималась за какое-либо дело, садилась ли обедать, или вставала из-за стола, полдень и вечер она не пропускала без пения псалмов и, отправляясь спать она совершала установленную молитву. Она была научена матерью

ства, в которых предприняты попытки реконструкции образа жизни и нравов первых христиан¹.

Укладное воспитание бывало не только домашним, это и цеховое воспитание, и монастырское — все формы подготовки детей к жизни не через школу, а через постоянное участие в общем деле, в жизни. В практическом смысле это очень удобно: среда развивает в ребенке те качества, которые ею же будут востребованы. Но с антропологической точки зрения этот вид педагогики естественным образом ограничивает возможности ребенка. Последний оказывается погруженным, замкнутым в некое однородное социально-культурное и духовное пространство и впитывает окружение как единственно возможный способ жизни.

При укладном воспитании у ребенка нет никакого личного выбора, судьба его predetermined, а его индивидуальность подчинена требованиям среды. Такое укладное воспитание по сути является не общественным делом, коим всегда стремится стать педагогика, а частным, в крайнем случае — корпоративным. Оно таит в себе множество скрытых противоречий и потому не может рассма-

и рукоделию, свойственному девице, и ей не позволяли проводить время в праздности и детских играх, но постоянно занималась она или чтением книг, или рукоделием». Жития Святых Дм. Ростовского. Июль. День девятнадцатый. С. 406.

¹ «Как древние христиане учили детей? Когда наступало время учить детей грамоте, им давали для чтения Библию. Сажая за письмо, им давали в руководство прописи, состоящие из изречений Св. Писания. Когда после этого доходила очередь до устного катехизического учения догматов веры и обязанностей христианина, — в руководство к этому предмету опять давали детям Священное Писание, задавая из него уроки для изучения на память. Детская душа, начинавшая ряд своих ощущений и мыслей изучением слова Божия, скоро свыкалась с благочестивым занятием, находила в нем для себя высокое наслаждение и предпочитала его другим занятиям и удовольствиям». Христианское воспитание детей. М. Синодальная типография. 1905. С. 12.

триваться как универсальный образец христианской педагогики. Принципы нового отношения к воспитанию и образованию детей, равно как и нового отношения к жизни, которое стало распространяться по миру вместе с проповедью Евангелия, можно уяснить только при анализе христианской школы.

Какова же была первая христианская школа? Во первых, надо понять, что она образовывается не на новом месте. Все народы древнего мира уже имели к I веку свои школы, в формах и методах которых отразились их верования, эстетические и этические взгляды, особенности гражданского и личного, интеллектуального и этнографического бытия.

И вот начинается новая онтологическая эпоха, христианство несет новые представления о мире, жизни и человеке. Может быть, даже не представления, так как представления предстояло еще выработать, но достоверно — новые интуиции, новые чувствования и переживания, которые в буквальном смысле потрясли мир.

Евангельское благовестие, казалось, нарушало равновесие многих педагогических систем, так как было обращено не к какому-то одному народу, а ко всем людям, ко всему миру. Началось проникновение, встреча вселенской идеи спасения с национальным сознанием каждого народа. Вспомним слова апостола Павла о том, как он нес Евангелие разным народам. «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона — как чуждый закона, — не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, — чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор.9, 19–23).

Из сказанного ясно, что христианство не разрушало национальные особенности никакого народа. Наоборот, национальные формы жизни получали новое истинное содер-

жание. Новый импульс к развитию. Только при свете истины становилось ясно, что в национальном самосознании было рутинным, тормозящим развитие всего народа, а что плодотворным, обогащающим всех. Христианство не предлагало никаких закрепленных форм жизни или типов школы, оно призывало народы рождать новые формы и общественной жизни, и школы, формы способные вместить Евангельское благовестие.

Поэтому древние христианские школы были едины в основной своей цели — научить христианской вере и жизни — и различались в способах достижения этой цели, так как формы и методы школьной работы всегда рождались из национальных традиций. «Национально-культурная среда, в которой распространялось христианство, складывалась из трех главных элементов: греческого, семитического (в основном, сирийского) и латинского. Каждый из этих элементов отличался резко очерченным национальным характером, обладал своей культурой и образовательной традицией. Соответственно этому и в древнехристианских школах можно различить три основных типа: греческий, сирийский и латинский»¹. Вначале это были школы для тех, кто готовился к крещению.

Особенность греческого национального духа на высшей ступени его развития составляло стремление к знанию как к искусству и художеству жизни. Отсюда родилось и само понятие цельного знания (философии), как некоего всеобъемлющего начала «воспитывающего душу человека и сообщающего его духу высшую красоту и нравственность... Истинным философом назывался не тот, кто много знает, а тот, кто обнаруживает соответствующее своему знанию поведение. Система греческого образования была построена на двух началах: ценность придавалась только общеобразовательным наукам, которые носили название

¹ Дьяконов А.П. Типы высшей Богословской школы в Древней Церкви III–VI вв. // Ученые записки. М.: Изд. Российского православного университета им. Иоанна Богослова. 1998. № 3. С. 7.

«свободных» и второе — важны они были не сами по себе, а с точки зрения того синтеза, который придавала им философия. В идеальном смысле греческая образовательная система должна была представлять собой живой организм, возглавляемый философией. Однако в начале христианской эпохи она была почти безжизненной, философия переживала глубокий кризис.

Греки, принявшие евангельское благовестие, получили так сказать новую действенную философию, которая мгновенно оживила их школу, и сама приобрела черты структурного знания. Тесная же связь образовательной и воспитательной систем сохранилась полностью. Примером такой школы может быть Александрийская духовная школа, основанная по преданию св. Марком. Источники свидетельствуют, что наряду с вероучением там очень рано (начало II века) начали преподаваться свободные науки, то есть было стремление достичь гармоничного синтеза веры и знания. Во втором веке школой заведовал Пантен, его приемником был Климент Александрийский, затем в III веке — Ориген. Вот как Климент Александрийский формулирует цели школы — приобретение «основанного на Откровении совершеннейшего и цельного знания, неразрывно связанного с высоким нравственным характером»¹. Отсюда понятно, что школа предназначалась для всех желающих, она готовила не клириков, а христиан. На первой ступени в программу школы входили такие свободные науки (общеобразовательные предметы) как грамматика, диалектика, логика, геометрия, астрономия, естествознание, вероятно и пифагорейская теория чисел. Эти предметы развивали мышление человека и научали его правильно мыслить, это была серьезная подготовка к богословию, к толкованию Священного Писания.

Кроме того, в самом преподавании велось так, так представлялись акценты, что внимание слушателей привлека-

¹ Климент Александрийский. Строматы. // Цитируется по Дьяконов А.П. Указ. Соч. С. 12.

лось к возвышенному, Божественному. «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим.1, 20).

На второй ступени в Александрийской школе изучалась философия. Для богословского образования она имеет большое педагогическое и пропедевтическое значение, и не только формальное, то есть развитие высших способностей души — в ней содержатся «обрывки», «семена» истины, разбросанные в учениях разных философов. Семена эти важно отделять от заблуждений философов — научиться отделять. И это тоже входило в программу обучения. Само изучение философии в александрийской школе было эклектичным, то есть не отдавалось предпочтения никакой философской школе, из списка были исключены только те философы, которые отрицали существование Божие и Божественный Промысел. Это было сделано не столько из идеологических соображений, сколько из учебных: нерационально было отводить время на нечто незначимое. По словам св. Григория Чудотворца, «школа не оставляла ученика беспомощным, а вела его за руку через поле философских хитросплетений, всюду освещая их с точки зрения Божественной истины»¹.

Таким образом, изучению богословия и Священного Писания в Александрийской школе предшествовало строгое осмысления мира и всего пути познания человечества. Это и позволило родиться систематическому богословию, появились такие науки, как апологетика, нравственное богословие, догматика, изучение которых должно было предшествовать экзегетическому курсу, то есть толкованию Священного Писания. Развитие мышления в Александрийской школе шло дедуктивным путем. Климент Александрийский сам о себе говорит, что диалектическое движение его умозрения идет не от частного к общему и не от чувственного к сверхчувственному, но со-

¹ Цит. По Дьяконову А.П. Типы высшей Богословской школы. С. 18.

вершенно наоборот — от простого и родового к видовому и частному¹.

Такова была христианская школа греческого образца, школа Платоновских традиций, школа диалога знания и веры. Просуществовала она с конца II века до самого начала V века. После Миланского Эдикта 312 года, когда христианство стало государственной религией, центр культуры переместился в Константинополь. Царская, так сказать государственная школа Константинополя стала преемницей традиций Александрийской школы. Она просуществовала до начала IX века, и была уничтожена императором-иконоборцем Львом Исавром, который предложил ученым «присоединиться к его безбожью», а при их отказе приказал сжечь школу вместе с учителями и книгами². Но эти зверства не смогли прервать уже сложившуюся образовательную традицию. Где только появлялись в Византии научные силы, там по свидетельству историков, возникали школы диалога веры и знания. Об этом могут свидетельствовать библиотеки монастырей, церквей, епископских кафедр, где присутствовали книги разных направлений и авторов: научные, богословские, философские, медицинские. Таким образом, греческая школа диалогового типа, видимо, просуществовала до конца Византийской империи.

2. Другой тип представляла **сирийская христианская школа**, созданная на заевфратском востоке в городе Эдесе. Ее основателем считают апостола Фаддея, или как его здесь называли Аддая, но до второй половины IV века никаких конкретных сведений о школе не сохранилось. В 363 году учителем ее становится **Ефрем Сирин**. В Эдесе школа просуществовала до конца V века, а затем была перенесена в Низибию.

¹ См. Доброклонский А. Александрийская образованность как сфера благоприятствующая происхождению Александрийской школы. // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1880. Ч. 1. С. 248.

² См. Дьяконов А.П. Типы высшей Богословской школы. С. 25.

И программа, и методика преподавания Эдесско-низибийской школы резко отличалась от александрийской. Если в александрийской школе главным считалось активное усвоение учеником самой сущности преподаваемого, то здесь ставка делалась на точное и полное запоминание материала не только по содержанию, но и по форме. Эта традиция была близка к иудейской школе. Семитическая нация, к которой принадлежали сирийцы по духовному складу сильно отличалась от арийцев-греков. «Если грек тяготеет к синтезу и умозрению, то сириец обнаруживал особенную склонность к позитивному и аналитическому мышлению... Для сирийца на первом месте стояли интересы нравственного и практического характера, и он не решался подчинять их руководству ума, как эллин, а искал более прочной опоры в авторитете. Подобно иудеям сирийцы искали авторитета в предании. Сириец проводил резкую грань между Божиим и человеческим, между религией и культурой»¹.

Синтез веры и цельного знания в сирийской школе был невозможен. Более того, уже во II-м веке из уст богословов сирийского происхождения раздался протест против греческой образованности. Но по существу это был протест против самого метода образовывания.

На пороге новой эры диалоговое сознание греков реально готово было вместить высокое откровение о человеке как образе и подобии Божиим. Зарождался тип новой созерцательно-деятельностной духовности, которую явят в полноте сонм Византийских и славянских святых. Сама идея смысла жизни как преобразования человека, «вынянченная» всей греческой культурой, для сирийского востока была слишком дерзка и парадоксальна, поэтому и усвоение христианства шло здесь совершенно другими, более традиционными для семитов путями.

Педагогика иудаизма вся была основана на культуре сакрального текста, на осмыслении религиозного ритуала, через который и осуществлялась связь с Богом. Идеал веру-

¹ Дьяконов А.П. Иоанн Эфесский. СПб. 1908. С. 19

ющего здесь — мудрец, который обретает мудрость в книгах Священного Писания. Иудеи — народ Книги. Все вопросы разрешаются только по ней. Книга высший авторитет и источник истины. Личный опыт человека тем ценнее, чем он больше знает Писание. Отсюда и иудейская школа — есть школа Книги, чтение Писания, выучивание текста наизусть, толкование Писания. Многие их этих элементов мы и увидим в сирийской христианской школе.

Примечательно, что в качестве категориального и методологического аппарата сирийцы пользовались системой Аристотеля, правда, избирательно переведенного и адаптированного. Напомним, что методологическое основание александрийской школы — платонизм. Эти два античных философа — Платон и Аристотель, учитель и ученик — по сути стали в истории мистическим основанием двух способов интеллектуального бытия. Там, где на первое место выходили вопросы формы, искали поддержки у Аристотеля, в его диалектике и риторике. Те, кто стремился к умозрению, к мистическому постижению сущности, шли за Платоном. Для педагогики не столь важным оказалось, «что» говорили эти философы, а то, «как» они мыслили и чувствовали, как воспринимали мир и себя в мире.

Сирийский и иудейский восток шел за Аристотелем. Эдесско-низибийская школа самое большое значение придавала точному усвоению формы Священного Писания и Предания. Школа преследовала не общие религиозно-просветительские цели, как в Александрии, а профессиональные, она готовила клириков и школьных учителей. Отсюда большое значение придавалось масоретскому искусству, то есть вокализации текстов Священного Писания и пунктуации, а также пению, хорам. В толковании Священного писания господствовал историко-грамматический метод, решительно устранялись всякие элементы умозрения и аллегории. Толкователь обязан был при объяснениях руководствоваться определенным «школьным преданием», которым до V века было исключительно толкование Ефрема Сирина, который по верованию сирийцев записал древнейшее

устное предание самого апостола Фаддея. Эдесско-низибийскую школу вообще можно определить как школу погружения в Предание.

Учебный курс школы был разделен на три года с точно определенной программой. Ни о каком изучении общеобразовательных наук и речи не заходило. Вот примерный учебный распорядок дня: 1) писание и чтение, 2) школьное толкование, 3) хоры. Здесь она также оказывалась близкой иудейской школе: там было трехчастное разделение школьного дня между Торой, Мишной и Талмудом¹.

Сохранился устав Низибийской школы, который свидетельствует, что наряду с образовательной программой была и отдельная воспитательная, регламентирующая правила поведения и наказания². Основное назначение правил — поддержание строгой церковной дисциплины, воспитание послушания у учащихся. Хотя школа и не были монастырем, но ученики должны были вести образ жизни, близкий к монашеству: посещать все богослужения и уроки, не выходить из школы без разрешения, иметь общий с братией стол и повиноваться своим начальникам келий.

Эдесско-низибийская школа была типичной для сирийского Востока. Многочисленные школы Малой Азии, организованные в последующих веках при монастырях, епископских кафедрах почти в точности повторяли ее устав и учебный план.

Высшей точной сирийского христианского образования стала **антиохийская** школа, которая также была преемницей Эдесской. Одним из ярких представителей ее является святитель Иоанн Златоуст. Антиохия находилась на территории эллинизированной, доевфратской Сирии, то, естественно испытывала большее влияние греческой культуры. Отношение к общеобразовательным наукам было здесь более терпимое. Хотя эллинские науки и исключая

¹ Дьяконов А.П. Типы высшей Богословской школы С. 41.

² Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М. 1979. С. 92–106.

лись из программы самой школы, но ученикам предоставлялась возможность получать предварительную подготовку в светской школе. Антиохийцы считали, что светские науки развивают мышление и речь человека и стремились воспользоваться этим в своих прикладных целях. Воспитанные на аристотелевой философии, они стремились познать истины веры путем строгого рассудочного мышления. При изъяснении Священного Писания антиохийцы также, как низибийцы, придерживались историко-грамматического метода, то есть обращали внимание на повод, обстоятельства и цель, которые руководили богодухновенными авторами. Антиохийские экзегеты искали прежде всего буквального смысла Писания, определяя его из дидактических, грамматических, лексических, риторических и логических элементов¹. Все образование и богословие Антиохии двигалось индуктивным путем, от частного к общему, стараясь из отдельных элементов сложить строгую картину и Божественного мироздания, и Божественного Откровения.

3. Перейдем к рассмотрению третьего типа древнехристианских школ — школы **латинской**. Прежде отметим, особенность римской культуры. Вряд ли ее можно рассматривать как самостоятельную: и расовое родство с греками и сильное культурное влияние с их стороны сделали Рим производным от великой Эллады, он всегда шел по пятам этой золотой нимфы, как охотник за добычей. Все в нем имело прообразы в Греции. С некоторыми допущениями античность вообще можно рассматривать как две фазы одной культуры: греческую и римскую, расцвет и... перерождение. Греки стремились к познанию мира, римляне — к власти над миром, греки — к умозрению истины, римляне — к истинному праву, греки — к красоте, римляне — к удовольствиям. В этом сравнении может открыться для пыт-

¹ Сагарда А.И., Сидоров А.И. Антиохийская богословская школа и ее представители. // «Ученые записки» Российского православного университета им. Иоанна Богослова № 3. С.141.

ливого ума некая печальная закономерность. Любое развитие имеет в своем начале чистоту поиска. Формы культуры рождаются как бы вызванные к жизни трепетным вопрошанием жаждущих истины сердец. Но когда в обществе начинают преобладать практические, а не умозрительные интересы, живые новые формы культуры не рождаются, начинается эксплуатация старых, так сказать, обладание ими. А с этим теряется и сам смысл поиска истины, как некоего вечного искомого человеком содержания, раскрывающегося во множестве различных живых форм культуры.

Римская культура — это прежде всего культура обладания, права на обладание и удовольствия от обладания. «Известная всем особенность их национального характера, заключавшегося в преобладании практических интересов и дарований, сблизжала их скорее с семитами, чем с греками, — читаем у Дьяконова, — а несамостоятельный, производный характер латинской культуры, всегда и всюду оказывающийся преобладанием формы над содержанием, отчасти напоминал смешанную сирийско-эллинскую культуру Антиохии»¹.

Для римлянина неоспорим был примат практического, общественного начала над умозрительным и личным. «Основой педагогики была полисная идеология — идеология гражданской общины — государства(полиса) как коллектива более или менее равноправных свободных граждан, связанных общими обязанностями по отношению к государству»². Отсюда весь характер римской школы — стремление воспитать гражданина, готового к государственной общественной деятельности. Ясно, что на первом месте здесь оказывается ораторское искусство, умение убеждать и вести за собой. Важны не внутренние психологические переживания человека, а его общественная значимость, признание сограждан. Отсюда и стремление к завое-

¹ Дьяконов А.П. Типы высшей Богословской школы. С. 46.

² Антология педагогической мысли христианского средневековья. М., 1994. Т. 1. С. 13.

ванию авторитета, и практическое следование авторитетам, что мы уже видели в сирийской школе.

Таким образом, латинская христианская школа изначально была двойственной, она вобрала в себя черты и греческой, и сирийской, спаяв их пафосной мотивацией миссионерства. Латиняне приняли греческую систему общего образования, но устранили из нее саму душу — философию. Философию не как историю философии, а как воспитание способности к теоретическому мышлению, к умозрению. Римлянам по сути нужна была только риторика, все общие предметы служили подготовкой к ней. Образованным человеком у латинян считался не тот, кто постиг науку о «подлинно существе», а тот, «кто красиво, убедительно и с пониманием дела может говорить и писать по какому угодно вопросу, соответственно обстоятельствам и к удовольствию слушателей»¹. Как видим, тяжелое родовое наследство получила латинская христианская школа от римского язычества. Преодолеваться это наследство будет крайне медленно, сгорая в огне личных подвигов первохристианских педагогов Запада.

Одним из таких великих подвижников был **Блаженный Августин**, основавший в 396 году школу-монастырь в Иппоне. В сущности это было общежитие для членов иппонского клира, но оно имело и педагогическую задачу воспитать молодых клирошан для Церкви. Этим и определялась программа школы. Ученик должен был знать Закон Божий и уметь преподать его другим, поэтому главными предметами были экзегетика (изучение Священного писания) и элоквенция (развитие красноречия). Причем в своей «Христианской науке» Августин пишет, что знание Священного Писания ценно не само по себе — оно дает материал для проповеди. Отсюда видно, что вся постановка учебного дела в школе Августина ориентировалась на реальную практическую пастырскую деятельность.

¹ Тацит. Диалог. //Цит. по Вилльман О. Дидактика как теория образования в ее отношениях к социологии и истории образования. М., 1904. Т. 1. С. 225.

По методике преподавания школа блаженного Августина была ближе к сирийской традиции. Систематическое богословие здесь почти отсутствовало (изучению Священного Писания предшествовал лишь краткий очерк библейского богословия), общеобразовательных предметов в школе не было (они появились в латинских школах в VI-ом веке).

Само же изучение Священного Писания было построено следующим образом. Сначала ученик читал без объяснения все канонические книги Библии, чтобы ознакомиться с ними наперед, хотя «не по смыслу, но по букве». Затем учитель давал объяснение тех мест, которые казались ему важными для практического применения, а ученики записывали эти толкования на полях своих переписанных книг.

Кроме того в школе изучалась гомилетика, то есть искусство проповеди, ценилось не только умение выбрать нужное содержание, но и придать своим словам красивую форму. Бок о бок с гомилетикой шло пастырское богословие, предмет также имеющий практическое значение. Он строился как свободные беседы бл. Августина о его пастырской практике.

Воспитательная система в школе Августина занимала наиважнейшее место. Он стремился осуществить идеал первохристианской общины с общей собственностью, общим столом и общими доходами. Монастырская дисциплина школы поддерживалась с помощью нравственного воспитания, в основе которого лежал принцип «принуждения»¹.

Школа блаж. Августина стала прототипом многих латинских школ. Немало епископов, бывших некогда учениками блаж. Августина, по его примеру организовали в своих епархиях подобные учебные общежития. Особо надо остановиться на монастырской школе Аврелия Кассиодора. Он считал себя хранителем христианизированной греко-римской культуры, вначале был сенатором, состоял в чине секретаря и руководителя остготских королей. В 535 году он

¹ *Кибардин Н.* Система педагогики по творениям блаж. Августина. Казань. 1911. С. 30.

вместе с папой Агапитом составил план открыть в Риме общественную школу по типу александрийской или низибийской. Но война с Византией не дала осуществиться этому проекту, и тогда в 540 году Кассиодор основал монастырскую школу в своем роскошном поместье. В этой школе уже изучались с полным объемом светские науки, но правда с самого начала значение их определялось как вспомогательное при объяснении Священного Писания¹. Но общий строй школы Кассиодора и по системе воспитания, и по методам обучения тяготеет более всего к низибийской школе. Даже руководство по вводу курсу в Священное писание заимствовано у Низибийцев. Большое внимание уделяется внешней стороне текста, пунктуации, орфографии и каллиграфии. Что же касается собственно экзегетики, то она сводилась к собиранию как можно большего числа толкований по преимуществу латинских авторов, собственной концепции школа не выработала. Школа Кассиодора послужила образцом для других монастырских и орденовских школ и прежде всего для школ ордена бенедиктинцев. Да и сейчас иезуитские школы имеют то же основание, что и у Кассиодора.

Итак подводя итоги, можно сказать, что богословские школы древнехристианской эпохи были очень разные. Стремясь дать ученикам высшее богословское образование, основанное на Св. Писании и церковном Предании и религиозно-нравственное воспитание, школы тем не менее выработывали каждая свои принципы образования и свои методы воспитания. Греческая школа ставила перед собой просветительскую задачу воспитания христианина. И потому стремилась обнять все общеобразовательные науки, имевшие отношение к богословию, особого расцвета достигли здесь христианская философия, систематические науки: апологетика, догматика, нравственное богословие и пр. Восточно-сирийская и латинская школа преследовала про-

¹ См. *Кассиодор.* Наставление в науках божественных и светских. // Антология педагогической мысли христианского средневековья. Т.1. М., 1994. С. 145.

фессиональные и практические задачи. Они принесли Древней церкви свои дары: вклад сирийцев, в особенности антиохийцев, разработка историко-грамматического метода толкования Священного Писания, который принес впоследствии большие плоды, латинско-римская школа дала начало высокому церковному красноречию.

Итак, эти три древнехристианские школы заложили начало христианской педагогики. Мы являемся их продолжателями, также как наша церковная иерархия является преемницей апостолов. Но, как видим, школы ставили перед собой разные задачи. Поэтому и мы в своей живой педагогической практике не должны бездумно следовать авторитетам, но сопоставлять цели и задачи нашего педагогического действия и устремления древних. Там, где ставятся задачи просветительского характера, выработка стройного православного мировоззрения, осмысление мира и культуры с точки зрения христианства, уместно искать поддержки у александрийцев. Когда же речь идет о построении профессионального образования для тех, чье мировоззрение уже достаточно укреплено, и церковная жизнь является единственным способом их существования, — для этих целей нужно рассматривать высшие ступени александрийской школы и, может быть, полезно будет прибегнуть к некоторому опыту общежительных школ запада и сирийского востока.

Что же касается уникального опыта церковного красноречия, накопленного в латинской школе, опыта столь необходимого для христианской проповеди, то он может быть полезным только духовно зрелым людям. Научение приемам красноречия неготовых приводит, как правило, к краснобайству и празднословию. Те же, кому Господь дал дар слова, должны хранить его в целомудрии: оно должно послужить или откровению Божию, или свидетельствовать о личном духовном опыте человека.

Итак строя православную школу после реформенной России, мы можем воспользоваться бесценным опытом древних христиан, дабы наши педагогические интуиции обрели целостную и соответствующую задачам форму.

Из книги
«Искание высот»

ИСКАНИЕ ВЫСОТ (Образы современной педагогики)

Всем хорошо известно, что педагогика, как искусство воспитания, существует не в абстрактной идее, а в четко означенном времени и пространстве. Во всякое время каждый народ рождает свои школы.

Вспомним для примера 1989 год, когда помимо обычных школ начали действовать еще и воскресные церковные школы, когда появились гимназии, лицеи, авторские школы различных направлений. Какой подъем был среди педагогов! Думалось, что удастся за несколько лет духовно возродить страну, восполнить пробелы в воспитании и образовании, укрепить нравственное здоровье нации, открыть детям путь к настоящему светлому будущему. Время, кажется, само вдохновляло на такие дерзания.

А если обратиться к России 1945 года, когда страна вышла победительницей из самой страшной и кровопролитной войны, которую только знало человечество, то школа этого времени поразит нас своим стремлением к коллективизму и естественной организованностью всего учебного процесса. Война научила ответственности и дисциплине. И вместе с тем, дала чувство уверенности и силы всему народу. Мужество и перенесенные невзгоды выковали особую бережность в отношении к детям. Ведь от них зависело будущее, за которое было пролито столько крови.

И вот мы в новом тысячелетии. Время растерянности и недоумений, время нарастающих экономических катастроф и невиданных нравственных и уголовных преступлений. Какая-то всеобщая безответственность парализовала страну и все ее структуры. Какова же сегодняшняя школа и какой она должна быть?

Чтобы решить эту задачу нужно сначала ответить на несколько вопросов: кого мы учим? чему надо учить? и как надо учить в данной среде в данное нам время?

Чтобы разобраться в этих вопросах, нам нужно, прежде всего, посмотреть на самого ребенка. Ребенок всегда находится как бы на перекрестии трех стремительных потоков, влекущих его каждый в свою сторону: архетипа народа, своей личностной индивидуальности и общепризнанного комплекса ценностей, господствующего в обществе в данное конкретное время. В нем сразу звучит множество мелодий: одни доносятся из глубины веков, другие ощущаются как родные, соприродные ритмы и почти не замечаются, третьи врываются в сознание без нашего согласия, завладевают душой, властвуют, как старожилы, а то и просто становятся тиранами... Что нужно, чтобы из этих множественных звуков сложилась живая музыка, а не отравляющая душу какофония? Кто они, наши дети? какие они?

Недавно спрашиваю главного редактора одного журнала, который не раз публиковал мои статьи по педагогике: «Знаете ли вы, что происходит с нашими детьми? Знакомы ли с внутренними проблемами современного детства?» Он откровенно сознался: нет!

Не каждый найдет в себе мужество и честность признаться в этом. Но без понимания сегодняшних детей и их проблем никакая педагогика невозможна. Если же набраться терпения и дать себе труд присмотреться к жизни наших детей, то мы увидим, что им сегодня ох как трудно. Им попросту некуда расти!

Первое, что их страшно угнетает, это возросшая агрессивность среды. Речь идет о внутреннем состоянии нашего общества, которое породило особое поле недоверия человека к человеку. Взрослым трудно понять угрожающее значение этого явления. Они не испытывали влияния этого поля во время своего физического и душевного становления, они вошли в него, будучи уже сформированными. Несмотря на все неприятные переживания, оно не может повлиять на их внутреннюю структуру, а механизм тонких психических и реакций. Оно для них лишь полоса жизни: она некогда началась, но непременно когда-нибудь закон-

чится: все проходит, пройдет и это. Такое ощущение вселяет здоровый исторический оптимизм, и рождает желание бороться.

У детей все по-другому. Они родились и начали осознавать себя уже во тьме отчуждения. Они другого просто не знают — эта среда стала для них родной. Остается только удивляться, как она совсем не поглотила их, ведь никаких средств защиты от среды у детей нет.

Силу детского оптимизма победить трудно. Ребенок как бы заряжен жизнью. Он тянется в будущее, как цветок к солнцу, бессознательно и упрямо. В нем говорит огромная энергия всего поколения. Просто так она не может исчезнуть. Но в одни времена эта живая энергетическая сила широко являет себя жизни и как на воздушной подушке несет своих чад вперед, в другие — оказывается сжатой, если можно так выразиться, «сархивированной».

Многие тогда испытывают «энергетический кризис». Особенно страдают дети тонкие, талантливые, чувствительные. Часто они сами ощущают себя закрытыми, нет силы, которая помогла бы им раскрыться, обнаружить способности своей души, окрепнуть телом и духом.

Те же, чья внутренняя организация более примитивна, с поразительной скоростью усваивают новые стереотипы поведения, которые предлагает время. Но они не испытывают никаких энергетических затруднений лишь потому, что их жизненные претензии не поднимаются выше инстинктивного биологического уровня выживания.

Но возрастная педагогика на многих примерах показала, что есть объективные законы внутреннего роста человека, которые нельзя нарушать безнаказанно. Ранний детский прагматизм и приспособленчество, ни к чему хорошему привести не могут.

Главное в периоде детства то, что все психические и интеллектуальные структуры ребенка еще находятся в состоянии последовательного развития и становления. Он представляет собой комплекс необыкновенных возможностей. Но эти возможности, и физические, и психические, и

интеллектуальные должны еще «включиться», должны начать реализовываться.

Если ребенка «загрузить» так сказать пораньше жизнью, он станет к ней приспособливаться будучи еще совершенно не сформированным ни в психическом, ни в духовном, ни даже в биологическом смысле. Сила жизненных обстоятельств велика, тягаться с ними непросто. Скорее всего, ребенок просто сдаст себя в плен обстоятельствам и начнет учиться не жить, а выживать.

Вот, собственно, что происходит со многими нашим детьми. Творческая активность и воля не только к биологической жизни падает, конформизм растет. А ведь, что значит, сдаться на волю жизненных обстоятельств? Человек — существо духовное. Его истинное отечество — на небесах, Он — сын неба. Но знает ли он об этом? И научен ли бороться за «свое небесное», не предавать его в угоду чреву?

Мы еще не очень-то и представляем себе, что за общество создадут «дети перестройки» и «постперестройки» когда станут взрослыми, и будет ли в этом обществе место настоящим духовным ценностям?

А сейчас пока стремительно растет детская жестокость и рядом с ней — детская невротичность. Последняя имеет сегодня множество необычных проявлений. Это уже не капризы по поводу еды, сна и труда, это устойчивый фон неадекватных реакций организма на саму жизнь. Это какая-то постоянная готовность к отступлению при малейшем давлении. И, конечно же, удручающая массовая пассивность детей. Пассивность при постоянном внешнем возбуждении. Активность и возбуждение не надо путать — они суть разной природы. Первое свидетельствует о здоровых силах ума души и тела, которые ищут себе поля деятельности. Второе свидетельствует о невозможности найти гармоническую форму существования: нигде не хорошо, ничего не интересно. Не удастся забыть себя ни в каком деле, и череда демонстраций сменяется приступами скуки и апатии.

В творческом отношении с сегодняшними детьми тоже происходят изменения. Дети легко усваивают техниче-

ские приемы действия. А вот развить, то, что вы ему преподали, трансформировать, перенести в другие условия, бывает самому затруднительно.

Отказ от свободного творчества — самая неожиданная черта современного детства. Если раньше можно было, не боясь, дать задание — рисуй, что хочешь, — и дети с радостью рисовали. То сегодня они ждут от вас, чтобы вы сказали, что им рисовать. Правда, меркантильные проекты подхватываются с легкостью, но, к сожалению, и тут оригинальных решений обнаружить трудно, в основном повторы телесюжетов и рекламных клипов.

Все чаще приходится сталкиваться с отказом от свободного личного творчества, от ответственности, от какого бы то ни было активного участия в жизни.

А что же школа?

Школа держит этот огненный фронт. Но делать этой ей с каждым годом становится все труднее. Еще совсем недавно воспитательная работа в школе считалась одной из самых важных. Тут было и нравственно-эстетическое воспитание, и интеллектуальное, и трудовое, и патриотическое, и физическое. Формы работы тоже были самые разнообразные: лектории кружки, факультативы, слеты, походы, секции, кружки. Да и люди, занимавшиеся этим хлопотным делом, далеко не всегда были тоталитаристски настроены. Многие просто любили детей и помогали им раскрыть себя.

Сегодня массовая школа переживает кризис воспитания. Фронт оголяется все больше, и не столько потому, что дело это незаметное и не сразу приносящее результаты, сколько потому, что учителя часто не знают, что делать. «Я действительно не знаю, кого из них надо воспитывать, — частенько приходится слышать от педагогов. — Начитается ребенок о правде, добре, справедливости. Поверит, что так должно быть в жизни, что за это надо бороться. Потом посмотрит на нашу жизнь, увидит, что здесь у нас все по-другому, — что ему будет делать? С высокими идеалами — не выжить сегодня...»

А без высоких идеалов он человеком не станет. Если ребенка не воспитывать, он сам ищет себе «воспитателя». И находит, как правило, развратителя.

Особую роль в воспитании школьников играла родная литература. А теперь педагоги в растерянности: многие произведения из программы изъяты, трактовка других сильно изменена. На каких примерах учить чести, совести, доблести, подвигу? Или, может быть не учить этому? Какие образы надо класть в основу детского мировоззрения?

Не стоит питать иллюзий: впереди у нас трудное время. И нужно думать, как в это трудное время растить детей, что противопоставить агрессивности среды и что мы реально можем сделать. Ведь не секрет, что возможности школы, родителей, да и всего общества в воспитании подрастающего поколения непостижимым образом, оказались ограниченными. В родных семьях дети вырастают «иностранцами». Отчуждение между ними и родителями растет. Это несомненно оборотная сторона той «западнизации» (не очень красивый, но точный термин А. Зиновьева), которая как откатная волна накрыла Россию 90-х годов.

И все-таки мы должны бороться за своих детей, как боролись наши отцы и деды во время войн, голода и невзгод. Жизнь — всегда брань, но иногда она — видимая, иногда — невидимая.

Думается, что в первую очередь нашему ребенку сегодня необходимо введение в традиционную духовную культуру. А культура — это организованная человеком среда обитания, это совокупность связей и отношений: природы и человека, искусства и человека, человека и общества, и наконец, выходящие за рамки культуры отношения человека и Бога.

Как педагогическую сверхзадачу можно выделить необходимость создания живой среды, способствующей развитию диалоговой способности сознания. Речь здесь идет не о способности к общению, не о коммуникативности, а об особом способе бытия, со-бытия, благоговейном диалоге с глубинами жизни, личности.

Нам кажется, что именно такой подход и может лечь в основу воспитания духовной личности, в формирование оптимистического мировоззрения, как ее структурной волевой опоры.

Диалог — это не сиюминутная психологически адекватная реактивность личности, а постоянное чувствование высшего закона бытия, преимущества духовного начала над материальным.

Уместно здесь будет вспомнить последние эпизоды из Евангелия. Христос распят. Небо померкло. Мир погружен во тьму. Ученики переживают крах всех своих надежд. И вдруг раздается радостный крик: «Христос Воскрес!» Этот крик буквально разрывает тьму над миром. Он становится главным мистическим опытом человечества. Этот опыт безусловно оптимистичен, несмотря на страдания Христа. Отныне и вовеки он будет опорой человечеству.

Сегодняшняя педагогика, если она действительно хочет помочь детям, должна стать БЛАГОВЕСТИЕМ. А Благая весть — это не только Евангелие, это все примеры подвига и жертвенного служения, которые знало человечество в своей истории. В Евангелии мы видим самый высокий, Божественный пример служения людям. Но и в нашей жизни всегда было место подвигам, всегда находился герой, который готов положить «душу за други своя».

Сегодня детям так необходимы примеры положительных героев! Нужно искать их в истории, в искусстве, в жизни. Нужно показать, что чудо воскресения происходит уже здесь на земле. Как ни убивай добро и истину и красоту, они вновь рождаются, являют себя миру. Свет их в мире ничем нельзя затмить.

Педагогика благовестия действенна была всегда, но сегодня она для нас просто — насущная необходимость. Отыскивая «золотые крупинки» во всем историческом пространстве жизни, и главное, в современности, мы поможем ребенку ощутить жизнь как реальное поле приложения его сил, как личный ответственный выбор, как желание, вслед за другими, свидетельствовать о свете, который пришел в мир.

Именно вера в жизнь пошатнулась в наших детях. Не в жизнь, как «форму существования белковых тел», а в жизнь как дружеское товарищество, как радостный труд и взаимное служение друг другу. «Мы не видим этого сейчас, значит, этого нет совсем, значит, это сказки из прошлого», — вот лейтмотив многих внутренних детских монологов.

Без веры и надежды ребенок становится безнадежным. Если даже он вырастет здоровым и сильным физически, вряд ли будет соответствовать своему высокому назначению человека на земле, вряд ли возьмет на себя радость ответственности за жизнь и мир.

Вера в будущее — главная доминанта созидания внутреннего душевного пространства ребенка. «Тела ваши суть храмы живущего в них духа» — сказано в Новом Завете. Вот это-то храмостроительство и должна осуществлять педагогика.

Детство — это удивительная страна. Ее впечатления остаются с нами на всю жизнь. Их трудно вытравить. Они ложатся в основу нашего сознания, характера, определяют весь психический механизм будущих действий ребенка. Используя наш пример, можно сказать, что человек как храм закладывается в детстве.

А если детство полно лишений, бед и разочарований, «загнанный в угол» маленький человек может вообще ожесточиться и замкнуться в себе. Подумайте, с чем наедине он останется? С теми темными угнетающими впечатлениями, от которых он и бежал. Бедное дитя! Надо всеми силами противостоять отчуждению. Ребенок не должен чувствовать себя брошенным. Надо стараться сегодня больше быть с ним рядом, двигаться бок о бок по жизни, пояснять, комментировать все, что он видит, ведь ребенок не может сам сделать никаких поправок: он живет здесь и теперь, и все для него по правде и навсегда. Педагог должен помочь ребенку справиться с его сиюминутным переживанием, объяснить, что как бы остро и болезненно оно ни было, оно непременно пройдет, преобразуется, послужит чему-то в будущем.

Но приходится учить и различению добра и зла, правды и лжи, учить «разоблачению» зла, замаскировавшегося под добро. Можно привести здесь одну реплику, которая недавно поразила меня своей точностью. Умного и совестливого человека спрашивают, почему он читает именно эту газету. Его ответ: «Я знаю, как они врут!»

Знать, как врут, значит, уже двигаться в сторону правды. Но как этому научить детей? И когда начинать? Ведь нельзя отравлять раннее детство скепсисом и подозрительностью. Да, детская непосредственность умиляет нас и освещает жизнь особым радужным светом. И пусть бы она светила дольше, если бы не повсеместная пропаганда насилия и секса, если бы не поощрение средствами массовой информации всевозможных извращений, если бы не та пресловутая агрессивность среды, в которую мы оказались втиснуты.

Одна учительница английского языка, которая в молодости с мужем была в Гане, рассказывала мне, как маленьких детей учат бегать от крокодилов, которых там очень много. Крокодилы бегают по суше довольно быстро, но поворачивают с трудом. Поэтому каждого только что научившегося ходить ребенка они учат бегать зигзагами, все время меняя траекторию. Эта игра, которой они легко овладевают, многим спасает жизнь.

А не взять ли нам этот пример метафорой к воспитанию критичности в детях? Чтобы дети не стали жертвой обмана и развращения, тех крокодилов, которые быстро бегают по нашим улицам сегодня, нужно учить их не просто разоблачениям, а учить правде вечной, высшей, не правде факта, а правде Истины.

Негативные образцы и предостерегающие примеры способны выполнить лишь оборонительную функцию. Они не создают благодатного пространства души человека. Это пространство, этот храм можно сложить лишь из ясных и светлых образов. Поэтому к сегодняшней педагогике можно применить и еще один образ — она должна быть обоюдоострой. Одной своей стороной она должна уничтожать хи-

мер, стремящихся пожрать чистоту детей, другой — охранять от перетолковываний золотое наследство человечества: историю подвигов и самопожертвований, любви и терпения.

Культура человечества знает эту историю. И не нужно смущаться тем, что наряду с ней есть в нашем багаже много такого, о чем и вспоминать стыдно. Золото ни в каком окружении не может померкнуть. Нужно донести его детям. Как? В какой форме? Да и конкурентны ли будут эти примеры рядом с беспардонным, ошеломляющим вторжением телевизионного шоу-мышления во внутренний мир каждого современного человека, в том числе и ребенка?

Колосс страшен, но он на глиняных ногах. Телевизор можно просто не впускать в дом, если он непотребен. Одна семилетняя девочка на вопрос «С кем ты живешь?» ответила: «Я, мама, папа и телевизор». На самом деле телевизор воспринимается детьми часто как живое существо. Он безусловно имеет авторитет, он — приятель, он развлекает, с ним никогда не бывает скучно. К тому же он ничего тебя не заставляет делать.

Да, дети телевизору доверяют, но педагоги и родители знают, что на сегодняшнее телевидение положиться нельзя. Оно слишком хаотично, разнузданно, убыстрено, и главное, несвободно, то есть не является плодом коллективного свободного труда режиссеров, операторов актеров и прочих служителей одиннадцатой музы — оно ангажировано, то есть заказано.

Телевидение сегодня так увлечено западными сюжетами и коллажными трюковыми способами показа, что для психики наших детей оно просто вредно. Нравственные же образцы (точнее, безнравственные, обсуждать, я думаю, никому не придет в голову).

Нет! Воспитывать детей нам приходится почти без помощников. Но как бы трудно это не было, нужно понимать, что иначе лет через 10 не с кем будет жить, рассеется, потеряет силу та уникальная человеческая общность, которая называется Россией, которая славна была не только своими

древними иконами и храмами, которая заставляла людей плакать над произведениями своих художников, поэтов и музыкантов, которая удивляла всех цивилизованных людей множеством своих изобретателей, ученых, мыслителей, удивляла самым отношением к человеку, к его личности.

Сегодняшняя педагогика — это педагогика длинного урока. Педагогу нужно как бы раздвинуть границы детского впечатления, соединить личные переживания ребенка с духовным опытом всего человечества. Как это сделать?

Нужно искать трансцендентного диалога. Неуклюжий термин, но пока будем использовать его. То есть искать не согласования мнения ребенка с мнением учителя, а стремиться к пребыванию в едином пространстве, и в каждом конкретном случае искать истину.

Именно это всегда и делала русская культура. Жизнь никогда не воспринималась у нас как раз и навсегда данный образец для подражания. Наоборот, поэты во глубине своих сердец искали ответов на вопросы, которые задает жизнь.

«Поэтический вымысел по разуму бывает так, как вещь могла и долженствовала быть». Эти слова Владимира Тредиаковского, русского поэта и публициста XVIII века, можно сделать эпиграфом, или методическим ключом всей современной педагогики.

Или можно вспомнить Пушкина: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Собственно, это всем хорошо известно. Но как-то само собой вдруг вышло из употребления, оказалось отодвинутым, загороженным новыми лозунгами «Правды жизни и ничего кроме правды!» Но правда и Истина — не одно и то же. Если новые лозунги не помогают жить, можно ведь их и пересмотреть, можно вообще от них отказаться и искать не нового, а живого.

А живым для русской жизни и педагогики всегда было именно искание высот. И русское искусство, и русская философия, и русская литература никогда не удовлетворялась одними эстетическими задачами — все делалось «при свете совести».

Именно эти традиционные педагогические ориентиры и легли в основу наших программ (см. книгу «Православная школа сегодня», а также «Мироведение»). Там представлено несколько методических разработок программ, цель которых выработка у детей жизнестойкого оптимистического мировоззрения. Например, программа «Мироведение». Она состоит из 12 больших разделов: Мир, Смысл жизни, Свобода человека, Два пути жизни, Церковь, любовь, Добро, Благодарение, Братство, Семья, Человечество и искусство, Религия и искусство. По форме это были классные сократические, диалоговые беседы, то есть попытка учителя посмотреть на мир вместе с ребенком, его глазами, почувствовать его сердцем, — а потом, уповая на свои знания и интуицию, указать главное, бесценное и непреходящее, на что можно опереться.

Все разделы, за исключением раздела «Церковь», представлены целостными блоками, объединяющими несколько тем. В блоке задается понятие, которое рассматривается с разных сторон, насколько позволяет уровень учеников, ставится проблема, актуальная для нашей сегодняшней жизни. Например, в разделе «Мир» предложены темы: «Умеем ли мы видеть?» «Что такое впечатление?» «Мир физический и мир духовный». «Человек — венец творения». «Человек в мире». «Об изменениях мира после грехопадения».

Внутри каждого блока есть, так сказать, «обязательная программа», а есть «произвольная». Первое — это те новые понятия и проблемы, с которыми мы знакомим детей. Второе — свободное историческое, психологическое и культурное осмысление данной проблемы в разные времена. Свободную часть учитель организует сам, в зависимости от его возможностей.

Важно понять, что разговор с детьми на серьезные темы необходим, — но начинать его лучше не с примеров должного поведения, а со свободного знакомства с тем или иным нравственным понятием, с разговора о нем. И только потом можно это понятие укоренять в истории, то есть при-

водить примеры того, как эти вопросы решали наши предшественники, что они для них значили, устанавливать причинно-следственные связи. После этого мы уже невольно чувствуем себя их преемниками.

Мы должны помнить, что все понятия, которые могут быть предложены ребенку, есть только зерна, которые должны прорасти, расцвести и принести плоды. Водой для этого сада сердца будут живые детские впечатления и те непредсказуемые естественные откровения, которые посылаются каждому из нас. Поэтому главное, что нам нужно, это настроить восприятие ребенка, как настраивают струнный инструмент, и заложить в него систему развивающихся понятий.

Понятие — одна из форм отражения мира с помощью слова, способ обобщения предметов по совокупности признаков. Понятия — это уже философские величины, «молекулы» мыслительного процесса. Но понятие это еще и комплекс связей и отношений. Они ни в коем случае не могут быть просто сообщены, понятие должно быть выведено из всего имеющегося опыта ребенка, из сопоставления уже известного с новым опытом и откровением. И, наконец, понятие должно быть соотнесено, увязано с живым наблюдением, с личным впечатлением ребенка.

Именно через понятие, которое в возрасте 9-10 лет органично начинает дополнять чувственные переживания ребенка, и строится его внутренний мир, происходит освоение духовного пространства жизни, постижение нравственного закона. Но любой закон должен быть для ребенка не внешним императивом, а внутренним открытием. Только тогда можно надеяться на пробуждение личного нравственного чувства, совести.

Кроме классных бесед мы, конечно, предлагаем педагогу целый комплекс сопутствующих мероприятий. Это игры, коллективное и индивидуальное рисование экскурсии в музеи, совместные прогулки и наблюдения. То есть мы пытаемся охватить довольно большую область жизни и интересов современных детей. И надо сказать, что результаты не заставили себя долго ждать.

Душа ребенка незлобива и пластична, от внимания они быстро раскрываются. И угнетенные робкие дети, и прагматичные хитрецы не в состоянии противостоять созидательному действию диалога. Когда мы слушаем и слышим ребенка, мы невольно и его приучаем внимать, думать, соотносить одно явление с другим.

Это-то личностное начало и стало еще одной особой чертой нашей духовной культуры, частью которой является и педагогика.

Часто личностью называют комплекс внутренних переживаний, характерных волеизъявлений и состояний человека. Это определение неполно. Личностное начало — это не манеры, не жизненные привычки и желания, личность — это священный образ внутри каждого человека. Он есть у всех. Но все имеют и свои недостатки, которые затемняют этот образ даже от самого человека. То есть мы не тождественны своей личности. Здесь на земле мы должны осуществить себя как высшего, духовного человека. Этот человек будущего и составляет центр нашей личности. Поэтому личностное начало реализует себя не в удовлетворении своих утилитарных потребностей (если говорить корректно, таковых у него просто нет), личность реализует себя в единении с Высшим животворным началом жизни. Это возможно лишь потому, что человек сам имеет в себе высшее начало.

Ни под каким благовидным предлогом педагог не должен посягать на тайну личности ребенка. Нельзя нивелировать детей, подстраивать их под свои представления. Ни в коем случае нельзя поддаваться соблазну начальствования, подавления личностного начала: самые сильные и решительные просто уйдут от вас, а из тех, что останутся, могут получиться приспособленцы и конформисты. Мы должны помочь осуществиться уже зарождающему, а не пытаться спроектировать «хорошего человека». Только при таком подходе мы можем сохранить те тонкие неведомые нам внутренние структуры, которые составляют саму сущность личности человека.

Уместно здесь будет вспомнить размышления Мережковского из его работы «Грядущий хам». Он пишет, что «религия современной Европы — не христианство, а мещанство... вместо Библии счетная книга, вместо алтаря — прилавок». Что же Мережковский называет мещанством, обывательством? Такую жизненную позицию, где удовлетворение утилитарных жизненных потребностей поставлено во главу угла, где человек отказался бороться за осуществление своей личности. Обыватель не может стать христианином, ибо он по своей сути, не способен к подвигу христианской жизни. Способность к подвигу и обывательское начало — две вещи вообще несовместные в человеке.

Актуальны ли эти размышления сегодня, когда средства массовой информации без устали пропагандируют именно утилитарную массовую культуру, называя ее культурой потребления? Как это соблазняет наших детей, ведь они еще не знают, что никакие жизненные удовольствия не могут дать пищу нашей душе, она остается голодной и ничего не может противопоставить натиску общей пошлости и цинизма.

Воспитание личностного начала, может быть, сегодня самое трудное и самое нужное дело. По-настоящему только личность в союзе с Истиной способна противостоять злу, способна мыслить, верить и действовать.

А действовать надо. К сожалению, сегодня умозрительное воспитание преобладает над практическим и опытным, личная же творческая активность, как мы уже говорили, стремительно падает. И дети, и взрослые даже научившись что-то делать, по какой-то внутренней лености и инерции без толчка действовать сами не начинают. Говорить — пожалуйста, а действовать — увы! Празднословие стало у нас привычным бедствием.

И сегодня, чтобы научить ребят действовать, надо прежде научить их... как это ни странно — молчать. Вот какой парадокс. Чтобы услышать слово истинное, слово совести, слово-дело, нужно, чтобы облетели с древа нашей жизни все слова-однодевки, слова-фальшивки.

Итак, подводя итоги нашим размышлениям, надо сказать, что все они явились плодом не теоретических кабинетных изысканий, а долгой и свободной от чьей бы то ни было указки педагогической практики. Поиск истинных духовных и педагогических ориентиров и вывел нас на путь Диалога.

Долгие годы занимаясь развитием диалоговой способности сознания, мы обнаружили, что диалог есть некое постоянное стремление человека выйти за пределы своей личности. Он не центростремителен, а центробежен по своим энергетическим токам. Диалог — это не столько реактивное действие между человеческими индивидами или сообществами, сколько активное личностное созерцание бытия, внимание к глубинам сердца, незримо соединенным с духовными основами всей жизни. Поприще жизни тогда видится как горнило, где должна выплавиться наша душа. И если мы открыты для Истины — каждую минуту жизни будет происходить эта священная плавка.

Диалог — это движение, осознанное, намеренное движение навстречу свету, это изменение, облагораживание нашей двойственной природы духоносными токами, пронизывающими жизнь. Настоящий диалог невозможен в ни в каком относительном пространстве, ибо мы не являемся производной друг от друга, также как не можем быть друг для друга образцами; подспудно мы чувствуем свое высшее, небесное происхождение и каждый своим путем движемся не к союзу с нашими товарищами, а к единению с высшим началом жизни, с нашим настоящим Прообразом.

Как педагогическую сверхзадачу сегодня можно выделить необходимость создания живой среды, способствующей развитию диалоговой способности сознания. Речь здесь идет не о способности к общению, не о коммунибельности, а об особом способе бытия, со-бытия, благоговейном диалоге с глубинами жизни, личности.

Нам кажется, что именно такой подход и может лечь в основу воспитания духовной личности, в формирование оптимистического мировоззрения, как ее структурной левой опоры.

Диалог — это не сиюминутная психологически адекватная реактивность личности, а постоянное чувство высшего закона бытия, преимущества духовного начала над материальным. «Область Педагога — практика, а не теория; не обучение, а нравственное улучшение» — так еще во II веке высказался о целях педагогического процесса великий учитель Церкви Климент Александрийский в своем сочинении «Педагог»¹. Именно он стал основателем первых диалоговых христианских школ, школ активно воспитывающих своих слушателей в духе христианского оптимизма.

Религиозное мировоззрение — есть сокровенное достояние общественной культуры человечества. И потому сегодняшней поиск отчего дома педагогики как одной из форм общественного сознания и должен естественным образом привести в нему. «Мы стоим на пороге создания церковной школы — в подлинном и серьезном смысле этого слова... — Читаем мы в книге замечательного христианского педагога Василия Васильевича Зеньковского, — Смысл и идея церковной школы в том, чтобы она укрепляла и развивала религиозные запросы детей, а не убивала, и не коверкала их. Религиозная сфера имеет центральное значение в иерархии душевных сил человека»².

Говоря о необходимости воспитания целостного оптимистического мировоззрения у детей, нельзя не указать, где исток истинного оптимизма в нашей жизни. Нам придется сделать выбор между относительным пространством бытия и абсолютными духовными ценностями. Этот выбор ответствен и даже страшен для нашей души, так как он невольно определит и наше место в мире, и наши обязанности.

Духовное воспитание должно быть понято нами как воспитание в человеке главного его чувства — чувства истины. Ведь, в сущности, мы можем считаться состоявшейся личностью только тогда, когда у нас не просто появились

¹ *Климент Александрийский*. Педагог. М. 1996. С. 29.

² *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М. 1993. С. 168

понятия добра и зла, а когда они стали руководить нашей волей. Только тогда мы становимся способными к настоящему диалогу с миром, не растворяясь в нем, не теряя своей совести.

Жизнь не ждет. Стремительно врываются к нам новые ее звуки и образы. Мы должны видеть, что происходит вокруг, чтобы с готовностью ответить времени своим грамотным педагогическим действием, к которому я и призываю своих коллег.

ДИАЛОГ КАК ПРОСТРАНСТВО СО-БЫТИЯ (Концептуальные основы диалога как духовно-педагогического метода)

1. Душевный диалог. Диалогический эрос Мартина Бубера (дохристианское сознание)
2. Кенотический диалог. Эсхатологическая модель общения митрополита Иоанна (Зизиуласа).
3. Диалог — слушание. Экзистенциальная среда развития М. Хайдеггера (Путь к языку).
4. Диалог, как искусство совместного бытия

Вступление

О диалоге говорится и пишется много: и в аспекте комплексного системного развития личности (Маслоу), и как коммуникативного средства организации социального пространства, и как гуманистической парадигмы сопряжения культурно-исторических традиций в современном образовании (Библер).

Нас интересует духовный аспект диалога. Чтобы проследить основные этапы развития теории духовного диалога мы применили метод зондирования и выбрали трех наиболее самостоятельных в своем мышлении видных исследователей, рассматривающих проблемы диалога. За каждым из них возникли свои направления, принявшие и развившие основные положения представленной теории. Это — Мартин Бубер, представляющий собой душевный дохристианский диалог, Митрополит Иоанн (Зизиулас) — христианский диалог, кенотическая модель общения и философ Мартин Хайдеггер — диалог— вслушивание, экзистенциальная среда развития. У каждого автора была выделена конкретная работа, содержащая интересующую нас проблематику: «Диалог» М. Бубера¹,

¹ Бубер Мартин. Диалог/ Два образа веры. М: «Республика», 1995 г.

«Общение и инаковость»¹ митр. Иоанна (Зизиуласа), «Путь к языку»² М. Хайдегера.

Эти работы были рассмотрены с помощью метода ключевого системного комментария, то есть они сопоставлялись не друг с другом, а со всем имеющимся в культуре материалом, который напрямую или косвенно мог быть охвачен темой диалога³.

Таким образом, удалось создать живую полифоническую модель теории диалога. Вопросы преемства и развития решаются здесь не линейно: все реагирует и связано со всем — это создает живой контекст проблемы.

1. Душевный диалог. Диалогический эрос Мартина Бубера (дохристианское сознание)

Эссе «Диалог» широко известного израильского философа Мартина Бубера⁴.

Бубер пишет: «Я знаю три вида диалога — подлинный, который может быть выражен как в словах, так и в молчании, — в этом диалоге каждый действительно имеет в виду другого... стремясь, чтобы между ними установилось живое взаимоотношение; технический — вызванный необходимостью взаимного понимания, (служебный диалог — авт.); и, третье — замаскированный под диалог монолог, где человек говорит сам с собой»⁵.

Единственным настоящим диалогом Бубер по праву считает первый. В сущности, технический диалог даже не нуждается в пояснении, так как мы остаемся закрытыми,

¹ Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас). Общение и инаковость. //Континент, № 83.М.-Париж.

² Хайдеггер Мартин. Путь к языку/Время и бытие. М: Республика. 1993.

³ См. Сборник «Системные исследования». М. 1989.

⁴ Впервые опубликовано в 1930г в журнале «Die Kreatur»; наши ссылки по изд. М.: Республика. Перевод М.И. Левиной, 1995. С. 93–125.

⁵ Бубер М. Указ соч. С. 108.

выполняем только некоторые механические функции бытового общения. А вот диалог, который является замаскированным под монолог — это уже социально-психологическое явление, которое выражается в особом стиле жизни человека, когда он играет сам с собой в игру диалога, оставаясь при этом в аутентичном состоянии монолога, не видя и не чувствуя другого, но лишь используя его в своих целях.

Комментируя первый вид диалога (подлинный), Бубер пишет: «...он свидетельствует о наличии органической субстанции человеческого духа»¹. Возникает вопрос — а в двух других видах диалога, а в отказе от диалога — с чем мы имеем дело? Как органическая субстанция может не проявляться, если она имеет место быть? Или мы должны признать, что она присуща не всем людям. Бубер не рассматривает этот вопрос, но для нас он не может быть снят, ибо антропологически люди единообразны: по трихотомическому святоотеческому делению, это субстанциональное сопряжение духа, души и тела. Отказать какому бы то ни было человеку в наличии у него субстанции духа невозможно, как бы он себя не проявлял.

Далее Бубер, характеризует диалогическое и монологическое существование. Он выделяет основной признак диалогического существования (но имеется в виду, видимо, сознание) — это способность человека воспринимать сущность. «Монологической следует называть не жизнь одинокого человека, а жизнь того, кто неспособен воспринимать общество, в которое он приведен судьбой, соответственно его сущности» и «Я знаю людей, которые с головой уходят в «общественную деятельность» и при этом неспособны говорить с другим человеком, ощущая его сущность...»².

Связывая диалогическое существование со способностью воспринимать, а точнее, улавливать сущность вещей и явлений, мы сильно сужаем рамки диалога, обявывая его

¹ Там же.

² Там же.С.109.

давать духовные (и какие!) плоды. Тут, как нам кажется есть еще одна, теперь уже методологическая неточность. Диалог есть процесс, определенный режим движения; понимание сущности — это миг озарения, инсайт (в терминах гештальтпсихологии). Может ли вообще существовать некий процесс, состоящий из одних инсайтов? И наконец, третий вопрос: способность улавливать сущность, которую Бубер и называет диалогом, присуща ли всем людям, или она является даром той или иной личности? Может ли она быть развитая, или это природное свойство того или иного индивида?

Здесь угадывается неназванная связь диалоговой способности с общим развитием личности, с ее тонкостью. Бубер соединяет диалог с реальными отношениями людей, именно они, по его мнению, и способствуют личностному развитию. Диалог есть наивысшее качество этих отношений, необходимое становлению нашего сознания, воли, чувств.

«Диалогическое существование, — продолжает Бубер, — обретает даже в крайнем одиночестве глубокое, придающее ему силы предчувствие взаимности, монологическое — даже в нежнейшем общении не выходит за пределы своей самости»¹. Самость противоположна диалогичности. Стало быть, диалог есть путь преодоления или по крайней мере борьбы с самостью, путь духовного развития. Но условием этого развития считается отношение с другим. Чувство взаимности — вот начало диалога по Буберу, реальные отношения понимания — сам диалог.

Но понимание — редкий гость в человеческих отношениях. Даже взаимность не может гарантировать постоянного понимания. Ибо человеческие отношения — это морской прибой с его приливами и отливами. Что же нам остается? Постоянно пребывать в пространстве ожидания. Главный пафос Бубера, как мы увидим, и есть ожидание. Ожидание встречи.

¹ Там же. С. 109.

Но... «для того, чтобы идти навстречу друг другу надо иметь отправную точку, быть у себя»¹. То есть обрести себя? Но как это возможно, если как раз для обретения себя мне нужен другой? Здесь мы сталкиваемся с неразрешимым для Бубера противоречием в понимании места и значения диалога для личности человека.

Следующий тезис обостряет противоречия до антагонизма: «Диалог между просто индивидами — только набросок, осуществляется же он только между личностями»². Провозгласив этот категорический императив, Бубер невольно разделяет человечество на индивидов (по сути это как-то уж очень похоже на человеческий материал) и состоявшихся личностей. Но где критерии, и кто может определить, кто уже является личностью, кто еще индивидом? Бубер не ставит этого вопроса, но уходит в гипотетическое соотнесение: «Что может столь сущностно преобразовать индивидум в личность, если не светлый строй опыта диалога?» Эта фраза, как змея, хватаящая себя за хвост, не лишена изящества, но не может удовлетворить потребности в продуктивном знании: личность возможна через диалог, а диалог возможен лишь для личностей. Какая безысходность, безвыходность замкнутого человеческого круга! Не является ли это отголоском того времени, которое через пророческие плачи и песни вводит нас в тайну ветхозаветного сознания?

Духовность невозможно понимать абстрактно — она есть основополагающая реальность. Не случайно над входом в Успенский собор Троице-Сергиевой лавры митрополит Филарет, причисленный ныне к лику святых, в прошлом веке сделал надпись «Ведомому Богу». В ней отразилось дерзновение новых чувствований новой — христианской — эпохи. «Над нами сумрак неминуемый иль ясность Божьего лица» — восклицает Александр Блок. Ясность обрета, пусть даже сменяемая, затемняемая, затеняемая по

¹ Там же. С. 110.

² Там же.

временам шумами сердца и времени, — эта ясность пути открылась в христианстве новому человечеству. Или человеку? Это еще предстоит понять.

Бубер, живя в нашем веке, принадлежал к совершенно иной — нехристианской — традиции. И потому его творчество невольно доносит до нас архаическое чувство древних эпох, раскрывающее перед нами трагический психологизм человеческого сообщества, не сращенного и не оживленного кровью Спасителя.

Итак, диалог понимается как стремление к взаимности. Продолжим цитату: «Сказанное здесь совершенно противоположно подчас раздающемуся в сумерках веков призыву к всеобщей открытости. Тот, кто может быть открыт с каждым прохожим не обладает субстанцией, которая может быть утрачена».

Стремление защитить себя, сохранить свою целостность, оборачивается необходимостью разделения человечества по признаку внутренней ценности. Но кто может ее осуществить?! Открытости бросается обвинение в недостаточности, то есть в неполноценности. Если ты открыт с каждым, значит ты недостаточно полон, недостаточно целен и ценен. На этом месте ощущаешь, что происходит разрыв живой ткани бытия. Стремление осуществить себя как человека переходит в проповедь отчуждения от другого, не представляющего для нас ценности и интереса. Но если бы мы знали, кто нужен и полезен нам на самом деле!

Еще один тезис Бубера, привлечший наше внимание — это понятие эроса: диалогический эрос. На самом деле, в самом этом словосочетании есть крытая тавтология: эрос — проникновение, слияние; диалог — встреча двух, двоих. «Диалогический эрос обладает простотой полноты, диалогический многообразен»¹. Диалогический эрос — эрос проникновения, объединяющее единство проникновения обладает простотой полноты, так как рождает новую, отличную от двух первых целостность. Эта-то новая целостность и яв-

¹ Там же. С.117.

ляется целью диалога. Но обладаю ли я этой целостностью, становится ли она моим существом, или она есть возникающее во время встречи новое духовное пространство, нами творимое?

«Монологический — многообразен», — да, охраняя своеобразие индивидуальности, мы рассыпаемся во множестве монологов, внешних и внутренних, боимся слышать друг друга, теряем способность единения. Стремление к единству и одновременно к сохранению индивидуальности надрыгает силы недоуменного разума. Опыт бессилен.

«Лишь тот, кто имеет в виду действительно другого человека и отдается ему, обретает в нем мир» — вот продолжение этой цитаты, которая обрекает нас на поиск другого, как на цель всей жизни — другого как единственного, необходимого для моего осуществления. Если я найду такого человека, только тогда я смогу обрести в нем свое полное бытие.

Эта ставка на человека, эта обреченность на поиск как необходимое условие моего мира, делает само наше существование чрезвычайно хрупким и зависимым от множества эмпирических случайностей. Невероятная, глубинная тоска чувствуется здесь, тоска многовекового опыта человеческой двумерной любви, которая страшит перевернуть мир, но сама способна рассыпаться от малой неловкости.

«Лишь существо, чья инаковость, принятая моим существом живет рядом со мной во всей моей экзистенции приносит мне сияние вечности». Как страшно вопрос спасения («сияние вечности») соединился здесь с вечной драмой человеческих взаимоотношений! Можно ли найти более скорбную песню?! «Если только я объединюсь с другим существом во всей своей экзистенции — значит, буду полон, целен, буду сам собой.

Вместе с тем, какая страшная роковая обреченность. Мы обречены друг на друга. Мы знаем, реальная жизнь говорит о том, что человек не-полон и не-достаточен, мы не можем насытить друг друга, как бы теплы и глубоки не были наши отношения. Здесь мы прикасаемся к тому древнему

чувству тоски, которым был освещен ветхозаветный культ любви двоих, утративших истину и затерянных в мире.

«Только, если два человека всем своим существом говорят друг другу — это Ты, между ними и бывает сущее»¹. Мы имеем дело с переводом, и все-таки нельзя не обратить внимание как рождается фраза, она идет не от Сущего, а от человеческих отношений. Но человеческие отношения это такая хрупкость, они подвижны, они эмоционально лабильны, поэтому Сущее оказывается в подчинении у не-сущего, вечно меняющегося, земного. Здесь опять мы сталкиваемся с невозможностью преодолеть эту роковую сложность, которая возникает в каждый миг встречи вечного и временного.

И тут нужно вернуться на несколько страниц назад. В беседе о религии Бубер пишет: «Мы ждем Богоявления, но нам известно только место, где оно произойдет — это место именуется общностью»². А не Богоявление ли дает возможность человеческой общности? Что является причиной, а что следствием? Вспоминается евангельское: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди них». Как отличаются эти фразы! «Я» божественного откровения цементирует собой любую человеческую общность, и кажется, создает саму возможность этой общности.

«Подлинная общность — не общность содержания веры, — продолжает Бубер, — а общность ситуации, страха и ожидания». Не это ли древний образ веры, обжигающий болью вселенской отчужденности. Эта фраза как будто родилась в сознании человечества, которое живет с Богом, не зная Бога. Таков парадокс ветхозаветного сознания: вера не требовала знания. Подлинная общность здесь, не общность содержания веры (хотя она конечно же была), а общность бытийной ситуации — страха отвержения, вечного напряжения родовых связей, на которые сделана ставка, и зов, плач-зов, скликающий народ Божий для принесения очередной жертвы и ожидания чуда.

¹ Там же. С.117.

² Там же. С. 99.

Вот ветхозаветный Израиль! Это прежде всего сознание рода: встреча с другим утверждает меня, и вместе мы готовы снести ужасы дрящегося времени, несущего страх и ожидание.

Но чем могут обогатить друг друга два невоскрешенных духа?! Можно ли назвать психологический акт бытового общения — диалогом. Диалог — встреча двух Логосов, двух становящихся сущностей, двух духов. ДИАЛОГ — ДВУ-ЛОГОС, это не бытовой, а бытийственный акт, онтологический. Три онтологических эпохи знает наше мироздание: хаос — космос — Церковь. Бубер открыл нам страницу древних интуиций о личности, обреченной на самое себя и ищущей выхода из себя в другом, столь же замкнутом в самом себе. Как велик этот пафос одиночества, умноженного, но не преодоленного человеческим душевным диалогом!

2. Кенотический диалог. Эсхатологическая модель общения митрополита Иоанна (Зизиуласа)

Обратимся к другому философу нашего времени, который также глубоко и лично осмысливал тему диалога — это один из самых известных греческих богословов — митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас). В своей работе «Общение и инаковость»¹ он как бы отвечает Буберу: «Общение с другим требует опыта креста». О как хорошо мы знаем это! Весь наш личный опыт общения, кажется, находит разрешение в этой фразе. Общение с другим — это уже труд встречи. Нельзя на этот труд встречи делать ставку, как это сделал Бубер. «Кенотический путь — это единственный для христиан способ общения с другими, будь то Бог или ближний». Митрополит Иоанн употребляет хорошо знакомое христианам слово «кенотический», то есть умаляющий себя. Но что значит умаление в диалоге? Во встрече с другим, когда надо убедить, победить, перетянуть, уверить... Ума-

¹ Митр. Иоанн Пергамский (Зизиулас). Общение и инаковость. // «Континент», № 83. М.-Париж.

ление — позиция, при которой человек не демонстрирует себя, не желает пополнить себя в общении с другим по принципу сообщающихся сосудов, и вообще, может быть, не помнит себя и о себе. Кенотический диалог, в таком случае, есть открывание себя всем.

Здесь перед нами парадоксальность новой духовной ситуации, которая возникла после Рождества Христова: станешь полон, когда будешь себя умалять, станешь вечен, когда будешь себя истощать. В кенотическом диалоге общение никоим образом не определяется теми или иными качествами, которыми другой человек может или не может обладать. Мы общаемся с человеком независимо от его качеств, наше общение есть наше действие по отношению к Богу, хождение пред Богом, человек же — данный и нужный нам спутник в этом пути.

Что же происходит в этом умалении? Угнетение, подавление, как принято считать, не способствуют личностному развитию и даже могут прекратить его. В опыте каждого педагога и родителя есть этот невольный страх плохой — неразвивающей — среды, дурной компании, низкого окружения. Как же совместить этот неопровержимый опыт психологического общения с кенотическим диалогом, с общением-умалением?

Развитие нельзя понимать упрощенно, тем более, развитие такой сложной системы какой является человек. Развитие — это прежде всего обнаружение системного центра и в соответствии с ним иерархическая дифференциация всей структуры. Сам факт кенотического общения предполагает самоотвержение, поправление прав природы и самости. Именно природа и самость вопиют о прекращении развития, о своей малой смерти при малейшем их угнетении. И это правда, против которой не поспоришь. Но исчерпывается ли человек природой и самостью?

Здесь перед нами тайна духовного взрыва, о котором свидетельствует весь путь святости. Там, где человек себя ограничивает (свою природу и самость), там возникают новые возможности для его духовного развития, которые яв-

ляются не потому, что он совершает то или иное действие, а потому что у него есть внутренняя задача развития и устранены некоторые внешние препятствия на его пути (и природа, и самость являются более периферийными, а стало быть, внешними по отношению к центру, к духу человека).

Мы не можем разделять людей на тех, кто достоин или тех, кто не достоин нашего приятия. Именно такова христологическая модель общения. Если Бубер делает ставку на общение как путь к человеческому взаимопониманию, взаимопроникновению, то митрополит Иоанн разverzает другие пространства: кенотический путь общения, говорит он, есть путь спасения.

Само понятие «спасения» принадлежит к духовной реальности, и потому оно больше любой психологической парадигмы. Мало того, она, эта духовная реальность, выступает в качестве внутреннего условия для всякого психологического и физического действия. Спасение, как его понимает христианство, — это процесс одухотворения, процесс поступательного преобразования личности человека, путем освобождения от плотской (но можно сказать и — природной) зависимости. Причем, надо помнить, что само личностное преобразование не является здесь целью, которая мыслится не как субъективный акт, а как вхождение в объективную духовную реальность, воссоединение с Сущим.

В цитируемой нами статье «Общение и инаковость» кроме кенотического пути дана также эсхатологическая модель общения, которая связана с действием духовных сил в нашем мире. Вспомним слова апостола Павла: Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии (Рим.8,16). Дух Божий — духу нашему, — вот новая форма онтологического диалога. Дух — это не абстрактное понятие, а реальная (но не материальная) составная часть человека, которая способна воспринимать высшие духовные откровения. Духовность личностна и конкретна, и духовное общение есть установление реальных субъект-субъектных духовных связей.

Митрополит Иоанн, говоря об эсхатологической модели общения, обращает наше внимание на то, что после пришествия и крестной смерти Спасителя, общение нельзя понимать как взаимодействие человека с человеком один на один, — все мы пребываем в едином духовном пространстве, и общение происходит в конкретном духовном поле. Значит, мы не обречены друг на друга, не обусловлены друг другом, но вместе ищем истинного общения — освящения и просвещения Духом Божиим. Если люди действительно верят в Христа распятого и воскресшего, в Духа Просвещающего и Животворящего, то принципиально меняется психология их межличностного общения, ибо другой никогда не может быть мне соперником и не может «отлучить меня от любви Божией». По сути мы теперь всегда стоим друг к другу плечом, лицом же обращены к Источнику жизни.

Вот это-то духовное поле и является истинным стимулом и обладает энергией, которая и дает нам возможность развития. «Дуновение Святаго Духа создает не добрых индивидуумов христиан, не «индивидуальных святых», но со-бытие общения». Митрополит Иоанн как бы снимает ту остроту и болезненность, которой проникнута вся работа Бубера и говорит о том, что «начинается новое со-бытие в общении, которое преобразует все, чего бы ни касался дух в соотносительное бытие». Соотносительное бытие рождает новую человеческую общность, но это именно бытие, а не психологическое пространство, возникающее при общении людей.

В этом смысле эсхатологическая модель общения несравнимо более оптимистична и радостна. Она содержит в себе не просто возможность развития, а некоторую надежду и утверждение развития. «Эсхатологическое измерение действия духа влияет на идентичность другого. Мы принимаем другого, исходя не из его прошлого или настоящего, а из его будущего. А поскольку будущее находится в руках Божиих, то при нашем подходе к другому мы должны быть свободны от суждения о нем». Митрополит Иоанн повторя-

ет евангельскую фразу «не судите». Но не судите не потому, что не судимы будете, как это декларирует по сути глубоко языческая житейская мудрость, а потому что осуждение размыкает возможность общения, потому что мы не можем говорить о человеке как об уже завершённом деянии, но о человеке, как прошедшем некоторый путь. В эсхатологическом сознании человек всегда есть будущее.

Нельзя не сказать здесь о новом, высшем виде общения — евхаристическом общении, которое есть тайна встречи человека и Бога. В этом таинственном общении мы каждый раз встречаемся с самим собой — новым(!) и с другим — тоже новым! Поэтому прошлое не может уже рассматриваться как то, что всецело определяет путь и поведение человека. Это груз нашей памяти, нашей совести, та колыбель, в которой рождался наш духовный опыт. Но вырастая, мы выходим из колыбели и саму ее не носим вечно с собой. Где-то для памяти она отлежит свое, а потом и — затерялась, и рассыпалась в прах. Душа человека не привязана к своему прошлому, как тело к своим травмам и ранам, — она вся в будущем. Да что прошлое и будущее — не встречаются ли они на гребне голубой волны бессмертия?!

Эсхатологическое сознание и рождало в святых чувство ликования. «Радуйся!» — приветствовал преподобный Серафим каждого, обращающегося к нему человека, — радуйся, душа твоя свободна от рабства! Ты — царский сын, царская дочь. Как трудно нам в это поверить и двинуться, наконец, навстречу Отчему зову!

Вот два взгляда на диалог, два голоса, два мира, означенные философами: ветхозаветное сознание и новозаветное сознание: поиск друга и поиск Бога, обретение единомышленника и преодоление себя. Мы можем считать их тезисом и антитезисом, но не в антагонизме противостояния, а в последовательности преемства. Так за Пасхой вторая неделя по церковному календарю — Фомина, другое ее название — антипасха, то есть лежащая напротив (по закону симметрии), а во времени — следующая за происшедшим.

Это слово «антипасха» нередко приводит в недоумение человека, привыкшего искать начало развития в противоречии. Здесь же перед нами путь роста и следования благодатной традиции, которая разворачиваясь в веках принимает в себя одну за другой многие реки и ручейки мысли, опыта, языка.

3. Диалог — слушание.

Экзистенциальная среда развития

М. Хайдеггера (Путь к Языку)

Третьим автором, выбранным нами для создания контекста, является Мартин Хайдеггер, он также интегрировано представляет отношение к диалогу через личное переживание и опыт. Он провозгласил время и бытие как ситуацию нашей жизни, как данность нашего бытия, и чувствовал необходимость и возможность бытийственного диалога как метода жизни и мышления. В своей работе «Путь к языку»¹, он раскрывает некую новую методологию слушания языка как живой системы. Это глубинное открытие, затрагивающее структурный уровень исследуемых явлений, может быть перенесено на многие другие области, в том числе и на диалог.

Говоря о языке, Хайдеггер обнаруживает, что единственный путь к диалогу — это слушание. Вот две цитаты из его работы «Путь к языку». «Говорение есть одновременно и слушание. По привычке говорение — слушание противопоставляют друг другу. Этот человек говорит, а этот слушает. Но слушанием сопровождается не только диалогическая речь (диалогическая — имеется в виду бытовая). Под одновременностью говорения и слушания подразумевается большее. Говорение само по себе уже есть слушание». Когда мы что-нибудь провозглашаем, мы не просто вводим в бытие это провозглашенное, но одновременно через сам акт провозглашения примыкаем к целостному бытию, срастаемся с ним,

¹ Хайдеггер Мартин. Путь к языку // Время и бытие. М: Республика. 1993. С. 259–273.

вслушиваемся. Мы провозглашаем лишь то, что уже есть в бытии и нуждается в сиюминутном озвучивании.

О, наше говорение — не произвол! Лишь бы мы понимали, что одновременно с говорением в нас идет слушание. Это слушание языка, говорит Хайдеггер, которым мы говорим. Язык, в его понимании, — не филологическая среда, а среда бытийственная, творящая.

Таким образом, не указан ли нам здесь метод, которым творится диалог и которым творится развитие — говорение и слушание, как одновременный целостный акт творческого мышления?

«Мы слышим лишь потому, что послушны Ему как Ему принадлежащие». Этот тезис Хайдеггера почти смыкается с опытом митрополитом Иоанна, указывается причина, дающая возможность слушания: послушны. В этом «послушны» мы безошибочно угадываем кенозис, как стержневое откровение о необходимых трудах, предлагаемых нашей душе. Ибо воля наша так громко свидетельствует о себе, что не дает ни слушать, ни услышать жизнь, и становится преградой к развитию, к диалогу и к истинному бытию. Когда же во время говорения, провозглашения, утверждения мы в этот самый момент понимаем, что мы являемся и воспринимающими, а не утверждающими только — вот тогда возникают истинные возможности проникновения вглубь бытия, и возможности личностного развития до слияния с Духом.

Таинственное, глубинное слово «послушание» сейчас в нашей церковной среде приобрело слишком простое, расхожее — утилитарное значение: им называют и обычные поручения, и общественные обязанности, и отношения между учителем и учеником. Эта очевидная девальвация слова скрывает от нас, что труд внимания, доверия и следования, которым и является послушание, есть уже начало личного духовного опыта, с которым начинается другое слышание бытия.

Хайдеггер продолжает: говорение — это слушание, а значит диалог — экзистенциальная среда развития. Он упо-

требляет точное слово — «сказ», в котором слышим корень «каз» — казать, явить¹. Сказывание — это одновременно и явление и вызывание какого-то явления. Хайдеггер обнаруживает, что диалог — это переплетение, это не голос, а отголосок. Ясной становится необходимость кенозиса: если я стремлюсь к истине, я понимаю, что она не может явиться в моем личностном утверждении, как и в ничьём утверждении, — но скажется попутно, в отголоске, в беглом комментарии. Она явится там, где иссякнут мои силы и разверзнется честная пустота паузы. Она обойдет все углы моих планов и целей и выпорхнет нежданной птицей из-под ног, поднимая мой взгляд в нежданно плывущую навстречу нам высь...

Это открытие не может не потрясти! Богословие трактатов, как ощущают уже многие, уходит в прошлое. Жив Бог! Диалог как искусство совместного бытия, своим звонким ливнем пробуждает окамененное нечувствие наших сердец.

4. Диалог, как искусство совместного бытия

А теперь оглянемся во времени. В конце прошлого века В.В. Розанов издает «Уединенное», а затем «Опавшие листья» и открывает новый литературный жанр — «пришедшее на ум». В это же время св. Иоанн Кронштадтский рождает свою удивительную книгу «Моя жизнь во Христе», которая тоже есть пришедшее на ум, только на ум Иоанна Кронштадтского. Прот. Георгий Флоровский назовет эту книгу подлинным возвратом к вере святых отцов. Осип Мандельштам, главной чертой которого современники считали безбытность, чуть позже напишет: «Роман умер, европейцы выброшены из своих биографий». Через какое-то время Розанова назовут великим комментатором, открывшем новый путь слову.

¹ В оригинале у Хайдеггера стоит слово «zage» (сага) и его архаичная форма «zagan» (сказание, предание). Перевод Бибикина, который мы используем, достаточно точно отражает эти семантико-филологические образы.

Не похож ли розановский комментарий или так чудесно вынырнувшее «пришедшее на ум» на тот самый отголосок, о котором говорит Хайдеггер? И не аukaется ли все это с «Опытами» Монтеня, странными, не интересными своему времени томами отрывков, которые вдруг сейчас стали востребованы? Может быть, вообще перед нами два магистральных пути мышления? Там, где человек стремится себя явить и утвердить, он возводит иерихонскую крепость трактата. Там же, где он растревожен жизнью, забыл о себе — он вслушивается, всматривается, ловит отблески, отголоски — все тут наживую, непрочное, эскизно... Но, не ищи иллюзий, а чувствуй подобие: этот отголосок содержит, порой больше бытийственных знаков и связей, чем многие мысленные вавилоны.

Здесь мы должны коснуться заповедного для современной мысли понятия системы. Не станем определять уже определенное, но вот вопрос — какая система может считаться целостной, а стало быть устойчивой, жизнеспособной и животворной? Замкнутая внутри себя структура, спаянная своими внутренними логическими или органическими связями? Или структура открытая, а стало быть, постоянно разрушаемая, незавершенная? И какой системой является человек?

Целостностью, как это ни парадоксально, видимо, может обладать только незавершенная структура, способная к вбиранию, впитыванию — дыханию. Это дает ей возможность более полной принадлежности той большей системе, в которую она входит как живая ее часть.

Человек — всегда, до последнего своего вздоха — остается незавершенной системой. И даже его последний вздох — последним является лишь для этого мира, этот же вздох будет входом в новое духовное пространство.

Незавершенность — есть неперемнное условие единства, а стало быть, диалога и развития. Именно она рождает возможность продуктивного мышления, о чем так ратовал Макс Вертгеймер¹. Об этом же писал Бахтин, называя

¹ Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М. Прогресс. 1983 г.

диалогическую способность нашего сознания «участным мышлением»¹.

Осталось затронуть самый болевой вопрос для человека — вопрос его свободы и воли, так как из делателей, мы оказались возделываемыми. Что есть свобода и воля наши? А приблизимся-ка к обрыву: свобода есть путь к личным узам. Только личные узы дают возможность кенозиса, возможность осуществить эсхатологическую модель общения, а это, в свою очередь, дает возможность духовного взрыва, который и преобразует природу, связывающую нас, пока мы ей полностью принадлежим.

Итак, способность к диалогу — это готовность к слышанию и участию. Как показывает практика, часть людей готовы к этому, и ждут самого действия встречи, другая же как будто и не нуждается в ней, не обнаруживая внутри себя никаких предваряющих структур диалога.

Незавершенная система диалога более соответствует сегодняшнему эсхатологическому бытию и диалог есть не психологическое пространство межличностных отношений, и даже не условие нашего сверхприродного существования, но прежде всего, возможность истинного — духовного — развития человека, вхождение его в онтологическую реальность будущего века.

Саму же диалоговую способность, видимо, можно рассматривать как некую пластическую способность нашей души, как открытость нашего сознания, готовность его принять Откровение и, наконец, как готовность нашего духа к самосозиданию.

Диалог, понимаемый как отношение личностей, уже не может удовлетворить педагога — это социально-психологическое пространство, которое осваивается, завоевывается индивидом, утверждая его в его самости, это встреча завершенностей.

Диалог как духовное действие, как акт преодоления своего психологического «Я» есть некое постоянное стрем-

¹ См. *Бахтин М.М.* К философии поступка. // Работы 20-х годов. Киев. 1994.

ление человека выйти за пределы своей личности. Он не центростремителен, а центробежен по своим энергетическим токам.

Диалог — это не столько реактивное действие между человеческими индивидами или сообществами, сколько активное личностное созерцание бытия, внимание к глубинам сердца, незримо соединенным с духовными основами жизни. Поприще жизни тогда видится как горнило, где должна выплавиться наша душа. И если мы открыты для Истины — каждую минуту жизни будет происходить эта священная плавка.

Диалог дает нам возможность преодолеть непреодолимую власть среды и выйти в пространство, которое надо понимать как действительное бытие.

Диалог — это движение, осознанное, намеренное движение навстречу свету, это изменение, облагораживание нашей двойственной природы духоносными токами, пронизывающими жизнь. Настоящий диалог невозможен в ни в каком относительном пространстве, ибо мы не являемся производной друг от друга, также как не можем быть друг для друга образцами; подспудно мы чувствуем свое высшее, небесное происхождение и каждый своим путем движемся не к союзу с нашими товарищами, а к единению с высшим началом жизни, с нашим настоящим Пробразом.

Диалог — это не сиюминутная психологически адекватная реактивность личности, а постоянное чувствование высшего закона бытия, преимущества духовного начала над материальным.

Диалог всегда троичен, ибо встретились мы «во Имя Твое».

Диалог — не поединок. В нем нет победившего и проигравшего, ибо цель его со-бытие, включение себя в бытие другого, но не растворение в нем, а прорыв в единое живое духовное пространство, собор, дарованный нам Духом Святым.

Итак, выявленный духовный аспект диалога, показывает его направленность на преодоление индивидом психологических ограничений своей самости и стремление обрести опору в воссоединении с вышним духовным началом жизни. Такой диалог приобретает экзистенциальное, бытийственное значение. Он перестает быть психологическим и философским методом, а выступает в качестве первичной материализованной среды всеобъемлющего духовного пространства.

Из книги
«Открытый урок»

НАША ШКОЛА, НАШ РЕБЕНОК¹ (Пять «десятилетий» 90-х)

1. У времени в плену
2. Семья
3. Школа
4. Мировоззрение, мироощущение, миропонимание
5. Безымянная святость
6. Хитрые времена
7. Новое детство
8. Педагогика Благовестия.

1. У времени в плену

Каждое новое время приводит за собой не только новую школу, но и новую педагогику. Школа как часть общественного пространства **встроена во время страны**, в эпоху и неминуемо отражает ее, выявляя новые общественные тенденции и идеологические доминанты. Педагогика же, как живая практика детоводительства, стремится услышать, **понять язык человека этого нового времени**. Не зная языка, мы не сможем послужить ребенку, не сможем ответить на его вопросы, да и самих вопросов не услышим. Язык и время тесно связаны, сопряжены друг с другом. Изучая язык — входим во время, ощущаем его; а прислушиваясь ко времени, внимая ему — начинаем понимать язык всего существующего в нем.

Но у всего живого есть еще и его личное время. Так, у человека — время детства, когда он открыт миру, людям; время юности, расцвета чувств, время зрелости, а затем старости... В какое время страны мы проживаем свою юность и детство, на какую эпоху приходится время нашей готовности к зрелой деятельности? Все это переплетается еще и с временем семьи, которая тоже, как любое живое

¹ Данная работа представляет собой более развернутый и дополненный вариант нашей статьи «Искание высот».

единство, живой организм, меняется, испытывая свои взлеты и падения.

Ребенок находится как бы на перекрестии нескольких стремительных временных потоков, влекущих его каждый в свою сторону. Жизнь семьи, рода, общества с доминирующими в них ценностями и идеалами встречаются в нем с его разворачивающейся как цветок личностной индивидуальностью.

На этом-то перекрестии различных времен и ищет себя педагогика как искусство участия соучастия в жизни ребенка. Формы и методы ее будут (должны быть) откликом на те запросы времени (времён), которые педагог улавливает своим внутренним слухом, слухом сердца.

В полной мере это должно быть отнесено и к православной педагогике, к нашей школе, которая, подняв знамя духовного воспитания, и загоревшись масштабностью задачи, вдруг неожиданно стала прибегать к идеологическим, еще не очень забытым методам. Вновь грохочет императивность нравственных установок, но теперь она сопряжена с возможностью получить для себя пользу духовную, даже не пользу, а прямую выгоду в вечном. Есть в этом что-то от материалистической теории разумного эгоизма, уже смущавшей русские умы в 30-40-е годы XIX века.

Но беда даже не в этом, а в том, что любая идеология рано или поздно приводит к глухоте сердца, к тому, что принципы и установки становятся более значимыми, чем живой человек с его судьбой, с его страданием. Как бы стремление поскорее навести порядок в стране, в душах и умах юношества не подтолкнуло нас к воссозданию безличной педагогической машины. Она, конечно же, будет отторгаться обществом, его живой творческой частью, — но прежде, чем отторгнется, оглушит, собьет с пути многих, даст простор ходульному прожектерству карьеристов.

Нет, духовной педагогике, педагогике Церкви не по пути с этим новым крестовым походом, ей заповедан труд

живого участия в ребенке, в отроке, в юноше. Именно форм участия мы должны искать, не разделяясь ни с кем по мировоззренческому и идеологическому принципу, а доверяя промыслительному единству пространства и времени, в котором мы все живем.

Время же, как мы уже сказали, требует осознания; оно — процесс, и процесс непрерывный. Педагогическое участие должно начинаться именно с этого осознания. Чтобы научиться слышать ребенка, ощущать его сегодняшнее «я», нужно понять, что предшествовало этому «сегодня». То, что мы видим в ребенке, не может быть оценено, пока не будет найдено его место в непрерывном потоке жизни.

Попробуем рассмотреть наши педагогические проблемы, нашу школу, педагогику в контексте реального исторического пространства — времени. А так как любая индивидуальность прежде всего являет себя на лоне рода, посмотрим сначала на нашу семью. Чем она живет сейчас, как выстояла в социальных катаклизмах конца прошлого тысячелетия?

2. Семья

Семья — это первая социально-психологическая среда, первое культурное пространство, которое осваивает ребенок. Семья во многом определяет и задает инерцию движения и развития его личности.

Семья нужна ребенку, но и ребенок нужен семье. Семья, род не только продолжают себя в ребенке, но и обретают в нем полноту и оправдание своего бытия. Наследуя природу рода, дитя невольно берет на себя ношу работы по одухотворению этой природы, по изживанию наследственных, родовых склонностей к страстям. Начинается встреча-единоборство. (Не так ли Иаков боролся с невидимым Ангелом за свое божественное имя?)

Но ребенок этого еще не знает. Не знает, но уже несет на себе груз жизни; это — ноша его характера, темперамента, особенности структуры его личности. Своим личным бытием он продолжает свой род сначала бессознательно, за-

тем все более и более осмысленно и ответственно (или безответственно).

Семья для младенца — это прямое продолжение материнской утробы: ограждение, питание. Тут же начинается и воспитание. В семье есть здоровая архаика. Естественная семья живет по закону кровной связи, которая в иных случаях оборачивается любовью, в иных неприязнью, но все чувства бушуют как бы внутри замкнутого круга.

Русская семья традиционно являет нам нескончаемую драму характеров, интересов, страстей — все, кажется, здесь доведено до крайнего напряжения. Но это напряжение здоровой тесноты, впаянности психологических разностей в одно временное (по жизни) и биологическое (по роду) пространство. Семья — это не свободная встреча индивидуальностей, созерцающих друг друга на некотором расстоянии, она — осязательно-обонятельное бытие, всегда в чем-то вынужденное, порой неприятное, трудновыносимое, но не предающее. Семья — тыл, обоз. Из нее уходят на фронт жизни.

Но для ребенка семья есть священный вход в жизнь, первая церковь. Ребенок верит в семью как в святыню и вырастает в ее уклад, не обсуждая его, а принимая как единственно возможный.

Род на род — вот и получается НАРОД. Пространство социального, а по-русски — общественного, вообще можно представить как межродовое, как встречу-бытие психолого-биологических незавершенных целостностей (родов), нуждающихся друг в друге не столько для физического существования, сколько для своего исторического и духовного свершения, исполнения.

Личность — семья — общество. Семья смягчает противоречия и противостояние личности и общества, она есть та родовая общность, которая еще не нуждается в помочах социального равенства и справедливости. Семья, род — тот «удерживающий», который не дает обществу как наиндивидуальному субъекту полностью поглотить человека.

Но с другой стороны, семья — корабль в океане общества и времени. Что переживает общество, то и семья. Правда, у нас были и прецеденты ухода семей из общества. Сразу вспоминается нашумевшая история с семьей Лыковых («Таежный тупик»). Но видимо, этот случай не единичный. В одной из командировок на Урал автору этих строк довелось слышать о том, как один уполномоченный, переведенный с семьей на новое место, чтобы начать раскулачивание, походив по деревне и посмотрев, как живут люди, ночью взял самое необходимое и с женой и маленьким ребенком ушел в тайгу на долгие годы. Рассказал эту историю один из его сыновей, ставший впоследствии священником.

И все-таки большинство семей живут жизнью общества, принимая на себя тяготы и невзгоды лихолетий и разделяя благоденствие и процветание страны и земли. Семья сопряжена с обществом многим: это и экономика, и культура, и идеология. И как Россия переживает сейчас новые времена в контексте своей истории времена, так переживает новые времена и наша семья. Она неожиданно оказалась в новом социальном пространстве, вроде бы совсем не ею и не для нее созданном. Что же это за «поле чудес»?

Оглянемся назад; ведь чтобы понять, где мы сегодня — надо увидеть «вчера».

Сколько всего мы прожили за последние 15 лет! Наверное, хватило бы на 50! Решающими, а точнее, роковыми оказались 90-е годы. Вспомним их вехи.

Сначала критике подверглась вся наша жизнь сверху донизу — все-то у нас оказалось не так, как надо! Хлынул поток неизвестной для большинства, «утаённой» литературы. Все было пересмотрено, стронута со своих привычных точек прикрепления и двинулось неведомо куда в поисках лучших лагун.

Экономический кризис рассыпал общество на множество групп, предлагая каждому найти себе новое место и новых сотоварищей. И пока искалось это соответствующее «истинной традиции» и максимальной пользе место,

разрывались реальные связи, удерживавшие страну от хаоса.

Так, в начале 90-х Россия как под уздцы была введена в мировую семью народов. Как и три века назад, через окно, прорубленное самодержцем, хлынула к нам европейская «чудо-жизнь». Мы оказались захвачены теми бурями, которые бушуют в мире, но на просторах нашей души и нашей земли они приобрели совсем иной вид и размах.

Одновременно с экономической ревизией всего российского хозяйства, пошел **пересмотр и главенствующих идей**. Стали выдвигаться новые, новейшие(!) критерии ценностей, разом сменился «парк» кино- и телепродукции, началось массовое «перепонимание» и перетолковывание истории и произведений искусства и литературы. Почти одновременно с этим обществу были предъявлены новые исторические факты и возникли новые произведения с новыми героями. Парадоксально, но новая культура появилась у нас, кажется, раньше наших «новых» людей. Мы почувствовали себя «оккупированными», но непонятно было — кем? В результате этого нежданного гуманистического нашествия, мы у себя дома оказались как бы в гостях; и некоторые даже засомневались: а был ли у нас вообще свой дом, своя жизнь?.. Кто мы?.. Куда мы идем?..

Вот, наверно, краткий итог первого «десятилетия» 90-х, скрепленный страшной кровавой печатью расстрела тех, кому незадолго до этого с доверием и надеждой была вручена судьба страны. Когда же пороховой дым рассеялся, по новой конституции, не столько принятой, сколько ловко введенной при всеобщей оторопи, страна уже шла в другую сторону, и оглядываться назад было боязно.

Как же все это отразилось на нашей семье? Во-первых, семья, оказалась «обесточена» экономически. Отцы семейств поняли, что на зарплату не могут и не смогут прокормить своих домочадцев, но главное — они лишились своего дела как необходимой и осознанной общественно-полезной деятельности. А она, эта деятельность, давала и средства к существованию, и — главное — чувство причаст-

ности жизни, удовлетворение от праведных трудов на благо народа, что для нашей культурной традиции немаловажно. Теперь всем предлагалось **учиться не работать, а зарабатывать** — причем срочно!

Во-вторых, семья в массе оказалась лишена минимальных социальных гарантий; а ведь жилье, отдых, возможность получить образование и обеспечение по болезни и старости действительно давали людям уверенность в завтрашнем дне и отгоняли животный страх перед будущим. Теперь заботы об этом легли тяжким грузом на плечи кормильцев, требуя огромного напряжения их сил и почти круглосуточной занятости — семья лишилась внутри себя нормального общения и досуга. Да и не все смогли включиться в этот новый, скорее, режим, чем уклад жизни, предлагавший рассчитывать только на себя и... Божию помощь, о которой стали говорить как-то сразу со всех сторон и уж очень громко... Но как реально существовать семье — было непонятно; сойти же с предлагаемой дистанции, значило, оказаться на обочине жизни, в нищете, чего, естественно, никто не хотел.

Все это не могло не сказаться на маленьких детях, для которых семья, именно она, была тем миром, в который они пришли жить. Мир этот стало лихорадить страхом: не успеть, не вписаться, не потянуть... Напряжение родителей отразилось на детях, породило в них нервозность, множество скрытых фобий, возбудимость и... апатию одновременно.

Идеологическое замешательство, происшедшее в общественном сознании после 1993 года, в семье достигло размеров шока: ради простого физического выживания закрывали глаза на очевидные противоречия неприкрыто организованной дезинформации, рады были обманываться — частное принимать за существенное, значимое, основополагающее, центральное — за случайность. Семьи разделились как болельщики, иногда граница проходила внутри семьи, рождая невиданное отчуждение. Понятны стали времена Павлика Морозова иже с ним. Маленькие дети рисовали пожары: горели высотные коробки; старшим боялись что-ни-

будь не то сказать... Новейшую историю, где было возможно, на несколько лет с облегчением сняли с госэкзаменов, и долго в кабинке мужского туалета одного московского института с внутренней стороны двери можно было видеть неизвестно кем нацарапанную надпись: «Vivat defenders of White House!» Вот как напугали!

Так второе «десятилетие» 90-х ушло на отвыкание от правды. Неутомимыми средствами массовой информации все, что могло породить сомнения, возбудить продуктивный вопрос, подтолкнуть к образу целого, последовательно вытеснялось за пределы общественного сознания, будучи перекрыто обжигающе невероятным, сенсационным, частным. Зато без ограничений мы могли стать свидетелями казней, катастроф, разборок и обсуждать, обсуждать это на всех перекрестках и телеканалах почти круглосуточно. Народ говорил и привыкал безмолвствовать одновременно. Широкою господдержку вдруг получили фольклор, ремесла, планирование семьи, туризм и прочие... туземные радости.

Выстояла ли наша семья? Растерянность поразила ее. Русский человек — человек общественный. Доверие к государству трудно в нас искоренить, мы все еще не желаем расстаться с формулировкой «общенародное», хотя уже давно приставку «обще» надо бы заменить на «анти». Молчание стало честной формой общения в семье. Но молчали не только о том, свидетелями чему были, но как-то глобально, обо всем исторически значимом, героическом, чем полна и по праву горда наша земля.

Дети оказались при живых родителях беспризорными. Не бездомными, а бескорневыми, безопорными. Призор, присмотр предполагает научение самим бытием, ориентацию, выделение главного и обнаружение несущественного — другими словами, что хорошо, что плохо, впервые узнают в семье. Это происходит как-то само собой, естественно, но при одном условии — если старшие сами уверены в главном. А тут они умолкли, так как оказались «вышиблены из седла».

Наступило время длительной **воспитательной паузы**, которая была вызвана глубочайшим внутриличностным кризисом — кризисом мировоззрения: сначала сомнением в том, что считали непреложным и истинным, а затем — разрушением его.

Мировоззренческая основа, если можно так выразиться, — «формула духовной крови». И в наших семьях всегда была тенденция к единомыслию и единоверию: не может удовлетвориться русская семья только кровным родством — нужно понимание, нужно духовное единство! Нас как будто загодя готовили к тому, что искать истину придется не в вере отцов кровных, а в вере отцов святых. Тем невероятней сознавать, как на поворотах 90-х разом умолкли голоса взрослых, и вечный вопрос ребенка «что есть что?» повис в воздухе. Этим семья сама как бы подталкивала его выйти в мир, искать ответа на свои вопросы где придется.

Сама же семья, казалось, вошла в режим «холостого хода», ступила, так сказать, в полосу «непрерывного обучения»: три поколения рванули на всевозможные курсы, стали срочно искать себе какое-нибудь интересное занятие.

...Но, может быть, крушение неистинного подтолкнуло человека к поиску истинного?

Если бы! Хотя среди интеллигенции как раз в это время стали множиться бого- и правдоискательские группы, заявлявшие о новых основах духовной и нравственной жизни, предлагавшие свои пути выхода из кризиса. Неизвестно откуда бравшиеся, быстро сменяющие друг друга новые «спасительные» идеи, увлекали, зажигали и... обессиливали лучшие интеллектуальные силы общества.

Кто понимал, что происходит со страной?! Массам предлагалось не искать путей преобразования реальной действительности, а учиться так называемому «здоровому образу жизни», то есть отвлекаться от тяжелых впечатлений и мыслей, устраняться от острых проблем и отдыхать, отдыхать, отдыхать... Именно в эту пору появилось и слово «трудоголик», то есть чудака, одержимый желанием ра-

ботать. Так процесс пошел, или был умело направлен, в сторону поиска незнаемого, нового, к незаметному освобождению от самого понятия истинного, как слишком тяжеловесного, заменой его в одних кругах — на «востребованное», в других — на «интересное», «интересненькое»...

Человеку же, поставленному в условия постоянной борьбы за существование, легче было не ловить «журавлей в небе», не искать истины, а зажать в кулаке пуганую синичку потребности и радоваться тому, что вышло, схватилось, удалось... Так начала приживаться у нас **философия относительных истин, философия выживания**. Была ли она завезена или сама произросла из российских недр, сказать трудно, но факт налицо: та кризисная форма жизни, которая сложилась в результате разрушения прежнего 70-летнего порядка, получила теперь свое теоретическое обоснование: развал был признан переходной нормой, а вырывающееся из всех щелей беззаконие — последствием тоталитарного режима и проявлением естественного закона. Именно в «третьем десятилетии 90-х» философия личного интереса, выгоды, потребительства на всех уровнях была провозглашена истинной свободой.

Семья как вид родовых и личностных отношений, как союз любви, вошла в противоречие с обществом, которое предлагало во всех сферах взаимовыгодный договор по интересам и возможностям. Общественная тенденция стала выделять не троичный союз: «человек — семья — общество», а пару «человек — общество», опуская род, и тем самым подталкивая и человека, и общество к взаимной любовой атаке.

Семья как кровный союз поколений попала под удар и оказалась скомпрометированной. Стали поговаривать: а не призрачность ли это — «семья, род», не клетка ли для свободной птицы?.. Соблазн свободы от семьи, рода пал на голову молодых, и в родных семьях, при живых родителях, дети стали вырастать «иностранцами» — им предлагалось совершенно **другое детство**, нежели было у их родителей.

Общественная среда получила небывалый доселе авторитет и стала самым признанным и неутомимым педагогом. Педагогика ее существует и действует в двух состояниях. Первое — неуловимое, летучее; это все наше рассеянное бытие, поле самой жизни с витринами, лозунгами, рекламой, с интонациями и репликами телеведущих, с новыми типажками на улицах — со всем, что незаметно, но практически невытравимо из памяти. Второе состояние явное, кристаллическое, структурно оформленное, так сказать, плод этого силового поля времени — это наши учреждения, государственные, культурные, социальные, в том числе и **наша школа**.

3. Школа

Школа — форпост общественного сознания. Она одновременно хранит традиции, и вместе с тем довольно быстро вбирает все новое. Школа не свободна в выборе своего пути, она — производная от общества и господствующей в обществе идеологии, и должна формировать детей в духе времени.

Школа болеет теми же болезнями, что и общество, в котором она существует. Все бытующее в обществе, в школе доходит до своего предела: ложное, искусственное, приобретает форму гротескного, комического; а все истинно высокое расцветает в героическое и даже жертвенное. В этом отношении историю народа можно живо почувствовать, изучая историю его школы. Она — зеркало времени.

Но, пожалуй, самое важное то, что школа — это место встречи. Живой встречи учителей и учеников, опыта и инициативы, рекомендуемой программы и требований непосредственной жизни. Встречаются поколения, культуры, верования — прошлое с будущим, заданное с возможным.

Ребенок в начале своего школьного пути испытывает к школе невольное уважение гражданина: его доверие учителям часто превышает доверие родителям.

К середине 90-х нашу школу поразила растерянность так же, как и семью. Дело даже не в том, что в течение пя-

ти лет многократно менялись идеологические установки — наша школа привыкла к шквалам, ураганам, селям нововведений. «Пережили кукурузу, переживем и НОТ», — была такая поговорка во времена всеобщей Научной организации труда. Учителя приспособляли эту шутку к каждому новому требованию, спускаемому сверху, — и действительно, «пережили» многое. Казалось бы: закалка и опыт есть — о каком кризисе школы можно говорить?

О том же, мировоззренческом, в который попала семья и все общество. Но в школе он разразился как **кризис воспитания**.

В веренице крутых поворотов 90-х школа вдруг заметила, что перестала заниматься воспитанием, растерялась на путях социально-политических интерпретаций добра и зла, отложила до лучших времен заботу о формировании целостного мировоззрения детей и пытается перейти на сугубо предметное обучение. Многие учителя честно отвечали: мы не знаем, чему учить. «Начитается, наслушается ребенок о правде, добре, справедливости, выйдет в жизнь, а как ему выжить с этими представлениями?»

Болезненность этой проблемы, думается, заключалась не только в заботе о выживании ребенка. Приглядимся повнимательней: прежде, чем педагог ушел со святого фронта воспитания, он сам оказался предан своими идеалами — они не выдержали испытания временем, его вдруг перевернувшейся перспективой.

Дело в том, что нравственный кодекс педагогики советского периода опирался на веру в человека, на его совесть, как на объективное основание добра. Закон совести декларировался как священный, и все нарушения его, которые, конечно же, имели место, общественной моралью классифицировались как беззакония. Эта замкнутая общественно-личностная система при материалистическом мировоззрении воспринималась как некий гарант нравственности.

Но отмена общественного контроля за моралью, которая стала считаться идеологическим продолжением только

что низверженного социального строя, неожиданно привела за собой стремительное падение нравов. (Ах, кто только не горевал о падении нравов в России! Еще князь М.М. Щербатов в конце XVIII века извещал об этом пренеприятнейшем явлении, книга его так и называлась «О повреждении нравов в России»). А теперь мы оказались свидетелями, как начал раскручиваться невиданный маховик вседозволенности, вовлекая человека в свою страшную орбиту. Совесть многих и многих людей стала узницей их реальной жизни. Произошла как бы оккупация внутреннего человека внешним, и началась невиданной силы брань. Брань не за территорию или богатые ресурсы, а бой за самого человека, за его полноту и уникальность, за возможность быть человеком, то есть вмещать в себя мир духовный, быть в мире здешнем проводником мира высшего.

Новое мировоззрение, возводящее в культ естественные потребности человека, вступило в противоречие с нашей родовой склонностью — приверженностью к идеалам. Ставка на совесть потерпела поражение, вера в человека рухнула. Социальный, а затем и педагогический романтизм обернулся драмой глубочайшего разочарования — учитель действительно перестал понимать, чему надо учить, а точнее — во что верить. Ведь русская педагогика никогда не довольствовалась задачей дать детям те или иные знания, привить нужные навыки — во все времена она была школой веры. Верили в разное: в труд, в науку, в товарищество, в социализм — верили и учили своей вере, воспитывали в ней детей.

Разразившийся в середине 90-х глубочайший кризис общественного сознания, видимо, надо считать кризисом личной веры, а точнее, даже кризисом самой способности верить. Вот, думается, предпосылки всеобщего поворота русской школы от воспитания к обучению.

Но, конечно, надо сказать и об изменении идеологических директив, которые стал получать учитель. Именно в это время его начали настойчиво ориентировать на «исповедание» относительных истин.

Интересен в этом контексте один тезис в статье доктора философских наук А. К. Конева «Культура и архитектура педагогического пространства». Читаем: «Когда воспитательный момент образования выходит на первый план, важно подчеркнуть, что школа должна ориентироваться не на воспитание личности, ибо личность рождается только усилиями самого человека, а как справедливо отмечает Библер, на формирование «человека культуры», способного работать со знаниями, с разными типами мышления, с идеями различных культур»¹.

Вот на чем основывается идеология «воспитательной паузы». Но установка на диалог культур могла бы быть правомочной, если бы мы сами не принадлежали ни к какой культуре. Но чувство причастности, подлинного родства несколько меняет перспективу в пространстве культурного общения: в упорядоченную область «объективных» знаний и понятий начинают вторгаться субъективные чувства, иррациональность личного восприятия, любви. Человек не просто имеет представления о той или иной культуре, он рожден в одной из культур, живет в ней.

Не забудем и того, что слово «культура» произошло от слова «культ», а культ предполагает почитание святыни, веру в ее духовную силу. Любая культура имеет своим центром духовные, а не материальные ценности. Но ведь главным в человеке, центром его личности также является духовное начало. Ребенок, отрок, юноша не просто так задаются вопросами о смысле жизни, о вере, добре, о Боге; интуитивно желая срастись в целое, они ищут сопряжения своего духовного центра с незыблемыми, духовными основами мира. Никакими внешними, эстетически совершенными формами культуры не может удовлетвориться их душа, какими бы родными, соприродными они ему ни были — она ищет сущностного, единого на потребу.

Далее в статье Конева читаем: «Не может, не должен чужой человек, даже если он педагог, без спроса, без ведо-

¹ Ж-л «Вопросы философии» № 10, 1996, с. 52.

ма и желания «лезть» в душу, касаться личности, вспомним, что личность — это достояние самого индивида»¹. «Лезть» конечно, нельзя! Но и утаивать истину тоже нельзя! Есть в этом что-то искусственное, неорганичное, некоторая заданная, отчетливо прослеживающаяся позиция устранения, столь нехарактерная, как мы уже сказали, для нашей педагогической традиции. Действительно ли вызвана она заботой о свободе личности и сохранением ее права на суверенную духовную жизнь? Не очередная ли это «idea fix», мнимость, заморочившая нам головы, сбившая с толку и, в конце концов, обернувшаяся против самого человека, которого она намеревалась защищать. От кого только? От самого себя, от тьмы, испокон веков воюющей с человеком?..

Кто из наших учителей был готов к этой брани!? За 70 лет государственного атеизма и материализма мы оказались дезориентированы относительно духовного пространства нашей жизни. Сущность человека большинству психологов и педагогов невольно представлялась как производная от его высших психофизических функций. Поэтому-то возможности развития способностей, формирование мировоззрения, становления самой личности, воспитания воли — все искали в организации социокультурного пространства, педагогической среды, мастерства учителя... и, как правило, не учитывали действия духовных сил, окружающих каждого человека. Не ведая — не учились «различать духов», вести невидимую брань с поднебесными силами злобы, с врагом рода человеческого.

А враг, как известно, «хитер и коварен», он не скажет, что он враг, не придет с открытым словом вреда — но со словом соблазна, с призывом к лучшему, с указанием на то, что мы упустили, просмотрели, не учли... Ах, арсенал хитрости и лжи велик! Не имея целостного представления о мире и человеке, мы оказались беззащитны перед самым простым: опять частному, случайному стали придавать

¹ Там же.

значение всеобщего, делать скоропалительные выводы, перестраивать ряды, умы, школу, страну...

Слова соблазна, призывающие к невмешательству в душу ребенка, звучали громко и отовсюду. Многих, многих они приводили в смущение — может быть, сейчас именно так надо воспитывать, думалось, может быть, так будет лучше, пусть ребенок сам решает, сам выбирает, что ему нужно — ведь человек сам себе хозяин...

Четвертое «десятилетие» 90-х поставило нашего ребенка в положение свободного парения или «падения»: беспризорность душевная, семейная соединилась с беспризорностью общественной и школьной — сколько детей действительно оказались предоставлены сами себе!

А между тем размах социально-экономического хеппинга все увеличивался. Смена государственного курса, ведущая за собой, как и положено, ломку укладов, хребтов, отмену идей, крушение идеалов, отступление, признание неправоты, не дальновидности прежних вождей, замена их новыми, которые очень скоро также оказывались не теми, отречение от всех, кто не с нами, — весь этот измучивший людей «бурелом» демонстрационной демократии в иные дни сменялся потешным ручейком очередных выборов, референдумов, опросов...а то страдал как по заказу грянувшими взрывами, дефолтами... В общем, к «стоявшей на дворе» свободе прорваться как-то не удавалось.

Скорость жизни увеличивалась год от года и достигла к концу тысячелетия рокового для психики человека предела. Оглядываясь назад, мы не узнавали... себя вчерашних...

4. Мировоззрение, мироощущение, миропонимание

Россия на наших глазах превращалась поистине в уникальное информационное пространство с высоким уровнем манипуляции сознанием¹ и катастрофически низкой критичностью населения. Иными словами, наша вера пе-

¹ См. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм-книга. 2000.

чатному и публично сказанному слову стала затмевать в нас собственные мысли и реальные ощущения от горячей, непонятой, но обжигающей болью и правдой жизни.

Это происходило постепенно: сначала средствами массовой информации была сформирована особая социальная потребность — потребность слышания, а, точнее, «все-слышания». Не органичная для человека жажда участия, причастности, а потребность быть осведомленным во всем без личного участия, но без изменения своего места, положения и вообще жизни.

Эта обывательская потребность в зрелищах и слухах, которая давала возможность благополучного «сопереживания» на расстоянии, прижилась в политизированных душах (а в постсоветском обществе неполитизированных было немного) и стала активно удовлетворяться скоростным потоком особым образом структурированной информации. Агрессивность ее была столь велика, что она не усваивалась человеком, а «съедала» его, вторгаясь в его внутренний мир, разрушая и **пересоздавая** его. Это была необъявленная информационная война, к которой мы оказались совсем не готовы.

Дробные и разновеликие факты перемешивались между собой, освещались под определенным углом, но зато ярко, и усыпляли критичность сознания людей, парализовали волю; чувства же непомерно возбуждались, и человек очень скоро оказывался сбитым с толку. Так постепенно приучали слушателей и зрителей к наполнению... пустотой. Насущные проблемы жизни: воспитание детей, семья, работа, творчество, отношения поколений, болезнь, смерть, в конце концов, — все это как-то отодвигалось на задний план и заменялось разлитым морем всевозможных конкурсов, бойкой санкционированной критикой бытовых мелочей, безопасными призывами к возрождению хозяйства, человека, страны... Общественное пространство стало напоминать ринг с бойцами и зрителями-судьями, — слово, казалось, окончательно разорвало свои узы с правдой.

На рубеже тысячелетий в массовом сознании начало происходить радикальное изменение самого понимания жизни. Мировоззренческий кризис стал выражаться не в том, что многие люди потеряли идеалы и убеждения, которые освящали их жизнь, и никак не могли обрести новые, — то был первый этап кризиса. Следующий этап, в который мы вошли, оказался парадоксален по своей сути: в обществе, по утверждениям многих, почти самопроизвольно стало зарождаться **мировоззрение, вообще никак не связанное с понятием идеального, как, впрочем и с реальным мироощущением людей.** Этот факт свидетельствовал о такой степени управляемости общественным сознанием, которая уже грозила уничтожением самому обществу, как собранию свободных индивидов.

Напомним, мировоззрение — это целый комплекс признанных и исповедуемых, если можно так выразиться, понятий, руководящих всем поведением человека, — понятий не бытовых, а философских, онтологических. Это вопросы жизни и смерти, понимание природы мира и человека, смысла его жизни. Мировоззренческая основа личности может не декларироваться, но она есть у всех взрослых людей, это его «духовная система координат», так сказать, сердечное чувство высоты.

Мировоззрение русского человека, как живая составляющая всей нашей культуры и всего исторического процесса, много веков было укоренено в вере, сращено с жизнью Православной Церкви. Собственно, свое название **Святая Русь** получила потому, что царили в ней идеалы святости. Эти идеалы не были тождественны понятиям социальной справедливости, братства народов, свободы прав человека... Сокровенные, непроизносимые вслух, эти идеалы были производными от веры, от незыблемых духовных связей человека и Бога, от множественных откровений, данных народу в его историческом пути. Они были глубоко укоренены во всем строе русской культуры: и народной, и дворянской — и как свет не вечерный освещали пути жизни многим и многим поколе-

ниям наших соотечественников. Тысячелетие Русь не посягала на эту высоту.

Но идеалы не лишают человека свободы. Его характер, наклонности, воспитание, способности — все будет участвовать в его жизни, в деятельности, в ежечасном выборе. И даже если мировоззрение, сформировано на святых началах, это еще не залог праведной жизни. Только во встрече с реальной действительностью, в живом мироощущении душа может обрести силы и личностную завершенность, только личный опыт может дать крепость миропонимания.

Живое мироощущение — необходимое условие духовной жизни. Это труд вслушивания, всматривания, вживания в пространство-время, в конкретные обстоятельства, данные нам. Именно там, среди нужд реального дня и встречается человек с тайной личной свободы как выбора пути к свету или отступления во тьму. Мировоззрение до опыта дает нам лишь некоторое представление об этих онтологических пространствах, в жизни же мы сталкиваемся с ними лицом к лицу. Выбор наш свободен, доопытные знания участвуют в духовной брани, в борьбе с природными склонностями, пороками и соблазнами, раскрывающими себя в обстоятельствах повседневной жизни, но настоящая крепость убеждений возникает только после «закалки» жизнью.

Незримое откровение в нужное время являет себя нам — невидимое через видимое. И важно не только получить правильные начальные знания, но и не убить в себе самой способности видеть, слышать, чувствовать — ощущать мир, участвовать в жизни. Участие — первый, необходимый этап понимания, для стороннего наблюдателя — все скрыто.

Однако и понимание — по самому корню слова «имать» — возникает не при первой встрече с жизнью, но — по «стоянию в правде», по приобретении собственного опыта, который здесь будет играть роль священного ковчега, где рождается личная истина. Она-то и будет «судить» первые, школьные представления о мире — мировоззрение.

Как здесь не хватает разделения двух «и»: ведь есть «мир» — согласие, гармония: «мир Мой даю вам»; а есть «мір» — мироздание, тоже творение Божие, но вверженное в распад и нуждающееся в преображении. Ведя через мір, Господь дает нам узреть и стяжать мир. «Не любите міра» — означает: ищите мира в міре.

Даже ложное мировоззрение может не сыграть роковой роли в жизни человека, если не убита способность к мироощущению. Как Лазаря четверодневного, способна живая жизнь воскресить по промыслу Божию живую душу, омыв ее сначала мертвыми, а затем и живыми водами. В скорбях, радостях, в решении задач, которые возникают в процессе жизни, раскрываются для человека глубинные связи бытия. И если жить не бездумно, то есть специально не приучать себя к слепоте и глухоте, то в последовательном мироощущении происходит корректировка начального мировоззрения. Безличные школьные представления переосмысляются, переплавляются в горниле приобретенного опыта — и становятся личной ПРАВДОЙ, питающей волю человека и открывающей ему путь к ИСТИНЕ.

5. Безымянная святость

Рассмотрим проблему соотношения общественных установок и реального личного опыта на материале нашего заповедного исторического прошлого — революции 1917 года. Но прежде зададим себе вопрос — в чем особенность материалистического мировоззрения?

Материализм в основе мира видит самодвижущуюся и самоорганизующуюся субстанцию — вещество. Вещество находится в постоянном движении и задает этим движением все процессы, текущие в мироздании. Видимое воспринимается в материалистической системе, как исходное и достаточное, довлеющее себе. Кроме того, материя имеет способность к отражению, что делает ее познаваемой и в меру познания управляемой. Человек в материалистическом понимании есть работник на этом «заводе вселенной» — мир открыт для его чувственного восприятия, естествен-

ный человеческий опыт и мышление могут в полноте свидетельствовать о процессах, протекающих вокруг, об их причинах и предполагаемых следствиях.

Но если все процессы жизни открыты нашему опыту, то мы и оказываемся «творцами», то есть делателями мира. Поэтому-то когда обнаруживается, что что-то мешает развитию, тормозит те или иные наблюдаемые процессы, у материалиста звучит призыв к действию, к устранению роковой причины, мешающей жизни. Поспешность и самонадеянность — вот два главных греха материализма.

Но не надо впадать и в крайности. Есть ли вещество? Конечно, есть! Двигается ли? Безусловно! Можем ли познавать его, должны ли участвовать в движении? В той мере, в какой это необходимо; Необходимость же ощущается из чувства живого целого, а не только из зримого. Чувственный опыт, даже в том виде, в каком он представлен наукой, открывает нам только явь, «поверхность» мира, не касаясь его глубинных связей и причин.

Но не голословно ли это утверждение? На основании чего мы можем это сказать? На основании того, что кроме чувственного, рационального опыта науки, человечество накопило за свою историю и опыт духовный — опыт Откровения, который свидетельствует о духовных началах и движителях жизненных процессов. Жизнь человека и человечества уже не может рассматриваться только в одной какой-то плоскости — никакая сумма частных не может сложиться в целостность. А представляя часть как целое, мы будем грешить против истины, и получим не только неполную, но и искаженную картину.

Не побоимся задать себе щекотливый вопрос — что привело к приятию революции? Не к самому факту переворота, а к тому, что этот переворот был принят, удержался и стал на 70 лет формой жизни огромной страны, породил новые традиции? Привести к этому приятию и поддержанию, думается, во многом помог мировоззренческий кризис культурных слоев России конца XIX — начала XX века. «Запущен» же он был у нас не только инозем-

ными влияниями, как многим хотелось бы думать — подготовила ему почву, как это ни парадоксально... наша школа, ее схоластика.

Охваченное школьным воспитанием юношество, получило стройные, спаянные между собой представления о мире, жизни, человеке и Боге, какие накопила внутри себя Церковь. Но представления эти по схоластическому духу, по «букве», как свидетельствуют и учителя, и ученики, мало были связаны с реальной жизнью человека. В русской православной школе личное мироощущение человека традиционно не удостоивалось внимания. Но ведь каждодневное переживание реальности, осмысление ее в свете своей сегодняшней веры и есть первый духовный труд, который помогает узреть Промысел Божий и обрести стойкость в личном делании. Этому труду и надо бы научиться!

Лучшие педагоги уже понимали это, понимали, что готовностью к жизни следовало бы считать не усвоенную сумму точных богословских понятий, а волю человека к благому действию, которую он обретает в реальных обстоятельствах, сверяя свои чувства с опытом Церкви. Но то были отдельные голоса педагогов, а массовая дореволюционная школа стояла, как мы не раз говорили, на схоластических основаниях, формируя замкнутое мировоззрение у своих питомцев и полагая, что Промысел сам явит себя человеку и будет им понят и принят.

Когда же соблазн материализма выдвинул тезис, что мерилom истинности является наше внешнее чувственное ощущение и жить надо по нему, когда общественности были предъявлены социально-экономические рычаги истории как основные ее движители — разрыв с усвоенным школьным мировоззрением стал так велик, что рассмотреть в реальной действительности «следы Божии», «за видимым узреть невидимое» многим просто не удавалось.

Мироощущение, как живое чувство Божественного призора, пронизанности всего мироздания Духом Божиим, уступило свое место **міроощущению**, физическому ощуще-

нию физического мира. (Курьез, но по реформе правописания именно в это время буква «і» была изъята из алфавита). Созерцание, искание воли Божией было заменено опорой на чувственный опыт, который не в вульгарных своих формах поднимался до психологического, эстетического и нравственно-этического уровней, но духовного уровня не знал в принципе.

Итак, мироощущение, как переживание внешнего мира, как бытие в нем, породило и новое — абсолютистское — отношение к личному чувственному опыту, который свободно систематизировался изнутри самого себя, без соотнесения с духовными знаниями, которые, если и не отвергались, то были по сути «сархивированы» в памяти. Так, во втором десятилетии XX века во многих умах и сердцах возникли предпосылки для материалистического миропонимания.

Нельзя упрощать историческую картину: материализм потому стал в России государственной идеологией, что «пророс» в сознании масс. Прижилась у нас эта упрощенная картина жизни, освобождавшая от «вслушивания» в Высшую волю, от вечного поиска ее, — прижилась и стала опорой, крепостью для нескольких поколений, питала их убеждения, совесть, волю... Материализм стал новой государственной верой советской России. Жесткая установка не оставляла возможности любопытствующим свободно проверить ее исходные аксиомы и соотнести их с жизнью. Новая идеология в буквальном смысле закрыла доступ к накопленному веками духовному опыту человечества и объявила непримиримую войну «бывшему» и «бывшим».

Казалось бы, процесс необратим — новые законы, новая страна, новые люди... (Сколько, оказывается, раз это уже было в нашей истории — новые люди!) И тогда новые люди начали строить новую советскую Россию, но вот что удивительно — на протяжении всех 70 лет им пришлось выкорчевывала ростки старой. «Вечные истины», казалось, воскресали сами собой — в атеистических семьях,

или семьях, из страха молчащих, в детях вдруг неожиданно появлялись ростки духовного мировоззрения. Откуда же они брались?

А вот откуда. Ставя в центр своей системы жизнедеятельность человека, советское государство, хоть и загоняло силой людей в прокрустово ложе своего материалистического мировоззрения, все-таки не убило возможность живого восприятия мира — мироощущения. А через мир видимый нет-нет, да и просвечивал в иные моменты судьбы человеческой мир невидимый, таинственный, незнаемый, но чудно созвучный внутреннему чувству истины, присущему каждому человеку: Господь попечительствовал о своем винограднике.

Молох атеистического государства, а точнее сказать, государства материалистической веры, непримиримо воюя с верой Христовой, искореняя сами понятия о мире, как творении Божиим, выдвигая в иные, острые периоды лозунг «истребить священство как класс» — не истребил-таки внутренней возможности восприятия истины у отдельного человека, не убил внутриличностной интуиции о мире как благодатном законе согласия и любви, ниспосланном свыше. Конечно, это открывалось не всем, но тем, кто искал истины и был готов к встрече с ней; зашоренные же идеологи, обыватели-функционеры и другие им подобные удовлетворялись ходульными государственными правдами своей эпохи.

Но времена, как и положено им, меняются. К 60-м годам жесткая хватка романтиков революции ослабла, выдвигая поэтапно разные лозунги, вожди пришли, наконец, к девизу: «Все для блага человека», понимая под этим, естественно, человека плотского, который и считался венцом творения. Но, сохраняя человека плотского, гуманизм поднял страну на защиту человеческого в человеке. Теперь признавались и исследовались не только социальные формы бытования человека, но и внутренний, душевный мир личности стал считаться объективной, точнее субъективной реальностью. А отсюда уже

был один шаг до «открытия» духовной природы человека, то есть двойственности, тройственности его природы: духовно-душевно-телесной. Собственно, процесс этот уже шел внутри культуры. Личные откровения, свидетельства, неафишируемые книги наполняли людей догадками, интуитивными предчувствиями о высшем, а не только социальном своем назначении, как, впрочем, и о назначении всей нашей истории.

Так, взяв под защиту человека, атеизм невольно стал охранять и его дух, пусть непробужденным к активной духовной жизни, непросвещенным, но и не тронутым тлетворным развращением. Деятельностно-социальная государственная установка при всех закулисных ее нарушениях, все-таки ориентировала человека на служение, а не на потребление — и потому несла в себе здоровый дух, уважалась народом.

Вот так отсутствие знаний о Боге не стали роковым препятствием на пути к Нему — ведь служение малым, четный труд и есть служение Богу. Не о подобном ли явлении апостол Павел говорил афинянам: «...Проходя и осматривая ваши святыни, я нашел жертвенник, на котором написано «Неведомому богу». Именно наличие этого жертвенника и дало ему возможность воскликнуть: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» (Деян.17).

Все это и дает нам основание считать, в противоположность мнениям многих современных идеологов, что **духовная связь времен у нас не была разорвана**. Формы жизни социальной, культурной, и бытовой в советской России радикально отличались от прежних, но духовно-нравственный облик русского человека не был радикально изменен. Сразу хочется оговориться, что мы не берем в расчет огромную армию партийно-комсомольско-профсоюзных «деятелей», которые кормились при власти, но говорим о народе как о культурной духовно-онтологической целостности, которая не была сломлена ни лагерями, ни войной, ни идеологической травлей творческой интелли-

генции — но сохранила внутри себя высокие идеалы жертвенного служения и чести¹.

Эта **безымянная святость** проявлялась в многочисленных подвигах людей: и трудовых, и фронтовых, в личной скромности, товариществе, нравственности, в живых образцах искусства, время от времени выныривающих среди конъюнктурных поделок времени и отражающих живую внутреннюю сокровенную жизнь народа, его душу.

Огромную просвещающую, охранительную и собирающую роль играла в этом процессе «не-отрыва» от традиции наша интеллигенция. Относительно последней хочется сказать, что здесь мы вообще имеем дело с некоторым феноменом, который еще предстоит понять. Советская интеллигенция была уникальной культурно-духовной общностью людей разных профессий и возрастов, объединенных вопреки своему всегдашнему материальному неблагополучию единым стремлением к правде, волей к творческому поиску, горением совести.

Интеллигенция не была в оппозиции к власти (об оппозиции в то время нельзя было и заикнуться), но составила живую подземную речку, питающую многие родники — **внутреннюю эмиграцию**. Кто-то, составляя передовые эшелоны борцов, держал власть и натягивал идеологические вожжи на поворотах истории, а в обозе, среди тех, кто не претендовал даже на выходные роли, жила вера в правду, переодетую сестру неизвестной Истины. Она-то и учила вглядываться — и узреть, вслушиваться — и слышать, приближаться — и участвовать в Высшем, на что так горячо откликалось сердце.

Это и задавало образ нашей культуре, которая не довольствовалась одними эстетическими радостями, но всегда стремилась проникнуть вглубь явления. Собственно эта

¹ Подобные положения мы встречали в статьях и докладах таких известных философов как Рената Гальцева, Георгий Гачев, разделял эту точку зрения и о. Глеб Каляда, о. Борис Ничипоров и др.

приверженность глубине и высоте и отличала русскую и ее преемницу — советскую культуру. «Война» против Пушкина, Есенина и пр., которая велась во времена Пролеткульта, как-то сама собой кончилась перемирием и даже больше того — признанием родства и глубоким почитанием классики. 70–80-е годы XX века стали поистине нашим воссоединением с русской культурой во всей ее полноте, так сказать, «вступлением в права наследства», не восстановлением, но развитием и продолжением традиций.

Но не забудем, что все 70 лет советской власти культура и, главное, искусство существовали как двухуровневое пространство: официальное идеологическое, так сказать «служилое», оплачиваемое искусство и подземная речка не заказанного, произвольно отражающего жизнь искусства, востребованного самим временем, землей, эпохой и, главное, человеком, его сокровенным бытием. Правды ради надо признать, что и официальное искусство, и «обочинное», неофициальное имели своих учеников, продолжателей и творили в обществе свою педагогику. Отличить их друг от друга было нетрудно: одним принадлежала власть, другим — правда поиска, языка, обнаружение и обнажение всех проклятых и сокровенных вопросов жизни, в том числе и духовных.

Не через государственные каналы, а через это вольное искусство, которое оказалось не так-то легко убить и купить, ибо рождалось оно из глубины проснувшегося и осознавшего свое достоинство народа, путем личной причастности — духовная связь времен, повторяем, сохранялась. Сохранялась и помогала сохраниться человеку: автору, исполнителю, мастеру, ученику, зрителю, слушателю... (О, наши благодарные зрители и слушатели, о вас все вспоминали не просто как о зале, аудитории — а как о вдохновляющих живых соавторах).

¹ Мы можем здесь сослаться на священника отца Глеба Каледу, который неоднократно произносил эту фразу в личных беседах с автором.

Не желая идеализировать прошлое, мы не можем в угоду новой идеологии его и очернять. Безымянная святость советского атеистического государства не разрушила главного в человеке — его стремления к высоте. Может быть, именно это и дало право многим, также прошедшим этот путь, говорить: **«Мы пережили гонения, не знаю, сможем ли пережить гласность»**¹.

Чем же вызвана эта неподдельная тревога? Предвидением предательства власти, всеобщего отступления, утраты чувства истины, высоты?... Ощущением приближающихся лукавых времен?... Видимо, так.

6. Хитрые времена: соединение несоединимого

Особенность сегодняшнего церковного возрождения заключается в том, что свобода вероисповедания и церковной жизни пришла к нам вместе со стремительным разрушением страны. Факт сам по себе ошеломляющий и неестественный с точки зрения исторических закономерностей. Но он был преподнесен и понят как начало «покаяния», «возврата к истокам», «созидания духовных основ», «обретения истинного духовного самосознания народа»... которые и должны были привести в дальнейшем к возрождению страны. Так она и покатила наша жизнь, сразу в две стороны: одно стремительно летело под горку, другое, как яблочко по серебряному блюдечку, шло по кругу, открывая разные виды, образы — но в общем-то было непонятно, стоим мы, или идем...

Здесь уместно вспомнить последнюю эпоху ветхозаветного Израиля, вожди которого были столь захвачены мирским устроением исторического бытия народа, что встреча с Истиной оказалась возможной лишь для немногих чистых сердцем, для тех, кто, не учительствуя, а принадлежа жизни со всей ее тяготой, оказался открыт слову Правды, как земля приготовленная открыта зерну.

Правящие же, просвещенные слои не столько жаждали истины, спешшей с небес, сколько хотели приспособить ее к нуждам времени. Готовы были принять что-то уже зна-

емое, соответствующее их устойчивым представлениям, целям и планам.

Наше религиозное возрождение начиналось с похожей ситуации. Когда идеологические путы атеизма были отброшены и сошла застойная вода искусственной запруды, показалось чистое русло незамутненной реки Живой. Все повернули головы к Церкви, ища ответов на поставленные жизнью вопросы. Советско-коммунистическое мировоззрение как сумма допытных представлений и понятий готово было замениться и частично заменилось христианским мировоззрением. То есть многими людьми были с радостью приняты новые, наконец-то истинные, как они считали, понятия о мире, жизни, человеке и Боге. Этот краткий период в действительности был временем восторгов и надежд — подлинным пробуждением духовности, обращением сознания. Но уже следующий шаг требовал титанических трудов — теперь **надо было учиться по этим понятиям жить**.

А как? Что могло разрушить навык спекулятивного мышления, привычку хорошо выглядеть в глазах начальства, всегда оправдывать себя и винить другого? Покаяние как изменение ума, сознания, как реальный вход в Церковь и начало нового бытия — это подвиг, и на него поднялись, как и положено, немногие. Открытие храмов, свобода Церкви — это только начало пути ко Христу. Но, не забудем, что путь — это именно путь, то есть время, то есть проверка жизнью. Проверка на верность идеалов, и, главное — нас самих: действительно ли творится в нас новая жизнь по духу Божию. И вот тут-то оказалось, что христианские понятия для многих остались лишь декларируемыми личными мнениями, а не идеалами и убеждениями, пронизывающими всю жизнь человека и пересоздающими его. Человек остался старым и... хотел им оставаться — хотел жить здесь и теперь, жить во что бы то ни стало.

На государственном уровне христианские идеалы, если говорить честно, были официально провозглашены, декларированы как непреходящие ценности человечества и этим признанием... «обезврежены». Да, да! — кто ж будет

спорить: не прелюбодействуй, не убий, чти, соблюдай!.. Декларация оказалась отделенной от действительности всеобщим киванием, согласием с ней, но очевидной невозможностью принять эту небесную высоту в жизни.

Христианство в обществе начали отождествлять не с особым образом жизни по вере, а с системой личных взглядов, с точкой зрения, с мнением, причем, не основополагающим, не претендующим ответить на «проклятые» вопросы человечества, а частным, уважаемым, но идеалистическим. В ряду других мнений, ему было отведено свое автономное место, и богословие стало просто занятием, порой заменяющим собой духовную жизнь. Как тут не вспомнить слова пустытника Макария Великого, что христианин отличается от других «не видом и мнением, а небесной приверженностью ко Господу»¹.

У нас же во второй половине 90-х мнения, кажется, заменили собой саму жизнь. К тому же, как и в Константиновскую эпоху, в храм пришли не только те, кто уже принадлежал Церкви по духу, но и ищущие новой правды, как опоры или ступеньки в жизни, и, конечно же, ищущие новых должностей. Армия старых говорунов-идеологов осталась без работы, желающим же учительствовать и предводительствовать надо было срочно учить новые слова, так не замедлили появиться отряды новых «комсомольцев-богомольцев».

Христианство как личный труд, как направленность внутренней, духовной жизни перестало быть запретным. Но не все готовы были принять этот труд личной свободной жертвы, многим **хотелось сопрячь его с благополучным поприщем**. Уместно здесь привести двустихие одного юноши-студента, очень точно характеризующее внутреннюю установку массового сознания:

«Мне убийственно хочется петь,
И недурственно хочется жить!»

¹ *Преподобный Макарий Египетский*. Духовные беседы. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1904. С. 43.

Какое честное признание! А ведь здесь выражена не естественная, а сформированная потребность. Когда хочется петь, то все остальное как-то блекнет, не манит. Когда хочется жить, тоже понятно — инстинкт берет свое. А вот «недурственно жить» — это уже социальная педагогика. И смотрите-ка, не погасло «хочу петь», но сопряглось с «хочу недурственно жить».

Что ж, понятно, какие песни будут петься — такие, за которые будут платить! Свободы и правды можно не ждать, разве только талант к пению у иных авторов вдруг начнет необузданно расти и станет диктовать свою волю. Такое бывает, но редко, ведь человек тогда должен будет выбрать свободу петь и умереть изгоем: О. Мандельштам, а не А.Н. Толстой, А.Солодовников, а не... имя им легион. Много тех, кто научились петь то, что надо, и говорить, что приличествует времени, месту, обстоятельствам и, главное, что угодно власти предрержащим, которые намерений своих и лица не открывают, и поддерживают одновременно и сурово-учительское, и интересенькое, и соленькое. А настоящее, оно всегда незаказанное, неудобное и вообще для большинства трудное, непонятное, неприятное, неподъемное... Правда — не слова о правде.

А к концу тысячелетия именно слова о правде, Боге, чести, совести — вообще, все правильные слова с одной стороны реки жизни, а реальное бытие россиянина — с другой. Двойственность стала нормой: что начинали хвалить, с тем, жди — сейчас начнут бороться! Приспособиться к этой оборотливой тактике нашему доверчивому сознанию было трудно.

На просторах российской истории нам не раз приходилось путать духовное и общественное: идея симфонии, союза Церкви и государства, не давала покоя многим умам. Но зададим прямой вопрос: возможна ли симфония с нашим сегодняшним, еще не знающим себя и все время меняющим свой облик государством? Приняло ли оно идеалы святости и готово ли удержать их?

И тут придется сознаться, что к концу тысячелетия при массовом восстановлении храмов по всей стране и пуб-

личной, казалось бы, поддержке Православия общественные идеалы у нас оказались не просто далеки от идеалов святости, а противоположны им. И — самое удивительное! — сегодня можно говорить о **смещении, сопряжении, срастании противостоящих друг другу идеалов**. «Все на потребу человека!» — можно было бы написать на знаменах нашего времени и продолжить: «Власть, сила, ловкость, деньги, удовольствие и... благочиние». **Сопряжение несоединимого** — вот та новая норма, которая выросла, как диковинный кристалл, в перенасыщенном растворе современности. Свобода, все говорили, была, а правды не было: все со всем смешивалось, и «отлепить» один образ от другого, одни слова от других, безобразное от прекрасного, ложь от правды — становилось все труднее.

Это нарушает всю иерархическую структуру внутреннего мира человека, приводит к уравниванию прав высокого и низкого, компрометирует само понятие «единственного», «абсолютного».

Открытое общество, которое у нас возникло, оказалось токсичным во всех своих внутренних сферах, нечем стало дышать. Даже те, кто был убежден, что путь наш лежит через эту гать, засомневались. Интересно здесь привести одно стихотворение Булата Окуджавы из его последней или предпоследней прижизненной книги. Да, да, его, певца свободной городской романтики и эмоционального ненасилия, который отвергал любые формы тотальности и в жизни, и в искусстве. Приняв крещение, незадолго до смерти он написал вот что:

Ребята, нас вновь обманули,
Опять не туда завели.
Мы только всей грудью вздохнули,
Да выдохнуть вновь не смогли.

Мы только всей грудью вздохнули
И по сердцу выбрали путь,
И спины едва разогнули,
Да надо их снова согнуть.

Ребята, нас предали снова,
И дело как будто к зиме,
И правды короткое слово
Летает, как голубь во тьме¹.

Собственно, почему выплыли эти куплеты, а не другие какие-нибудь строчки? Есть и другие. Многие видели, что живая жизнь с середины 90-х стала уходить с экранов, с глянцевого поверхности журналов, отступать, прятаться от сторожевой гласности и... уводить с собой тех, кто никак не смог принять вавилонского разгула эпохи. Но куда было уходить — никто не знал!

Стала было формироваться привычная для нас ниша **внутренней эмиграции**, но в условиях «новой демократии» это не очень-то получалось, все общественное пространство стало насквозь пронцаемо...

И все-таки работа по собиранию здоровых сил общества началась. Не сама ли Русская земля породила это «движение сопротивления»? Люди стали искать друг друга; объединяла теперь уже не столько критика власти и политики, сколько реальная боль жизни и... страх за детей. Куда им? Как?..

Вот уж кто невольно оказался на передовой, так это наши дети! Все без исключения они попали в группу риска. Прожив с нами эти несколько «десятилетий» 90-х, они невольно стали плоть от плоти времени, и стало понятно, что надо не столько учить их, сколько спасать. Но прежде попросту — узнать! Попытаться узнать, то есть понять их «новую природу».

7. Новое детство

Детство — это удивительная страна. Ее впечатления остаются с нами на всю жизнь. Их трудно вытравить. Они запечатлеваются в нашем сознании, наполняют душу живыми образами: не до конца понятыми, не вполне осознан-

¹ Окуджава Булат. Зал ожидания. Н. Новгород: Деком.1996. С. 22

ными, но ощутимыми и живыми. Задумывались ли мы о том, что образы, которые ежедневно окружают наших детей, становятся частью их внутренней жизни. Ребенок прочно срастается с миром своего детства, именно в этот период формируется весь механизм его тонких психических реакций, в которых будет проявлять и строить себя личность. Наследственные склонности являют себя в детстве открыто и, встречаясь с семейным укладом и вообще всем пространством общественной жизни, получают силу и направление своего развития. Все влияет на все, срастается воедино и образует нового человека, может быть, и похожего внешне на кого-то, но внутренне — единственного и неповторимого.

Какие же образы обступили наших детей в последние годы ушедшего тысячелетия? Дети постоянно видели нарастающую страсть наживы, культивируемую как добродетель, призыв к откровенному блуду, которые лились и льются с экранов и страниц печатных изданий. Они являлись свидетелями безответственной, а часто, и преступной лжи и публичного ерничанья одновременно.

Из внутренних характеристик общественного пространства особо надо отметить возросшую агрессивность среды, повышенную настороженность, недоверие и жесткость в отношениях людей друг к другу. Общество наше как будто совсем утратило то, что называется «народное единство», и стало похоже скорее на ярмарочную площадь, где толкнутся разные группы по социальному, национальному, профессиональному признаку или по интересам, возрасту и пр. Партнерские отношения возобладали над отношениями родственными и дружескими. Вот образы, сопровождающие детство наших детей; это поистине — **новое детство!**

Но ведь ребенок открыт и восприимчив, все внутренние психические и интеллектуальные структуры его еще находятся в состоянии последовательного развития и становления. Он представляет собой комплекс необыкновенных возможностей. Эти возможности, и физические, и

психические, и интеллектуальные должны еще «включиться», должны начать функционировать. Образы, обступившие детей, не просто запечатлеваются в их умах и сердцах, расставляя свои акценты, — они влияют на сам процесс видения и чувствования, задают скорость ответных реакций, возгревают или, наоборот, гасят эмоциональное напряжение.

Взрослые, мышление и чувства которых уже сформированы, в психологически агрессивной среде, ощущая давление, будут инстинктивно защищаться. Дети же не критичны, они непроизвольно начинают учиться у среды, учиться видеть, что показывают, а не что есть, учиться думать в тех категориях и рамках, которые заданы, и наконец, учиться чувствовать то, что предлагается.

Общество активно формирует удобного для себя нового человека. При этом, надо сказать, нарушается самое главное, за что так все ратуют — суверенность личности. Поэтому-то сегодняшнее детство требует особой защиты. Внутреннее всегда должно быть защищено от вторжения внешнего, а несформированное внутреннее — тем более.

Если ребенка «загрузить», так сказать, пораньше жизнью, он станет к ней приспособливаться, жертвуя своим внутренним, еще не достаточно явленным достоинством. Сила жизненных обстоятельств велика, тягаться с ними нелегко. Скорее всего, ребенок просто сдаст себя в плен жизни внешней и начнет, как и взрослые, учиться не жить, а выживать.

Вот, собственно, что произошло со многими нашими детьми: воля к живому творчеству падает, конформизм растет. Растет волчья агрессивность и какая-то постоянная готовность к отступлению перед внешней силой: при малейшем давлении — сдаюсь! Одновременно с этим наступает, как ползучая лавина, удручающая массовая пассивность детей. Пассивность при постоянном внешнем возбуждении.

Активность и возбуждение не надо путать — они суть разной природы. Первое свидетельствует о здоровых силах ума, души и тела, которые ищут себе применения. Второе

говорит о невозможности найти гармоническую форму существования: нигде не хорошо, ничто не интересует, не удастся забыть себя ни в каком деле — и череда демонстраций сменяется приступами скуки, апатии и вновь... агрессии.

Что же происходит с нашими детьми? Силу детского оптимизма победить трудно. Ребенок как бы заряжен жизнью: он сам тянется в будущее, им движет огромная энергия рода и всего поколения — просто так она исчезнуть не может. Но в одни времена эта сила жизни широко являет себя в общественном пространстве и, как на воздушной подушке, несет своих чад вперед, в другие же — оказывается никуда не направленной, стихийной и вырывается наружу сполохами ложного геройства («экстремальничанья»), игрой в «крутых», и вместе с тем, неожиданной беспомощностью, изнеженностью юношей, не способных справиться с самыми обычными жизненными трудностями.

Дефицит внимания — о нем говорят сейчас все, и педагоги, и врачи. Многие дети сегодня как будто совсем утратили способность собирать и направлять свое внимание: им невозможно увлечься чем-то до конца, забыть себя и уйти в какое-нибудь дело с головой. Мозаичность жизни, как мы уже говорили, усваивается детьми с пеленок, она рождает «клипповское» сознание и задает соответствующий ему образ поведения и мышления: не стремиться вглубь, а скользить по поверхности. Это не может по-настоящему удовлетворить ум, но навык интеллектуального труда не выработан — ребенок мучается отсутствием внутренней дисциплины, страдает от хаоса, звучащего в нем; но нацелен он, что самое печальное, не на участие в жизни, а на безличное отражение ее.

Это очень серьезное изменение, происшедшее в нашей общественно-психологической жизни. Наша культура вся выросла из личных отношений к человеку, стране, земле, к святыням. Любовь-ненависть, благая, жертвенная сила или роковая привязанность — все у нас было проникнуто личным чувством, личным взглядом на жизнь. Отраженность, зеркальность — это новый тип комфортных безлич-

ных связей и отношений, которые удовлетворяют новому типу договорного общества, где человек представлен прежде всего комплексом потребностей, а не живой целостной личностью, которая стремится жить, любить, проявлять себя во встрече с другой личностью.

Особенно губительно это сказывается на детях от природы тонких, талантливых, чувствительных. Они ощущают себя не способными ни к чему, так как не могут преуспеть в этом всеобщем изящном... скольжении по поверхности. Они так и живут вечно усталыми, закрытыми; нет силы, кажется, которая помогла бы им раскрыться, обнаружить настоящие способности своей души, окрепнуть телом и волей. Те же, чья внутренняя организация более проста, с поразительной скоростью усваивают новые стереотипы поведения, которые предлагает время, ища всюду внешних эффектов и перескакивая с одного действия на другое, руководствуясь исключительно своим сиюминутным желанием.

В творческом отношении с детьми тоже происходят изменения. В массе ребята сегодня легко усваивают технические приемы действия и поражают скудостью фантазии, удручающей обыденностью своих стремлений. Развить усвоенное, трансформировать, перенести в другие условия, использовать для чего-то нового — им самим бывает затруднительно. Раньше задание: рисуй, что хочешь — вызвало бурю восторга; дети тут же начинали рассказывать в картинках о своей жизни, о личных впечатлениях, о том, кто что любит делать. Сегодня это задание не вдохновляет детей; и если учитель не будет их активизировать и направлять к поиску впечатлений, он скорее всего узнает лишь то, какие фильмы смотрят дома.

Ребенок и телевизор — это отдельная тема. В контексте нашего разговора скажем только, что телевизор считается сегодня почти членом семьи, дети к нему привыкают, как к авторитетному голосу взрослых. Перекрыть его не легко, а невозможно: у телевидения большая сила воздействия на человека. Нельзя не вспомнить здесь удивитель-

ную книгу Владимира Саппака «Телевидение и мы»¹, где он свидетельствует о больших возможностях телевидения как нового средства общения, единения и вообще жизни. Но, надо признаться, что в руках нечистой власти телевидение становится мощным рычагом управления человеческим сознанием и даже оружием разрушения личности.

Сегодня телевизор не просто несет с собой море соблазнов, в которых ребенок тонет, — он не обсуждается, а... съедается. Съедается и... съедает, выжигает кислотой пошлости, грубости, хамства, цинизма, лжи, наконец, все окружающее нас, что нуждается в разъяснении, сочувствии, понимании. Подумайте только! все образы, мелькающие на экране, вплетаются в детское сознание, отражаясь в нем и формируя его. Порой первое знакомство с тем или иным предметом или явлением происходит в телепередаче, и сразу же нам дается его оценка, формируется отношение — телевизор поистине выступает сегодня как «проводник» на многих путях жизни.

Мы не можем проконтролировать, что с экрана «проглотил» наш ребенок, что «съело» его самого, что вступило в реакцию с родовыми склонностями, с недопонятыми уличными репликами, неоткомментированными образами реальной жизни. Только дальнейшее поведение ребенка расскажет нам о том, с чем он встретился. Нелегко здесь будет отделить проявление его индивидуальности и роста от отраженных наслоений «тележизни», которые им самим не осознаются и потому не отторгаются.

Взрослым, приютившем в своем доме этого «ласкового и нежного зверя», придется периодически проводить ас-сензиторские, реабилитационные, а то и реанимационные работы, по воскрешению живых реакций своего дитяти. Ведь нельзя же допустить, чтобы он весь состоял из незаметно усвоенных чужих глупостей и привычек. Придется все время быть начеку: вот ребенок начал как-то по-особому хрюкать, давайте-ка невзначай спросим: кто так делает?

¹ Саппак В. Телевидение и мы. М.: АПН, 1960.

Вы ждали ответа — «свинья!», а он вдруг — «дядя в телешоу». Придется посмеяться над «дядей», усомниться в его воспитанности, такте, а то и... уме. Высмеянное не так липнет. Но за всем углядеть, поверьте, не удастся. Привычка к телевизору сильна, без него многим как-то ... «и скучно, и грустно». И частенько красный угол, освещенный высоко висящей в нем иконой, окном в Царствие небесное, в нижнем своем ярусе имеет «дьявольское» окно в преисподнюю. Соединение несоединимого происходит сегодня везде: на улицах, в домах, и конечно, в душах детей.

Изменилось само пространство-время, называемое «детство». Нравственное чувство ребенка требует не относительных, не игровых, а абсолютных истин. Отроческий максимализм предъявлял к взрослым всегда высокие требования и держал само общество в некотором благом напряжении. Детям не давали плохих образцов, стремились высветить высоты жизни, и сами к ним тянулись, хотели «соответствовать» и уж точно не стирали границу между «хорошо» и «плохо». Поэтому в начальной школе принято было читать не само произведение, а хрестоматию, отрывки, специально подобранные по темам и возрасту. Они не столько знакомили с литературой, сколько растили ребенка, питали его чувство высоты, чистоты, готовили к подвигу жизни.

Если же в период отрочества и ранней юности у детей не будет положительных образцов, место высокой нормы займет «норма низкая», которой будут переадресованы уважение, авторитет и даже... любовь. Сегодня такими новыми «дирижерами» стали сила и богатство. Можно представить, как травмируется душа ребенка, как попираются сокрытые идеалы, угасает чувство истины — не растут крылья за спиной, как им положено. Одни дети — лучшие — начинают комплексовать, что-то внутри удерживает их от следования общей «молодежной моде», но обочинное существование «лоха» лишает их чувства собственного достоинства и связанной с ним радостной ответственности за жизнь. Другие легко «идут в разнос», пускаются во все

тяжкие, и, забывая свое человеческое лицо, перестают слышать реальную жизнь, противоестественное начинают ощущать как необходимое. Так, несколько лет назад в анкете на вопрос «Основные педагогические проблемы времени» один учитель ответил — «одичание».

Педагоги свидетельствуют, что новые молодые не просто трудны в общении: многие из них оказались в тупике безысходности, и, не имея никакой внутренней опоры, растворились в среде, приняв ее правила игры, отказавшись от каких бы то ни было духовных и личностных притязаний. Другие же, усвоив уроки времени, попали в ловушку «свободы и вседозволенности» и не догадываются об этом.

На пороге юности наши дети сегодня испытывают такую неуверенность в будущем, которая годам к пятнадцати у половины готова перейти в открытый вопль: где мое место под солнцем? В то время, как другая половина готовится к хищническому прыжку, а какая-то часть попросту «зависает» в инфантильной рассеянности, не желая не только двигаться, но, кажется, и дышать.

Вот какова наша начальная педагогическая ситуация, которую нам предстоит решать! Вот какой ребенок сегодня является предметом воспитания!

Какая же школа нужна нашему времени и нашему ребенку? Какая педагогика может справиться со всем этим: с нарастающим унынием, отчаянием, хищничеством, спровоцированным разгулом инстинктов, катастрофическим падением уровня знаний, культуры, с лживостью самого общественного информационного пространства, которое становится все менее и менее пригодно для жизни детей?

Когда некуда расти вширь, начинается — возможен — **рост вглубь!**

Сегодняшние жизненные обстоятельства, столь удручающе действующие на многих, сами рождают образ сегодняшней педагогики: она должна стать БЛАГОВЕСТИЕМ. Не призывом к отходу от зла и не хаотическим поиском неизвестного доселе добра; сегодняшняя школа нужна ребен-

ку прежде всего как провозвестница Истины, Которая явила себя миру и продолжает пребывать с нами в мире: «Я с вами, и никто же на вы».

8. Педагогика Благовестия

Вера в будущее, в жизнь — главная доминанта созидания внутреннего душевного пространства ребенка. Педагогика Благовестия не должна пониматься как новое красивое и утешительное слово для детей и родителей — она прежде всего Слово Правды о мире, жизни, человеке и Боге.

Ребенку, отроку, юноше надо узнать, что никакая реальность не содержит всей полноты жизни. Нет ее и в нашей катастрофической реальности. Ибо мир видимый есть только часть жизни, и никакой зримый образ не может вместить полноты и богатства мира вышнего, невидимого. Педагогика Благовестия — это Откровение о Царстве Небесном, нашем истинном Отечестве, гражданами которого мы являемся по духу. Нашему сердцу нужны, необходимы слова из Откровения Иоанна Богослова — «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое... жаждающему дам даром от источника воды живой» (Откр.21,1–6).

Но как произнести это, глядя в глаза нищему ребенку?! потерявшему работу отцу семейства?! или утратившей опору и поддержку жене?!

Услышаны могут быть лишь слова того, чье сердце сопереживает скорбям других людей. Сегодняшняя педагогика, если она действительно хочет помочь детям, должна **не учить, а участвовать!** Имея веру и радость от веры, она

свидетельствует об Жизни вечной — не может молчать! Не поучает, не назидает — но открывает: «Не бойся, малое стадо, Отец благоволил дать вам Царство!» Душа ребенка откликается на эту благую весть, узнает себя в ней — и воскресает для радости, обретает силы для творчества, для труда.

Вторая правда педагогики Благовестия — правда о человеке. Ребенок должен знать, что любой человек рожден существом духовным, что все мы призваны стать «сынами неба». Он должен знать, что человек своим психофизическим бытием не исчерпывается; да, наша биологическая и эмоциональная жизнь обусловлены природой, обстоятельствами, но есть в каждом из нас тот священный центр, в котором мы ничем не обусловлены, то есть свободны, он-то и является главным в нас, и способен наполнить нашу жизнь светом немеркнувшей радости.

Уместно здесь будет привести цитату из работы известного московского психиатра Д.Е. Мелехова, где он выделяет четыре антропологических уровня человека. (Первый уровень — течение материальной жизни. Второй — сфера умственной жизни, со своими законами и свойствами, соединяющими людей единством идей. Третья — сфера высших человеческих симпатий и сострадания (то, что современная психология объединяет в понятие «высшие социальные чувства»). Четвертый — область свободной веры). «В борьбе этих течений совершается драма внутренний жизни человека. У каждой из этих сфер свои законы, своя природа, направления и законы борьбы. Во власти человека непосредственно — только область духовной свободы. Она не утрачивается никогда. Все другое течет и развивается по своим природным законам, ничего общего не имеющим со свободой человека»¹.

Вот где исток истинного оптимизма! Мы не рабы! Ни своей психо-физической индивидуальности, ни наследст-

¹ Мелехов Д.Е. Дух да властвует над душой и телом./Московский церковный вестник, № 18-19, 1992. С.10.

венности, ни общества! Жизнь наша протекает в этих берегах, но не определяется ими.

Итак, педагогика Благовестия — это откровение о Новом человеке. Человеке-личности, который больше мира, потому что имеет в себе духа. Силой этого духа человек способен преображает жизнь.

Часто личностью называют комплекс внутренних переживаний, характерных волеизъявлений и состояний человека. Это определение неполно. Личностное начало — это не манеры, не привычки и желания, личность — это священный образ внутри каждого человека. Он есть у всех. Но все имеют и свои недостатки, которые затеняют этот образ даже от самого человека. То есть мы здесь, на земле, еще только движемся к своей личности, мы должны осуществить себя как высшего, духовного человека.

Этот человек будущего и составляет центр нашей сегодняшней духовной индивидуальности. Поэтому личностное начало реализует себя не в удовлетворении своих утилитарных потребностей (если говорить корректно, таковых у него просто нет), личность реализует себя в единении с Высшим животворным началом жизни — с Богом.

Наконец, третья правда педагогики Благовестия — **правда о жизни**, как человеческом пути, поприще. Надо сознаться, что именно вера в жизнь пошатнулась в наших детях, не в жизнь, как «форму существования белковых тел», а в жизнь как в творческую деятельность, как дружеское товарищество, как радостный труд и взаимное служение друг другу.

Правда о жизни — это не выставление напоказ ее низменных сторон, но раскрытие возможных путей. «Два есть пути, — говорится в одной из древнейших христианских книг «Дидахэ», — один — жизни, другой — смерти, и велико различие между этими двумя путями»¹.

¹ Писания Мужей апостольских. Рига. Латвийское библейское общество. 1994. С.17.

Два пути — это наша свобода выбора, которая в сегодняшнем обществе сведена почти на нет. Как?!— слышим возмущенный голос — выбор как раз увеличился! Выбор между чем и чем? Из двадцати сортов одинаково неполезного йогурта? Из десяти разных форм ватного хлеба одинакового замеса и пр. и пр. Общество потребления и живет тем, что якобы удовлетворяет человека, предоставляя ему свободный выбор. Но свободный ли, при таком-то оглушительном шквале рекламы и блокировании какой-то бы ни было критической оценки и неподдельной сертификации товаров? И главное — выбор предлагается между тем, что вообще не является существенным для человека, а лишь щекочет его вкусовые ощущения и тем занимает и развлекает. Это некая игра естества, при том, что душа остается не только неудовлетворенной, но... все больше тоскует. «Проблема выбора, — пришли к выводу западные психологи, — рождает сексуальные преступления!» Ну не безумный ли, безумный, безумный мир!?

Педагогика Благовестия предлагает человеку, искать уже в этой жизни того, что является «единым на потребу», учиться бороться за «свое небесное», не предавать его в угоду чреву. Но эта борьба не за иерархию потребностей, которую предлагают вслед за Маслоу¹ многие наши психологи, считая ее показателем духовности личности. Нет, «небесное» в нас не может быть выведено из земного, не является производным ни от нашей культуры, ни от нашей нравственности. Никакое истончение потребностей не откроет дорогу духовному, которое есть чистый дар Бога человеку. Духовное требует обращения к нему, сопряжения духа нашего с Духом Божиим. «Сей самый Дух, — говорит апостол Павел в Послании к Римлянам, — свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии» (Рим.8.16). Вот путь жизни — каждодневный, ежечасный выбор между жизнью по

¹ Маслоу А. 1) Базовые потребности. // В кн. Личность и мотивация. СПб. 1999. с.77-105. 2) Слияние действительного и ценностного // Дальние пределы человеческой психики. С-Петербург.1999. гл. 8. с.117-138.

плоти и жизнью по духу. «Работайте Господеви!» Именно в этой открывающейся нам день ото дня «работе» и состоит смысл нашей жизни, которого так ищет наш ум. Не зарабатываем себе «проезд» в Царство Небесное, но вызвались быть добровольцами на фронте жизни. «И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня» (Исаия 6, 8).

Итак, жизнь земная для христианина — брань Господня, и если научим детей любить эту святую битву, радость их будет полной. Не к победе, а к бою надо готовить. «Есть упоение в бою!»

И еще одна, может быть, самая важная и непростая правда педагогики Благовестия — **правда о Боге — Творце, Попечителе, Друге человека**. Этой правде нельзя научить, она есть тот личный духовный опыт, который возникает у человека, когда он ищет Бога и учится доверять ему. Этот духовный опыт и составляет ту настоящую жизнь, которая делает ценным само бытие человека. **Цель педагогики Благовестия — духовная жизнь ребенка**. Не новый нравственный кодекс, не некая духовная норма, которой надо следовать, но жизнь с памятью о Боге.

Какой же должна быть тогда школа, и каким — учителем, чтобы забил этот источник, потекла живая река в сердце ребенка?!

Сейчас уже ясно, чего надо бояться, с чем нам не по пути.

Прежде всего — с торгом, в котором утопает мир. Благовестие для педагога — нелегкая ноша, ведь «мир учит одному, а Бог другому». Нельзя учиться сразу у двух этих учителей. Педагогика Благовестия требует все время **«хождения по водам»**. Оступись в жизнь здешнюю — и потонул, засосала топкая трясина мира.

Мережковский в своей острой и злободневной для нас работе «Грядущий хам» пишет, что «религия современной Европы — не христианство, а мещанство... вместо Библии счетная книга, вместо алтаря — прилавок»¹. Что же здесь

¹ Мережковский Д. Больная Россия. Л.: Изд. ЛГУ.1991. с.30.

названо мещанством, обывательством? Такая жизненная позиция, где удовлетворение своих утилитарных жизненных потребностей поставлено во главу угла, где человек перевел веру в разряд бытовых обычаев.

Обыватель не может стать христианином, ибо он стремится к благополучию и готов ради него отказаться не только от братства и любви к ближнему, но и от высшего в самом себе, от своей личности. Но кроме благополучия житейского, есть еще более страшная форма смерти — комфорт душевный, стремление к благополучию духовному. Оно приучает душу к новым покаянным заботам, которые приобретают какой-то валеологический, а проще, эгоистический характер. Хочется привести здесь замечательные слова С.С. Аверинцева из предисловия к работе М. Бахтина «К философии поступка»: «Человек, выбравший быть специально и прежде всего иного человеком этическим, это не особенно хороший человек, не особенно добрый и привлекательный человек, на каждом шагу отвлекаемый эгоцентрическим самодовольством или столь же эгоцентрическим самоукорением от подлинно нравственного забвения о себе. Этика, редуцированная к самой себе, оставленная на самое себя, есть опустошенная этика, ибо этическое начало не исток ценностей, а модус отношения к действительности»¹.

Отношение к действительности не может быть задано ни нормой, ни примером. Педагогика Благовестия не может опуститься до упрощения, ее задача — уберечь человека от навыка механического, потребительского существования и призвать его к активной, ответственной, осмысленной жизни из глубины своих возможностей и дарований — призвать к свободе. «Господь именно и призывает нас, — пишет епископ Михаил (Грибановский) в своей книге «Над Евангелием», — к этому подвигу свободы...

¹ Аверинцев С.С. Комментарий к статье М. Бахтина «К философии поступка» // В сборнике «Философия и социология науки и техники». М. 1986. С. 158.

Сохранить свое сознание от ненормального болезненного рассеяния и расщепления, беречь и развивать его силу, цельность и жизненную упругость, вопреки всем вредным расслабляющим влияниям, возвышать и прояснять его настолько, чтобы оно было способно «услышать», почувствовать цельную живую истину, самого Бога, — вот первая ступень силы нашего свободного духа на пути восхождения его в свою царственную область, где он может прийти к Христу»¹.

Педагогика не должна бояться высоты поставленной здесь задачи. Она по силам человеку, но только надо помнить, что духовный путь — это путь внутренней жизни, и знание Бога — тоже внутреннее переживание, протекающее в глубине нашего духа и совести. «Не какого-нибудь неизвестного и чуждого для нас Бога мы должны стараться «услышать» нашим свободным сосредоточенным сознанием, — продолжает епископ Михаил, — а того самого Отца, творческая печать которого уже лежит в глубине нашего духа»².

Так педагогика Благовестия через собирание внутренних сил и созерцание Бога становится пробуждением человека к личностной творческой, осмысленной жизни. Благая весть — это не только весть о Воскресении Христовом, это реальное воскресение нашей души — воскресение в жизни, к подвигу, к жертве.

В Евангелии мы видим самый высокий, Божественный пример Жертвы. Мы и постичь по-настоящему тайну этой Единственной Жертвы не можем, но она — центр всего, от нее свет и вдохновение нашему сердцу. Признание жертвы есть признание высоты личного выбора, совершенного не для достижения какой бы то ни было цели, а движимого внутренним духом. Православная педагогика должна отважиться на эту предельную правду.

¹ Епископ Михаил (Грибановский). Над Евангелием. СПб.: Сатис. 1994. с. 146.

² Там же. С. 147.

Отважиться, хотя в сегодняшнем общественном сознании именно это главное понятие христианства — понятие ЖЕРТВЫ недекларированно, но категорически отвергнуто. А «комфорт», по словам князя Евгения Трубецкого, родит предателей.

Трудно оказалось нам противостоять потребительству, трудно после идеологических лозунгов вернуться к глубинным ценностям, которые вдохновляли наших предшественников. Мы оказались не готовыми принять Христа Распятого. Возникло желание «усидеть на двух стульях», распространить «диетическую», культурную форму христианства... «чтобы сама золотая рыбка была у нас на посылках!»

Но человек больше мира, в котором он живет! И ребенок больше общества, и больше педагогических систем, и даже больше великих педагогов, которые как один свидетельствовали, что дети их всему-то как раз и научили. Ах, если бы мы могли не учить, а слушать детей, слушать их души, внимать тому, что под артобстрелом массовой культурой звучит в глубинах детских сердец!

Вот безыскусное стихотворение одного 13-летнего мальчика из Севастополя, которое не может не удивить своей верой в человека, в жертву как высшее проявление жизни на земле.

ЧЕЛОВЕК

Человек — это радость,
Человек — это слезы.
Как пес умирает,
Цветет как мимоза.

Он — Зевс, он — Венера,
Он — нечто, он что-то,
Ничто не желает,
И хочет чего-то.

Он светел, как белый,
Он тёмн, как черный,

Со всем не согласен,
И самый бесспорный.

Он хочет, он может,
Он — солнце, он темень,
Он злой, беспощадный,
Как кожаный ремень.

Он все превратит
В кучу грязи и пыли,
Он сделает так,
Чтобы лавы остыли.

Он все образует,
И все уничтожит,
Но днем одним мерзким
Туманным, быть может,

Он вспомнит о том,
Что есть Солнце и море,
И чтоб уничтожить вот это все горе
Он тихо умрет для того, чтоб всё жило.

Кто, когда рассказал этому ребенку о великой силе жертвы? Почему она не пугает его, а светит и вдохновляет? Жажда высоты — вечное стремление отрочества. Оно обязывает нас выйти навстречу этой одинокой бесстрашной душе ребенка, поддержать его порыв.

Отыскивая «золотые крупинки» жертвенности во всем историческом пространстве жизни, мы должны показать ребенку, да и себе напомнить, что многие клали «душу за други своя». Вспомним и, может быть, вновь начнем ощущать жизнь как реальное поле приложения своих сил, как личный ответственный выбор.

К сожалению, сегодня умозрительное, а если прибегнуть к фольклору, «говорительное» воспитание преобладает над практическим, опытным, ориентирующим на личное осмысленное и трудовое действие. Поэтому и дети, и взрослые, даже научившись что-то делать, по какой-то внутренней лености и инерции без толчка действовать сами не

начинают. Говорить — пожалуйста, а действовать — увы! Празднословие стало у нас привычным бедствием.

Сегодня, чтобы научить ребят действовать, надо прежде... как это ни странно — **научить их молчать**. Вот какой парадокс! Чтобы услышать слово истинное, слово совести, слово-дело, нужно, чтобы облетели с дерева нашей жизни все слова-однодевки, слова-фальшивки.

Вот необходимое условие педагогики Благовестия. Она, повторяем, не идеология, не новый моральный кодекс, а новое бытие, со-бытие с ребенком. Этим задается и **новая педагогическая этика**, методологическую основу которой составляет не психологический, но **духовный диалог** — **диалог со-бытие**.

ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

1. Что стоит за словом «развитие»?
2. Феномен диалога
3. Духовно-педагогическое пространство — новая онтологическая реальность.

1. Что стоит за словом «развитие»?

Современная педагогика и психология понимают развитие комплексно. «Сущность развития — в направленном изменении систем от менее упорядоченного к более упорядоченному состоянию, в росте их организации»¹. Стало быть, развитие есть само течение жизни, сам ее процесс. Оказаться вне развития значило бы оказаться вне жизни. Для педагогики развитие — это та операционная среда, которая и дает наставнику возможность действовать, то есть стихийное развитие личности делать целенаправленным.

«Процессы развития делают научение возможным, но само научение не является причиной развития, — пишет английский психолог Томас Бауэр. — Способность к научению первоначально определяется врожденными механизмами, которые могут угасать, если их не упражнять»². Итак, развитие ребенка требует нашего участия, это совместное поле деятельности, но выбор инструментария — за педагогом. Каким он может быть? Какую форму должен приобрести сам процесс развития?

Ответы на эти вопросы будут разными, в зависимости от философской и идеологической позиции школы, от мировоззрения педагога, от его антропологических взглядов, понимания сущности человека. В одном, как правило, все

¹ Чуприкова Н.И. Психология умственного развития: принцип дифференциации. М: «Столетие», 1997. С. 7.

² Бауэр Т. Психическое развитие младенца. М. «Прогресс», 1979. С. 24–25.

единодушны: таланты надо развивать, это высшие дары, посланные людям, и они должны быть преумножены.

Но развитие талантов, способностей связано с личностными особенностями, с мышлением, чувствами, волей. Является ли талант мерой всех вещей в педагогике? Все ли, что заложено и проявляется в нас, нуждается в развитии?

Теория развивающей педагогики, признанная сегодня ведущей, понимает сам процесс развития как возможность преодоления природной ограниченности индивида, как совершенствование структуры, внутренних механизмов личности, как увеличение творческого потенциала человека¹.

Действительно, процесс развития понимается большинством ученых и педагогов как усовершенствование живой, «органической системы», как дифференциация уже имеющейся структуры, как усложнение и одновременно **упрочение связей внутри целого.**

Что же можно считать целым?

В атеистическом, «свободном от Бога» пространстве, человек мыслится как существо самодостаточное. Он — производная от своих возможностей. В таком случае освобождение человека от закрепощающих его уз — благо. Более того, возникает цель не просто раскрепостить человека, а освободить от груза самого себя, развитием — пересоздать, задать ему «для полноты и разнообразия существования» новые, свободные от природных уз, психологические «установки».

Понятно, что эта антропоцентристская педагогическая модель в обществе, ориентированном на комфортность и всевозможные виды потребления, будет иметь многочисленных приверженцев.

Но вот что парадоксально! Жизнь показывает, что путь абсолютно свободного развития приводит к... остроумию, а не уму, к оригинальничанью, а не оригинальности,

¹ См. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.:ИНТОР, 1996. С.142.

к упрощению, а не облагораживанию реакций, и в конечном итоге — к стандартизации, а не к продуктивности мышления. Более того, человек, озабоченный сохранением своей развитой индивидуальности, начинает личностно перерождаться и скоро оказывается не способным защитить себя от своих не в меру развитых желаний, поработается своими чувствами, мыслями, случайными волеизъявлениями.

Все это заставляет думать, что тайна личностного развития соприкасается не только с психологической реальностью, но и с космологической, с онтологической, бытийственной. Дело не только в той или иной мировоззренческой позиции педагога, но в самой реальной действительности, в тех зримых и незримых связях, которые держат мир в целостном единстве, не поработая воли человека. **Развитие не есть только личностное действие, но сотворчество, диалог многих сил жизни: физических, душевных и духовных.** И если первые имеют источник в самом человеке, то последние, духовные, коренятся в высшей реальности и свидетельствуют о связи человека с горним миром.

Развивающая педагогика, если она хочет быть последовательной в своих положениях, должна признать, что развитие непременно должно быть соотносено с тайной личностного духовного пути. А признавая духовность, как высшую иерархическую ступень в человеке, мы должны будем признать, что цель развития — приготовление человека к исполнению тех внутренне обретаемых целей, в которых поступательно будет являть себя Дух.

Поэтому для духовно ориентированной педагогики рост творческого потенциала личности не является абсолютной целью. Этот потенциал может стать дополнительным грузом в жизненном пути, вредной привычкой. Развитую способность не удержать внутри, она потребует приложения, реализации себя в деятельности.

Но будет ли эта способность соответствовать духовному призванию человека? Мы должны понимать, что, научив ребенка чему-нибудь, мы невольно готовим его к приращению этих навыков, к демонстрации их. А это намного

легче, чем искать свой путь к истине, особенно если эти навыки будут одобрены обществом.

Духовное понимание человека обязывает нас и его внешнюю деятельность считать не простой суммой общественно-полезных актов, востребованных и заданных социальным бытием, а неким силовым полем, проявляющим внутренние духовные силы личности. Мы свободны в выборе видов деятельности, но она должна быть нам лично потребна: «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. 6:2).

Отсюда возникает и **образ развития**: оно также должно быть **лично потребно**, то есть определяться духовными нуждами формирующейся личности, а не внешними социально-прагматическими целями.

Стремясь же оснастить ребенка, отрока наибольшим арсеналом возможностей, так сказать, зарядить его на жизнь, мы можем и поработить его, развить «веревочку», свитую из тех внутренних даров духа, которые до времени незримы ни для кого, кроме Творца. Развить, раз-вести, и тем самым не укрепить, а ослабить внутренние защитные связи-скрепы личности. Это может привести к духовной драме.

Развитие, не имеющее духовной цели приближения человека к его высшему истинному образу, не безобидно. Оно — не остановка, а движение в противоположную сторону. Человек, отдаляясь от Истины, теряет духовную интуицию и часто, ища высшего, «открывает» себя для темной духовности, оккультизма, связывает свою душу с миром «духов злобы поднебесных» — и, как следствие, полностью теряет свое личностное начало¹. Нельзя не вспомнить здесь слов Гете, вложенного в уста Мефистофеля: «Я часть той силы, которая, желая зла, творит добро».

Подлинное развитие есть процесс созидания личности, оно не должно вести к внутреннему рабству, не должно рассеивать — но собирать воедино все силы души человека!

¹ *Свящ. Елисей Вл.* Православный путь к спасению и лжемистические учения Востока. М.: «Путь Православия», 1993, №1.

Именно так понимается оно в свете евангельского Откровения, в педагогике Благовестия. **Развитие здесь — путь к целомудренной свободе**, к своему истинному «Я». Такое развитие по-настоящему возможно только тогда, когда мы **осознаем себя образом и подобием Божиим**. Это та незыблемая система координат, которая и дает возможность роста нашей душе. Личность развивается, свершается, исполняется по образу и подобию своего Творца. «Исполнь небо и земля Славы Твоя!» Так и человек, душа и тело, небо и земля, может исполниться славой и силой.

Видимо, только такую форму личностного развития и можно считать достойной человека.

2. Феномен диалога

Кто только не говорил о диалоге?! Одни в нем видят уникальное средство межличностного общения (М. Бубер)¹, другие — психологический метод организации гуманистического образования и общества — диалог культур (Библер)², третьи, чувствуя в диалоге духовную глубину, связывают с ним внутреннее развитие личности (митрополит Иоанн (Зизиулас)³.

Мы в своей педагогической практике⁴ соприкоснулись с реальной силой диалога, который создавал живое ду-

¹ См. 1) *Бубер Мартин*. Два образа веры. М: «Республика», 1995 г; 2) *Маслоу А.Г.* Личность и мотивация. М. 1999.

² См. 1) *Библер В.С.* Диалог культур. Мышление как творчество М. 1975; 2) *Курганов С.Ю.* Ребенок и взрослый в учебном диалоге. М.: Просвещение. 1989.

³ *Митр. Иоанн Пергамский (Зизиулас)*. Общение и инаковость. // Континент. М.-Париж. 1995. № 83.

⁴ Различные занятия по активизации творческого потенциала личности (Литературная студия «Слово» — 1974–1981гг.; факультатив «Журналистика и словесное творчество» в МГУКе (Институт культуры) — 1982–1985гг.; семинар «Словесное творчество» — 1988–1998 гг. на базе Творческого объединения «Чистые пруды» и пр.

ховно-педагогическое пространство — необходимое условие целомудренного развития личности.

За 30 лет работы в области творческой педагогики с взрослыми и детьми нам удалось выявить две устойчивые психолого-педагогические закономерности диалога.

Первая заключается в том, что часть людей, и взрослых, и детей, в процессе комплексных развивающих занятий¹ довольно легко входили в предлагаемые им новые отношения с предметным и психологическим миром. Они живо воспринимали окружающее, учились соотноситься со всем, что оказывалось в поле их внимания, но что самое главное — начинали ощущать свою ограниченность и активно искали пути ее преодоления. Их интеллектуальная и душевная жизнь оказывалась не центростремительной, а центробежной, то есть направленной не на самоутверждение и самооправдание, а на стремление преодолеть свою инерцию и обрести возможность встречи с неизвестным, новым. Такую реакцию мы характеризовали как **внутреннюю готовность к диалогу**; это — способность при определенных обстоятельствах быстро перейти на открытый, не автономный, но диалоговый режим мышления.

Другая часть слушателей во время тех же занятий категорически сопротивлялась самой возможности хоть какого-нибудь движения, защищая свои индивидуальные представления, нравы и вкусы как святая святых. Здесь отчетливо прослеживалось преобладание центростремительных сил, которые как бы приковывали личность к себе самой, не давая ей выйти на свободный контакт ни с окружающими, ни с миром. Такая реакция свидетельствовала, что человек стремится остаться в закрытом монологовом состоянии.

¹ Наши авторские программы «Словесное творчество» и «Духовные основы творческого процесса» (активизация творческой активности взрослых), «Лето Господне», «От образа к подобию», «И божество, и вдохновенье» (комплексное развитие детей и юношества).

Важно понять, что мы говорим здесь не о психологическом типе личности, не о складе характера, также как не поднимаем вопроса о личных дарованиях: и в той, и в другой группе были и талантливые люди, а были и ординарные — но одна часть слушателей оказалась не связана собой и ждала самого **действия встречи**, другая же как будто и не нуждалась в ней.

О чем же мог свидетельствовать отказ от диалога? Являлся ли он естественным для данного человека или это была защитная реакция на какое-то грубое вторжение. А может быть, это вообще инстинктивное ограждение себя от внешних влияний и боязнь движения? На каком: психологическом, антропологическом или духовном уровне происходит этот отказ и к чему он ведет?

Вот первая группа вопросов, которая задала направление нашим поискам и размышлениям.

Сразу необходимо сказать и о второй закономерности, обнаруженной нами: наличии тесной связи между готовностью к диалогу и способностью к личностному развитию. Диалог, как некая «подобная модель», в общем виде отражал то, что происходило в сознании и сердце человека, свидетельствовал о степени его открытости, готовности к движению, изменению — к самосозиданию. В диалоге проявлялась некая «пластическая» способность сознания. Мы поняли, что именно эта способность по каким-то причинам и была «погашена» у части наших слушателей.

Со взрослыми картина оказывалась более понятной. Человеку тяжела любая незавершенность: чувство неполноты рождает состояние неуверенности, создает душевный дискомфорт. Стремясь к личной определенности, к социальной и психологической устойчивости, человек вынужден самоутверждаться, то есть представлять себя всем, в том числе и себе, как оформившуюся жизненную единицу, «самостоятельную систему», сила которой в непоколебимости принятых установок. По сути, развитие здесь является лишь этапом, приводящим к желанному самоопределению, оно — служебный акт, прелюдия к увертюре жизни.

Такая позиция, хоть и распространена в психолого-педагогической среде, но кажется нам глубоко неверной, обкрадывающей человека, лишаящей его самого ценного — целостности. Понимая человека как существо духовное, мы должны признать, что личность свершается не тогда, когда она стремится завершить, определить и тем самым «закрыть себя», а когда она движется, растет. Незавершенность есть неперемное условие истинной жизненной силы и... крепости.

Зададим себе вопрос: какая живая система может считаться более устойчивой, жизнеспособной и животворной — замкнутая внутри себя структура, спаянная своими внутренними логическими или органическими связями, или структура открытая, способная к вбиранию, впитыванию, дыханию, постоянно разрушаемая и обновляемая? Незавершенность структуры, как это ни парадоксально, дает возможность большей крепости, устойчивости за счет более полной принадлежности к той большей системе, в которую она входит как ее живая часть.

Человек — образ Божий, он всегда, до последнего своего вздоха, по сути, остается «незавершенной системой». И даже его последний вздох — последним является лишь для этого мира, этот же вздох будет входом в новое духовное пространство. Незавершенность оказывается более соответствующей сегодняшнему эсхатологическому бытию, так как герметичность обрекает нас на изоляцию от благодатных сил Откровения.

Почему же мы так боимся этой незавершенности? Не потому ли, что она делает нас уязвимыми с точки зрения человеческой самости: человек незавершенный не может успешно продемонстрировать себя и невольно может оказаться на обочине сегодняшней устремленной к публичности жизни. Выбрать этот путь — личностный поступок.

Второй причиной, по которой мы боимся открытости, по-видимому, является страх перед тьмой. Какова наша вера? «Како веруеши?» В Бога или в бесов? Кого боишься, то есть, кого считаешь родным? «Мы Его и род» (Деян.17, 28),

— говорит апостол Павел о нашей связи с Творцом. Стало быть, именно Он и является тем Живым, Всеобъемлющим Вседержащим, Которому мы подобны и приобщение в Которому — для нас благо и свершение.

Но почитая Бога как своего Творца, человек знает и о противнике Божием. И порой, стремясь защититься от духов зла, он начинает выслеживать их, не различать, а выискивать и незаметно для себя безутешно «веровать» в их реальную «мерзейшую мощь». Находя же этот «черный легион» повсюду, человек, обуреваемый страхом, замыкается в себе, боится малейшего изменения, движения, неизвестности и новизны. Он думает, что тем самым сохранит себя, как неприступный град.

Но неподвижность не есть недоступность. Наоборот, ища сущего — мы идем за Сущим; отпавшие же духи не знают и не стремятся в истинное бытие, куда наша душа так рвется. Они остаются вне движения к Истине. Человек же в вечность истинного движется через мгновения правды. Поэтому-то «стояние в правде» — это динамическая характеристика подвижнической жизни: **не пребывание неизменным, а неизменная верность**, которая возможна не как раз и навсегда приобретенный образ, а как путь уподобления, как поиск Высшей воли, постоянное вопрошание.

Незавершенность есть неперемное условие личностного развития; готовность быть незавершенным — это **готовность быть возделанным.**

У детей такая готовность, конечно же, больше, чем у взрослых; но надо признать, что сегодня и дети с раннего возраста оказываются втянутыми в порочный круг самоутверждения. Учебный диалог в таком случае становится турниром, поединком завершенностей, утверждающим человека в его самости. И никакие «спасательные» меры, направленные на совершенствование межличностного диалога, как то: установление дружеских, доверительных отношений, или создание учебного игрового пространства-поля и пр. — не могут разорвать порочных связей этой вязкой психологической реальности, так как сами ей принадле-

жат. Здесь педагогическая психология оказалась в тупике своих методов: школьный диалог провоцировал самоутверждение и тем создавал препятствия развитию человека.

Стало очевидным, что задачи личностного развития вообще не могут быть решены в рамках индивидуально-психологических отношений. Развитие как путь к своему высшему «Я» требовало верного проводника. Не межличностные, а внутриличностные связи нуждались в активизации. Мы поняли, что «закрытость» — это духовная болезнь и бороться с ней надо духовными средствами, ища опоры в свидетельстве Откровения.

Наша педагогическая позиция не нова, она базируется на христианской антропологии, которая понимает человека как существо духовное, имеющее в себе начаток духа, укорененного в Истине. Поэтому-то слово Истины, даже если человек не ведает о ней, глубоко проникает в него, волнует, приводит в движение внутренние силы. По словам апостола Павла, «...слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помысления и намерения сердечные. И нет твари, сокроуенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его...» (Евр. 4, 12-13).

Именно это слово Истины и явилось животворным духовным компонентом нашего диалога. Сразу скажем, что речь здесь идет не об изучении, пересказе и разборе Евангелия, библейской истории или житий святых и даже не о личном свидетельстве веры, а о создании **нового, духовного контекста жизни**. Задача состояла в том, чтобы приблизить ощущаемую ребенком духовную реальность к его сегодняшнему дню, чтобы все события своей жизни он мог рассмотреть на ее священном фоне.

Но как это сделать? Мы поняли, что диалог должен стать общим делом, совершаемом «при свете Откровения». Учитель вместе со всеми учениками в каждый момент времени, каждым конкретным делом-действием, которым задается учебный процесс, должен **искать истину**.

И это оказалось возможно! Свидетельство Истины наполняло новым смыслом все наши действия: какой бы предмет ни рассматривали, что бы ни читали, о чем бы ни говорили, всегда внутренне были устремлены к одной цели — узреть замысел Божий. Школьный диалог уступил место трансцендентному диалогу, диалогу — со-бытию, где отношения «учитель-ученик» заменялись тайной «мир — человек — Бог».

Истина выходит навстречу вопрошающему сердцу, и нам она открывалась во множественных точках правды, фрагментарно, частично, в том объеме, который необходим был для нашей духовной жизни; нашей, то есть, каждого — своей.

И как мы увидели на практике, истинное, духовное действительно не отторгается, но ощущается родным и пробуждает внутренние духовные силы человека: в одних воскресали личные воспоминания о приближении к святыне, в других вдруг актуализировалось знание заповедей, канонов, названия и назначение духовных предметов, в-третьих, начинала громко говорить совесть, у четвертых вдруг обнаруживалась редкостная духовная интуиция, а кто-то жаждал услышать об этом — в нем просыпалось невиданное доселе внимание к слову. Присутствующие: и дети, и взрослые, открывали в себе глубины духа, который приводил в движение все их существо. Это был не просто отклик на слова учителя, но вырвавшаяся из тьмы горячая река диалога между душой и духом.

И что удивительно, этот внутренний диалог, начинался сразу во многих сердцах; рождалась новая общность, новое единство класса. Порыв каждого к высшему создавал **живое духовное поле**, творил новую онтологическую реальность.

Эта-то реальность и названа нами духовно-педагогическим пространством.

3. Духовно-педагогическое пространство — новая онтологическая реальность

Духовно-педагогическое пространство является неким онтологическим феноменом. Человек не исчерпывается ни своей физической, ни психологической индивидуальностью, он больше мира, в котором пребывает. Педагогическая среда¹ как сеть реальных психологических связей есть лишь зримая, так сказать, земная часть педагогического пространства. При активизации внутриличностного духовного мира человека среда раздвигает свои границы до пространства — дух творит новую реальность².

Дух — первая характеристика любого пространства. Дух животворящ, и вокруг — живая цветущая и плодоносящая нива, « ...древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой».

Живой дух стяжается **живым соборным словом-деянием**. Роль такого слова-деяния может выполнять духовный диалог. Этим словосочетанием могут быть названы разные формы общения: и беседа, и совместная деятельность, и отдых, и молчание, и любовь... Но есть одно неперемное условие для зарождения и течения этого удивительного процесса — духовного диалога — **он не может быть целевым**. Он возникает тогда, когда нет задачи управлять человеком, прививать ему свои взгляды, добиваться какого-то определенного поведения, чувства. Поэтому настоящий духовный диалог может возникнуть **только из со-бытия**, из всех возможных форм жизни и деятельности, свободных от обмана, насилия и использования человека в своих целях.

Кроме того, и сама деятельность человека может быть разной: механистической, в глубине автономной, а может

¹ См. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. Собр. соч. Т. 2.

² О взаимосвязи пространства и среды см. *Священник П. Флоренский*. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс. 1993.; *В.А.Фаворский*. «Что такое искусство?» //Об искусстве, о книге, о графюре. М.: Книга. 1986.

быть — творческой, соборной. «Работайте Господеви со страхом», то есть на совесть, ища не поверхностного результата, не личного удовлетворения, не похвалы товарищей и начальствующих — а **свершения замысла**, открывающегося поступательно в процессе самого дела.

Чтобы хоть как-то «работать Господеви», нужно, чтобы пребывание вместе было не насильственным сопряжением психологических и биологических разностей, а устремленностью разных — в одно, может быть, даже кажущееся простым, не имеющих явных духовных задач деяние, — деяние, заданное сомой жизнью, рожденное из ее нужд, которое человек своей душой и совестью способен воспринять и чувствовать. Только тогда мы чувствуем дело, а не себя, когда действуем творчески, по внутренней необходимости, а не автоматически или по указке — мы учимся «работать Господеви».

Духовный диалог в начале своем, в первой фазе, — **не центростремителен, а центробежен** по своим энергетическим токам. «Работать Господеви» — это не стремиться к душевному и физическому комфорту, не носиться с собой как с писаной торбой, а **уходить от себя**, не говорить о себе, а забывать себя — для дела, для труда, для любви, для вслушивания в жизнь.

Только при условии этого «забвения себя», этой трудной работы, мы можем ощутить высший закон над собой. Именно «забывая себя» люди вдруг начинают реально обнаруживать незримые духовные связи, пронизывающие жизнь, — теперь ее глубинные струны звучат уже в их сердце. Не декларируя, не «отслеживая» изменения своего состояния (оно ведь действительно состояние) — человек преодолевает рубеж личной ограниченности, вязкости среды, стереотипных образов времени, культуры, языка — его влечет сила единения с высшим — дух творит новую реальность! Тогда деятельность, как бы проста она ни была, наполняется духовным содержанием, и возникает живое духовное поле, ощущаемое людьми как соборное единство, восхищенность в новое благое бытие, в любовь.

Вот **первая фаза** духовного диалога. Она **экстатическая** (выход, отход от себя): через творческую деятельность человек освобождает свои высшие духовные силы от психологического «пленения». Эта духовная готовность людей быть возделанными и дает возможность Духу Божию «оплодотворить» свое новое духовное поле, стать центром тяготения новой соборной общности.

Так, из духовного диалога возникает живое духовно-педагогическое пространство — онтологический феномен.

Опыт бытования в этом духовно-педагогическом пространстве уникален, он запоминается не как факт обыденной жизни, а как причастность жизни высшей — высшему, приоткрывающемуся нам духовному общению. Это — пребывание в духовной зоне ближайшего развития¹. И дает оно краткий, но реальный личный духовный опыт, опыт благого бытия — со-бытия.

В этой новой реальности наблюдаются закономерности, характерные для любого живого органического целого: новое живое целое дает новые возможности своим членам.

Это **вторая фаза духовного диалога — эксплицитная** (от «expletio» — исполнение, доведение до полноты.) Возникшее из диалога духовно-педагогическое пространство как живое творческое поле активизируется, приводит в движение, воскрешает все творческие силы человека, и пока «молчит всякая плоть человеческая», каждому хоть в какой-то степени удается преодолеть ограничения своего психологического «Я». Индивидуальность же человека при этом не только не угнетается, но, наоборот, расцветает, получает **возможность свершения, восполнения. Человек живет собой высшим**, он становится проводником в еще не явленное, но родное и возможное.

На этом этапе, как видим, процесс духовного диалога меняет свой вектор — теперь он направлен к человеку и **становится актом его внутриличностного бытия.**

¹ О зоне ближайшего развития см. *Выготский Л.С.* Собр. соч. в 2-х т. Т.1. М., 1982. с. 250–252.

Духовно-педагогическое пространство как творческое целое пробуждает в человеке **живое чувство правды**, дает **новый язык, как путь уподобления этой правде**. Теперь внутреннее пространство личности создается и насыщается ее деятельным словом. Чувство правды становится **новым центром тяготения** и начинает определять приоритеты: что является основополагающим и центральным, что — периферийным и частным. Так «духовная вселенная» человека получает новый ОБРАЗ, который какое-то время, как некий начальный «логос», будет хранить границы этого «святого святых» личности, удерживать его в целостности обращенностью к высшим истинам, к сущностному центру жизни.

Этот эффект нам многократно приходилось наблюдать и в группах развития детей, и в творческих группах взрослых. В пространстве духовного диалога каждый вдруг обретал глубинную духовную интуицию и начинал расти, развиваться, приобретать личностное своеобразие и своим, все больше и больше открывающимся ему путем двигаться не к союзу-слиянию с друзьями, а к единению с его настоящим Пробразом. «Благословен Грядый во имя Господне!»

Духовно-педагогическое пространство действительно обладает могучей созидательной силой, оно действительно становится благодатным полем личностного развития даже для тех, кто вначале был закрыт и не готов понести груз незавершенности.

ХУДОЖЕСТВО ПУТИ

1. Педагогический процесс: не технология, но искусство
2. Содержание образования: «Искать Бога!»
3. Задачи, средства, методы: «Кто не собирает со Мной, тот расточает»
4. Этика православного педагога. Заповеди отрицания

1. Педагогический процесс: не технология, но искусство

«Область Педагога — практика, а не теория; не обучение, а нравственное улучшение» — так еще во II веке сформулировал цель педагогической деятельности великий учитель Церкви Климент Александрийский в своем сочинении «Педагог»¹.

Это положение кажется нам бесспорным. Педагогика Благостия только в живом учебно-воспитательном процессе может стать действенной силой, нужной ребенку. Любой же процесс складывается из многих компонентов, потому мы должны выявить, в чем особенности организации педагогического процесса духовно ориентированной школы. И прежде всего зададим себе вопрос: как мы понимаем сам этот процесс?

Мы живем в век господства технологий. Индустриальное общество все процессы внутри себя стремится сделать технологичными. Технологичность не только определяет рентабельность того или иного проекта, она вообще задает некий новый тип производственных и общественных отношений. Технология регламентирует не только процессы производства, их средства и способы, но и отношения делателя и заказчика, да и сами потребности в тех или иных продуктах.

Современные технологии сложны; они разрабатываются с учетом психологических типов личности, особенностей взаимодействия больших коллективов и малых

групп и даже включают в себя способны урегулирования возможных конфликтов. Без преувеличения можно сказать, что конец ушедшего века был ознаменован вторжением технологий во все доколе заповедные области жизни, как то: сознание (общественное и массовое), интимные отношения полов, творческие процессы всех областей и уровней. Возникло огромное количество так называемых гуманитарных технологий, которые призваны регулировать не только личностные и общественные отношения, но и внутриличностные, а попросту говоря — дают инструментарий к управлению людьми.

Массовая школа, существующая внутри нашего технологизированного общества, не избежала его влияний, она также стала учиться осознать свою деятельность как особую технологию воспитания.

Технология, заявляют психологи, является палочкой-выручалочкой для людей нетворческого склада, которые не приучены мыслить системно и не готовы к встрече с новыми впечатлениями и вопросами жизни. Технология, говорят руководители, страхует от неудач, гарантирует устойчивый средний уровень в достижении поставленных задач.

Возникновение проблем в той или иной области свидетельствует для сегодняшних «профи» лишь о неточно выбранной технологии. Возникает своеобразная «вера в технологию» как в спасительную возможность наладить, отрегулировать, задать рамки нашей, такой импульсивной и неподдающейся никакому регламенту жизни.

Совершенствование технологий того или иного производственного процесса становится главной заботой общества, и вопрос целей, то есть, **что**, собственно говоря, и **зачем**, для **чего** делаем — как-то отходит на второй план. Технология выдвигает на первое место культуру самого процесса как самодостаточный акт деятельности.

Таким образом, цели деятельности волей-неволей отчуждаются от тех, кто непосредственно занимается их реализацией. Еще шаг — и человек вообще перестанет задумываться над своими действиями. Дело кем-то запущено, а мы

¹ *Климент Александрийский. Педагог. М. 1996, с.29.*

— лишь исполнители: нашли себе нишу в этой работающей, дающей заказы и вознаграждающей за их исполнение системе — зачем обременять себя ответственностью за содеянное?!

Сегодняшнее общественное производство предлагает человеку роль квалифицированного подрядчика, субподрядчика; заказчика же, то есть того, кто определил и поставил цели, как-то не видно; да никто и не ищет...

Отчуждение человека с его волей, желаниями, интуицией от целей его же деятельности ведет к атрофии личностного начала в человеке, **самопрограммированию его сознания**, и как следствие — к омертвлению всего общественного бытия.

Приемлемо ли это для христианина? Нет. Общественное пространство понимается Церковью как живое поле деятельности, как поприще ответственного служения Богу и людям, поэтому отчуждение целей деятельности от самого процесса, дела никак невозможно. Наоборот, духовное понимание жизни диктует — в процессе любой деятельности постоянно уточнять цели: не впали ли в своеволие, не заменили ли Высшую волю своим хотением?

Христианство исключает бездумность; православный педагог не может принять всеобщую технологизацию как стиль жизни, он — не исполнитель, а художник. Он стремится в самом процессе деятельности корректировать — как того требуют обстоятельства — цели, задачи, уточнять методы, средства, которые в едином пространстве диалога **становятся искусством совместного пути**. Вот какой путь предлагает педагогика Благовестия: **НЕ ТЕХНОЛОГИЯ, НО ИСКУССТВО**.

Искусство как путь следования за Христом, как путь честного служения, решение многочисленных задач, которые выдвигает жизнь, сопоставление своих действий с образами, запечатленными в Евангелии, и постоянное глубинное отрицание греха, порока, который стремится овладеть нашим сердцем и затмить в нас образ грядущего человека, человека — друга Божия.

Искусство не стремится к властвованию и отстаиванию своих принципов и планов, в нем нет никакого юрисдикции, никаких «идеологических направляющих»; оно — молитвенное вопрошание, вслушивание в жизнь: в ритмы, звуки, образы. Сплетаясь в живую ткань, эти знаки открывают внимающему образ истинного бытия, к которому начинает неудержимо стремиться его сердце, стремиться и любить — и готово идти за него в бой.

Искусство живо не отражением нашей однообразно цветистой, обжигающей болью жизни, не служением долгу; оно всегда — «сердца гор?!» Всегда не то, что есть, а то, что может быть! Нельзя не вспомнить здесь слова русского литератора XVIII века Владимира Тредиаковского: «Поэтический вымысел по разуму бывает так, как вещь могла и должна была быть!»

Искусство для педагога есть соработничество Богу, сотворчество, участие в созидании детской личности, выявление дарований и предоставление каждому путей для деятельности, для проб.

Искусство знает два главных метода, которые рожают великое множество форм: **диалог и уподобление**. Первый — встреча с жизнью. Сначала с природой, с другим человеком, с искусством и через него — со своим временем. Затем как бы сама собой приходит встреча с «надвременным», ибо «невидимое...через рассматривание творений» делается видимым (см. Рим.1.20). Диалог дает возможность почувствовать то, что лежит за границами нашего «Я», слышать его — а это уже начало участия, выход за границы нашей самости.

Второй метод — **уподобление**; он открывает форму и «механизм» этого участия в другом. Мы узнаем здесь любовь, которая учит выявлению высших подобий в разных сущностях и формах.

Искусство начинается с вопрошания, с диалога и движется путем уподобления, взаимопроникновения, любви — к рождению образа. Искусство: и живопись, и литература — любое художественное творчество развивается по

этим законам. Педагогика также должна быть отнесена к искусству, но не к искусству управления человеком, а к **искусству его пробуждения, вдохновения.**

Если воспитание понимать вслед за святителем Иоанном Златоустом как «образование сердца», то совершается оно тогда, когда ребенок осмысливает высокую способность своего сердца — любить и готов следовать этим путем **«единения в высшем»**. Но нельзя не сказать, что вступив на этот путь, человек начинает испытывать такие тяготы, несет такие поношения от мира, что большинство, не задумываясь, сворачивают с него. Так было всегда и везде. Вот свидетельство неизвестного средневекового поэта:

«В холщовом мешке на усталой спине
Несу я любовь через горы крутые.
И все говорят, что поклажу мою
В тяжелом пути мне придется бросить.
Но если исполню я этот совет,
Последние силы меня покинут»¹.

Какую глубокую тайну жизни знает этот поэт! Любовь — наша честь и наша сила, но как защитить ее от мира, да и от нас, увязающих сердцем в топких болотах жизни?

Путь художества есть путь защиты любви.

Поэтому православному педагогу, воспитателю нет нужды погребать сердце ученика под нормативными актами поведения, чтобы не иссушить «святой колодец», бьющий в глубине души каждого человека. Нужно, наоборот, учить ребенка хранить этот Божий родник: разбирать, раскапывать постоянные завалы, которые устраивает жизнь. Уж если против чего и воюет мир, так это против любви, жертвенности, отваги, терпения, нежности. Учить любить и защищать любовь — вот дело педагога — учить отличать ее от пошлого потребительства, от разврата собственничес-

¹ Стихи неизвестного корейского автора. Песня над озером. Лирика средневековой Кореи. М.: Наука. С. 110.

кого обладания, от эгоистической удовлетворенности и наслаждения. Растить **любовь как способность к высшему художеству жизни.**

Ну как тут не вспомнить поэзию апостола Павла:

«Если я говорю языками человеческими
и ангельскими, а любви не имею,
то я — медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны,
и имею всякое познание и всю веру,
так что могу и горы переставлять,
а не имею любви, — то я ничто.

И если я раздам все имение мое
и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею,
нет мне в том никакой пользы». (1 Коринфянам 13,1-3).

Художество педагога рождает художество ученика, который начинает мыслить и творить свою жизнь не по требованию внешних обстоятельств, а по священному закону сердца, по любви, завещанной ему Богом.

Но педагог должен знать, что любовь сердца должна быть «проверена» любовью Божией, питаться от Высшего духа. Можно воспользоваться здесь определением замечательного христианского педагога XX века Иосифа Гессена. В своей книге «Основы педагогики» он вводит понятие цели-задания, которое человек должен обрести, чтобы постоянно сверять свои внутренние порывы, стремления с Промыслом Божиим¹, дабы не уклониться с путей истинных в пути своеволия.

Обретая цель, получаем реальное задание и движемся к новому образу: и образу жизни, и своему собственному. Но образ — не образец. Образ Христа дан, образ личный — задан; задан, как путь жизни, как наши труды. Нельзя приобрести какой-то образ иначе, чем в процессе реальной

¹ Гессен И.С. Основы педагогики. Педагогика как прикладная философия. М., 1998. С. 45.

жизни, при реальных обстоятельствах, нельзя образ специально себе усвоить. Отсюда становится ясен **смысл** всего учебно-воспитательного процесса: он — **в совместном опыте учителя и ученика, в их со-бытии**. Именно совместный опыт должен привить ребенку вкус к святости как к праведным трудам во славу Божию — «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом!» Подготовить детей к самостоятельной духовной жизни — это значит **привязать сердце к заповедям Божиим**, научить его различать знаки Божией любви и, вместе с тем, **научить дерзновению**, неотступности в следовании путем этой открывающейся с каждым шагом любви.

Наш первый тезис касался самого отношения к педагогическому процессу как к живой среде общения педагога и ученика, теперь остановимся на составляющих этого процесса. Их две: содержательная и методологическая.

2. Содержание образования: «Искать Бога!»

1. ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ — ОБРАЗНОЕ БОГОСЛОВИЕ.

Традиционно в духовной школе большое значение придается богословию, то есть правильному усвоению духовных понятий. Отсюда расширение содержания христианского образования за счет специальных предметов: Закон Божий, Нравственное Богословие, Литургика, Священная история Ветхого и Нового Заветов, История Церкви и т. д. Это породило особую педагогическую иллюзию, что богословие, то есть христианское знание, есть основа христианского образования и воспитания.

Интересны в этом контексте слова православного педагога и психолога протоиерея В.В. Зеньковского. В середине 50-х годов он писал: «Мы стоим на пороге создания церковной школы — в подлинном и серьезном смысле этого слова... Ее суть в том, чтобы школа была внутренне пронизана религиозным началом, чтобы она по духу своему вела детей к Церкви, а не уводила от нее, чтобы она укрепляла и развивала религиозные запросы детей, а не убивала и не коверкала их. Религиозная сфера имеет центральное

значение в иерархии душевных сил человека, и нет никакой психологической необходимости для питания религиозной сферы давать много чисто религиозного материала. Все, решительно все в школе и жизни может питать и углублять наши религиозные силы, — это всецело зависит от того, какой дух царит в школе... Школа может вести детей к Богу не тем, как и что будет говорить она о Боге, а тем, куда духовно устремит она движение души ребенка, чем зажжет и воодушевит детские сердца»¹.

Действительно, христианские понятия сами по себе не рожают веру. Вера рождается в человеке как дар Божий и открывает ему пути духовного опыта. Без этого личного духовного опыта, его постоянного роста богословские знания становятся идеологией, то есть системой внешних императивов, правил должного поведения и... поучения других. Идеология по сути своей всегда противоположна искусству! Хотим мы или нет, знания сами как бы подталкивают ребенка к оперированию ими.

Христианское же знание есть продукт опыта Церкви, личного духовного опыта ее подвижников. Для нас он — не материал исследования и манипуляций, а образы множественных путей следования за Христом. Это диктует новый подход к богословским знаниям в школе.

Не нормативное, не систематическое, а **ОБРАЗНОЕ БОГОСЛОВИЕ** должно стать теоретической частью содержания православного образования. Примечательно, что Епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) так и назвал свой духовный дневник — «Евангельские образы». Именно под таким названием и была напечатана эта рукопись в «Богословских трудах» в 80-е годы. Когда же в наши дни ее издали отдельной книгой, название изменили на «Толкование на Евангелие от Марка», видимо, желая угодить новому строгому читателю, который Евангелие не столько хочет читать, сколько... изучать.

¹ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М. 1993. С. 168.

Образное богословие — это живая жизнь Церкви, отражающаяся, прежде всего, в литургической поэзии, которая вся, до самого малого тропаря, построена по законам образной художественно-поэтической речи. Образное богословие — это и икона, фреска, и сам образ православного храма, которые запечатлеваются в сознании человека и сопровождают его на протяжении всей его жизни.

Богослужebные тексты, также как и древние образцы иконописи и храмовых росписей, нельзя считать только историческими памятниками христианской культуры; они также акты образного богословия, то есть свидетельства веры. И здесь икона не просто умозрение в красках, как она была названа князем Евгением Трубецким¹, она — живое искусство, которое являет нам сердечное опытное знание.

Школьное богословие как система христианских знаний-понятий и появилась у нас поздно, и распространение имела очень узкое. Вера в Древней Руси была не словами, не рассуждением, а переживанием, личной причастностью, вера была сама жизнь.

Поэтому и нам в нашей педагогической практике надо стремиться к тому, чтобы переживание сопутствовало, а может быть, и предшествовало знанию. Это совсем не означает, что систематическое богословие должно быть исключено из школьной программы. Догматическое определение — это кристаллическая решетка, содержащая «сухое вещество» мудрости. Оно может быть воспринято как откровение только тогда, когда уже идут личные умственные изыскания, горят в сердце вопросы, ищутся ответы на всех уровнях житейской, культурной, философской мудрости, когда образное богословие уже вовлекло человека в событие с тем или иным фактом Священного Предания.

Если же богословские определения даются до опыта, до поиска, они, как правило, оказываются не актуальными для сегодняшней жизни человека и могут быть для него

¹ Кн. Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. М.: ИнфоАрт. 1991. С. 3.

только «духовной грамматикой», которую просто надо вызубрить — потом, говорят, пригодится.

Но, как известно, родной грамматике должна предшествовать родная речь. Если богословие мы действительно считаем знанием, необходимым для человека, то ему должен предшествовать личный опыт. Апостол Павел, обращаясь к первым христианам, говорит: «Вы... сограждане святым и свои Богу» (Еф. 2, 19). Только через личный духовный опыт, а не через знание об опыте других, приобщается человек к опыту Церкви, входит в семью святых. Богословские знания до личного опыта: опыта наблюдения, чувствования, переживания жизни — не образуют сердца, а ложатся тяжелой ношей на плечи идущего. Поэтому мерой содержания образования в духовной школе мы предлагаем считать личный опыт ребенка.

2. ЛИЧНЫЙ ОПЫТ — ПЕРВАЯ ШКОЛА

Здесь хочется привести слова известного американского педагога и богослова Констанции Тарасар. «Мы можем по-разному подойти к содержанию религиозного образования. Оно может означать преподавание Священного Писания, богословия и других «религиозных предметов»; воспитание определенных взглядов и нравственности, необходимых для членов Церкви; создание возможностей для религиозной жизни в школе.

Христианское религиозное образование может включать все эти аспекты, но задачи его значительно шире. Христианское образование должно вводить человека в новое видение и образ жизни. Оно должно быть сконцентрировано на личности и личных отношениях, а не на «предметах» и «законах». Одним словом, оно имеет дело с Жизнью: жизнью, данной нам Богом, и жизнью как нашим общением в Нем»¹.

¹ Тарасар К. Православное образование в исторической перспективе. К пониманию культурного контекста православного образования. Лекция, прочитанная в Томской семинарии. 1995 г. Гл.1.

Действительно, спросим себя: что вносит ребенок в наше педагогическое пространство? Свой маленький, но горячий жизненный опыт, живость своих непосредственных впечатлений от увиденного, услышанного. Его опыт составляет для него первую и самую близкую реальность. Она убедительна, так как всегда ощутима. Слово учителя, если оно никак не сопряжено с опытом ребенка, как бы образно и живо оно ни было, отступает перед физическим ощущением и эмоциональным переживанием ребенка и теряет свою силу.

Но каждый христианин понимает, что никакой опыт не случаен, а промыслителен. Опыт ребенка нужно не просто уважать и учитывать в педагогическом процессе — учитель должен понимать, что именно в этой реальности живого опыта происходит встреча ребенка с силами жизни и борьба с ними. Школьная среда всегда останется только тренировочной площадкой, истинный бой развернется за порогом школы.

Поэтому для духовно ориентированной школы, которая целью своей считает подготовку человека к духовной жизни, к той невидимой брани, которая его ожидает, личный опыт ребенка — это самая важная и живая часть учебного процесса.

Живая, но сокровенная. **Личный опыт нельзя сделать публичным**, он дан конкретному человеку и является частью его внутренней жизни. Но пользу опыт может принести только тогда, когда он будет осмыслен. Вот этому-то осмыслению своего опыта и надо учить детей.

Это требует учительского такта и... особого методологического решения. Мы поняли, что высшие истины Откровения, как ослепительные горные вершины, не могут быть введены в пространство реальной жизни ребенка, они должны стать «фоном», дальним планом, уходящей в небо перспективой. Собственно, любой наш поступок мы можем по-настоящему увидеть только тогда, когда будем рассматривать его на правильно выбранном фоне, в контексте живого Предания. Если фон выбран произвольно или, что ху-

же, специально, тогда человек попросту ничего не видит и вводит себя в заблуждение относительно своих дел, возможностей и вообще своей жизни. Выбор фона во многом определяет нравственное сознание человека. Правильный фон — первая встреча с собой.

Образное богословие помогает ребенку «выткать» золотой фон Священного Предания; а дело учителя — научить его рассматривать свою жизнь, дела, мысли и чувства на этом горящем, вечном фоне. Для этого педагог, пребывая с ребенком в одном пространстве, должен стремиться в каждый момент времени соотносить все сказанное с духовным опытом Церкви; все, что входит в поле общего зрения и действия — с фактами Священного Предания, как бы «выходящими» навстречу фактам жизни.

На первом плане, безусловно, должна быть сегодняшняя жизнь. Разбор же событий, свидетелем которых стал или может стать ребенок, сопоставление их с фактами Священной и общечеловеческой истории и культуры приобретает форму **христианского комментария**.

Сегодняшнее время заставляет педагогов не только благовествовать о жизни Спасителя, свидетельствовать о святых, но бок о бок с ребенком двигаться по нашей — его — жизни, пояснять все, что он видит, слышит, «раздвигать» границы детского впечатления, соединять личные переживания ребенка с духовным опытом человечества. Тогда-то и просыпается духовная интуиция ребенка, а его совесть начинает ощущать опору под собой. Но, помним: вся Библия и все вдохновляющие образы подвижников **должны не заучиваться, а помогать детям жить сейчас**, жить в свободе и полноте личного выбора и труда.

Христианский комментарий, создающий живой фон вечности — неотъемлемая часть содержания образования духовной школы. Он учит детей в обстоятельствах своей жизни искать путей Божиих — искать Бога! — и через это вводит ребенка в жизнь Священного Предания Церкви.

Примечательно, что именно эти слова: «Найдите Бога!» — произносил наш великий художник Исаак Левитан, выводя своих учеников на этюды¹.

И мы должны научить детей этому искусству пути, только тогда жизненный опыт ребенка будет преобразовываться в опыт духовный.

3. Ступенька в небо.

Третий, может быть, самый значимый компонент, определяющий содержание православного образования, оказывается тесно связанным и с богословием, и с личным опытом ребенка. Мы говорим о молитве.

«Люблю я молиться в храме Божиим! — пишет св. Иоанн Кронштадтский. — В молитве покаяния и умиления спадают с души моей терния, узы страстей, и мне становится так легко: все обаяние, вся прелесть страстей исчезают, я как бы умираю для мира, и мир для меня со всеми благами: я оживаю в Боге и для Бога и весь им проникаюсь и бываю един дух с Ним: я делаюсь как дитя, утешаемое на коленях матери: сердце мое тогда полно пренебесного, сладкого мира, просвещается светом небесным: все светло видишь, на все смотришь правильно, ко всему чувствую дружество и любовь. О, как блаженна душа с Богом!..

Какое богатство духа человеческого! Только помысли он сердечно о Боге, только пожелай сердечного соединения с Богом, и Он сейчас с тобою...

Не обращай внимания на омрачения, огонь и тесноту вражью во время совершения молитвы, и твердо положишь сердцем на самые слова молитвы, с уверенностью, что в них сокрыты сокровища Духа Святого: истина, свет, животворящий огонь, прощение грехов, покой и радость сердца, живот и блаженство.

¹ И.И.Левитан. Письма. Документы. Воспоминания. Под ред. А. Федорова-Давыдова. М.: Искусство. 1956. С.229.

Прекрасны наши молитвы! Мы привыкли к ним, но вообразим себе, что мы в первый раз их слышим, поставим себя на место иностранцев»¹.

Волей судьбы многие из нас и оказались на месте иностранцев. Мы узнаем текст молитв и поражаемся их мудрости, образности. Они входят в нашу жизнь как свидетельство былой мощи человеческого духа. Но как соотносить их с нашей сегодняшней суетной, жестко регламентированной жизнью? Где в ней место молитве? И как научить ей детей?

По сути, христианское образование отличается от светского на эту вот «величину молитвы». Христианин на самом деле живет в двух пространствах. Он действительно имеет двойное «подданство»: будучи гражданином своей земной родины, он имеет также Отечество на небесах. И молитва — время молитвы — это время пребывания именно в том высшем, истинном Отечестве. Стало быть, мы не можем помыслить само содержание христианского образования без молитвы.

Но молитва — это и слова, и сердечное действие, и общее словесное служение, общее дело. И если внутренняя жизнь личности должна быть сокровенной, то есть педагог не должен стремиться к «организации» сердечного действия, то слова молитвы, бесспорно, могут быть на каком-то этапе тем драгоценным материалом, который можно и необходимо разбирать и пояснять на уроке.

Церковнославянский язык, на котором совершается богослужение в нашей Церкви, отличен от русского во многих грамматических формах, это-то отличие и будет стимулировать изучение текста, постижение смысла. Славянский, как праязык, менее пластичен в окончаниях, более многозначен в корнях, чем русский. Одним и тем же словом в нем может быть названо и явление, как процесс, и тот, кто явился. «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...» (тропарь Рождества Христова). «Рождество»

¹ См. св. Иоанн Кронштадтский. «Моя жизнь во Христе». Ницца, 1928. С. 72–73.

— явление, пришествие Христа; «Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о восстании Рождества Твоего» (ирмос 9 песни Канона Пасхи). «Рождество» — одно из Имен Спасителя.

Такие более крупные формы языка, «модули», учат детей связыванию явлений, их причин, следствий, а также их участников в один «корневой куст». В процессе дальнейшего развития языка это начальное единство, как мы знаем, дифференцировалось: понятия обрели свои личные грамматические формы; теперь только по корням можно найти общность происхождения.

Славянский же эту исконную общность хранит, возвращая нас к древнему единству смыслов. Это прекрасная профилактика против буквалистского, рационального чтения, которое так мешает правильному пониманию Библии.

Кроме того, важен разбор самого текста молитв, они — высокая поэзия Церкви. Это не эпическая героика земли и времени, не романтизированная песня влюбленного сердца — но слово Духа, в притчах, метафорах, образах говорящего о вечном. Это слово трудное, оно выходит навстречу нам без игры, без шутки — в царственных порфирах свидетеля Откровения. Такое слово научает уже своей интонацией, и прежде чем ребенок постигается смысл, сердце его наполняется мужественными, грозно правдивыми образами, в которых сплетены воедино начала и тайны мира дольного и Горнего.

Конечно, духовное постижение молитв, как постоянное откровение о вышних силах, о путях Божественного Домостроительства, и о наших сокровенных переживаниях, будет происходить всю жизнь, но как хорошо, если первая встреча с покаянным словом, со славословием, с прощением состоится в детстве! Школа действительно может начать процесс погружения в слово и тем способствовать рождению личной молитвы у ребенка.

Молитва не ритуал, а предстояние. Слова ее являются ступеньками в небо. Какие-то ступеньки мы видим ясно, какие-то просто ощущаем, как твердыню под ногами, а в не-

которые моменты вообще слова как бы отходят на второй план перед сердечным чувством. Поэтому школа не должна здесь быть буквалистски рационалистичной — нельзя связывать глубину молитвы как сердечного действия только с пониманием слов. Тайна молитвенного пути, видимо, может быть соотнесена с мерой чистоты сердца и его устремленностью, способностью к концентрации внимания.

Молитва — дар. Мы не можем рассчитывать на дары, в этом тоже есть некая нечистота совести. Но педагогу важно раскрыть необходимость и естественность молитвы для нашего духа, если такое словосочетание вообще возможно. Естественность, а не исключительность. Это положение надо пояснить.

Молитву часто преподносят детям как высший подвиг жизни. Звать на подвиг — это значит, звать к тому, что в жизни является редкостью, что для обычного человека трудно, почти невозможно. Но молитва — возможна для нас. Возможна и необходима, это естественная часть жизни каждого человека, потому что каждый имеет внутри себя престол Божий, называемый духом; он-то и стоит молитвой¹.

Да, высота молитвенного горения святых — это действительно подвиг. Он восхищает и страшит. Но если педагог будет давать только такой образ молитвы, он невольно «подрезет крылья» ребятам, умалит дерзновение честных учеников. Они должны знать, что и наши малые дары тоже могут быть приняты Богом.

Надо помнить, что путь к молитве лежит через каждодневную привычку молиться. Слово «привычка» и буднично, и совсем не возвышенно, но оно отражает необходимое начальное условие всякой духовной жизни.

Приучение детей к молитве — это приручение чувств, приучение их затихать перед словом. Со временем возникает ощущение близости Божией и ребенок начинает понимать и помнить, что он всегда ходит «пред Лицом Божиим». Тогда уже не только время стояния перед образами дома и время молитвы в храме, но все время жизни оказы-

вается «сшито молитвой». Она «всплывает» в сознании как духовное эхо на все события жизни, в паузе между дел, в ожидании встречи. Тогда-то и начинает ощущаться ребенком реальность этого второго духовно-словесного пространства нашей жизни; но, не будем лукавить — до него пути... лет десять. Сегодня же педагог работает на веру в молитву.

Итак, введение в молитву — новая содержательная часть нашего образования, часть не созерцательная, а деятельная. Молитва одна может сформировать личность ребенка, воспитать его чувства, укрепить волю и развить ум. Священная теснота молитвы — те узкие врата, за которыми простор истинной духовной радости.

Задачи, средства, методы:

«Кто не собирает со Мной, тот расточает»

1. ИЕРАРХИЗАЦИЯ КАК НАЧАЛО ДУХОВНОГО ВОСПИТАНИЯ

Любому искусству чужд хаос. И педагогическое искусство также может быть охарактеризовано как некий строй, лад. Чтобы возникла гармония, в созвучиях не должно быть фальши. Педагогика Благовестия начинается с разделения временного и вечного, сущностного и случайного, потребного и развращающего. Духовное образование потребует от педагога прежде всего умения установить правильную иерархию ценностей, выявить приоритеты. Иерархизация — это и задача, и средство, и метод духовного воспитания.

Прежде всего педагогу придется пересмотреть всю систему социо-культурных идеалов, регламентирующих нашу общественную жизнь. Мы уже говорили о том, что многое из этого наследия окажется нам не просто не нужным, а вредным. Но педагог должен знать, от какого наследства он сознательно отказывается и во имя чего. Иерархизация общественных ценностей должна быть им произведена во имя человека! Он, конечно же, был и остается самым ценным, что есть в мире.

Мало того, не устанем повторять, что человек больше мира, в котором он живет; у него есть дух, который незримо связан с Богом. Внутренний духовный мир человека —

главное сокровище вселенной. Но ребенок об этом даже не догадывается. Внешняя среда и внутреннее пространство выступают сейчас как два противоположных начала. Педагогу придется защищать внутренний мир ребенка от нашествия внешнего и его самого учить этой защите.

Разделение внутреннего и внешнего, иерархия духовного и плотского — это выявление истинной ценностной системы координат. Оно подобно строительству Ноева ковчега; правда, потоп уже начался, льет, хлещет со всех сторон, строительство внутреннего мира ребенка идет среди уже изрядно разбушевавшейся стихии. Но стоит ли роптать?

«Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир...»¹

Собеседование с Богом — вот какую чудную форму может принять наша внутренняя жизнь! — слышать слова Божии и вторить им всем своим существом! Но как этому научиться?

Иерархизация должна коснуться не только внешнего мира и места человека в нем, педагогу придется **восстанавливать иерархию внутриличностного мира ребенка**: не иерархию его потребностей, а иерархию возможностей. Последнее является самым важным.

И первым, ценнейшим сокровищем, словом-камнем в фундаменте личности должны лежать десять заповедей Моисеевых. Незыблемой опорой сердцу была эта **твердыня нравственного закона**, питающая совесть человечества на протяжении многих и многих веков. Недаром великий философ Кант изрек: «Чтобы жить, нужно звездное небо над головой и нравственный закон во мне!» Возврат к этим священным правилам жизни, к этим открытым людям «Божиим нормам», не вызывает внутреннего протеста ни в ком. Но

¹ Тютчев Ф. И. Цицерон // Стихотворения. Письма. М.: Художественная литература, 1957. С. 70.

педагог должен понимать, что эти вечные нормы уж очень противоречат сегодняшнему образу и личной, и общественной жизни. Поэтому признавать-то их сердцем признают почти все, но **отважиться по ним жить** — могут немногие. Дети остро чувствуют и переживают это противоречие между приятием истины на словах и отказом от нее в жизни.

Педагог не должен здесь смущаться: противоречие между абсолютной истиной заповедей и реальными трудами человеческой жизни — закон нашего падшего мира. «Знаю, — пишет апостол Павел, — что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу.

Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7, 18-19).

Как раз выявление этого разрыва между глубинным сердечным устремлением и желанием плотских удовольствий и ставит человека перед выбором: будет ли он рабом своего тела или станет служить духу.

Иерархия внутреннего и внешнего, по сути, это уже начало духовной брани. Надо помнить, что даже осмысленный выбор внутреннего как главного не сразу станет органичным, придется помучиться, изживая многочисленные привычки жизни внешней.

И здесь уже не только педагог — помощник ребенку, но вся Церковь: в священной войне за свою душу ребенок никогда не останется один. Но и мы, учителя, воспитатели, можем ему послужить. Чем?

Прежде всего — **вдохновением!** Ведь ребенок не знает, что до него этим путем духовных битв шли многие. Прочитаем и разберем вместе с ним ну хотя бы слова молитвы к Пресвятой Богородице Петра Студийского:

*Вси бо, Владычице моя Богородице,
яко отнюд имам в ненависти злая моя дела
и вси мыслию люблю закон Бога моего;
но не вем, Госпоже Пречистая,
откуда яже ненавижду, та и люблю,*

*а благая преступаю;
не попускай, Пречистая, воли моеи совершатися,
не угодна бо есть,
но да будет воля Сына Твоего и Бога моего:
да мя спасет, и вразумит,
и подаст благодать Святаго Духа,
да бых аз отгеше престал сквернодейства,
и прочее помяну бых в поклении Сына Твоего...*

Лучше конечно, разбирать славянский текст, он отделен от обыденной речи ребенка, это другой язык, и привлекать он будет не только высотой и правильностью понятий, но и особостью своих грамматических форм: «**ИМАМ В НЕНАВИСТИ ЗАЛА МОЯ ДЕЛА**», «**ЯЖЕ НЕНАВИЖДУ, ТА И ЛЮБЛЮ**», «**ДА БЫХ АЗ ОТГЕШЕ ПРЕСТАЛ СКВЕРНОДЕЙСТВА**» и пр. Педагог удивится: всего один раз перевели эти словосочетания для понимания, а дети уже повторяют их по-славянски, да с какой легкостью и радостью!

Молитва — наш первый «меч духовный», без нее радости ни стяжать! Поэтому **всякую нравственную нагрузку будем укоренять в молитве**. Но сначала лучше не заучивать текст, что называется, «от зубов», а разбирать небольшие отрывки, словосочетания — запоминание придет само, со временем.

Надо сказать, что для сегодняшней школы работа с молитвой еще очень непривычна, нова — ей придется учиться, но есть для вдохновения детей другие, давно освоенные нашими учителями средства и методы. Это те героические образы из произведений литературы и искусства, вдохновляющие примеры чести, доблести, терпения, труда, и конечно же, любви, верности, которые есть в нашей культуре. Обсуждение стихотворения, рассказа, спектакля, фильма могут так зажечь ребенка, что душа его полетит вслед за этим «живым» примером — и невозможное вчера окажется возможным завтра. Ведь ребенок учится не только на своем опыте, высота подвига другого человека вселяет в него бодрость, мобилизует силы.

Собственно, весь художественный арсенал советской школьной программы и был подобран так, чтобы вдохновлять на борьбу — человек предстал перед нами в своем высшем достоинстве, и общественном, и внутреннем: в пространстве совести и долга.

Сегодняшнему педагогу духовной школы этот материал, конечно же, послужит, надо будет только убрать идеологическую компоненту советского времени и, где можно, расставить дополнительные, духовные, акценты — база же есть. Она может быть расширена, обогащена духовным материалом, но отказываться от нее нельзя.

Учителю здесь важно не впасть вместе с каким-нибудь ревностным культурологом в огульный обскурантизм, в отрицание всего, что не имеет зримой, удостоверенной авторитетным лицом принадлежности к Православию. Сущностным ориентиром нам здесь должен быть евангельский дух, дух любви к человеку, а не буква катехизиса. Важна внутренняя чистота произведения, соотносимость всего его строя с духовными ценностями личности, и конечно же, его художественная цельность, так как только она убедительна.

Хочется предостеречь педагогов от новой конъюнктуры. Столько возникло новых «православных писателей и поэтов», что самое время читать... Пушкина и Тютчева. Напомним здесь слова Р.М.Рильке: «Произведение искусства хорошо тогда, когда оно создано по внутренней необходимости. В этом особом происхождении заключен и весь приговор о нем»¹. Стало быть, когда написано, снято, изображено по заказу или «послушанию» или еще по какой причине, то перед нами — фальсификация искусства, а проще — подделка. Не может она послужить человеку, стать песней для сердца, думой для ума, бодрящей шуткой и вообще — посохом в пути. Вот истинное назначение искусства — увеличительное стекло, чудо-зеркало. Без него как увидишь жизнь, себя, будущее, возможное?..

¹ Рильке Р.М. Письма к молодому поэту. Новые стихотворения. М.: Наука, 1977. С. 328.

Так что берем в первую очередь классику и соотносим ее с возрастом и актуальностью для детей. Иногда придется что-то сокращать, но само произведение должно быть подлинным, живым словом.

Проблема, мы предвидим, возникнет не с произведениями, а с методологией их разбора. Что тут сказать? Ищущий — найдет! Прежде всего, надо возвращаться к дореволюционной неполитической, а философской критике: В.Соловьев, В.Розанов, К. Леонтьев, прот. Г. Флоровский, Д.Мережковский и пр. Кроме того, весь «серебряный век» не только писал сам, но — учил себя читать, так что заглядываем в их последние тома: Блок, Мандельштам, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Ходасевич... Кроме того, золотые россыпи методологии искусства есть у всех великих писателей и художников — ищем везде, где есть правда и нет ангажированности, чтобы не «впасть нам в разбойники» и избежать новой «партийной организации и партийной литературы»¹. Верными проводниками тут могут быть и великие филологи, свидетели русской революции: М. Бахтин и А. Потебня².

Пока же идет работа накопления, выявления новой духовной методологии искусства, педагогу можно предложить пользоваться главным его орудием — своим сердцем, опытом и нашей программной классикой. Недостаток знания и вкуса не так страшен, как инквизиторские отряды новых идеологов-растлителей.

2. СТОРОЖЕВАЯ СЛУЖБА: «ДА НЕ ЗВЕРУЛОВЛЕН БУДУ»

Надо сказать, что кроме воспитания положительным примером через высокие образы, вдохновляющие детей, поддерживающие их дерзновение, педагогу придется нести и сторожевую службу: он должен будет рассказать и показать

¹ Одноименная статья В.Ленина, которая стала основой культурной политики партии большевиков.

² Вопрос методологии искусства для нас очень важен, надеемся осветить его в отдельной работе, так как материал по этой теме накоплен, и немалый.

ребенку сети, которыми враг рода человеческого хочет уловить его. Тут, конечно, важно, «где» находится сам педагог: насколько ему самому уже удалось выпутаться из силков мира и насколько он ощутил возможность новой, духовной жизни.

И не надо бояться отрицательного опыта — он необходим. Но хорошо, если он не будет слишком ранним — избежать же его не удастся никому. Поэтому в период осмысленного отрочества педагог должен обнажить перед учеником наступательный арсенал мира, сорвать привлекательные маски с химер, свидетельствовать подмену, дабы не был наш отрок дезориентирован и «звероуловлен».

Эта работа отрицания также потребует иерархизации, но только обратной, выявляющей более и более изощренные средства и способы поработить человека его же страстями.

Педагогу придется говорить о новом отношении к слову, которое принято в нашем информационном пространстве, в массовой культуре. Средства массовой информации выработали новый стиль общения со зрителем, читателем и слушателем. В двух словах его можно было бы сформулировать так: «**Говоря — не говори!**» Действительно, при обилии информации мы ничего по существу не знаем и оказываемся абсолютно дезинформированными по многим вопросам, так как, во-первых, не знаем величин, а во-вторых, связей.

Выделим некоторые **приемы глубинной психологии**, использующиеся сегодня средствами массовой информации.

1. **Увеличение скорости** при подаче информации, отсутствие пауз для **слушательской и зрительской реакции** и тем самым — **отсечение переживания**.

2. **Смещение центра** при описании события: акцентирование незначимого, частного, замалчивание сущностного.

3. **Смещение разнородностей**: разновеликой, разномасштабной, значимой и не значимой в общественном смысле информации.

Все это создает в головах слушателей, зрителей хаос, «гремучую смесь» неосмысленных фактов, мнений, идей,

рождает иллюзию причастности, но, в общем-то, не ориентирует человека ни в историческом, ни в общественном, ни, тем более, в духовном пространстве. Как-то сама собой теряется способность к целостному восприятию жизни, исчезает продуктивность мышления — все утопает в хаотических поверхностных эмоциональных реакциях-отзвуках. Не образы, какие-то шумы времени съедают ум, волю и чувства современного человека.

У православного педагога в связи с этим возникают вполне четкие задачи — разработка мер защиты, противостояния, которые позволят сохранить в детях саму способность к восприятию события в его подлинном виде.

1. **Скорость подачи материала** должна соответствовать возрастным и психологическим возможностям ребенка. При организации любого педагогического действия необходимо сохранять живую реакцию детей, учитывать время уяснения и переживания.

2. **Акцентировать центр**, подчеркивать сущность любой предлагаемой информации; показывать связи частей и целого. Предлагать детям самим обнаружить главное в том или ином событии.

3. Выстраивать впечатления по степени сущностной значимости, приучать к иерархизации. Только чувствование внутренней структуры явления способно породить интуицию — это глубинное ощущение целостности и связанности всякого предмета, события и процесса¹. Поэтому подачу любого материала надо начинать со значимого, видового и родового, а заканчивать частным, исключительным².

То есть готовим ребенка не к потреблению всевозможной информации, не к играм с ней, а к целостному виде-

¹ Лосский Н.О. Органическое и неорганическое миропонимание. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995. С.307-308.

² См. *Вертгеймер Макс*. Продуктивное мышление. Заключение. Динамика и логика продуктивного мышления. М. Прогресс. 1987.

нию, пониманию явлений и процессов, протекающих вокруг, к созерцанию бытия — чтобы вырасти ему в работника Божия, деятельно ответственного за жизнь.

Наверное, всем понятно, что эта установка не может осуществиться сама. Чтобы она не стала голой декларацией, педагогу придется **все время бороться с ложью** во всех ее проявлениях и учить этому своих учеников.

Как-то в эпоху «гласности» один мудрый историк старой московской школы загадал своим ученикам загадку: «Как одновременно сказать правду и не говорить правды?» Один мальчик сообразил: «Сказать **не всю** правду!»

А разве мы можем знать всю правду? — возникает вопрос. Ответ найдем у Владимира Ильина, тонкого и честного русского философа и филолога XX века. «Важно отличать ложность от лживости, — пишет он во введении к своей книге «Шесть дней творения», и уточняет: — Ложность является на почве заблуждений и недоразумений, имеющих своим источником ограниченность и извращенность познавательных сил человека. Ложные суждения возникают в силу недостаточности материала, его несогласованности, противоречивости, а также в трактовке данной темы — от философского недомыслия. Но там, где налицо имеются злонамеренные искажения и где действует моральная дефективность, сказывающаяся в сознательном извращении истины, в нарочитом притяжении заведомой лжи, — там мы усматриваем лживость. Лживые суждения вообще возникают на почве субъективно-психологического пристрастия к излюбленным, произвольно принятым взглядам»¹.

Следует добавить, что лживость часто возникает и от нежелания узнать правду, от стремления к комфортному состоянию полужнания, полупонимания. Она — та слепота, которая не ощущается самим человеком, но делает его удобным и управляемым членом общества, а не свободной личностью.

¹ Ильин В.Н. Шесть дней творения. Изд. Белорусского Экзархата: Харвест. 2006. С. 4.

Ученикам старшего возраста педагог обязан будет рассказать ученикам о **деформации нашего общественного пространства**, которая сделала его токсичным. При бесконечных разговорах о свободе реальная свобода действий, творчества исчезает, как шагреновая кожа — человеку предлагается стать участником той или иной корпорации, так как общественные отношения принимают форму корпоративных, партнерских. А уж тут свободу личности не отстоять — придется играть в команде.

Игра вообще становится формой жизни современного человека. Нам настойчиво предлагается не жить, а играть различные роли, принимать тот или иной образ и вести себя соответственно этому образу, стилю, имиджу — а не согласно природе, характеру, воспитанию и обстоятельствам. Образы могут быть выбраны по желанию и по желанию же меняться, здесь относительная свобода — но лицо показывать становится все более и более неприличным.

А ведь это — необъявленная война Божественному Промыслу, который ведет человека путями жизни, призывая его прежде всего к делам, а не к деланному поведению и виду. Человек имеет в себе частицу непреходящего, абсолютного бытия; в процессе реальной жизни, труда, борьбы приобретает он свой подлинный образ — тот, который Господь открывает в нем. Предлагая надеть на себя маску, мир уводит нас от возложенных на нас трудов по преобразению реальной косной природы, частью которой мы являемся.

Да, человек больше мира: живая душа имеет духовные силы не просто противостоять молоху хаотично-механистических связей естественной и неестественной социальной жизни, но вознести своими трудами природу до... освобождения. Поэтому, уступая требованиям мира, мы губим мир; не было ли разве нам поручено хранить и возделывать рай?! Сегодня мир, превратившийся нашим грехом и ленью в тернии и волчцы, воюет против нас, ополчая внешнее на внутреннее.

Если педагог не противодействует этому, не выстраивает вместе с учениками иерархию подлинных духовных

ценностей, указанных нам в Откровении, дети очень быстро оказываются убежденными в ложных, а точнее, лживых понятиях, которые становятся их системой координат. А иерархия ценностей, установившихся в отрочестве, приводит за собой первую иерархию потребностей. Если не будут заложены, не возникнут хотя бы в самом зачаточном виде потребности высокие: жажда творческой деятельности, желание служения людям, благоговение перед святынями — сформируются и все собой «потопят» потребности низменные: потребления, удовольствия, праздности. Время отрочества коротко, в юность человек хочет войти со сложившимися взглядами, ему даже не так важно, насколько они истинны, лишь бы они были и создавали тот самый образ-имидж-стиль, который является пропуском в молодежную среду.

Итак, выстраивание иерархии, выявление приоритетов, как мы показали, становится в духовно ориентированной школе не целью, а методологической основой организации всего педагогического процесса.

4. ЭТИКА ПРАВОСЛАВНОГО ПЕДАГОГА.

ЗАПОВЕДИ ОТРИЦАНИЯ

Как мы говорили ранее, педагогика Благовестия приводит с собой новую **педагогическую этику**¹ — этику духовного диалога, этику со-бытия. Иерархизация же основных компонентов учебного процесса, которую мы описали, также имеет, помимо методологического, еще и этическое значение — она призвана **охранять духовную свободу** человека, свободу его восприятия, его мысли, его чувств. И на первое место, учитывая контекст сегодняшней жизни, учителем должны быть поставлены заповеди отрицания. Вот они.

1. Не бороться с индивидуальностью ребенка!

Внутреннее пространство человека, его мир, нельзя отождествлять со структурой его личности. Первое принадлежит духовному миру, второе — психологическая харак-

¹ См. статью «Наша школа, наш ребенок», п. 8. «Педагогика благовестия». Наст. изд.

теристика индивида. Внутренний человек — это, собственно, и есть «Я», тот, который стремится к Богу, жаждет войти в тайны Царства. Давая дорогу этому внутреннему человеку, мы обретаем крепость духовную, и из человека земного, плотского становимся уже здесь, на земле, людьми будущего века. Но при этом не воюем со своей индивидуальностью, не отрицаем, а преобразуем ее, как высшее творение Божие. Строгий человек может стать суровым, строгим подвижником, кроткий — принять образ кроткой святости, но оба могут «работать Господу».

2. Среди отрицательных заповедей одной из самых неукоснительных для нас является **запрет на манипуляцию сознанием**. Сейчас весь мир, кажется, активно обратился к этому виду психологической помощи как к средству обретения душевного равновесия и «духовного благополучия». Иногда эта форма управления человеком маскируется в одежды милосердия, пытается оправдаться неспособностью самого человека понять, что ему надо, что лучше, что полезней.

Нейро-лингвистическое программирование (НЛП) как **форма целевого общения с человеком** может ставить задачи, на первый взгляд кажущиеся альтруистически-возвышенными: помощь в борьбе с вредными привычками, освобождение от никотиновой, алкогольной, а иногда и наркотической зависимости, обретение радостного мироощущения и пр. Но все эти «дары», надо признаться, будут принесены уже не свободному, но «убитому» духовным насилием человеку: знамена победы над страстями становятся здесь надгробной плитой над пребывающей в летаргическом сне личностью.

3. Третья отрицательная заповедь может быть выражена так: для христианского педагога **неприемлем безлично официальный, формальный подход**. Духовная школа и жизнь тесно связаны, более того, школа для ребенка является входом в самостоятельную жизнь. Формализм педагога отнимает у ребенка доверие к жизни, к движущим ее духовным силам, «засушивает» его сердце и незаметно воспи-

тывает двуличие. Формальный подход не просто затормозит, а разрушает подлинный глубинный учебно-воспитательный процесс, подменяя его внешними действиями изучения материала.

Педагогу духовной школы нельзя прятаться ни за инструкцию, ни «за благословение», ни «за послушание», он должен готовить себя к личному диалогу с ребенком, к со-бытию.

Четвертая заповедь отрицания многим может показаться невыполнимой — Не оценивай своего дела! Не суди учеников!

Как можно не оценивать! Как же тогда узнать продуктивность нашей педагогической деятельности? Качество обучения действительно можно проверить и оценить: получил ли ребенок знания, освоил ли операцию, приобрел ли навык... Здесь **оценка показывает не только то, что сделано, но больше — что упущено**, что надо наверстывать, повторять. Система контроля нужна и для корректировки самого процесса обучения, так как любой план в реальной педагогической практике потребует изменения, уточнения. Но все это касается обучения, приобретения определенных знаний, технических навыков и пр.

Духовное же воспитание — повторим Златоуста — **процесс образования сердца**. Как его оценить, не нарушив сокровенности духовной жизни ребенка? А как дать оценку внутренней целостности личности, степени ее свершенности, развитости? Каким мерилom удастся измерить духовный рост? И что самое главное — надо ли привлекать внимание самого ребенка к этому сомнительному делу духовной рефлексии?

Здесь, как нам кажется, следует обратиться к святоотеческой традиции. Подлинным мерилom образования сердца, а стало быть, и критерием христианского воспитания, может считаться **ЧУВСТВО СЕРДЕЧНОЙ ЧИСТОТЫ**. Именно чувство сердечной чистоты может стать детям проводником и в жизни внешней, и в лабиринтах их личных переживаний.

Оно не связано напрямую с богословским знанием, оно есть **интуитивное разумение хриstopослушного сердца**. Не законопослушного, а именно **БОГОПОСЛУШНОГО**.

Но жизнь сердца сокровенна, и должна оставаться такой. У каждого она течет по-своему. Воспитание сердца не удастся оценить в школьных категориях. Поэтому-то в духовно ориентированной педагогике **качество образования**, как нам кажется, **нужно измерять верным направлением и длиной пути**; учитель должен жить не табелем, а трудом и упованием.

Наверное, список заповедей отрицания можно было бы продолжить, мы перечислили лишь то, что сегодня «кричит» о себе. Остальное в Кодекс охраны детства пусть допишет учитель.

Итак, **сегодняшняя духовная педагогика** стремится стать Благовестием и рождает новую педагогическую практику. Само отношение к учебно-воспитательному процессу меняется: он понимается не как педагогическая технология, а как искусство со-бытия.

Содержание образования в этом духовно-педагогическом пространстве сопрягает образное богословие с личным опытом ребенка.

Методологической основой школы становится духовный диалог, средства и методы которого направлены на выявление духовных приоритетов и выстраивание иерархичной системы ценностей.

Педагогика Благовестия предлагает учителю новую этику, охраняющую внутренний мир ребенка, свободу его личностного роста.

Вот на каком высокогорном плато несет свою службу православный педагог. Сон душевного благополучия да не поразит нас!

ОБОСНОВАНИЕ ПРОГРАММЫ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» Духовное воспитание и развитие детей 7-9 лет

1. Психолого-педагогические принципы курса
2. О материале, на котором строится учебный процесс
3. Наше занятие. Методика длинного урока
4. О структуре всего курса

1. Психолого-педагогические принципы курса

Наша программа «Лето Господне» — это православная воспитательная индивидуально ориентированная программа **со-бытия** с ребенком.

Понятийные программы, как показало время и практика, не могут полностью выполнить задач христианского воспитания. Отсюда и родилась программа «бытийственная», то есть стремящаяся к совместному действию, совместному переживанию, со-бытию с ребенком.

Наша цель — православное воспитание ребенка, активизация его творческого личностного начала, развитие диалоговой способности его сознания. Речь здесь идет не о способности к общению, не о коммуникабельности, а об особом способе бытия, благоговейном диалоге личности с жизнью, которая понимается нами как поприще Божественного Промысла.

Это не бытовой, а трансцендентный диалог, который способен возникнуть только в живом духовно-педагогическом пространстве.

Педагогическая среда¹, как реальная сеть психологических связей, есть часть педагогического пространства, которое, прежде всего, может быть охарактеризовано как **духовное поле совместной деятельности**, включающее и

¹ См. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. Собр. соч. т. 2.

внешнюю социально-психологическую атмосферу коллектива (среду), и внутренний духовный мир каждого¹.

Мы поняли, что сегодня **главным методом христианского воспитания является вдохновение**. Надо вдохнуть силы Церкви в ребенка, поднять его с одра «расслабленного возбуждения», к которому он приковыван сегодняшней массовой культурой, вдохновить на жизнь, на терпение, на труд, на принятие Царства.

Сознавая себя подразделением дополнительного образования, мы **стремились дополнить картину жизни**, которая раскрывается перед ребенком в школе, дома, в социальной действительности. Дополнить — это не значит увеличить объем узнаваемой информации. Дополнить — это прежде всего связать все знания воедино, соединить их с личным опытом ребенка, дать границы и ориентиры настоящему, прошлому и будущему в свете христианского Откровения.

Принцип комментария дает возможность педагогу акцентировать духовные начала жизни, привлекать внимание детей к сущностному, часто скрытому от глаз. Духовное раздвигает границы нравственного, являет его исток и переносит нас из среды с ее явленными и должными связями в пространство сущностного, потребного, благодатного, и вместе с тем, и возможного.

Итак, реальное содержание нашей программы мы обретаем в диалоге ребенка и взрослого, который откликается на все детские вопросы и нужды. Комментарий во время занятий приобретает различные формы и становится первым показателем мастерства и педагогической зрелости учителя.

2. Материал, на котором строится учебный процесс

Комментарий к жизни, разбор острых ситуаций, нравственных поступков лучше всего делать на **«нейтральном ма-**

¹ О взаимосвязи пространства и среды см. Священник. П. Флоренский. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс. 1993.

териале» культуры, щадя самолюбие и не затрагивая ничьих личных мотивов.

В педагогическом аспекте культура может быть представлена как совокупность связей и отношений: природы и человека, искусства и человека, человека и общества, и наконец, выходящие за рамки культуры отношения человека и Бога.

Что же избиралось для нашей программы?

Первенствующую роль играли **произведения духовной культуры**, а точнее, шедевры древнерусского искусства. Являясь уникальной частью художественной культуры Руси, эти духовные сокровища свидетельствуют о глубине веры народа. Храмы, иконы, фрески, преимущественно древние (до XVII века), дают детям почувствовать Святую Русь, наследниками которой они являются, сами того не зная. Храм вводит их в новую вселенную, в радостное чудо единения земли и неба. Образы древнерусской живописи учат духовному переживанию священных событий, открывают язык точного образного богословия Церкви.

Духовная культура представлена в нашей программе и **духовным словом** — это книги **Священного Писания** (Евангелие, Апостол, фрагменты из Ветхого Завета). Орывки из них часто читаются или пересказываются на занятиях.

Главной же структурной опорой наших занятий являются церковные праздники, которые совершенно по-особому организуют время нашей жизни и задают новую систему координат всему учебному процессу.

Компонент духовной культуры был в нашей программе постоянным, но не единственным. На нем одном нельзя выстроить диалог с ребенком, так как материал этот является для детей очень высоким и требует большого напряжения их душевных сил. Нужды реальной жизни детей лежат, как правило, в нравственно-эмоциональном поле, которое отражается не в духовной, а в мировой художественной культуре. Поэтому наша программа вобрала в себя и **произведения мировой художественной культуры** (литера-

туры, изобразительного искусства, ландшафтной архитектуры, музыки и пр.)

Из всего корпуса мирового культурного наследия мы отбирали произведения, которые, во-первых, остались за бортом школьной программы, во-вторых, являются актуальными для внутреннего мира сегодняшних детей, развивают их способности восприятия, сопереживания, деятельностного участия в жизни. В-третьих, материалы для обсуждения и разбора должны нести заряд нравственной чистоты, и, наконец, быть безусловно **высокохудожественными**. Ничто пошлое, низкопробное, но тематически подходящее, не может быть предметом обсуждения с детьми.

Работа с детьми показала, что, как это ни парадоксально, сегодня им катастрофически **не хватает настоящих драматических переживаний**, в которых отражалась бы борьба добра и зла. Наша массовая кино- и телепродукция научилась щекотать нервы, но не дает настоящей пищи сердечному чувству ребенка, не учит пониманию реальных человеческих отношений, их развитию. Массовая культура вообще ориентирована не на переживание, а на развлечение, на отвлечение от жизни, на забвение ее. Искусство здесь перестает выполнять свою функцию в обществе — свидетельствовать о том, где мы находимся, быть зеркалом нашей души, и тем самым подвигать нас к борьбе за свой человеческий облик, за образ Божий внутри нас.

Сохранить в детях этот «посошок» настоящего высокого искусства, как помощника в пути жизни, — необходимо. Так же, как необходимо научить их отвергать пошлые, липкие, разрушительно-развращающие образы-вампиры, стремящиеся ворваться в святая святых нашей души.

Но сделать это не просто. Чтобы выработать иммунитет против дурных образцов, нужно приучить к хорошим. Гете говорил, что до 14 лет ребенку нужно стараться показывать только положительные образы и образцы культуры, чтобы произошло срастание отроческой души с ними как с родными и должными. Тогда чувство красоты и чистоты при встрече с произведениями уродливыми, лживыми или

просто развращающими будет внутренним обличителем и стражем — породит брезгливость и отторжение, что и является признаком иммунитета к низкому¹.

Нам, конечно же, не удастся до такого возраста, о котором говорил Гете, уберечь детей от дурных образов в жизни и в искусстве. Но учить противостоять натиску развращающего безобразия надо. Эти образы-химеры — убийцы чувств, они рождают в человеке обжигающе острые ощущения и тем самым лишают его свободы восприятия, не дают ничего правдиво почувствовать, увидеть, понять...

А ведь ребенок растет и учится — сопереживая, отождествляя себя то с одним героем, то с другим. С кем же ему себя отождествлять в фильмах ужасов?! С садистами-палачами? С изощренно истязаемыми жертвами²? Фильм смотрится вроде бы отвлеченно, но не может не делать своего «черного» дела — растит бесчувствие и прививает вкус к жестокости.

Неспособность переживать — болезнь сегодняшнего общества. Но в прошлом эта «болезнь» души и сердца тоже, видимо, была известна. Так, в молитве свт. Иоанна Златоуста есть такие слова: «избави мя... окамененного нечувствия»³. Человек существо целостное: наши чувства — свидетели и внешнего, и нашего внутреннего мира. Они — наши слуги. А слуги должны быть воспитаны и знать свое место. Жизнь подсказывает, что **воспитание чувств должно стать одной из неотъемлемых составляющих духовного воспитания.**

Решая эту педагогическую задачу, мы ввели в нашу программу произведения, которые обычно «проходят» в старшем возрасте. Это были стихи позднего Пушкина: «Утопленник», «Золото и Булат», многие стихотворения из «Песен западных славян», образцы западной балладной классики: Шиллер, Байрон, Гейне. Результат нас удивил:

¹ См. Гете И.В. Поэзия и правда. Собр. Соч. Т. 3. С. 108.

² См. Кудряшова М.И. Черная культура. М. 1998.

³ Молитва св. Иоанна Златоуста по числу часов дня и ночи.

дети не только, что называется, «поняли материал», но и горячо откликнулись на него; их внутренняя эмоциональная готовность была столь велика, что порой возникал вопрос — как же она не «разорвала» их изнутри, будучи не востребованной?!

Особенно удачно этот материал «пошел» на втором году обучения. Но и в первый год, программу которого мы сегодня представляем, чтение серьезных стихов вызывало неизменное воодушевление.

Так выявился новый принцип отбора материала для уроков — **принцип увеличенного драматического переживания.** Школа чувств становилась школой нравственности.

Но не только нравственные задачи решает искусство — первая его функция, конечно, эстетическая: оно учит переживанию прекрасного. **Воспитание поэтического чувства** кажется нам самой главной задачей предмета литературы. Поэзия для человечества — это уроки красоты и свободы.

Вспомним слова Хуана Рамона Хименеса, лауреата Нобелевской премии 1956 года: «Стало расхожим мнение, что поэзия расслабляет, что это удел мечтателей, а не мощное проявление жизни. Но самые мощные страны всегда славились самой утонченной поэзией. Мощные народы знали всегда и знают сегодня, что поэзия, достигшая вершины, ведет в народ: чувство тем долговечней, чем оно естественней, чем оно ближе к народному. Нет, поэзия не расслабляет. Слабость не в душевной глубине, а в поверхностном лоске, не в тонкости, а в изворотливости. Мы слабы, когда слабеет в нас поэзия жизни»¹.

И нашему школьнику поэзия также необходима. Она учит его свободе переживания, отношения, развивает способность мыслить образами, а не словами. Образ же запоминается, влечет к себе и учит тайне подобия — уподобления.

Развитие образного мышления готовит человека к встрече с библейскими и церковными образами, уникаль-

¹ Антология «Поэты, лауреаты Нобелевской премии». М.: Панорама. 1997. с. 198.

ной богослужебной поэзией, иносказательным текстом пророков, приточным языком поучений и повествований. «Поэзия — первое небо!» — говорит Цветаева. Вот мы, осваивая наше духовно педагогическое пространство, и взбираемся вместе с детьми на это первое небо ...

В диалоговой педагогике реальное творчество учителя начинается с подбора материала для разговора с детьми: чем захотим поделиться? что любим? что осилим, наконец. Решают дело личный вкус педагога и его готовность к встрече... с новым. Да, да! Не стоит ограничивать себя тем, что вы давно и хорошо знаете; ведущим станет тот учитель, который развивается, растет сам и вовлекает в этот личностный рост детей.

В общем, материалом для урока может быть все, что по силам учителю, с помощью чего он сможет организовать духовно-педагогическое пространство диалога.

3. Наше занятие. Методика длинного урока.

Как добиться продуктивности учебного процесса? Как сделать урок не только занимательным, но действенным, то есть способным реально влиять на формирование внутреннего мира учащихся, на развитие их интеллектуальных способностей, эмоциональной сферы?

Всякий ли новый материал срастается с личным опытом ребенка, и что может этому способствовать? И, наконец, всегда ли на уроке возникает то духовно-педагогическое пространство, о котором мы здесь столько говорим, — то «общее духовное кровообращение» между учителем и учеником и между самими учениками, которое может быть названо «со-бытием»?

Даже отобрав интересный, актуальный для детей материал, мы оказываемся перед вопросом — как выстроить урок, какую форму должен принять тот христианский комментарий, который мы считаем истинным содержанием нашего духовно ориентированного образования.

Надо понимать, что поиск формы урока идет столько лет, сколько существуют классные занятия. На протяже-

нии же трех последних десятилетий советская и теперь уже российская педагогика была во многом обновлена за счет творчества, так называемых, педагогов-новаторов¹. Диалоговая педагогика опирается на опыт этих учителей-подвижников, лежащий в рамках **деятельностного подхода общей и педагогической психологии Л. С. Выгодского, С. Л. Рубинштейна²**, и их последователей. Урок в этой системе понимается не только как школа приобретения учебных навыков и пространство живого общения, но и как **совместное активное творческое действие учителя и учеников**.

Духовно ориентированная школа, стремясь к активизации внутренней, а в след за ней, и внешней разумной активности ребенка, также полагает опыт совместной деятельности в основу своего диалога.

Что же это за деятельность? Как и кем она задается на уроке? И как связана со всем материалом и темой урока?

Виды учебной деятельности, как известно, бывают самые разные: чтение, письмо, сочинение, рисование, лепка, клейка, физкультурные упражнения, застольные и подвижные игры, пение, танцы, пластическое движение. И совместная трапеца — педагогическое действие, и экскурсия, и целевая прогулка, и совместный труд — да все, что можно делать вместе с ребенком, может стать импровизационным педагогическим действием.

Диалог-со-бытие — это не столько разговоры с детьми, сколько, бытие с ними, а значит, совместное действие, и в процессе этого действия — комментарий ко всему, что вызовет вопрос ребенка. Собственно, это принцип не школы, а самой жизни.

¹ См. Сборник статей об опыте педагогов-новаторов. Педагогический поиск. М.: Педагогика. 1987.

² 1) *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М. 1991. Психология личности Тексты. М. 1982. 2) *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии М.1976., Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М. 1957.

Еще один важный момент. Ориентируя учителя на диалог, мы ориентируем его на «приближение» к ученику, на встречу с ним, участие в нем. Но **участие не должно стать оккупацией** — мы должны сохранить внутреннюю жизнь и того, и другого сокровенной. Духовная встреча должна не утонуть во встрече настроений, индивидуальных вкусов, пристрастий и пр. От себя надо защищать, да и самим учителям хорошо хоть на время забыть о себе. Лучше всего это удается, когда увлечешься каким-нибудь действием.

Собственно, деятельностный подход к развитию личности хорошо известен¹. Притушив социальный оптимизм некоторых его положений, мы получим верного союзника. Приведем для убедительности цитату. «Лишь в границах деятельности определенного субъекта, — пишет В.П. Иванов, — любые реальности — действительные и воображаемые — выстраиваются в смысловой ряд, в иерархию ценностей, в актуальный жизненный мир, запечатлевающий неповторимость судьбы этого субъекта»².

Итак, если задача духовно ориентированной школы — выстраивание иерархии ценностей, активизация внутренней жизни личности — то можно только порадоваться тому, что пути к этому уже открыты и можно воспользоваться опытом предшественников. Нам остается только применить этот арсенал на практике — то есть найти, как новое учебное действие ввести в урок, и какое — когда?

Мы решили эту задачу через **создание учебной педагогической ситуации, подобной жизни**.

Учебная педагогическая ситуация — это **смоделированная игра**, ставящая ребенка в центр познаваемого фак-

¹ См. 1) *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. 1975, 2) *Мясищев В.Н.* Структура личности и отношение человека к действительности. // Доклады на совещании по вопросам психологии личности. М. АПН. 1956. 3) *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М. 1991 и др.

² *Иванов В.П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев. 1977. С. 201.

та, события, в положение делателя. Чтобы понять, почувствовать, принять какое-то новое знание, нужна активность. Один путь пробуждения активности — сократическая беседа, она, как правило, предшествует действию; другой — само игровое действие.

Собственно, сократическая беседа — это первый этап учебного действия — **действие словесное**. Начинаем просто: рассказали о каком-то предмете, явлении, обратили внимание на его общее назначение и — развиваем сказанное, пытаемся понять, как оно «живет», то есть как связано с другими явлениями и процессами жизни. Это лежит за границей опыта ребенка, но в это можно поиграть: сначала представляем себе все, описываем, как могло бы быть, делаем предположения.

Один ребенок войдет в это словесное действие-игру легко, начнет «по правде» сопоставлять, предполагать; другой — не исключено, что сначала будет испытывать затруднения; третий может начать дурачиться, смеяться, говорить заведомые глупости.

Обратим внимание — мы не стремимся получить никакой единообразной реакции и не осуждаем детей за их слова и действия, которые свидетельствуют об их душевном, физическом и прикровенно — о духовном состоянии. Любая методика, претендующая называться христианской должна, прежде всего, сохранять свободу учащегося. В зависимости от того, что проявляется в ребенке, и надо искать ему место в общем развивающемся действии урока.

Наша педагогика, к сожалению, знает и другие пути: изолировать, устранить, выгнать. Мотивируется это часто тем, что, если, мол, захочет быть со всеми — будет себя хорошо вести. При этом достигается только один положительный результат — охраняется некая мифическая норма поведения, но никакой помощи ребенку в достижении его реальной личной нормы не оказывается. Он остается один на один со своими капризами, привычками и раненой природой. Тут вообще нет никакой педагогики: если ты будешь делать так и так — давай с нами; нет, не умеешь, не хочешь

— оставь нас. Мы невольно подталкиваем ребенка к тому, чтобы он искал место, где его примут таким, какой он есть, или приучаем двуличничать.

Но какая польза может быть от такой «педагогике», если она хотя бы одного ребенка оттолкнет?!

Как же учителю реагировать на эту спровоцированную нами «словесную свободу»? Не строгим оценочным суждением, укрощающим «неподобающее» поведение детей, а — **верой сказанному**, размышлением, примеркой, пробой «на правду»: а что будет, если поступить по-твоему? или принять вот эту точку зрения? Действительно ли все так?

Вот эта-то **установка на правду** и является ключом любой учебной ситуации.

Правильно организованное диалоговое пространство урока, не столько поворачивает нас друг к другу, сколько ставит каждого пред лицом правды. Дети начинают понимать, что любой факт, событие могут быть поняты и осмыслены только на ее фоне. Учитель же не только стоит на страже правды, укорененной в опыте человечества, он должен проложить путь от правды к истине, к свидетельству Откровения, Высшей правды, открывающейся нам в жизни. Это постоянно хранимое им слово, часто даже не будучи произнесенным, обращает каждого внутрь себя, лицом к своей совести...

Учитель же должен, участвуя в общем обсуждении, комментируя все предложения детей, что называется, «держатъ руку на пульсе», то есть следить за активностью класса, за внутренней энергией диалога, чтобы правильно развивать педагогическую ситуацию. Важно не затянуть обсуждение, и словесное действие во время заменить действенным учебным. Так игровой словесный диалог «разрешается» в подходящем для него педагогическом действии: рисунке, клейке, в предложении сочинить вдвоем рассказик в картинках, в пластическом движении: попробовать попрыгать, как утка, вырасти как цветок и пр. То есть предлагаем провести эксперимент, **опыт словесный проверить художеством игры** и тем самым еще приблизиться к правде.

Таким образом, учебная педагогическая ситуация как бы «снимает» ребенка с его места и «запускает» его творческую поисковую активность в направлении того нового материала, который был предложен учителем. Урок же — для полноты осмысления и переживания — течет в двух планах: есть внешнее учебное действие, и есть тот жизненный — бытийственный — факт, который мы познаем и переживаем, «берем» в свой опыт. Повторяем — не мнение ребенка по тому или иному поводу важно нам; важно, чтобы, встретившись с новым понятием, словом, образом, он не просто высказал свою позицию, а попытался войти в нее, прожить и в действии увидеть правду.

Сразу хочется сказать, что слово «проживание» сейчас употребляется часто и в самых различных контекстах. Мы восходим к его корням, и потому считаем, что никакое проживание невозможно без действия. Без действия мы попадаем в «реку» только душевного переживания, которая может закрутить нас в своих эмоциональных водоворотах, а наша цель все-таки — духовная встреча с миром, жизнью, человеком. Действие дает некоторое «заземление», включаются законы искусства: чтобы что-то понять, надо создать подобный образ. Не фантазия тут правит, а правда, правда действия.

Итак, что же у нас получился за урок? Когда мы выстраивали последовательность учебных действий по внутренней педагогической необходимости, пытались **сохранить логику детского переживания** — мы видели, что в предлагаемых временных рамках урока детям реально не хватает времени для переживания узнаваемого. В школе привыкли «подрезать» детские реакции, мысли, чувства.

Что было делать? Не желая жертвовать главным — живым, зародившимся на наших глазах действием поиска, художества, встречи — нам пришлось раздвинуть границы урока. Получился **длинный урок, урок — день**. Сколько он реально длился? Каждый по-разному. Были уроки по длительности соотносимые с нашими сдвоенными, были и строенные. Это не удивит опытного педагога: когда ребенок

занят посильным и интересным делом — он не скучает и не устает. Мало того, так как действие было единым, не возникало нужны в регулярном перерыве — классическим отдыхом была смена действий.

Итак, подытожим. Чтобы реализовать свои психолого-педагогические возможности, длинный урок должен быть грамотно организованным педагогическим действием, которое, в свою очередь, будет состоять из нескольких учебных действий, сменяющих друг друга (ступеней урока). Обычно есть одно-два основных действия и несколько дополнительных, сопрягающих, «сшивающих» собой урок. Но все они должны лежать в рамках заданной учителем педагогической ситуации.

Так, например, учитель планирует, что первым основным действием урока будет разбор с ребятами стихотворения «Утопленник» Пушкина, вторым основным — рисование иллюстраций или делание бумажных сенок из стихотворения. Но он должен не забывать, что и просмотр домашних работ — педагогическое действие, и беседа во время него, и вспомогательные упражнения для рисования человека, и просмотр классных работ — все это дополнительные учебные действиями, которые **необходимы ребенку**.

Так, иногда какой-нибудь дополнительный элемент урока вдруг приобретает такое звучание и резонанс, что по значимости для детей выходит на место основного действия. Здесь педагогу нужно, что называется, «слушать зал» и «не душишь» его запланированным материалом. Можно с откровенностью сказать, что на урок несешь всегда больше, чем успеешь сделать: основные действия, как правило, знаешь, а вот дополнительные будут выбираться на месте, по ходу дела.

Можно здесь говорить и о режиссуре урока, но режиссуре пластичной, импровизационной, имеющей заранее подготовленными лишь опорные точки, а не готовый сценарий.

Теперь, **о планах**. Надо честно сознаться, что осуществить план урока, намеченный дома, почти никогда не удается. Урок — это всегда коллективная импровизация на

заданную учителем тему. Не может быть двух одинаковых живых уроков. Уроки же, где учитель как локомотив стрелится вперед, не чувствуя, поспевают ли за ним его коллеги-дети, — такие уроки вряд ли можно назвать живой формой педагогики. Они — самообман учителя, который неминуемо должен разрешиться в раздражении на детей, которые почему-то... «не успевают, не понимают, и вообще... ничего не хотят».

Может быть, вообще отказаться от плана?

Нет, план урока — это наша домашняя работа, наша подготовка к будущему живому импровизационному учебному действию. Но как оно сложится, с чего начнется, куда потечет — будет зависеть не только от нашего заготовленного материала, но и от того, какими пришли дети на урок, с чем они пришли, что прожили за это время.

Учитель не просто все время следит за аудиторией — он живет с ней и для нее. Нужно ли детям сейчас то, что ты приготовил? Попробуй, пойдет ли, будет ли принято? Если нет — не насилуй детского внимания, ведь ребята не вольны. Много педагогических грехов вытекают из этой неволи детей, не будем их умножать!

Но как же мы можем чувствовать детей на протяжении всего урока? Ведь это же невозможно! Чувствовать другого всегда трудно; только когда любишь кого-то — начинаешь его по-особому чувствовать. Мы не можем призывать «любите детей!», но если понимать урок не как «я их учу и воспитываю», а как со-бытие, как кусочек жизни с детьми, то на эту жизнь даются силы — чуткость к педагогу сама незаметно приходит...

Важно не жертвовать главным, сущностным во имя формального и учиться видеть — успевают ли дети вас понять, успевают ли прожить то, что узнали? Если нет — нужно искать средства для оживления аудитории, «включения» ее творческой активности, а по-нашему — вводить новое педагогическое действие.

В этом-то и заключено искусство живого урока: помочь детям собрать свое внимание, научиться слышать,

чувствовать, видеть, представлять — то есть научиться учиться, а значит, жить.

Способов для этого много — было бы у педагога желание и терпение возиться с залом. Да, да! Именно возиться, то есть слушать общее дыхание группы и соответственно ему — вести корабль урока. Любое занятие — это совместное путешествие, шествие учителя и учеников — совместное действие, а не одиночный забег. Так что здесь мы обречены на тесный союз с детьми и вне него нет и не может быть никакой педагогики.

Грамотное пластичное сопряжении всех учебных действий, основных и дополнительных, дополняющих, является ключом методики длинного урока. Будучи правильно выстроенным, такой урок дает ребенку возможность не прерывать своего личного переживания, а наоборот, углубить его, сделать частью своего осмысленного опыта.

Таковы общие методические принципы нашего понимания урока в диалоговой педагогике — длинного урока, урока-дня.

Теперь несколько слов о **частных методиках**. Установка на деятельностный подход и активизацию творческого потенциала ребенка подвигли нас к серьезным методическим поискам. Были изучены и проанализированы различные развивающие и обучающие методики, использующиеся в живой педагогической практике, а также исторически входящие в курс того или иного предмета (рисование, церковнославянский язык и др). Многие из них удалось приспособить к нашим педагогическим задачам. Но основная часть частных методик, представленных в наших уроках — это **оригинальные авторские разработки**: рисовальные, литературные, пластические, интеллектуально-игровые и пр.

Описание этих частных методик и особенностей их применения мы решили не отрывать от контекста самого занятия, чтобы педагог не только видел, как действует тот или иной прием, но и сам стремился работать не в технологическом режиме, а в открытом сотворчестве с детьми. Ибо живая методика — это просто отклик педагога на внутрен-

нюю необходимость ученика, отклик, разрешающийся в педагогическую ситуацию с конкретным учебным действием сейчас, в эту минуту, необходимым и полезным детям.

Настоящий учитель сам себе методист и всегда — дирижер-импровизатор.

4. О структуре всего курса

Если духовно ориентированная школа поставила перед собой задачу духовного воспитания ребенка и целостного развития его личности, то она должна признать, что ни от общеобразовательной школы с ее стилем учения, ни от домашней и социальной среды изолироваться ей не удастся. Наоборот, педагогический комментарий должен будет охватывать все, что сопутствует жизни ребенка и вызывает у него вопросы. И чем большее пространство станет полем диалога, тем лучше; учебно-воспитательный процесс тогда будет развиваться как **полифоническое многотемное и многопредметное действие**.

Как же должен быть организован учебный материал, чтобы обеспечить его?

Мы искали такой последовательности, такого преемства учебных действий, которое не развлекало бы детей, а поддерживало в них чувство непрерывности нашего учебного диалога, в котором отражается непрерывность самой жизни, всех ее органических процессов.

Но, чтобы не стать утомительным, нудным, непрерывный диалог должен развиваться по законам длительных органических процессов, то есть, по законам... музыки! Он должен переходить в разные планы, менять тональность, скорость — быть гармонической и правдивой импровизацией на тему жизни. Сопряжение различных учебных действий — это всегда импровизация учителя с учетом внутренних требований и возможностей класса.

Замечено, что наибольшая активность детей внутри одного предмета или темы сохраняется в течение нескольких первых занятий, далее, чтобы «включить» ребенка, нужны дополнительные усилия. Поэтому наш полифониче-

ский учебный процесс мы стали строить по принципу **последовательного введения предметов**, а не параллельного, как в обычной школе.

Наша программа складывалась, рождалась из совершенно разных занятий, которые «вырастали» друг из друга и были сопряжены между собой единой воспитательной целью и диалоговой интонацией. Здесь были и разбор литературных произведений, и рассказы о Церкви, о святых, и чтения и обсуждение отрывков из Священного Писания, и педагогическое рисование, и песни, и пластическое движение, и различные игры, и разыгрывание сценок, и, конечно же, чтение стихов, рассказов и разговоры о жизни...

Постоянным связующим основанием программы был **календарный принцип**. Переход от темы к теме, а иногда и от одного учебного действия к другому совершался через обращение к месяцеслову, к календарным праздникам Церкви. Это была та система координат, в которой проходила вся наша учебная жизнь.

При всем разнообразии внутреннего содержания программы: тем, материалов и самих форм занятий — мы видели, что в реальном учебно-воспитательном процессе она срасталась в **целостный интегративный курс**. В нем на удивление пластично сопрягались воспитательные и образовательные принципы диалоговой педагогики.

Как же мы оцениваем свой опыт? Мы видели, что дети бегут на занятия, а не с занятий, что они не устают и помнят практически все, о чем говорили. Нас радовала их сообразительность, были и попытки «связывания явлений» — начало системного мышления. Кроме того, в учебно-педагогической ситуации знания и навыки приобретались как бы сами собой и не давали пищи для гордости. Наоборот, мы были свидетелями, как росла терпимость ребят друг к другу, а с ней расцветало и нравственное чувство, которое здесь было не привнесенной нормой поведения, а опытом со-бытия.

Но, пожалуй, самым важным, что так вдохновляло нас, была растущая духовная интуиция детей, удивляю-

щее, глубокое и тонкое чувствование ими высших законов бытия и возникающее отсюда доверие к Богу. Вера у детей начинается с доверия, а не с заученности, которая рождает лишь холодность и отчужденность.

Озабоченные правильным развитием и одновременно духовным воспитанием детей, мы имели возможность убедиться в правоте высказывания Л.С. Выготского «Личность развивается как целое»¹. Условием же такого развития, которое не разрывает сознание ребенка, а растит его, как нам стало понятно, является сохранение личной свободы. Это мы и стремились делать.

Наблюдения за детьми, незаметные зондовые проверки и тесты в ходе занятий давали основания считать наш опыт успешным и вдохновляли развивать его. Впрочем, представляя уроки, мы даем возможность судить читателю самому.

Вот основные разделы нашей программы, занятия здесь охарактеризованы кратко: по тематике и по одному виду учебной деятельности.

Разделы программы «Лето Господне»

1. Путь к храму
 - 1 — Мое имя и мой дом. (Игра «Знакомство»)
 - 2 — Мой путь. (Восстанови целое. Упражнение «Реставратор»)
 - 3 — Крест — символ спасения. В день Воздвижения Креста Господня. (Рисование улицы с храмом)
2. Слова и Слово
 - 4 — От слова к предложению. (Слушаем и сочиняем)
 - 5 — Бог Слово. (Рисуем композицию «Спас Нерукотворный»)
 - 6 — Образ слова и образ мира. (Коллективный рисунок «Океан — море синее»)

¹ *Выготский Л.С.* Психология личности. Тексты. М.1982. Цит. По Психология личности. Самара. Изд. Дом «Бахрах».1999. Т.2. С. 160.

3. ГОРОД И ХРАМ

7 — Слайд-фильм «Храмы Святой Руси». (Рисование храма по памяти)

8 — Экскурсия в Кремль

9 — Уголок Кремля. (Изготовление бумажного макета)

4. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПУТЬ

10 — Поступок. (Разбор стихотворения «Утопленник» А.С.Пушкина).

11 -Человек и его судьба. (Разбор стихотворения «Песнь о вещем Олеге»)

5. ЯЗЫК СИМВОЛОВ

12— Гербы русских городов. (Рисование и сочинение гербов)

13 -Герб и монета. (Рисование монет)

14 -Религиозные символы на монетах

15— Цена и ценность. Лепта Пилата. Клады. (Рисование глиняного горшка)

6. ПРАВДА И КРИВДА

16 — Быль и небылица. (Разбор стихотворения А.С.Пушкина «Вурдалак»)

17— Правда, Кривда и Человек. (Сочиняем сказки и рисуем их)

18 — Сила и Слава. («Золото и булат» А.С.Пушкина, «Благовещение Пресвятой Богородицы»)

7. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

19 — От Благовещения — к Рождеству Христову. (Композиция иконы)

20 — Детский рождественский утренник «С нами Бог!»

21— Слайд-фильм «От Рождества— к Крещению». (Рисование композиции «Крещение»)

22 — Образ и Подobie. (Натурное рисование человека)

23 — Труды и плоды. (Парное рисование плодов)

8. Подвиг и ПОДВИЖНИКИ

24 — Герои своего времени. (Лента времени. Стихо-

творение М.Ю. Лермонтова «Бородино». Праздник «Сретенье Господне»)

25 — Испытание послушанием.(Работа с открытками «Воинские доспехи»)

26 — Невидимая брань. (Рисование композиций иконы «Св. Георгий Победоносец»)

9. Жить — Служить

27 -От видения к ведению. (Чтение вдвоем. Иллюстрации к прочитанному)

28 — Весне навстречу! (Сочинение и рисование вдвоем)

10. К ГОРНЕМУ ГРАДУ

29— Земля как сад. («Замки Луары». Рисование)

30 -Дом в саду. (Рисование лучшего места на земле)

31 -Воскрешение в жизнь земную. (Рисование композиций «Воскрешение Лазаря»)

32 — В Великую Субботу. (На богослужении в храме)

11. И ДРУГ ДРУГА ОБЫМЕМ

33 — В Светлую субботу. Слайд-фильм «И друг друга обьемем». (Рисование композиции из слайд-фильма).

34 — Кто мой ближний? (Рисование человека).

35 — День Победы. «Душу свою за други своя». (Рисование фронтовых открыток).

12. ЯЗЫК НАШЕЙ ЦЕРКВИ

36 — Рождение алфавита. («Найди незнакомую букву»).

37 — Буквы и буквицы.(Чтение, письмо, перевод).

38 — От слова к образу. (Рисование композиции «Успение Пресвятой Богородицы»).

Все уроки, которые представлены в книге, были проведены с группой детей 7-8 лет. Это были внеклассные занятия в системе дополнительного образования, в читальном зале библиотеки им Достоевского в Москве.

Параллельно мы вели занятия в нескольких других группах разных возрастов и иногда использовали один и тот же материал. Никогда он не организовывался одинако-

во, не рождал однотипных уроков — каждая детская группа вбирала его и страдалась с ним по-своему.

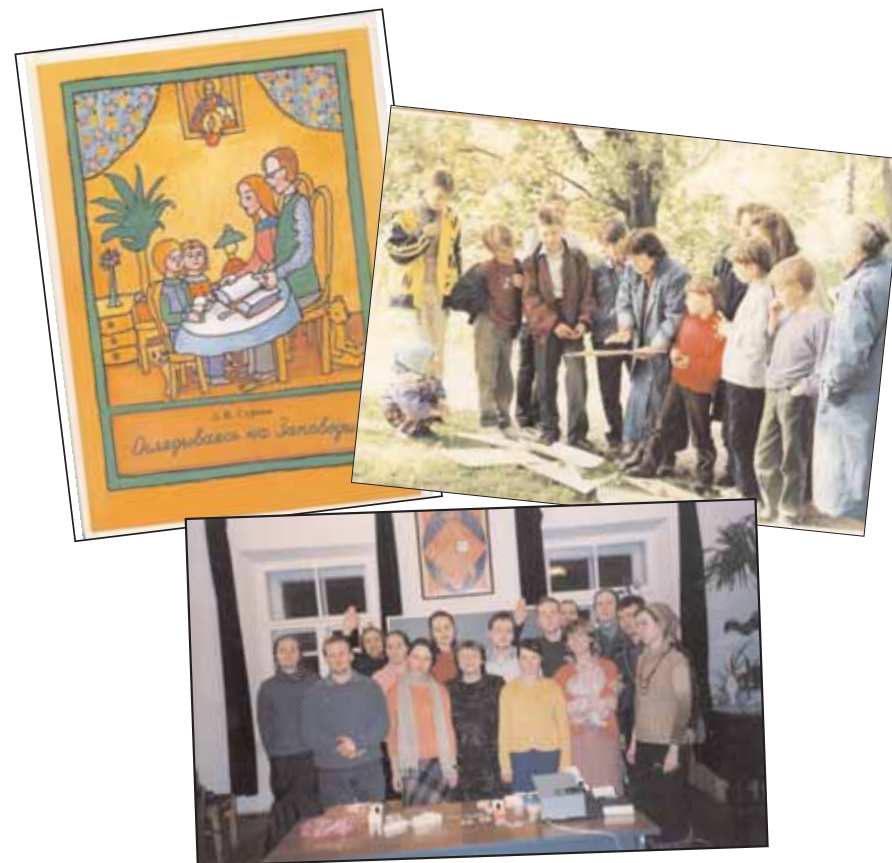
Предлагая педагогам и родителям наш опыт, мы должны сказать, что они действительно побывают на нашем открытом уроке, так как все занятия представлены в своем подлинном содержании и структуре. Мы снабдили их комментариями, разъясняющими внутренние мотивы педагогических действий. В некоторые комментарии просочились наши концептуальные и психологические размышления более общего порядка, но в основном, мы стремились остаться в рамках пояснения урока.

Конечно же, к нашему опыту нужно относиться как к частному, а не как к универсальному. Но думается, он найдет отклик — творческие педагоги смогут применить и развить найденное нами.

Напомним, что содержательный материал урока может быть заменен. Например, если педагог заинтересовался нашим занятием по ландшафтной архитектуре, но не имеет тех учебных пособий, альбомов, которые мы использовали, он может взять структуру нашего урока, но провести его на своем материале. Родится новый урок с образами древнерусского зодчества или городской архитектуры, русского северного дома или более частное преломление — «дворы родного края» и пр.

Только учитель знает, только ему видно, в чем сейчас больше всего нуждаются его ученики — вот эти ученики! В одном классе нужно это, в другом — другое.

Мы призываем педагогов к сотрудничеству и сотворчеству со своими детьми, нам кажется, что наш учитель готов к этому диалоговому подходу. Во всяком случае, время заставляет нас искать такие формы занятий, которые через совместное действие активно включают детей в жизнь. Именно в действии есть у педагога возможность незаметно учить жизни, вере, сердечному, братскому отношению друг к другу.

Из книги «Оглядываясь
на Заповеди»

ДЕТИ И ПОКАЯНИЕ

1.

Не раз говорилось, что настоящая духовная жизнь начинается тогда, когда человек обретает внутреннюю систему истинных ценностей. Именно это и происходит в период настоящего воцерковления — человек не просто осмысливает истины веры, но на основе этих духовных истин формируются его личные идеалы и убеждения. Эта внутренняя ясность, определенность сознания является и нашей целью — целью духовного воспитания. Достичь ее непросто.

Созидание себя — строительство Небесного града: не по мановению волшебной палочки растут башенки и терема, а нашими усилиями, многодневным трудом души. Детей к этому надо готовить и приучать как можно раньше. Ребенок растет, растут его духовные возможности, растут искушения, и если он о них ничего не знает и к ним не готов, то как устоять ему в буре жизни?!

С чего же начать готовить, что главное?

Рождение духовного человека и его рост идет через **покаяние**. Что оно такое, из чего состоит? Может ли педагог как-то способствовать этому? Конечно.

Покаяние как духовное делание — это **отрицание себя**, отречение от своих грехов: дурных поступков, привычек, мыслей, чувств. По силе этого отречения в таинстве исповеди отсекает Господь наши страсти, освобождает душу из плена.

Но начинается покаяние не с исповеди, а с **видения своих грехов**. Как же человек может обнаружить, что какие-то его поступки, мысли, чувства не соответствуют Божию Закону?

Он заметит это только в том случае, если знает Бога, Его Заповеди и чувствует свет Христов. Только на фоне этого света можно увидеть тьму, понять, что запятнал свою святую душу. «Тебе Единому согрешил» — вот начало покаяния.

Как видим, покаянию предшествует просвещение, а это уже педагогика, и здесь мы реально можем помочь ре-

бенку. Во-первых, поможем узнать Закон Божий, жизнь Церкви и, главное — соотнести с этим Законом свою жизнь. Вот зачем нужна педагогическая подготовка к исповеди — чтобы дети ощутили себя частью живого Предания Церкви и загорелись путем святости.

В детстве очень важно понять, что человек — это одно, а грех — другое, то, что исказило, изуродовало человека. Не то, что от природы мы вот такие плохие, а то, что вырастили в себе сорняки, которые заглушают сад нашего сердца, что запятнали, загрязнили себя. Недаром ведь Церковь называют «баней пакибытия», то есть местом, отмывающим нас от скверны для «еще жизни».

И в таинстве исповеди происходит единение человека с Богом — Господь очищает, врачует, возрождает нас.

Верим ли этому? Невозможна исповедь без веры, без благоговейного страха перед тайной Божией любви к нам и без сокрушения о наших грехах, то есть нашем предательстве этой любви. Как же пробудить в человеке эти чувства?

В девяностых годах замечательный московский священник отец Глеб Каледа какое-то время проводил перед исповедью духовные беседы. Если вы хотели попасть на духовную беседу, вы приходили в 16.00, если — на исповедь, то в 17.00. Этих бесед многие ждали. Иногда это был личный разговор, а когда-то — и общая беседа, но всегда говорил священник. Он делился своими мыслями о трудностях сегодняшней духовной жизни, не поучал, не укорял, даже не призывал — он называл наши трудности и не просто понимал их, но разделял их с нами. Он как бы поднимал фонарь, освещал пространство Божиим светом, и далеко становилась видна жизнь. И Свет Христов начинал светить в наших сердцах, помогая увидеть, почувствовать свои грехи — они жгли.

Так горящий верой пастырь возгревал и в пастве чувство истины, а оно уже рождало покаяние. И стоя на исповеди, мы острее чувствовали то, что совершили, не то, что приготовили сказать, а то, что затаилось в закутках совести. Но это уже был второй этап. Духовная беседа — это всегда была беседа отца, пробуждающая совесть сына.

Именно обличения совести должны предшествовать исповеди. Само же таинство требует нашего слова отречения, **священник только помогает «божественной хирургии»**.

Но не от всего, что в нас плохого, мы сразу можем отречься, от чего-то не можем, так как срослись — не оторвать, чтобы не покалечить себя. Да и не требует этого Господь, внутренняя структура личности должна быть сохранена, очищена — но не разрушена, и не изменена. Потому что и не видим мы всей картины наших грехов; не видим того, что не можем оторвать от себя... пока не можем.

Покаянный путь — поступательный, шаг за шагом, проверяя по Заповедям свои поступки, мысли, чувства, человек обнаруживает свои страсти и отрекается от них; отделяет от себя именно то, что он сейчас может отделить. Это наша жертва Богу. Что ты можешь оставить? что принести на алтарь своего исцеления — решай! Господь примет и засвидетельствует твою жертву в разрешительной молитве — и сделан шаг в небо.

Сколько разных, и удивительных, примеров покаяний! Вот один. Молодой священник очень горевал о своем непутевом школьном друге. Учились вместе в институте, дружили, занимались наукой, а тут грянула новая перестроечная жизнь и растащила всех в разные стороны. Встретились через какое-то время — один псаломщик в храме, другой — цивилизованный бандит. И давай хороший плохого увещевать, покаяйся да покаяйся, брось да брось! А попробуйте-ка бросьте легкие деньги и все приятности, которые они с собой несут!.. Но все-таки увещевания церковного друга возымели действие: лихой стал поддаваться, располагаться к вере и в один день сказал: «Знаешь, я хочу попробовать все-таки жить по-Божьи». И тогда его друг, в это время только что рукоположенный священник, еще читающий псалтирь, спросил: «А что ты можешь? От чего можешь отказаться?» Тот подумал: «Не знаю, ну, наверное, могу... не ходить в казино». «Вот и хорошо, пусть это будет твоим началом — не ходи!»

А после сам священник рассказывал: «И знаете, что было?! Через неделю позвонила мне его жена и сказала: срочно, мол, приезжай, и голос такой испуганный. Ну ясно, еду, вхожу: лежит, сжал зубы от боли — тяжелейший осколочный перелом ноги. Как это произошло? Упал, говорит, на ровном месте о бордюр споткнулся. Что-то не то, думаю, и смотрит он на меня такими глазами, которых я у него никогда не видел. Попросил выйти жену и мне сквозь зубы: «Ты знаешь, откуда я шел?» Молчу. «Из казино!!!» Тогда мне самому страшно стало, — выдохнул иерей: — Бог!»

А подумаем, беда ли пришла на голову лиходея? В этом несчастном случае для него был не только урок, но и огромная духовная польза. Он ведь сказал: «Я могу отказаться от игры в казино». Он сам это сказал, сам взял на себя покаянное обязательство, и, когда его нарушил, и лишился благодатной защиты, и оказался в руках врага рода человеческого — понял это.

Вот как открылся человеку духовный мир: никто ему ничего не говорил, не стыдил, не припоминал обещаний. Это было какое-то высшее действие, можно, наверное, сказать: **произошла встреча грешника с Богом**. Так начался его путь покаяния.

Но трудно рвать налаженные порочные связи, трудно остаться одному, «предать» прежних товарищей — накапанная жизнь тянет в свою сторону; но Божью дорогу сердце уже знает, а куда двинется, и когда, и сколько пройдет — его воля.

Почему этот случай вспомнился сейчас, когда собрались говорить о подготовке детей к исповеди? Перед нами Божественная педагогика. Свободный выбор человека, свободный подвиг (от слова «двигать»). Человек себя подвинул, подвинул душу к труду, связал свою страсть, а когда нарушил обет, понял, что Священный закон действительно есть, и поправление его разрушает жизнь.

Вот эту **связь наших поступков с высшим миром** и должен показывать ребенку педагог. Как некогда Заповеди были даны народу Божию на горе Синай, так Закон Бо-

жий должен быть дан, открыт и нашим детям. Жизнь уже не существует вне этого Закона, Он — первая мера всех людских деяний, а значит — начало просвещения.

И второе, что мы можем и должны сделать для ребенка, это **показать покаянный путь Церкви**, многих ее подвижников разных времен и народов. Призыв к святости есть у всех пророков, учителей Церкви. Не может, не должен человек жить, не ведая своего высшего призвания. Но и откликнувшись сердцем на этот зов, двинуться, полюбить святость ребенку самому страшно, **к святости надо приучать**. Приучать, что она есть в мире, и есть исповедь — как путь святости, очищение в себе образа Божия.

Мы должны осознавать главную цель всех наших занятий и подготовительных бесед к исповеди — выработать у детей **жизненный навык оглядываться на Заповеди Божии**. Знание, умение, навык. Узнает ребенок смысл и значение этих Святых Законов жизни, узнает, что может сам их укреплять, а может и разрушать, узнает, что от Жизни Вечной может уводить себя своеволием, а может растить в себе мужество, становиться воином Христовым; узнает путь святости — будет сам пробовать, а Господь — поддерживать.

Когда возникнет умение исповедоваться и когда оно перейдет в навык — не знаем, нам важно не мешать и не уводить в сторону от главной дороги.

Что еще должен знать педагог? Заповеди просты, а жить по ним трудно. И заучить их мало, надо, чтоб **возник страх нарушить Божий закон**. А как этого добиться сегодня, когда даже малые дети научены говорить о своих правах, а не обязанностях, когда в обществе поправаны, кажется, все нравственные нормы, когда отступление идет по всем фронтам — как?!

Отступаем, защищая самое главное — не жизнь биологическую, а жизнь души вечной, которой уготовано бессмертие. И она, душа, должна знать об этом. Для чего Церковь создал Господь, для чего молитвы и службы — кого спасаем? **Заповеди Божии освещают нам путь Спасения**. Без него погибнет человек.

И если будет лежать в фундаменте этот камень, строительство града Божиего в душе непременно начнется — и исповедь станет ребенку нужна.

2.

Теперь **чисто педагогический аспект.**

Эмоциональная и интеллектуальная жизнь современного ребенка насыщена, а нравственное сознание часто отстает от возраста. Пассивное потребительство сейчас усваивается вместе с привычкой к развлечениям и комфорту.

Церковное исповедание — преграда всему этому, и самое главное, чтобы душа ребенка не приспособилась сопрягать эти противоположные начала, чтобы не возникло лицемерия.

Необходимость очищения души — тайна духовной жизни, а исповедь — таинство, которое совершается осмысленно, разумно. В Церкви нашей принято, что ребенок исповедуется с 7 лет. Но уже с пяти лет дети чувствуют свои проступки и могут осознавать свою вину. Чтобы покаянное сознание развивалось, думается, надо приводить на исповедь и готовить к ней уже с 6 лет.

В **индивидуальных беседах** подготовки к исповеди важно не уличать, не находить вместе с ребенком его грехи по той или иной Заповеди, а только утверждать норму и слегка очерчивать возможные нарушения. Грех, даже если будет обнаружен, ребенок вам открывать не должен, останавливайте его: мне не надо говорить, скажешь на исповеди! Нужно, чтобы он смотрел в себя и делал, может быть, кое-какие заметки на листочке. Не описывал, что совершил, а так одно-два слова, «шпаргалочку».

Если ребенок писать еще не умеет, то может придумать какие-то знаки. Например, поставил синий треугольник, он говорит о каком-то конкретном проступке, а красный кружок о чем-то другом. Но не увлекаться, чтобы не получилась игра!

Да, он забудет все, перепутает! Ничего, если и перепутает, Господь распутает, а малыш стройности мысли научится со временем.

Родитель, воспитатель не должен претендовать на то, что ребенок будет посвящать его в свою духовную жизнь. Сделаете вместе памятку со значками, и достаточно. А когда научится писать, пусть все равно не подает батюшке список грехов, содеянное нужно произнести, подтвердить — и решительно отречься от него, наложить печать своего слова.

Очень важно перед исповедью немножко постоять, подумать. Обычно детей пропускают на исповеди вперед. А зачем? Пусть постоит, а вы рядом: «Давай припоминать грехи, здесь место особое, может, еще найдем в себе, что нужно исповедовать!» Это хорошее правило. Одно дело — дома, а тут, рядом с Евангелием и Крестом Господь Сам указывает главные грехи.

Ребенок должен знать, что Дух Святой может начать в нем свои благодатные действия: подскажет, что забыл, осветит по-новому чувства. Надо только ободрить: «Ты не бойся того, что вспоминается. Это хорошо, если увидишь в себе плохое, отречешься от него — и освободишь душу».

Такое стояние перед исповедью не может длиться долго, но важно, чтобы это было не просто ожидание в очереди, а вспоминание жизни, заглядывание в себя. А прошло несколько минут, спросим: «Ну что, ты готов?» И если да, то можно и попросить, чтобы его пропустили, но не делать этого сразу.

Теперь **о групповых занятиях.** Как практически организовать беседы с детьми по Заповедям?

Первое, группы должны быть одного или близкого возраста. Иногда старших дошкольников и первый класс школы можно объединить, но среднее звено — требует совершенно другого. Старшие, конечно, тоже. У нас в школе три или четыре возрастные группы, и Заповеди рассматриваем только по возрастам. Почему? Да потому что опыт жизни разный и грехи разные!

Какие грехи у детей начальной школы? Жадность, обман, воровство, драки. А старший возраст (15 лет) — курение, пьянство, блуд, издевательства, трусость, воровство

уже в других размерах. Жестокость, насилие, втягивание других в компанию, когда сам человек не хотел... Разговор о Заповедях — разговор о жизни. Жизнь у отроков и юношей разная, объединять нельзя.

Теперь — среднее звено, самое впитывающее, чуткое, понимающее (9-12 лет). Какими духовными болезнями болеют в этом возрасте? Хитрость, вранье, лень, насмешки, зависть... Но многое здесь зависит и от семьи, от того, что читает ребенок, что смотрит, чему научается у телевизора, этот «наш развратитель» неутомим.

Беседы по Заповедям надо будет организовывать с детьми разных возрастов совершенно по-разному — всем говорить обо всех Десяти заповедях, а вот акцент делать разный. В одном возрасте на каких-то Заповедях нам придется больше останавливаться, на каких-то меньше, но ни одной не следует пропускать, оставлять на потом. Почему? Ребенок растет, мы не знаем, какой следующий поворот в его жизни будет, какие искушения грядут. Все Заповеди надо держать в сознании, что-то в активной, оперативной памяти, что-то в глубине, в архиве, а понадобится — все вспомнится.

И еще: не надо стремиться одинаково глубоко рассмотреть все — это **обычное школьное искушение знанием**. Мы просто выпадем в схоластическое богословие и прервем то таинственное личное духовное действие собирания души, которое незримо все-таки происходит в детях; происходит — и готовит в глубине сердца борьбу с собственной неправдой.

Не надо бояться неполноты и фрагментарности, она соответствует восприятию и духовным возможностям детей. Посещение храмов, беседы, слова слышанных молитв, какие-то случайно схваченные образы накапливаются в памяти детей и создают особую духовную сферу. Эти трепещущие блики ребенок и сам толком объяснить не сможет, они не складываются в цельную картину, но они свидетельствуют о ней — о святой жизни Церкви.

И готовясь к исповеди, ребенок будет вспоминать все это попеременно со своими поступками, мыслями, чувствами — и что вспомнит, от чего решит отречься, то и отнесет Богу.

Нельзя думать, что можно сразу по всем Десяти Заповедям глубоко покаяться. Не советуем строить беседу по принципу: «А что ты скажешь по Первой Заповеди? А что по Второй — все напиши!» Не упрощают ли подробные списки самый момент исповеди?! То мгновенное озарение светом и вдруг видение своей неправды, и страх, что не видел этого раньше, и решимость порвать с этим — вот бесценный миг близости к Богу. Мы не знаем, когда наступит нас эта нечаянная радость покаяния, важные вещи, бывает, открываются и в самый последний момент перед аналоем. А бухгалтерия: «8 раз то-то сделал, 4 раза — это...» может успокоить сердце раньше времени — вот чего не хотелось бы. Поэтому лучше обходиться, как мы говорили, знаковыми шпаргалочками.

В духовной жизни не хорош быстрый результат, не станем торопить его и мы. Ребенок не один раз будет приступать к исповеди — и пусть бы всегда это сопровождалось решимостью никогда больше не грешить. Покаянное чувство и есть тот навык, который духовная педагогика должна выработать у детей, а возникает оно и у церковных людей лишь со временем, разовьется по воле Божьей — и не заметишь как!

Вот и мы готовим беседу с детьми обо всех Заповедях, а кто-то из них начнет думать только об одной — ею станет обличать себя, и забудет ключом его настоящее драгоценное покаяние. Но пройдет время, и вспомнится, разыщется, понадобится другая Заповедь для указания пути жизни. И все это будет совершаться втайне, внутри сердца, под непосредственным Божиим призором.

Лишь бы оглядывался на Заповеди!

НЕОБХОДИМОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Заповеди нужны детям не для того, чтобы отвечать их на экзамене, а чтобы по ним жить! Ребят надо научить мерить свои поступки и мысли по этим Святым Законам, и каждое событие соотносить со Священным Писанием и Преданием — с духом Церкви.

Именно дух до всяких фактов свидетельствует об истине или предупреждает ложь. А дух познается из чувства целого.

В духовной области соотношения части и целого не такие, как в материальном мире. Целое предшествует части, а не складывается из частей, и потому **часть всегда свидетельствует о целом.**

Это обязывает педагога заботиться о том, чтобы у детей даже на начальных этапах складывалась полная картина Домостроительства Божия. Углубление знания возможно только тогда, когда целое усвоено и актуализировано. Педагогу нужно будет научиться делать краткие очерки, можно сказать «свертки», больших периодов Священного Предания. Иначе неминуемо «утопание» в материале, и утрата общего смысла всего движения жизни, направляемого Промыслом Божиим.

Поэтому прежде разбора Заповедей, даже самого краткого, надо начертать перед детьми **целостную картину Домостроительства Божия**, дать основные этапы, вехи Священного Предания. Вот примерный вариант*.

Вехи Священного Предания

Вспомним вехи Ветхого Завета.

1) Творение

Для чего говорим о Сотворении мира? Чтобы ребенок знал, что жизнь не сама возникла — она начата Богом. И мир не хаотичен, не случаен, мы живем в мире, который сотворен Богом.

Бог, Творец, Создатель — Начальник жизни. Он сотворил и невидимый ангельский мир, и видимый: вселенную, планеты, природу, растения, животных и, наконец, вершину творения — человека. Человек создан был по образу и подобию Божию, он выше всего творения, так как имеет разумное начало, свободную волю и творческую силу действовать.

2) Грехопадение

Зачем ребенку это знать? Об этой духовной, онтологической катастрофе, изменившей течение жизни и само творение необходимо помнить всегда. Это знание должно быть актуализировано в сознании детей. Ребенок живет, у него возникают разные мысли, хорошие и плохие, он совершает хорошие и плохие поступки, и ему надо понять себя: почему доброе, которое хочет, он не делает, а злое, которого не хочет, делает.

Нужно объяснить, что Бог тебя не таким сотворил, какой ты теперь, человек был сотворен существом духовным, добрым, но произошла беда — духовная связь с Творцом была порвана человеком по научению врага рода человеческого, дьявола, — и рухнуло творение.

Грехопадение разрушило лад и строй в душе человека и в мире. Он жил теперь, как срезанный с корней цветок: чувства разрывали его, подчиняя себе высшее начало — дух, ум перестал понимать добро и зло, воля ослабела, а бессмертная душа оказалась в плену грубой жизни — все разладилось. Грех переводится с греческого как «непопадание в цель». Это смятение охватывает и нас, поэтому в тебе борются два голоса. И у всех людей так: совесть говорит одно, чувства — другое, ум мечется между ними. Такова природа падшего человека, отпавшего от своего Творца.

3) Установление жертвы Богу

Самое сложное положение в педагогическом богословии. И думать, что ребенок сумеет понять смысл и причину установления жертвоприношения не нужно. Это тайна До-

мостроительства Божия и тайна творения. Духовный мир оказался закрыт вратами смерти, пройти сквозь них живому нельзя. Дух, питающий душу человека, оказался недоступен ему, и человек должен был умереть после грехопадения, но Господь дает ему заповедь принесения жертв во имя Его — «Это будет тебе очищением и даст возможность жить!» (См. книгу Левит.)

Жертва — то, что мы отделяем от себя, посвящаем Богу: лучшие плоды урожая, лучших молодых животных; жертва — и наши безвозмездные труды, и молитвы — «жертва Богу — дух сокрушен», читаем в псалме. Жертва не дает окончательно разорваться связи человека с Богом. Она удерживает дух человека в молитве, воспитывает веру.

Ребенку нужно о законе жертвы знать. И от него в жизни потребуются жертва, мы не знаем, какая, но без этого не свершаются судьбы. Не нужно бытовых упрощенных объяснений непостижимого, тайна вполне может быть вмещена в детское сердце и пребывать там закрытой.

4) Обетование Спасения

Очень важно для ребенка обетование о том, как «Семя Жены сотрет главу змию», его еще называют Первоевангелием. Вот 15 стих в 3 главе Книги Бытия: «Оно (Семя Жены) поразит тебя в голову, а ты будешь жалить Его в пяту».

О чем это пророчество? О Мессии, о Христе, который придет в мир, воплотится от Пречистой Девы Марии и Себя принесет в жертву за грех людей — и восстанет творение с новым Адамом, как называют Господа Иисуса Христа.

Бог не оставил человека — к людям придет Спаситель. Как же не знать этого детям! Готовь себя к встрече с Богом! Но, знай, змей будет жалить в пяту, страдания после грехопадения наполняют мир, но мир будет обновлен! То, что поражено грехом и срослось с ним — погибнет, духовная же поросль войдет за Христом в новый Вечный мир с Богом. Какого высокого оптимизма полно это обетование — открывается вся перспектива исторического пути человечества.

5) Исторический путь человечества ко Христу. Закон. Храм. Пророки Закон

Какой смысл в истории человечества, такой длинной и трудной? Педагогический. Бог воспитывает человека, порвавшего духовную связь с Ним, потерявшего все ориентиры. Теперь духовный опыт человечество должно накапливать, изживая грехи. Но чтобы осмыслить это, грех нужно увидеть, а после грехопадения внутреннее чувство истины в людях утратилось. И вот Господь дает Своему народу Закон — Заповеди добра и зла.

Десять Заповедей — священная веха, краеугольный камень жизни людей. Они дают увидеть нестройность, разлом нашей души. Четыре заповеди посвящены отношению человека к Богу, воспитанию веры; шесть — отношениям между людьми. Закон — священная азбука жизни, он не просто учит, что хорошо, что плохо, он должен был привить отвращение ко злу и научить человека любить добро. Это и происходило на протяжении полутора тысячелетий.

Храм

Бог не только словом Заповедей учит людей, но и молитвой. Как было установлено, постоянно приносятся жертвы Единому Богу, они — незыблемая основа духовной жизни народа Божиего.

Во время странствий главные жертвы приносятся в скинии, переносном храме. Но вот народ Израиля приходит в Землю Обетованную, и уже не Судьи управляют жизнью — возникает Царство, и в Иерусалиме в X веке до Рождества Христова воздвигается Храм Единому Богу. Богослужение духовно сплочает народ, не книжная, но деятельная, молитвенная вера крепнет.

Пророки

В Пророках Божиих, верных из верных, Закон находит своих хранителей, толкователей и учителей.

Надо сказать, что только когда мы соединим образ пророков с учителями, детям он становится понятен. Учение пророков не школьное, не книжное: пророки — учителя веры. Тысячелетиями ими осознается груз греха — и растет в народе любовь к Заповедям Божиим, рождает жажду их исполнять. Невозможность же этого переживается с острой тоской, обращая сердца к покаянию, и возникает новая жажда — жажда искупления по Священному обетованию.

Так воспитывается в народе чувство истины. Пока же спутаны все понятия, возможности искупления нет: человек не готов, он не жаждет.

Пророки, обличая ложь жизни, становятся поистине апостолами покаяния; вторая их роль — будить веру в Мессию-Спасителя, открывать в образах Его грядущий приход.

6) Пришествие Мессии-Спасителя. Земной путь Христа. Рождество Христово, Распятие, Воскресение, Вознесение Господне

Что-то из этого дети уже знают. Но важно указать точное место в Божием Домостроительстве всех священных событий, описанных в Евангелии.

Пришел к людям не новый пророк-учитель, но Бог, Сын Божий. Пришел, чтобы исполнить Закон, чтобы **Заповеди Божии ожили в сердцах людей**. На Кресте принесена Главная Жертва: теперь открыт для людей путь к Богу — поражен грех «в голову».

Воскресение Христово начинает новую эпоху жизни, новый этап Творения. Восстав из мертвых, Спаситель показал людям Нового Человека, Нового Адама.

7) Сошествие Духа Святого. Начало Церкви.

Новое время. Новые люди

После Вознесения Господа Иисуса Христа на небо свершилось величайшее Божие деяние — Сошествие Духа Святого на апостолов. Так **Господь основал Свою Церковь**, объединив, просветив людей Духом Истины. «Мы — новые

люди, рожденные от Духа», — говорили о себе апостолы, а за ними и другие христиане. «Мы входим в общение с Богом, и душа просвещается светом Божией благодати, питаюсь Хлебом Небесным».

Новое время пришло на старую землю. Бессмертная душа человека, главное сокровище мира, теперь свободна, она не связана врагом рода человеческого. Человек может идти за Богом, но может и не принять этого Благовестия — он свободен. Рабство, подчиненность греху разбиты, путь истинной жизни указан; но мир земной, некогда искалеченный духовным отступничеством человека, еще стоит, еще страдает и служит противнику Божию до конца времен.

8) Грядущее Второе Пришествие Христа

Как ненавидит мир Христа и христиан за их новый духовный союз, начало новой жизни! Но не удержать земле этот кусочек неба. Откровение возвещает: умножаясь, зло затопит мир — и сожжет его. Конец мира, пораженного грехом, конец этого света, оторванного от Бога, будет началом Жизни Будущего века.

В День Страшного Суда свершится полнота обновления мира: не принесшее духовного плода погибнет вместе с ним, соединенное со Христом, просвещенное Духом — войдет в новую Жизнь Вечную. Не боимся конца мира, ибо он для верных — Начало.

Гряди, Господи Иисусе!

Вот вехи, этапы Домостроительства Божия. Это тот необходимый минимум, который надо знать детям весь целиком, как он представлен в Откровении.

О педагогике русской литературы

Русская литература по своей внутренней устремленности всегда была православной. В одних авторах встречаются образы Церкви, монахов, богослужений; другие вроде бы не касаются церковных тем, но их произведения пронизаны духом Церкви, их мировоззрение, их понимание добра и зла точно совпадают с христианской картиной мира.

Это объединяло и воспитывало юношество, удерживало жизнь в традиции православной культуры. Христианство удивительным образом вросло в нашу землю и оплодотворило ее духом Церкви.

В контексте нашей темы мы предлагаем прочитать отрывок из повести Л.Н. Толстого «Юность». Он не может не поразить глубоким чувством духовного.

Мальчик, готовится к исповеди, вместе с семьей, исповедуется, и вдруг потом вспоминает забытый грех и торопится в монастырь на вторую исповедь. Вот сюжет. Но главное, что строго и точно показаны духовные движения и вера отрока, и то, что именно после исповеди он вспомнил главный грех, и то, что испугался «как же я забыл?» и побежал, полетел в монастырь – все это открывает нам тонкие духовные законы, действующие в жизни.

Как живы и значительны картины приезда мальчика в монастырь, само описание кельи монаха духовника, свидетельство его тихого русского подвижничества. Слово писателя целомудренно и в диалогах, и в описаниях. Нигде оно не соблазнится, не ищет никаких ярких деталей, не дает излишних подробностей, все подчинено духовному стремлению отрока очиститься.

А после второй исповеди как легка дорога домой, и как незаметно начинаются искушения мальчика! Нет удержу молчать, ну хоть с кем-то поговорить! Молчи душа, храни благодать таинства! Но где там, распирают чувства: а лукавый подзуживает – расскажи, расскажи о своем честном поступке! И свалился с небес, суета украдал тишину и благодать.

Как чувствует автор все духовные закономерности: открыл тайну – и вот уж деньги и нехватка, мир не изменился и ждет поглотить душу-беглянку. Но не так просто угасить дух, таинство не сотрешь махом, голова уже здесь, а душа все еще там, у Бога за пазухой. (Не таков ли образ разрешительной молитвы, когда покрывают нас епитрахилью и можно довериться этому Отчому теплу, обнявшему тебя.) Деньги нашлись, вовремя и в нужном месте оказался друг, умиротворили возницу, и вот уже готовы отвориться Четверговые врата – «Вечери Твоя Тайные днесь!»

Настоящее художество – не частное мнение. Если писателю удастся забыть, преодолеть себя, его слово встречается с правдой, исполняется ее духом. Здесь она в малом, в круге нашей жизни, но правда все та же, она дает нам ощутить духовные силы, наполняющие мир, открывает их невидимую брань.

Вот духовно-художественный реализм. Вот педагогика русской литературы, которая взяла на себя роль Провожатого.

Статьи
разных лет

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?.. (Кризис мировоззрений — кризис идеологий)

Каждое новое время приводит за собой новую школу. Новую даже не по структуре, а по тем ценностям, которые оказываются в ее фундаменте. Школа — форпост общественного сознания. Она одновременно хранит традиции, но вместе с тем очень быстро вбирает в себя все новое, ибо существует не в абстрактном пространстве, а в конкретном времени и месте. И болеет школа теми же болезнями, что и общество в котором она существует.

Вспомним 1989 год, когда помимо обычных школ начали действовать еще и воскресные церковные школы, когда появились гимназии, лицеи, авторские школы различных направлений. Какой подъем был среди педагогов! Думалось, что удастся за несколько лет духовно возродить страну, восполнить пробелы в воспитании и образовании, укрепить нравственное здоровье нации, открыть детям путь к настоящему светлому будущему. Время, кажется, само вдохновляло на такие дерзания.

И вот на пороге новое тысячелетие. «Где мы?» — порой раздается вопрос. Затянувшееся социально-экономическое шоу всех, кажется, сделало зрителями, а не участниками своей собственной жизни. Воспоминания о Святой Руси не привели к ее возрождению. Ибо святой Русь называли потому, что царили в ней идеалы святости. Эти идеалы не были тождественны ни социальной справедливости, ни братству народов, ни свободе прав человека. Идеалы святости были укоренены в Боге. «Славен Бог во святых своих» — это знали все, и богатые, и бедные, грешившие каждый по-своему. Общественное сознание Руси тысячелетие почти не посягало на эти идеалы. Насколько они руководили мотивацией людей, сказать трудно: надо понимать, что личные грехи не могут быть изжиты в этом мире до конца. Истинные идеалы — это не программа действия, и не буквальные образцы для подражания, это свет, который освещает

путь жизни. И многим поколениям наших соотечественников свет Христов освещал тернистые пути жизни.

Если же мы сегодня взглянем на наше общество, то без труда увидим, что общественные идеалы очень далеки от идеалов святости. «Власть, сила, ловкость, деньги, удовольствие!» — вот, что можно было бы написать на знаменах нашего времени. Некоторая устойчивая двойственность угнездилась в нашем общественном сознании, внося в него знакомое непервородное лукавство. Рождается или уже родилась новая идеология — идеология относительных истин.

И в этом, именно в этом, и никаком другом социальном и культурном пространстве живет и действует наша школа. Можем ли мы сейчас выделить христианскую, православную школу в отдельный социальный и общественный институт. Видимо, нет. Столь невелик процент православных общеобразовательных учебных заведений, что в основном православная школа заняла нишу дополнительного образования. А стало быть, с общеобразовательной государственной школой она связана теснейшими узами — у нас общие дети. И хотим мы или нет — у нас общий учебно-воспитательный процесс, если понимать его как системное направленное действие по формированию личности ребенка. Потому православные педагоги должны не просто знать, что происходит в сегодняшней школе, а разделять эту нелегкую ношу.

Но как? Если мы разного духа? Православная школа и школа общеобразовательная, государственная, сегодня могут быть сравнимы с семьей, где не все веруют в Бога, но все волей судьбы принимают участие в воспитании детей. Непроста такая семья, но другой у нас сейчас нет, отгородиться же, отдать ребенка — мы не имеем права. Стало быть путь один — идти на встречу со школой, изучать ее нужды и брать на себя часть трудов, которые она не в силах понести.

Каковы же проблемы нашей школы?

Растерянность — вот главная беда современной педагогики. Учителя не очень-то знают, как надо воспитывать

детей сегодня и для какой жизни их готовить, в каком обществе им существовать? Ведь **школа жива не обучением**, не прививанием интеллектуальных или трудовым навыков, жива и стоит именно воспитанием. А воспитание, как всем известно, процесс развития и формирования мировоззрения человека, созидание его глубинных нравственных основ, и как следствие облагораживание его реакций, культура отношений к миру, людям. Уж если говорить о том, какой кризис для нашей школы сейчас самый опасный, думается, не социально-экономический (Россия знала и более тяжелые времена), а **кризис мировоззренческий**.

Мировоззрение — это целый комплекс признанных, исповедуемых, если можно так выразиться, понятий, руководящих всем поведением человека. Понятий не бытовых, а философских, онтологических. Это вопрос о жизни, о мире, о природе человека и смысле его жизни.

Без ответа на эти вопросы никакое общество, никакой отдельный человек не может существовать. Если же он усомнится в истинности своих идеалов, он должен будет искать новые, потому что не может человек не осмысливать своего пути. Даже когда мы говорим, что кто-то не осознает, что делает, то скорее всего, упрекаем его в безответственности, неадекватности, а может быть и лжи, и злом умысла, но не в отсутствии представлений о мире. Мировоззренческая основа может быть не декларирована, но она есть у всех. Это — если можно так выразиться — «формула духовной крови». Она может меняться, но она не может отсутствовать ни в каком живом разумном существе.

Какое же мировоззрение вырабатывает сегодняшняя школа? Многие учителя честно отвечают на этот вопрос — никакое. Но ведь так не может быть. Человек растет и формируется, он непременно должен сам себе ответить на вопрос, что такое хорошо, что такое плохо? А значит он должен хоть в каком-то приближении понять, что такое жизнь, как она устроена и что ему в ней делать?

«Я действительно не знаю, кого из них надо воспитывать, — частенько приходится слышать от педагогов. —

Начитается ребенок о правде, добре, справедливости. Поверит, что так должно быть в жизни, что за это надо бороться. Потом посмотрит на нашу жизнь, увидит, что здесь у нас все по-другому, — что ему будет делать? С высокими идеалами — не выжить сегодня!»

Но ведь если сегодняшняя школа, растерявшись на путях социально-политических интерпретаций добра и зла, а также других высших истин, оставит на время заботы о формировании целостного устойчивого мировоззрения у ребенка, она просто предаст его. Это предательство очевидно уже совершается, так как многие учителя просто уходят от решения этих вопросов, пытаюсь заниматься глубоко предметным обучением.

Но, приглядимся повнимательней без осуждения к этой болезненной проблеме: прежде, чем педагог отступил от своего святого фронта воспитания, он сам оказался предан своими же идеалами — они не выдержали натиска времени, его вдруг и разом перевернувшейся перспективы. Кризис мировоззренческий, внутриличностный совпал кризисом идеологическим, общественным.

Та жесткая проверка, которой подверглись все недавние духовные ценности нашего общества показала, не то, что они ложны, это было бы слишком поспешным утверждением, а в первую очередь то, что они не имели под собой прочного духовного основания. Растерянность наших педагогов перед сегодняшней жизнью имеет внутри себя позитивистское начало. Именно ставка на жизнь внешнюю, на осуществление в ней всех нравственных идеалов, так называемый педагогический романтизм и предали педагога.

Думается, что мировоззренческий кризис школы и идеологический общества были запущены именно материалистической доминантой общественного сознания, а не политическим и экономическим коллапсом, потрясшим страну, и уж никак не нравственным состоянием народа.

Нравственность — крепка только тогда, когда она опирается на истинную веру. Материализм же был не только учением, а верой в идею. Но верой человеческой, и потому он мог

лишь объединять вокруг себя единомышленников, спланировать их в боевые легионы борцов, но связи с онтологическими глубинами жизни, с Духом животворящим — не давал, и потому сделал нас уязвимыми перед нашествием мамоны.

Ставка на совесть людей потерпела поражение. Не потому, что жизнь по совести плоха и от нее нужно отказаться, а потому, что совесть есть лишь СО-ВЕСТЬ, то есть совет, призыв, обращенный к человеку, но не исходящий от человека. Совесть говорит в нас, связывая нас с незримым духовным основанием мира. Мы можем ее слушать или не слушать, но она рождается в каждом новом человеке, и он должен будет на протяжении своей жизни общаться с ней.

Как-то Михаил Бахтин еще в советские времена, когда говорить о Боге было не принято, ознакомившись с работой молодого литератора-культуролога, где освещались вопросы духовно-нравственного развития личности, задал ему вопрос: «А на что вы обопрете совесть?» Чрезвычайно важно здесь слово «обопрете». Как видим, Бахтин представляет совесть как некую опору личности, но опору, саму нуждающуюся в объективном, абсолютном основании.

Весь нравственный кодекс педагогики советского периода опирался на совесть человека, как на объективную опору. Общественная поддержка идеологии и культуры, несмотря на многочисленные отклонения и нарушения нравственного закона, создавала ощущение действительной прочности этого основания. Закон совести декларировался как мерило общественного сознания. И все нарушения его, которые, конечно же, имели место, классифицировались как беззакония.

Но союз морали и совести оказался непрочным: ибо мораль не может напитать совесть истинной крепостью, так как она сама является производной от совести. Человек во всей его полноте не может быть принят нами как идеально нравственное начало; он имеет совесть, но имеет и вождедения, пристрастия, пороки в конце концов. Человек не может быть мерой всех вещей. Эта замкнутая друг на друга общественно-личностная система оказалась обесточенной,

так как не была связана с истинным источником нравственного закона — с Богом.

Если бы совесть была объективным незыблемым началом, нечего было бы нам бояться. Никакое изменение общественного строя, никакие сомнительные нововведения не были бы для нас опасными и роковыми. Да и откуда они взялись бы, если бы в каждом, как некое недреманное око, жил бы внутренний страж истины, гармонии и порядка.

Но жизнь показала обратное. Отмена общественного контроля за моралью, которая стала возможна именно из-за того, что она стала восприниматься как чисто внешнее правило — привела к стремительному падению нравственных скреп и поведенческих преград. Начал раскручиваться невиданный моховик вседозволенности, вовлекая человека в свою страшную орбиту. Совесть человека без подпитки общественного нравственного закона не смогла сдержать этого натиска тьмы. Произошла как бы **оккупация внутреннего человека внешним, и началась невиданной силы брань**. Брань не за территорию или богатые ресурсы, а бой за самого человека, за его полноту и уникальность, за возможность быть человеком, то есть вмещать в себя духовный и физический мир, быть в мире видимом проводником мира невидимого, ибо это священное место предоставлено только ему.

Многие, сокрушаясь о всеобщем падении нравов, обращаются, ища опоры, в недавнее прошлое: там, мол, этого не было, там закон ставил преграду блудодеям и спекулянтам, развратителям и мошенникам, грабителям и клеветникам. **Но не может общественное быть источником духовного**. Наоборот, оно само — производная от своих членов: оно приемлет, множит, ограждает или устраняет, поощряет или карает... но не рождает в истинном смысле этого слова. Душа человека, именно она является полем, приносящим духовную жатву. И потому человек больше мира, в котором он живет, и уж давно — больше общества и среды, его окружающей. Именно человек вносит в мир свет, некогда зажженный Спасителем, или поглощает его, уподобляясь тьме.

Кризис идеологии, как выразителя общественного сознания, и кризис личного мировоззрения людей заставил школу в лице своих лучших учителей искать объективного положительного основания всем человеческим ценностям, «единого на потребу», которое бы помогло устоять в шторме жизни и им самим, и их ученикам.

Может быть, и воспитательная пауза, которую мы наблюдаем в школе, рождена именно этим поиском «единого на потребу», и в том ее оправдание и смысл. Если так, то все зависит от того, насколько честны и отважны будут педагоги в своих поисках и насколько мы им поможем.

Опыт исповедания относительных истин, принятых за абсолютные, уже принес свои разрушительные плоды, и привел за собой осторожность, или, точнее сказать, опаску. Не потому ли во многих педагогических опытах просматривается сегодня желание усидеть, так сказать, на двух стульях: одновременно признается и существование объективной истины, и в то же время признается, что истина у каждого своя.

Интересно в этом контексте рассмотреть один тезис в статье доктора философских наук А.К. Конева «Культура и архитектура педагогического пространства». Читаем: «Когда воспитательный момент образования выходит на первый план, важно подчеркнуть, что школа должна ориентироваться не на воспитание личности, ибо личность рождается только усилиями самого человека, а как справедливо отмечает Библиер, на формирование «человека культуры», способного работать со знаниями, с разными типами мышления, с идеями различных культур...» И далее: «Не может, не должен чужой человек, даже если он педагог, без спроса, без ведома и желания человека «лезть» в душу, касаться личности. Вспомним, что личность это достояние самого индивида»¹.

Вот она, идеология «воспитательной паузы». Установка на диалог культур могла бы быть интересной, если

¹ Ж-л «Вопросы философии» № 10, 1996. С. 52.

бы мы сами не принадлежали ни к какой культуре. Но чувство подлинного родства несколько меняет перспективу в пространстве культурного общения: в упорядоченную область «объективных» знаний и понятий начинают вторгаться субъективные чувства, иррациональность личного восприятия. Человек не просто имеет представления о той или иной культуре, он причастен ей.

Что же касается духовных ценностей, веры, то они составляют центр личности, и ни в коем случае не могут рассматриваться как нечто внешнее. «Религиозная сфера имеет центральное значение в иерархии душевных сил человека»¹. Ребенок, интуитивно желая срастить в целое, ищет центра с незыблемым основанием мира, ищет смысла жизни, веры, добра. Как не отвечать на его запросы?! В этом есть нечто искусственное, неорганичное, некоторая заданная, отчетливо прослеживающаяся позиция устранения, столь нехарактерная для нашей педагогической традиции. Чем она вызвана? Заботой о свободе личности? Правом на свою собственную духовную жизнь?

А может быть это продолжение той же невидимой брани, которую ведет тьма против света? Мы ведь знаем, как активно зло в мире. Стоит отступить попечителю, как ребенок тут же оказывается вовлеченным в дурной круг, или просто «проглочен» каким-то злым лидером — весь родительский и учительский опыт свидетельствует об этом. И все-таки слова соблазна звучат и многих способны привести в замешательство: может быть, сейчас так надо воспитывать, думают они, может быть так будет лучше, пусть сам решает, сам выбирает, что ему нужно — он ведь сам себе хозяин.

Смущенным педагогам и родителям, желающим, чтобы их дитя выжило, выплыло в буре сегодняшнего дня, нужно вспомнить, что требование свободы личного выбора не предполагает пустыню замалчивания. Человеку нужно

¹ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.1993, С.168.

знать правду о себе самом: о своем божественном достоинстве и о своей человеческой природной неполноте, о трудах, прилежащих ему в жизни, и о войне, которую не на жизнь, а на смерть будут вести с ним силы тьмы.

Просвещение начинается с знания, но продолжение свое имеет в причастности. Школа — первая ступенька на пороге храма.

НЕБЕЗОБИДНЫЙ ХОРОВОД (По поводу «духовно-педагогической» деятельности священника Анатолия Гармаева)

Уже несколько лет пастыри нашей Церкви и церковная общественность горячо обсуждают принявшую широкий размах педагогическую практику священника Анатолия Гармаева. В рамках Рождественских чтений не раз устраивались конференции по его книгам, люди высказывали свои вопросы, сомнения, недоумения: кто-то с трибуны, кто-то в кулуарах.

Тревожающая многих деятельность свящ. А. Гармаева разбиралась и на I Иринеевских чтениях, занимающихся борьбой с тоталитарными сектами.

В октябре 2005 года вышел сборник статей, подготовленный Отделом по работе с молодежью Смоленской епархии (приложение к газете «Смоленск Православный») — «Учение священника Анатолия Гармаева: педагогическая новация, ошибка или заблуждение?» Весь сборник посвящен критическому разбору социопедагогической практики и книг свящ. А. Гармаева. Открывается он выступлением Архиепископа Костромского и Галичского Александра, кроме того, в книге содержатся статьи протоиерея Димитрия Смирнова, протоиерея Алексия Уминского, диакона Михаила Першина, иерея Святослава Художекова, кандидата биологических наук Евгения Мавродиева, профессора, доктора психологических наук Л.Ф. Шеховцовой.

Предлагаемый материал продолжает этот форум.

1.

Есть темы, затрагивать которые не хочется никогда. Так не хочется говорить о зле человеческом, о лукавстве, о предательстве, но зато как хочется всем рассказать о красоте земли, о подвиге, о том, что силою терпения и веры что-то было преодолено и стало чудом.

Именно такой подход выработался в Православии ко всем видам культуры. Образ создается и живет светом, а не

тьмой. В традиции иконы вообще не изображать зло — оно не суще, не имеет лица. В этом глубокий духовный смысл поля культуры, которое есть уже не реальная, а преображаемая человеком действительность.

Но любой сад, если его не полоть, зарастет сорняками, терние способно заглушить даже сильный культурный побег, поэтому есть необходимость выпалывать сорное, чтобы не ослабевали силы земли, и расцветали сады наших сердец.

Итак, о болезнях времени и Церкви, о смущениях, о смущаемых и смущающих. (Мы будем опираться в своей работе не только на личные впечатления, но и на подлинные зафиксированные свидетельства очевидцев, непосредственных участников событий.)

Социо-педагогическая деятельность **Анатолия Циденовича Гармаева** начала разворачиваться в 80-е годы. Где-то на периферии (Улан-Удэ?) он получил педагогическое образование по специальности химия и биология. Но биология, видимо, не увлекала его, как не увлекало развитие в детях естественнонаучного мышления, пробуждения любви к природе, земле, созиданию и пр. — нет, интересы молодого учителя тяготели в сторону психологии, психотерапии или, как сейчас говорят — **гуманитарных технологий**.

Первые опыты в этой области имели форму семейной школы.

Кто не знает проблем наших семей!? Это военная встреча самолюбий, не видящих друг друга, не желающих терпеть, не умеющих уступать; безденежье, усталость от борьбы с бюрократической машиной, тормозящей все творческие процессы жизни; неразрешимый квартирный вопрос, и дети, дети! косности школы — а ко всему этому, еще и мировоззренческий кризис, который черной тучей накрыл Россию: рушились идеалы, таяли опоры, на которых держалась и внешняя, и внутренняя жизнь общества. Семьи лихорадило — все искали спасения, где только можно, в том числе и у семейных психологов.

Вот эту-то роль и взял на себя А. Гармаев. Надо сказать, что методик работы с семьей сегодня разработано много — семейная психология научилась сглаживать углы, выводить в смежные поля угнетающие семью эмоции и вообще научилась учить супругов «не есть» друг друга в целях разумного эгоизма. Эта семейная психология не ставила никогда духовных задач, а оставалась лишь family-терапией, пытаясь нашу русскую «карамазовскую» семью с ее вечно горящими неугасимыми страстями, привести к некоему культурному виду.

Но разбираться с каждой парой хлопотно, долго и нудно; может быть есть другой метод?

Есть! Наполеоновский! Метод движения масс в нужную им (вам?) сторону! Ведь решать проблемы можно по-разному: можно участвовать в жизни другого, а можно, так сказать, увлечь, а точнее «потащить» за собой, «выдернуть» человека из его жизни, «отправить в какой-нибудь поход» — своих проблем он тогда точно лишится.

Да как выдернуть? Судьба клещами держит, природу не переделаешь!

Надо просто захотеть и научиться! Для успеха дела лучше всего сначала «сорвать» человека с корней, оторвать от дел, от дома, вывезти на природу, в горы, в лес, в чисто поле — а там уж можно «воздействовать» и задавать новый алгоритм его поведению, мышлению и даже... чувству. Этот метод был хорошо разработан в высших партийных и комсомольских школах: выездные учебы давали результаты значительно более высокие, чем традиционная оседлая школа, соседствующая с домом и с прочими, привычными для человека лузами.

И семейная школа А. Гармаева стала активно осваивать **форму поселений и летних лагерей**.

Предпосылки успеха «школы поселений».

Первый лагерь-поселение был организован в 1980 году.

Небезынтересно будет узнать, что первые поселения (1980–1984 гг.) имели **индейскую атрибутику**: люди жили

в вигвамах, носили опоясания, ходили с копьями. Идеология этих лагерей опиралась на индейские традиции воспитания. Одна из рекомендуемых книг была «Земля соленых скал», автор — полуполяк, полуиндеец Сат Ок. Это традиции раннего отделения детей от родителей, полной самостоятельности в быту, воспитания природной выживаемости и пр. Почему это увлекло всех, почему поверили, пошли в такую далекую от русской традиции «экзотику»? Возможно, что бурятские (родные «учителю») и индейские архетипы имеют внутри себя некую сродность, но уж от русской культуры они — точно далеки.

И все же — почему?

Ответы подсказывает само время. Первое — жажда нового, стремление хоть как-то отойти от рутинных стереотипов, излишнее доверие к неформальному. На этот «крючок» попадались в 80-е годы многие.

Всем известно, что человек, не имеющий крепкого мировоззрения, или утративший его — мечется. «Зачем мнутся народы?» Мнутся, потому что смятение, брожение есть естественное состояние падшего разума. Это мятущееся состояние — наследие нашей раненой грехом природы. Крепость и народ, и человек обретают в Крепком — «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный...»

Но в атеистическом сознании, особенно у людей с естественнонаучным образованием, эта нецельность очень часто переходит в чувство личностной неполноты, которое толкает человека к поиску тайной силы, новой правды, которую скрывали, утаивали, а сейчас вот открыли, теперь ее можно познать, «чтобы стать-таки совершенным». Увлечение нашей технической и научной интеллигенции йогой, как формулой правильной жизни, дзен-буддизмом как теорией истинного счастья, теософией как наукой о духовном, антропософией как учением о посвященных и пр. и пр. — носили в этот период не социальный, не психологический, а богоискательский характер. Чем только не увлекались! Куда только не убегали от противоречий и трудностей жизни!

Вигвам, предлагаете? — Попробуем вигвам!

Второе, что способствовало распространению растущей популярности «гармаевской семейной школы» — это использование психотехники, которая, как от нее и требовалось, гасила критичность восприятия, быстро вовлекала человека в какой-то замкнутый круг взаимоотношения и незримой зависимости. Психотехника — сильное оружие, защищаться от него надо уметь. А если человек и не подозревает о «нападении», то в 80, а то и 90 % случаев победа обеспечена — человек станет послушным, управляемым, сам не ведая того.

Есть и третья причина успеха поселений — но о ней говорить пока не будем, так как она кроется в тайне личности «учителя», не столько в его организаторских талантах, сколько в его способности вести за собой, убеждать, в особой природе его силы притяжения людей.

Итак.

Все начиналось с умело **организованного ожидания**. К поселениям готовились всю зиму: «учитель» читал лекции, кому не удавалось попасть на них, прослушивали магнитофонные записи в кружках общения.

Вот перед нами типичный прием манипуляции сознанием — одна из психотехник НЛП (нейро-лингвистического программирования). Прежде чем дать вам что-то попробовать в опыте, вас подготавливают к этому словом-монологом. Причем слушаете вы его не в одиночестве, а в кружке, что очень меняет подлинное восприятие, подавляет критичность, особенно, если слушается магнитофонная запись, где нет такой необходимой для свободы восприятия обратной связи. Свобода как-то незаметно, сама собой вдруг начинает уступать место предлагаемому единству: люди, не замечая того, обсуждая услышанное, и даже протестуя, споря — все-таки оказываются втянутыми в какой-то новый круг понятий, мыслей, значений, совсем не актуальный для них раньше, а теперь вдруг целиком захвативший их.

Об этом явлении взаимного тяготения свидетельствуют все. Пленки с энтузиазмом передавались, расшифровывались, слушались — возникало горячее поле готовности.

И вот... **долгожданный лагерь**, где семьи оказались свободными от своих естественных родовых связей, которые всегда тяжелы; рядом была другая семья, тоже сорванная с корней. Это было новое «чисто поле» жизни, где установками «учителя» задавались новые, так сказать, «полевые» связи. К ним бы и надо относиться как к отпускным, а не как к существенным и реальным; надо было бы сознаться себе, что правда осталась дома, и она нам не в подъем; но вот отдохнем немножко, поиграем — и взвалим опять эту тягу земную на плечи — кому же ее передашь!

Зная эту мудрость сердцем, но, не имея сил следовать ей, надорвавшись, не зная, к кому, куда бежать за помощью (не забудем, что это 80-ые) — семьи или отдельные супруги, отцы, матери ухватились за эти «полевые» рецепты «учителя Гармаева», за новые алгоритмы понимания жизни и поведения, и, отступая от своих представлений, от своего бесценного сокровища — личного опыта, заглушая голос своей интуиции — двинулись в поход новой жизни и оказались неожиданно... в **другом пространстве**.

Именно в пространстве, а не просто в группе новых друзей-знакомых. Чем же это пространство может быть охарактеризовано? Прежде всего, незримым **новым центром тяготения**, который особым образом организовывал и структурировал всю жизнь данного человеческого сообщества.

Особенности уклада и распорядка дня в поселениях

Идейная и философская основа в первых лагерях, как мы уже сказали, была вся **индейская**. Осуществлялась же она через заданные установки для проживания.

Установки были всевозможные, они касались и общей структуры лагеря, и распорядка дня и личных отношений, и вообще разных областей жизни: физической, бытовой, душевной.

Вот некоторые типичные установки, заданные в поселениях:

Проживаем, но не переживаем! Учимся не доверять своему восприятию чувствам, так как они лгут.

Попробуем вместе исправить, «подкорректировать» нашу совесть, нашу вечно впадающую в ошибки натуру, станем на путь поступательного восхождения, свободы от себя.

Изменим отношения в семье. Так как родители часто «мешают» своим детям, попытаемся ослабить эти родовые связи, разделим детей и родителей, или поменяемся детьми... и пр.

Например, отцу нельзя было смотреть, как дочь расчесывает волосы, а дочь никогда не должна была видеть тело матери. Отсюда мистика отдельных купаний. А была установка на вынужденное молчание, на подавление первичной реакции, ведь она неправильная! Ложная! Устраивались молчаливые походы.

О каких только установках не рассказывают «гармаевские поселенцы». Но вот что удивительно — естественную жизнь духа, чувств, никто не отстаивал, установки были приняты всеми и всеми в той или иной мере выполнялись!!! Так в поселениях возникало мощнейшее поле коллективистского единства, так сказать **новый оглашенный закон**.

Чем он поддерживался? Еще одной установкой — установкой на **постоянные проговоры**. В поселениях принимается особый **распорядок дня**, который утром включал обязательные прослушивания и обсуждения лекций «учителя», вечером — проговоры.

Вечерние проговоры — неусыпное око, страж не только выполнения уклада, но и прожитого дня, внутренней жизни человека, его переживаний, чувств. Во время проговоров следили за тем, как исполняются заданные установки. Проговоры обычно устраивались перед сном, что тоже не случайно: засыпали люди не с живыми впечатлениями дня, а с впечатлениями от рефлексии, от публичного «препарирования» их живых впечатлений, да и самой их душевной жизни.

Какие же темы для «проговоров» предлагались?

«**Проговор о натуре**» — это публичное разбирание, открывание особенностей своей индивидуальности, жизни, поступков дня, грехов — в теплом, как все утверждают, кружке дружественно настроенных сестер и братьев (!) Говорим не только о том, что увидели, услышали, что сказали нам, но и — что самое важное — живя вместе, говорим всем о себе, о своем внутреннем самоощущении. Зачем? Дорогие, зачем? Кому, кроме Бога, можем открыть жизнь души? Только навредим друг другу, станем повязаны как свидетели преступления. Обнажая себя перед другими, раним свою душу; выставляя сокровенное на публичное рассмотрение — устраиваем акт ее поругания.

«**Негатив признание**», когда перед сном предлагалось публично разобрать конфликты дня, обнаружить свои отрицательные эмоции и публично примириться с враждующим.

Легко ли это сердцу? Может ли оно остаться при этом правдивым? Или сделает вид прощения? Один, два, три поспешных, лживых признания — и эмоциональная сфера непоправимо травмируется, чувство правды исчезает, живое переживание гаснет, а вместо всего этого — ложь нормативных чувств.

Еще одна тема для проговоров: «**Когда у меня работа-ет выскочка**» — здесь надо было отчитываться о своей словесной реакции, ловить себя на быстром «невыдержанном» слове. Ведь установка была — «Не отвечать сразу ни на что, а сосчитать про себя до десяти!» Диалог, таким образом, неизбежно принимал искусственные, рациональные формы, непосредственность реакции реально исчезала.

А задумаемся-ка, что это значит — человек без естественной живой реакции? Как его называли в нашей умной научной фантастике?..

Любая игра как психотехника имеет свою технологию, и во всех видах и актах педагогической деятельности А. Гармаева чистота технологии неукоснительно соблюдалась, но это почему-то... совсем не смущало «играющих».

Интересны фотографии поселений «индейского» времени. Интересны и горячи рассказы самих людей, которые были в этих индейских поселениях. Их воспоминания восторженны: преодолевали трудности, ходили в голодные походы, не замечали своих болезней. Этот образ даже не шествия, а именно похода, преодоления себя, перехода через... что? И зачем? Спортивный интерес? Да какая разница что? — сейчас болото, завтра поле, главное — стало легче жить!

Об этом чувстве легкости говорят многие. Что это такое? Эффект метода — поверьте!

По существу, да и по форме «гармаевские» поселения были **длительным психотренингом**.

«Магический кристалл» гармаевской педагогики — **заданное групповое действие-движение**. Любая установка реализуется, то есть проникает внутрь человека, срастается с его реакциями — в движении. Вот и задаются различные виды деятельности-движения, задаются и по содержанию (направлению, структуре), и по форме (скорости, темпоритму и общему периоду, времени движения). Эта заданность движения начинается с утреннего прослушивания лекций «учителя» и заканчивается хронометрированным вечерним «проговором».

Остаться свободным в этом поле тяготения не удастся никому, можно только... уехать из лагеря. С позором, как не выдержавшему испытаний, впавшему в гордыню, теперь уже «погибшему для спасения» и пр. и пр.

Да полно страдать! У нас там было очень хорошо! Все радовались!

И действительно — радовались, и возникали «настоящие духовные семьи», где естественные родственные чувства слабели и уже не так мучили; супружеские страсти холодели, родители уже не противились жесткой, если не сказать жестокой форме воспитания самостоятельности у детей, старшие не болели душой за младших... в общем, шел процесс «оледенения», «окаменения» сердца.

Надо ли напоминать, что евангельская традиция течет в противоположную сторону — к оживлению челове-

ского сердца, к всечувствованию. «Еще ли окаменено у вас сердце?» — спрашивает Спаситель своих учеников, которые страшатся, что им нечем накормить народ. — Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? и не помните?» (Мк. 8.17–18).

В педагогической практике А. Гармаева это окаменение-охлаждение сердца становилось некоей негласной целью, и называлось оно — борьбой со страстями, с натурой.

Вот небольшие и самые безобидные «картинки с выставки».

Во многих поселениях детей в виде эксперимента отправляли на самостоятельное житие на остров или в лес. Старшие должны были заботиться о младших, в общем — школа выживания. Родители почему-то не препятствовали этому явно антипедагогическому эксперименту, потом, правда, некоторые все-таки приходили в смущение.

Так, в поселении 1988 года в Калининской области г. Старая Торопа возле озера Наговье недельный детский лагерь, по словам одной родительницы, просто напоминал концлагерь: вид детей в конце их самостоятельной жизни был как из заключения, они явно одичали. Мальчик 10 лет, когда пришел в себя, признался, что они «там все время голодали, потому и напали на продовольственную палатку, а потом вообще есть стало нечего, собирали грибы, варили их в консервной банке, один раз просто ели лягушек; а я стал собирать сено и заработал рубль, и купили хлеба». Он был очень горд своей находчивостью.

Или еще ошеломляющий рассказ очевидца: девочка ошпарила бедро кипятком, но помощь ей не стали оказывать — «само должно зажить!»

А вот из бытия взрослых (также по словам очевидцев). Группа женщин встретила в поле машину, в которой сидел их «учитель»: Ой! Как хорошо! Подвезите, мы из сил выбились, устали, а идти еще километра два-три. — Садитесь! И поехали — но куда?.. Выгрузил их в 15 км от того места, куда они шли — вот теперь настоящее будет для вас испытание, радуйтесь!

И радовались!

Такая была установка! Магическое слово психотренинга: установка — закон! Противящийся ей — пытается разрушить всю игру, а она, как неоднократно говорил «учитель» — «уже живет! Не разрушай единства! Ведь разрушение всегда нехорошо!» Что тут скажет смущенный родитель!..

Вот краешек мертвой петли метода НЛП — а попросту заморочивание словом, интонацией, личной самоуверенностью, которая на нормальных людей действует гипнотически — таким уверенным может быть только правый, убежденный... Значит, мы чего-то не понимаем...

Ах, наши хорошие, скромные люди! Почему им так нравится быть чьей-то добычей?!

Может, какой голубок и шептал кому-нибудь на ухо, что разрушение лжи, зла, магии — это хорошо; но смущал, простите, «вид учителя». По признанию молодой женщины, однажды бывшей в лагере — «Он (Гармаев) мне казался самой кротостью. Никогда не кричит, не раздражается. А ведь у Феофана Затворника написано: хочешь стать кротким, поживи рядом с кротким».

«Блажен, кто не соблазнится обо мне!» Зачем вообще хотеть стать каким-то? Смотри вокруг — укажет Господь и пути, и труды — делай, что сможешь... На костер тщеславия отправлял «учитель» души своих учеников, возгревая в них стремление «быть хорошим»...

И сколько их?! Тех, чьи сердца оледенели, а души как бы впали в истому «ложного послушания» и «истинно правильной жизни»!

И какой пресной и еще более трудной казалась теперь реальная домашняя жизнь, как хотелось человеку из нее убежать в ту соломенную свободу, которой он глотнул — с «учителем». Но «учитель» не позволял совсем оставить свое родное место. И человек становился узником своей жизни, переставал искать в ней живых токов, угасала его творческая сила; свет под тем колпаком, которым он накрывал свою жизнь, лился уже не от живого солнца, а от мигающего с нужной частотой фонарика «учителя».

Так описываемый психолого-педагогический эксперимент дал невиданные социальные результаты — в процессе этой искусственно смоделированной жизни-игры **возникла реальная новая общность — гармаевцы!**

Это модель не новая. В мире к этому времени уже существует великая империя «преподобного» Муна, также утверждающая себя на новом образе семьи, «Белое братство», «Виссарион», «Киприан» и т. д. и т. д.

Но мы сильно забежали вперед. Хотя развития в подлинном смысле этого слова «гармаевская педагогика», видимо, не знает.

Менялись времена, сменяли друг друга господствующие в стране идеи — менялся и внешний уклад интересующих нас поселений; организация же внутреннего пространства лагерей: психотехника, манипуляция сознанием, введение установок на проживание, публичные проговоры о натуре, самообличение, публичное открывание грехов и пр. — вся методологическая основа, да и структура этой психосоциальной практики оставались неизменной.

Эпоха сарафанов

С 1985 года гармаевские поселения приобрели **русский, фольклорный характер**. Пошла эпоха сарафанов и хороводов, карнавалы лагерей ряженных.

Ходили действительно в сарафанах (!) и косоворотках, причем особенно поощрялась одежда, сшитая своими руками, ибо она несла, по новой, теперь уже русской языческой философии, особую силу, защиту, была обережкой. Бытовые установки теперь повернули в сторону **домостроевского уклада**.

Уклад стал необходимой рамкой жизни, одежда — психологической характеристикой личности, а новой действенной формой общения-единения — хоровод.

Позволим себе некоторое отступление **о хороводе**.

Хоровод — древняя форма не родового, а видового единения. Это язык дословесного общения. Детский хоровод —

игра в добрую жизнь: «сиди, сиди, Яша под малиновым кустом»... попробуй-ка вырваться из нашего круга, кто сильнее? Или идем вокруг елочки наряженной: зайка с лисичкой, медвежонок с улиткой — дружный мир детского рая.

Цветение пола вызвали к жизни юношеский хоровод, который «встроился» в ритуал русского быта — эта была народная форма предсватовства. (Интересно, что у знати она приобрела вид балов, где кружились уже пары, но также по кругу.)

Но есть в хороводе и своя мистика — он не символическое, а древнемагическое круговое шествие. Недаром все шаманские пляски круговые и заговоры цикличны. Хоровод увлекает тело, убаюкиваем ум и незаметно задает новое, свое, движение чувствам.

Хоровод — цепь, и хоровод — целое. Оказавшись в цепи, ты обретаешь силы целого и невольно начинаешь жить его жизнью, радостно не чувствуя этого. Разрыв круга хоровода переживается как убиение живого и оплакивается сроднившейся с ним душой.

Но хоровод не сам движется — его ведет запевала. Он, или тот, кто за ним — истинный центр этого крутящегося пространства, этой вдруг родившейся из сцепления рук вселенной.

Но тот, кто в хороводе, ни самого хоровода, ни его движителя не видит. Дух хоровода туманит его и уводит от тяжести рокового и благословенного самостояния.

В середине 80-х пошли кружить «гармаевские хороводы» по всей-то нашей земле.

А после них, бери душу хоть голыми руками. Если индейская атрибутика еще кое-кого настораживала, то русские лагеря для большинства были — наши! игра в своих! Хотя и она давалась непросто.

Люди, бывшие в русских поселениях рассказывают, что сначала они прятались в своих сарафанах за кустами, смеялись — «что за чушь выдумали!», а потом почувствовали «правду всего этого» и стали упоенно говорить о том, что

они раньше не замечали своей **поступи**, а теперь вот — ее чувствуют.

Сарафанных поселений было много — Калининская обл. (Хотилицы), Тамбовская, Томская, Чернобыль и пр. Как и раньше, лагерям предшествовала подготовка — зимние лекции. Структура же русских поселений также тяготеет к форме психотренинга: утренние лекции-установки, вечерние проговоры, сращение всех в психо-социальное единство в процессе заданного движения и постоянного публичного самораскрытия личности.

Росла, ширилась «новая вселенная», дифференцировалось ее устройство и управление душами ее членов. Духовные семьи теперь стали иметь **«духовного главу»**, которого «рождали» из самой семьи. Опыт ежедневных проговоров, породил нужду в **«проговорном совете»**, некое подобие суду старейшин, нарастал, как видим, «духовный» компонент.

И вот с **1988 года**, по понятным социальным причинам, русские лагеря Гармаева **плавно перешли в лагерь православные**. Поселения стали ставить под монастырями: Шамордино, Оптиная пустынь, Иоанно-Богословский монастырь под Рязанью, Троице-Сергиева лавра и т.д.

Тут уж практикуемые «учителем» формы «коррекции совести» и «перестройки души» приняли системный размах и получили «богословское» обоснование. Зимние лекции стали регулярными, читались они теперь в больших дворцах культуры: «Серп и молот», ДК на Раушской набережной и т.д. А в 1990 году возникли Педагогические курсы преподобного Сергия Радонежского, которые получили государственную поддержку как педагогическая инновация. Теперь были не только летние лагеря, но и зимние встречи-семинары.

На одной такой встрече, зимой 1991г. нам предложили выступить с докладом, а чтобы лучше почувствовать новую аудиторию — прожить, так сказать, изнутри, вместе со всеми весь семинар.

Впечатления от увиденного были ошеломляющими. Размах семинара (это было под Москвой, в каком-то при-

личном пансионате) выдавал явную государственную поддержку: хорошая заказная кухня без мяса, чистое белье, небольшие комнаты, необлезлые койки, отсутствие «вечно бдящего» персонала. Суть задуманного действия не была понятна, но по форме нам предлагался развернутый поэтапный психотренинг с активным элементом нейро-лингвистического программирования.

Людям задавались серьезнейшие, затрагивающие глубины их личности и судьбы темы для проговоров в кружках, причем с ограничением времени. Игра не скрывала себя, хранители времени подгоняли всех, а люди все-таки хотели выполнить задание и открывали в этих совершенно не сокровенных условиях свои души. Коллективная исповедальность создавала страшную неловкость и «повязывала» слушающих какой-то роковой нитью. Тайна, ставшая публичной, делала человека «голым среди волков». Встречаясь с кем-то из своего кружка, вы не могли избавиться от «услышанного от него». Неестественность самой этой ситуации была столь вопиющей, что хотелось только одного — молчать и заткнуть уши, чтобы как-то вернуться к жизни. Но большинство людей с каким-то даже удовольствием говорили о своих проблемах. Видно было, что заданная установка не смущает их: стыд, охранявший сокровенные тайны их души, был уже убит.

Чувство во время кружкового проговора было такое, как будто всех опоили каким-то сладким вином, а тебя обнесли — люди явно находили удовольствие в том «душевном стриптизе», который им предлагался. Протест, призыв не выполнять установку воспринимался ими как личная гордость и слабость, они были убеждены в своем превосходстве и всячески хотели помочь «новичку» преодолеть его самолюбивую дерзновенную немоту.

Затем кружки докладывали «учителю» о том, что им удалось «совместно добыть из наших душ», все это публично обобщалось, а затем предлагалась новая тема для проговора, естественно с ограничением времени. Кто не «сломал-

ся» на первом круге, должен был «пасть» под жерновом второго или, в крайнем случае, третьего. Быть там и оставаться самим собой не предполагалось.

В чем же суть этих кружковых бесед, зачем они, что дают?

Спайку. Крепкую связку людей в одно полумертвое целое...

Так, из «самого чрева китова», добыт был бесценный опыт этого «малого ада». Воочию увидели, что происходит с людьми, как через психотехнику начинает работать установка, на чем «ловят» живые души?.. Приезжали-то на семинар как всегда хорошие люди, которые **хотели стать еще лучше!**.. И хотя многие из них, наверное, слышали старую присказку — лучшее враг хорошего! — а все-таки соблазнились, решили «подкорректировать свои психологические реакции».

В процессе же этого дьявольского по своей жестокости коллективного препарирования душ, люди сами начинали бороться со своим стыдом и незаметно для себя открывали доступ к своему духовному центру — святое святых их личности подвергалось публичному рассмотрению и, тем самым — поруганию. Сняв духовную преграду, человек делал себя беззащитным перед силами тьмы, которые под разными масками претендует занять место Царя истинного, святой престол внутри человека. А тут — им и дорогу освободили. Не успел оглянуться, а ты уже «захвачен самозванцем», сдал себя без боя и, что самое удивительное, подчиняешься этому новому ледящему душу руководству с радостью, с ревностью.

Вот эта-то болезненная ревность и есть первый признак **духовной несвободы**, вовлеченности в некое мистическое поле, **поле духовной зависимости**.

Зависимость от «учителя» среди гармаевцев невиданная. Нам приходилось сталкиваться с тем, что люди, некогда слушавшие и расшифровывавшие его пленки, а потом отнесенные волной жизни на годы в другую сторону — узнавались, что испытывали острую сердечную боль при ма-

лейшем неблагоприятном упоминании имени «учителя». Это подтверждает мистическую природу ученической зависимости, которая с полным правом может быть названа **духовным рабством**.

Надо ли напоминать, что «раб божий» — это звание свободного человека.

Вспоминается здесь евангельский отрывок о пришествии к Христу учеников Иоанновых, ревновавших о своем учителе. Пророк, обращенный к истине, помогает ученикам не стать апологетами своего учителя, а отправляет их к Живой Истине — смотрите сами. И Спаситель также, уважая их свободу, на вопрос «Ты ли, или ждать нам другого?» говорит — смотрите: что увидите, что почувствуете, что уразумете — то и будет вам ответом!

Свобода есть непереносимое условие духовной истины. Подлинно библейская традиция невозможна вне этого. Свободен путь Адама (человека), свободен и личностен его ежечасный выбор. Желание «сделать» нового человека — страшное искушение гордецов, не чувствующих Промысла Божьего, не доверяющего Его путям и трудам.

Духовно-педагогическое пространство

Педагогика — духовный процесс, и потому тревожащая многих практика священника Анатолия Гармаева должна быть осмыслена сегодня еще и в категориях **духовной целостности земного бытия**, отражающих связь внутриличностной жизни человека с окружающим его общественным пространством и природой.

Духовно-педагогическое пространство является неким онтологическим феноменом. Человек не исчерпывается ни своей физической, ни психологической индивидуальностью, он больше мира, в котором пребывает. Педагогическая среда¹ как сеть реальных психологических связей есть лишь зримая, так сказать, земная часть педагогического пространства. При активизации внутриличностного духов-

¹ См. Выготский Л.С. Педагогическая психология. Собр. соч. т. 2.

ного мира человека среда раздвигает свои границы до пространства — дух творит новую реальность¹.

Дух — первая характеристика любого пространства. Дух животворящ, и вокруг — живая цветущая и плодоносящая нива, «...древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой». Но, знаем — бывает и дух смердящ...

Живой дух стяжается **живым соборным словом, словом-деянием**. Роль такого слова-деяния может выполнять **духовный диалог**. Этим словосочетанием могут быть названы разные формы общения: и беседа, и совместная деятельность, и отдых, и молчание, и любовь... Но есть одно непереносимое условие для зарождения и течения этого удивительного процесса духовного диалога — он **не может быть целевым**. Он возникает тогда, когда нет задачи управлять человеком, прививать ему свои взгляды, добиваться какого-то определенного поведения, чувства. Поэтому настоящий духовный диалог может **возникнуть только из со-бытия**, из всех возможных форм жизни и деятельности, свободных от обмана, насилия и использования человека в своих целях.

Кроме того, и сама деятельность человека может быть разной: механистической, в глубине автономной, а может быть — творческой, соборной. «Работайте Господеви со страхом», то есть на совесть, ища не поверхностного результата, не личного удовлетворения, не похвалы товарищей и начальствующих — а **свершения замысла**, открывающегося поступательно в процессе самого дела.

Чтобы хоть как-то «работать Господеви» нужно, чтобы пребывание вместе было не насильственным сопряжением психологических и биологических разностей, а устремленностью разных — в одно, может быть, даже кажущееся простым, не имеющем явных духовных задач деяние;

¹ О взаимосвязи пространства и среды см. Священник П. Флоренский. Анализ пространственности и временив художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс. 1993.

деяние, заданное самой жизнью, рожденное из ее нужд, которые человек своей душой и совестью способен воспринимать и чувствовать. Только когда мы чувствуем дело, а не себя, когда действуем творчески, по внутренней необходимости, а не автоматически или по указке — мы учимся «работать Господеви».

Духовный диалог в начале своем, в первой фазе **не центростремителен, а центробежен** по своим энергетическим токам. «Работать Господеви» — это не стремиться к себе, к своему душевному и физическому комфорту, не носиться с собой как с писаной торбой, а **уходить от себя**, не говорить о себе, а забывать себя — для дела, для труда, для любви, для вслушивания в жизнь.

Только при условии этого «забвения себя», этой трудной работы, мы можем ощутить высший закон над собой и увидеть, наконец, другого человека рядом с нами. Именно «забывая себя» люди вдруг начинают реально обнаруживать незримые духовные связи, пронизывающие жизнь, теперь ее глубинные струны звучат уже в их сердце. Не декларируя, не «отслеживая» изменения своего состояния, оно ведь действительно состояние, — человек преодолевает рубеж личной ограниченности, вязкости среды, стереотипных образов времени, культуры, языка — его влечет сила единения с высшим — дух творит новую реальность.

Тогда деятельность, как бы проста она ни была, наполняется духовным содержанием, и возникает живое духовное поле, ощущаемое людьми как соборное единство, восхищенность в новое благое бытие, в любовь.

Вот **первая фаза** духовного диалога. Она **экстатическая** (выход, отход от себя): через творческую деятельность человек освобождает свои высшие духовные силы от психологического «пленения». Его духовная готовность быть возделанным дает возможность Духу Божию «оплодотворить» это новое духовное поле, стать центром тяготения этой новой соборной общности. Так, из духовного диалога возникает онтологический феномен — живое духовно-педагогическое пространство.

Опыт бытования в этом духовно-педагогическом пространстве уникален, он запоминается не как факт обыденной жизни, а как причастность высшей жизни, высшему, открывающемуся нам общению. Это пребывание в духовной зоне ближайшего развития¹. И дает оно краткий, но реальный личный духовный опыт, **опыт благого бытия — события**.

В этой новой реальности наблюдаются закономерности, характерные для любого **живого органического целого**: новое живое целое дает новые возможности своим членам.

Это **вторая фаза** духовного диалога — **эксплицитная** (от «expletio» — исполнение, доведение до полноты.) Духовно-педагогическое пространство как живое творческое поле активизирует, приводит в движение, воскрешает все творческие силы человека, и пока «молчит всякая плоть человеческая», каждому хоть в какой-то степени удастся преодолеть ограничения своего психологического «Я». Индивидуальность же человека при этом не только не угнетается, но, наоборот, расцветает, получает **возможность свершения, восполнения**. **Человек живет собой высшим**, он становится проводником в еще не явленное, но родное и возможное.

На этом этапе, как видим, процесс духовного диалога меняет свой вектор — теперь он направлен к человеку и **становится актом его внутриличностного бытия**.

Духовно-педагогическое пространство как творческое целое пробуждает в человеке **живое чувство правды**, дает **новый язык, как путь уподобления этой правде**. Теперь внутреннее пространство личности создается и насыщается ее деятельным словом. Чувство правды становится новым центром тяготения, и начинает определять приоритеты: что является основополагающим и центральным, что периферийным и частным. Так «духовная вселенная» человека получает новый образ, который какое-то время, как

¹ О зоне ближайшего развития см. *Выготский Л.С.* Собр. соч. в 2-х т. Т.1. М. 1982.С. 250-252.

некий начальный «логос», будет хранить границы святого внутреннего пространства личности, удерживать его в целостности обращенностью к высшим истинам, к сущностному центру жизни.

Этот эффект нам многократно приходилось наблюдать и в группах развития детей и в творческих группах взрослых. В пространстве духовного диалога каждый вдруг обретал духовную интуицию и, чувствуя свое высшее, небесное происхождение, начинал расти, приобретать личностное своеобразие и своим, все больше и больше открывающимся ему путем двигаться не к союзу-слиянию с друзьями, а к единению с его настоящим Прообразом. «Благословен Грядый во имя Господне!»

Духовно-педагогическое пространство обладает могучей созидательной силой, оно действительно становится благодатным полем личностного развития даже для тех, кто вначале был закрыт и не готов понести груз незавершенности.

А теперь представим себе **обратное действие**. Возможен ли другой диалог? Не каждый же наш диалог является благодатным со-бытием и оставляет сокровенной и расцветающей внутреннюю духовную и душевную жизнь личности!

Сейчас, кроме бытовых и служебных диалогов, против которых мы, конечно, ничего не имеем, получили невиданное распространение «скоропомощные, спасительные» **психотерапевтические** формы диалога. Такой диалог, в первой своей фазе почти всегда — **экспозиционный**, активизирующий конкретную психологическую реальность личности, привлекающий внимание именно к той психофизической и духовной ограниченности, которая и для самого человека является камнем преткновения. Если это разговор двоих, врача и пациента, то это, по сути, душевная хирургия, а никак не терапия, и мера нанесенного вреда будет зависеть только от квалификации «врачующего». Но если в поле такого психотерапевтического диалога будут втянуты несколько людей, — в нем начнутся другие, социо-психологические процессы. Какие же?

Не будем впадать в ошибки фрейдистов: обнаруживая, демонстрируя свои личные и личностные проблемы — мы от них не избавляемся. Более того, став свидетелем внутренней жизни других людей, мы препятствуем их исправлению и развитию: образ, от которого надо бы избавиться, продемонстрирован всем и этим закреплен не только в сознании признавшегося, но и в коллективной памяти данной общности. Теперь он самодостаточен — довлеет себе.

Так диалог, **выводящий внутреннее бытие во внешнее** создает мощное силовое поле. Какие процессы пойдут в нем?

Публичное внимание к себе, своим проблемам, делает диалог разрушительным — активизирует психологическую, а не духовную жизнь в людях. Все это укрепляет такие межличностные связи, которые и без того плотную среду реальности делают «вязкой», как бы сцементированной общими исповедальными признаниями. Духовное движение в такой среде сильно затрудняется, становится почти невозможным — люди оказываются в опыте чужой природы, чужих страстей, грехов друг друга. Этот тяжкий груз ложится на каждого, не освобождая, а угнетая, связывая личность.

Поле, среда, как любое, не оформившееся явление, тяготеет стать пространством, то есть обрести структуру. Это будет возможно лишь тогда, когда явится центр тяготения. Что может им стать при той духовной непроницаемости, в которой оказываются души людей, повязанные чужим, ненужным им знанием и опытом?

Воля. Чья-то восставшая воля, возжелавшая направить, «оседлать» эту стихийную силу тонкой человеческой природы. И действительно, нет оркестра без дирижера, нет коллектива без лидера, нет собрания без председательствующего, управляющегося с так называемой «энергией масс».

Единственным исключением здесь у нас является Церковь, собрание, с духом святым, Который не унижает человека управлением, а пробуждает к жизни его духовные

силы — освобождает и вдохновляет. Духовно-педагогическое пространство, которое мы описывали ранее как некоторый онтологический феномен, есть продолжение этого длящегося чуда Церкви — «где двое или трое собрались во имя Мое, там Я посреди них». Но непременным условием этого собрания с Духом является устремленность каждого именно к Нему. Душа человека бежит к Священному Центру, в ней самой нарастают силы центробежные, а в возникающей новой общности — центростремительные.

Когда же внутренний взор людей обращен на самих себя — ни собрание в Духе, ни со-бытие, и вообще никакая творческая деятельность просто не возможны. А если при этих начальных условиях будет задан диалоговый режим общения и предложено в «спасительных целях» открывание «своих проблем», возникнет даже **не экспозиционное** («expose» — выставлять), а **презентативное, демонстрационное поле** — человек застынет в нем экспонатом.

Но только при первом поверхностном взгляде эта модель может показаться статичной. Душевная эманация — психофизиологический процесс, который очень трудно остановить. Будучи спровоцирован, он незаметно снимает печати сокровенности с личностного бытия человека и запускает новый механизм его внутренней жизни. К тому же, говорить о себе плохо или хорошо — это все равно «говорить о себе». Презентация своих чувств рождает горячую любовь к ним, самолюбие торжествует победу, питаемое центростремительными силами «отрицательного эгоизма». В этом множестве довлеющих себе автономностей естественно зарождаются вихревые силы борьбы и противостояния. Энергетическое поле насыщается ими и «жаждет» центра, чтобы упорядочить себя, стать пространством, «вселенной». Человек же внутри этого поля также жаждет центра, чтобы хоть как-то организовать свою внутреннюю жизнь, в которой пробита гигантская «брешь».

Центр явится изнутри этой открытой психологической среды, и каждому будет дан, задан «спасительный» образ его действия — всем сразу станет легче. Этот второй

этап социо-психологического диалога по механизму — **имплицитный** (от «**im-plito**» — вплетать, тесно связывать, повивать, задерживать, обхватывать). Воля, оказавшаяся в центре, будет дозвонить и проявляться в каждом человеке связанностью его личных чувств, неспособностью к живому восприятию, самостоятельному суждению, решению.

Если вдруг зародится такое страшное явление — не к человеку потекут силы, а будут уходить из него. Центр такого антипространства — черная дыра, воронка, куда будет утекать жизнь; оно будет «вытягивать» волю из людей, лишая их творческой активности, препятствовать развитию, и вообще всем естественным душевно-духовным процессам, текущим в человеке. Да и можно ли будет такого «зомби», такого «биоробота» назвать человеком?..

Энергетическое поле такого «антипространства», замораживающее все живое, может быть очень сильным, в зависимости от того, какова сила «сосущего» центра. Вот откуда мощь несправедливого братства! Она может возникнуть не только из союза на крови, но и от мистической (не хочется говорить духовной) связи. Связи, которая лишает человека свободы воли, чувства, желания, личного пути.

Это роковое явление и стало предметом рассмотрения в данной статье. Механизмы действия выдают, открывают здесь древнейшую форму пленения душ. Что вызвало ее к жизни? Какие общественные, внутриличностные или церковные катаклизмы? Наверное, и те, и другие. Но чтобы пришли силы восстать против этого «нового образа» семьи, любви, жизни и самой веры — надо своими глазами увидеть молодых «на приводе», со сломанной волей, ничего не видящих и не слышащих, с омертвевшей, как будто «выпитой» кем душой! И сколько их встречалось, оглушенных, втянутых в чужую судьбу! «Я жизнь положу, — слышу, как сейчас, голос С.Ч., — чтобы понять, куда девается сила! Два года назад пришел человек первый раз в группу, был живой, настоящий, сильный. Стал слушать записи, поехал в поселение, семинары — и теперь мертвец!»

Как вернуть человека к жизни, как оторвать от силы, усладившей и поработившей его?

Сегодня, надо сознаться, педагогическая практика Анатолия Гармаева имеет всероссийский размах. Говорят, что во время крещения, в 80-х с него взят был обет — не заниматься социо-тренингами, но, как видим, обет этот не связал силы, жаждущей наставлять и управлять — сила эта оказалась востребованной нашим хитрым временем.

В Волгограде работает уже несколько лет педагогическая школа Гармаева (училище), теперь он — священник, и тем для многих приобрел законные полномочия духовного водительства. Одна за другой выходят его наставнические книги, **о которых говорить никак нельзя**. С одной стороны нельзя, потому что нельзя касаться высоты и авторитета «учителя», с другой — нельзя, потому что вообще нельзя серьезно относиться и пытаться научно разобрать шаманский заговор. А издания А. Гармаева — это именно расшифровки его лекций, наговоренных для прослушивания, для создания определенных установок у людей.

Жанр — неопровержимый судия. Жанр книг А. Гармаева обличает его, выдает полную свободу его сомнамбулического вещания. Не опыт, не научное исследование, не наблюдение, не искусство, наконец, но **«экстатическое словоистяцание»**, свободная смесь различных терминов, утверждений, призывов, «доморощенных откровений» и построений. Смесь бездоказательная, притягивающая к себе разве что безапелляционностью. Но любое пустоговорение таково, оно не для понимания, разбора или анализа говорится (пишется), а для **возбуждения ума, чувств**, для привязывания к себе, для неукоснительного следования, подчинения, причем не букве, а самому духу, властвующему в этом заданном словесном силовом поле.

Но может быть, есть там и правильные вещи?

Одна прекрасная украинская поговорка гласит — «Чтобы понять, что окорок тухлый, не надо его есть весь!» Дух, мертвый и мертвящий дух, больше, чем, что бы то ни

было, обличает и книги, и практику, и учителей, «испеченных» в гармаевской школе.

Об этих учителях — особо. Любое учительствование опасно, вредно для души. Спаситель оставил нас здесь **быть Его учениками**, вечными учениками. Но жизнь требует детоводительства, что ж — протянем руку ребенку! Она нужна ему больше наших слов. Но ведь не такой педагогике учит Гармаев. Его учитель не прошел должной долгой школы ученичества, ничем не загорелся, не нажил своего личного опыта ни в деле, ни в жизни. Он вообще как-то удивительно бесчувствен и безличен, и этим просто пугает.

Но отважimsя приблизиться к нему — и нам откроется самое, может быть циничное: раннее посвящение в учительствование в «гармаевской» школе — это один из методов **блокирования развития человека**, торможение его мышления. Нельзя наставлять других, пока жизнь не сделает тебя настоящим наставником. Учительствование непоправимо развращает учительствующего.

Честный человек должен был бы воспротивиться, сказать — не могу я учить других жить, у меня самого много вопросов, да и молод, и специальность другая, и не умею... Но тут его успокаивают: мы все такие и никто из нас не учитель, мы же лишь помощники, надо же помочь людям, будем друг другу помогать и так вместе спасемся...

Кто тут устоит?.. А надо стоять! Человек подавленный, жаждет подавлять других, униженный — унижать, тот, у кого, заморочив, отняли волю, сбили с пути, выдернули из родной колеи — будет неудержимо рваться к наставничеству, потому что только там он обретет некое подобие былой полноты. Только там его самолюбие получит тайное удовлетворение, и чувство личного превосходства, теперь уже увенчанное лаврами, возляжет на душу, как ее надгробная плита.

Гармаевский учитель, может быть, вовсе и не учитель. Ни одной-то педагогической ситуации разрешить ему без психотехники не удастся, никаких-то помогающих делам методик не знает, и «родить» их в учебном процессе,

который есть живое искусство — не может! Не только ребенка, никого и ничего он не чувствует, потому и жалости не знает, и стремится лишь к одному — «железной рукой загнать человека в клетку рая, нарисованного «учителем».

А еще ведь есть, по Гармаеву, ступени духовной зрелости. На какой вы находитесь? На этой? А я — на следующей! Значит, мне видней, что вам полезней, слушайте и не смущайтесь, это все для вашего спасения и блага...

Осталось сказать только о том, что многие из учеников этого «всеучителя» теперь в духовном сане. Их верность непоколебима. Не смущаясь своей молодостью, они учат нас несмысленных жить, дышать, ходить, любить, обнимать подруг, мужей, распознавать «аномалии родительской любви» — и откуда все это им известно?!

Новые книги наполняют церковные прилавки, приучают нас к «НЛПишным» технологиям, приемам, приручают: «И на что вам ваша свобода, одни хлопоты от нее и грехи!» И то правда! — умно учат, умело говорят, льют новый «свет православия». Нет вопросов! Вот все больше людей вокруг и хотят быть учителями, чтобы тоже всех учить...

Порой кажется, что «гармаевская педагогика» — это какая-то газовая гангрена в теле нашей измученной перестройками и нововведениями России. От какой раны она пошла, и как остановить распространение этой духовной болезни, снедающей души людей?

Какими же силами воздвигнут этот ламоподобный колосс в нашем русском поле? Имя им означено в Евангелии. Но, не забудем: как все колоссы — он на глиняных ногах. Если не приближаться к нему, не цементировать его основание нашим поклонением и подбострастием, не поддерживать пьедестал мрамором нашей верности — дождь, обычный Божий дождь размочит опоры — и рухнет кумир. Ибо стоит он только нашим самолюбием, пристрастиями и слабостями.

Да не убоимся тьмы, испокон веков воюющей со светом!

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВА ПРАВДЫ Доклад на педагогической конференции 2008 г.

Задачи педагогики меняются со временем. В иные, критические ли, судьбоносные ли периоды истории общественные идеалы так быстро трансформируются, а то и просто замещаются одни другими, что школа, стремясь поспеть за этим маршем, невольно срывается со своих корней, и, оторвавшись от традиционной для себя системы ценностей, как бы «зависает» в сегодняшнем дне, начинает «веровать» в него как в единственное откровение.

Желая как можно лучше подготовить детей для этой, еще не обретшей устойчивых социальных, культурных и нравственных форм жизни, грянувшей как рок-гром, наша школа вошла сегодня в **режим примитивного плюрализма**, а проще — относительных истин. И неожиданно для всех самым неудобным понятием для педагогики нового тысячелетия оказалось понятие «правды». Да, да, «правда» как непоколебимая объективная реальность, как структурный закон жизни и внешней и внутренней и как знание об этой жизни — сама возможность правды вдруг оказалась под вопросом.

Гуманитарный цикл в наших школах «разрыхлился» и разросся во множество частных, не необходимых для детей предметов, как-то сама собой «правда» заменилась в речах учителей на «точку зрения». Цикл естественных и точных наук оказался так сокращен и лишен практической и экспериментальной своей базы, что объективная реальность с ее физической правдой детям стала представляться как некая сумма частных случаев в той или иной области. Системное обучение, которому поколения россиян обязаны были своими стройными знаниями и самой способностью мыслить, как-то ушло из школы, перестало быть задачей образования. Результат ли это реформы школы, или ее побочное, не предполагаемое действие — сказать трудно, но одно ясно: в головах школьников начал царить хаос или по-

просту смесь из разновеликих и разнозначимых фактов.

Грустный пример. Летний лагерь, беседы со старшеклассниками, словесная игра. Загадываю всемирно известную личность, дети должны задавать вопросы, на которые я могу ответить только — «да» или «нет», или «отчасти». И так шаг за шагом они должны отгадать, кого же я задумала. Сидим у костра, все располагает к вечерним разговорам, размышлениям.

И что же! Почти все знали, что у Петра Первого был 37, а может быть, 36 размер ноги, но о его государственных делах и трудах, о науках, о Полтавской битве никто не вспомнил, не говоря уже о датах основания Петербурга. С датами вообще проблема, Иван Грозный «воюет» у нас с декабристами, польское нашествие оказывается после французского, в общем, «почто мятутся народы». Но главное, сам процесс задавания вопроса для большинства ребят был очень труден, а уж найти поступательными вопросами время жизни, область деятельности, чем обычно и прославляются люди — почти невозможно. Все время приходилось не просто помогать, а буквально «тащить на прицепе». Умеют ли думать? Учили ли их хоть как-то сопоставлять факты, события? Они знают какие-то мелочи, частности, которые не характеризуют великую личность, и даже понимая это, сдвинуться с мертвой точки не могут.

Заинтересовалась, чем же заполнены уроки? Курьезами. Частности, интересенькие случаи, исключения сегодня признаны за необходимое содержание образования и наполнили собой учебники истории, географии, биологии и пр. Формы развивающего обучения стали тяготеть к анекдотам, а выражаясь языком современного школьника — к «приколам».

А как же правда жизни?! Наблюдения по географии, а дневник погоды, природы! А проращивание зерна, а школьный уголок зверей! А лакмусовая бумажка! А лабораторные по химии, физике, а как молния проскакивает между металлическими шарами, этот учебный прибор еще Циолковский показывал своим ученикам. Ни-че-го. Ребята

честно незакомплексованно отвечают — нет, не знаем, не видели никогда, не слышали об этом...

А правда слова?! Правда факта, истории, письменных свидетельств культуры?! «Что такое правда? — был вялый ответ — это вещь относительная...» Тут все вдруг оказались единомышленными. Но все-таки игра продолжалась, что-то их привлекало или просто было нечего делать. Так или иначе, то один, то другой хотели загадать великую личность — а теперь я! а теперь я загадываю! И загадывали, но как оказывалось, ничего о ней и сами не знали. Другие же «бились» с вопросами, им удавалось только повторить уже заданный, разработанный ранее вопрос, новый в их устах не рождался, он даже не застревал в горле, а как-то бессловесно «стоял» в глазах. Иногда интуитивно удавалось его так сказать «вынуть из недр», озвучить, но не всегда.

«Итак мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас». (Прем. Соломона 5, 6).

«И суд отступил назад, и правда стала вдали, ибо истина преткнулась на площади, и честность не может войти. И не стало истины, и удаляющийся от зла подвергается Оскорблению». (Исаия 59,14,15)

«Как сделалась блудницею верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь — убийцы». (Исаия 1,21)

Надо сказать — это были очень хорошие, нелживые дети, они сами удивлялись, что ничего не знают и ничего не понимают, но сделать ничего не могли.

Бессловесие вот как можно было бы охарактеризовать их состояние.

Бессловесие при бесконечном пустоговорении. Бессловесие, потому что настоящее слово значимо, глубоко и сопряжено с правдой. Оно откровение человеку о нем самом, о мире, о жизни, о Боге. И это слово правды, его зерно, человек носит в себе с детства, это — совесть. Совесть живет в нас помимо воли, пока ее, как неудобную речку не начнут забрасывать битым кирпичом риторики, краснобайства и

другими строительными отходами «перестройки умов». И школа в воспитании совести, а точнее поддержании в человеке этого чувства правды играла во все времена огромную роль. Даже ничего не говоря о Боге, школа держала рубежи, охраняла границы чести, и малая школьная правда — все была правда, малое слово — все слово, начало духа.

Сегодня смотреть на детство и отрочество и трудно, и страшно. Порой кажется, что, заботясь о бесконечном множестве частных малых нужд, самое главное ускользает из воспитания, ускользает то сущностное слово, та необходимая **правда понимания жизненных процессов и явлений**, которая и дает нам возможность осмыслить свои действия и чувства, и не с этого ли начинается настоящая свобода личности?

«Правды, правды ищи, дабы ты был жив и овладел землею, которую Господь, Бог твой, дает тебе!» — призывает нас Священное Писание (Втор.16:20). 340 раз слово «правда» с однокоренными словами упоминается в Библии¹. Прежде всего, в самом имени Божиим:

«Благословляйте Господа правды и превозносите Царя веков!» (Тов.13,6)

«Когда я взываю, услышь меня, Боже правды моей!» (Пс.4,2)

«... Ибо Господь есть Бог правды: блаженны все уповающие на Него!» (Ис.30,18)

«...Воздвиг от востока мужа правды». (Ис.41,2)

А сколько этих образов в богослужебных, литургических текстах! Первым вспоминается, всем известное

«Тебе кланяются, Солнце Правды и Тебе веди с высоты востока» (Тропарь Рождества Христова).

И Бог Правды дал нам откровение правды, как свой закон.

«Я Господь, изрекающий правду, открывающий истину». (Ис.45,19)

«Явил Господь спасение Свое, открыл пред очами народов правду Свою». (Пс.97,2)

«Бог Святой явит святость Свою в правде». (Ис.5,15)

«Правда и суд — основание престола Его». (Пс.96,2)

«Десница Твоя полна правды». (Пс.47,11)

«Откровения Твои, которые Ты заповедал, — правда и совершенная истина». (Пс.118,138)

«Правда откровений Твоих вечна: вразуми меня, и буду жить». (Пс.118,144)

В Библии многократно повторяется, неуклонно свидетельствуется, что Господь заповедал нам **правду как главное дело жизни**, как путь.

«Так говорит Господь: сохраняйте суд и делайте правду; ибо близко спасение Мое и откровение правды Моей». (Ис.56,1)

«Начало доброго пути — делать правду; это угодно пред Богом, нежели приносить жертвы. Ищущий Господа найдет знание с правдою; истинно ищущие Его найдут мир. Милосердием и правдою очищается грех, и страх Господень отводит от зла». (Притч.16, 5-6).

Но сегодняшний человек встроен в структуру города, школы, класса. Он растет в несвободе заданных установок, этих параметров нашей цивилизации, это — контекст его жизни. Можно ли и самое главное — надо ли возвращать его к правде, к той божественной свободе, свободе чувствования, совести, мысли?

Серьезный вопрос. Но ответ прост: смотря на чьей мы стороне, в «какой команде» играем?

«Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды». (Исх.23,2)

Если хотим выжить здесь и теперь, заигрываем с этим миром, с его поглощением человека, втягиванием его в свою индустрию комфорта, потребительства и разврата, если принимаем «законы мира сего», — тогда действительно не стоит «табуретки ломать», свободу можно вполне заменить удовольствием, правду — выгодой. Но если Евангельский дух ощутим нами, и духовное сообщество Церкви действительно волнует, страшит нас, то не может душа не замирать от предвестий будущего Царства — царства живых и царства правды.

«Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда». (2 Петра 3,13)

«Милость и истина сретятся, правда и мир облобызается; истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес; и Господь даст благо, и земля наша даст плод свой; правда пойдет пред Ним и поставит на путь стопы свои». (Пс.84,11-14)

Не можем мы отречься от этого благовествования, нет, нет, не установки мира будем вживлять в человека, а его самого, как сосуд Божий сохранять: не человек для мира, но мир и жизнь — для человека Божия.

Думается, что у сегодняшней христианской педагогики все-таки есть задача **развития в человеке чувства правды**. Развитие и поддержание его, так как вообще-то оно соприродно самой душе человека.

«Душею моею я стремился к Тебе ночью, и духом моим я буду искать Тебя во внутренности моей с раннего утра...» (Ис.26,9)

«Истаевают очи мои, ожидая спасения Твоего и слова правды Твоей». (Пс.118,123)

Чувство правды — центр духовной личности. Это и — правда чувства, и правда факта, и правда мысли и слова человека.

Правда чувства будет отвращать от лживых проявлений лести, слащавости, голой ходульной идеологичности. Душа — чувствилище, как свидетельствовали святые отцы. И физические, и душевные, внутренние наши чувства — наши слуги. Воспитание чувств — серьезная задача.

«И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его — истина». (Ис.11,5)

«Послушайте Меня, знающие правду, народ, у которого в сердце закон Мой!» (Ис.51,7)

Воспитание чувств ни в коем случае нельзя считать делом только эстетического воспитания. Как раз эстетическое, как развитие чувства прекрасного, переживание пре-

красной формы, не должно быть ведущим¹. Для ребенка правда, то есть сущность, важнее формы, он ее чувствует и ищет повсюду. Ребенок от природы доверяет жизни, **ожидание правды** во всем и от всех — вот как можно было бы охарактеризовать пору детства.

Но мир «воюет на правду». Духовного опыта противостояния у ребенка еще нет или мало, и, если не поддержать «его правду», оказываясь обманутым, он отрекается от голоса совести ради жизни и предаёт свое внутреннее сокровище.

Воспитание чувства правды — это прежде всего **правдивое слово о жизни**, которая ребенка окружает, не полнота правды, которую ребенку не снести, да и не всякому взрослому по силам. Но та мера правды, которая поясняла бы и уточняла окружающий ребенка мир, мир не столько его чувств, сколько предметов и явлений, действий и, конечно же, слов. Чувства зреют внутри, их не следует брать сформировать. Воспитание чувств — это настройка тончайшего прибора — человеческой личности. Поясняйте окружающее, происходящее, рассматривайте природу, трудитесь вместе — и эта настройка, а вернее самонастройка будет происходить сама.

Но не забудем, что чем меньше ребенок видит плохого, тем лучше. А уж если довелось ему быть свидетелем какого-нибудь зла, пережить насмешку, издевку, неприязнь, страх... то, не надо с ним разбирать эти чувства, ни обидчика укорять и пояснять, почему он так сделал, ни его ответные чувства приводить к какому-то «допустимому уровню». Нет, в нашей практике мы видели, как для ребенка самого тяжела ноша чувств, и как только есть возможность

¹ Чрезвычайно интересным нам представляется взгляд на эстетическое митрополита Антония Сурожского (Блюма). См Доклад А. Пайман. «Владыка Антоний, митрополит Сурожский. Анализ подхода к литературному произведению», прочитанный на конференции, посвященной памяти Владыки, 30 сент. 2007 в Библиотеке Русского зарубежья. Москва.

уйти в какое-нибудь действие, он бросается в него с головой. Не обращайтесь к его чувствам, **не учите душу дышать**, она это отродясь умеет. Быть рядом — это вовремя предложить какое-нибудь подходящее дело-действие. А чувства, если они захлестнули сердце, в процессе этого дела — сами придут в свою норму, только дайте время.

Правда факта. Что мы понимаем под этим? **Чувство живого органического пространства с его живыми процессами и силами**¹ и в противоположность ему — интуитивное чувство лживого, поддельного, фальсифицированного.

«Город правды, столица верная...» (Ис.1,26)

«О, если бы ты внимал заповедям Моим! тогда мир твой был бы как река, и правда твоя — как волны морские». (Ис.48,18)

Поясним.

Жизнь физическая полна не только предметов, но процессов, явлений. Они могут быть органическими, то есть естественными, свободными, соразмерными своей силе и направлению. Все природные и биологические явления таковы. Но жизнь составляют не только эти физические процессы и явления, даже следовало бы сказать — не столько они; **жизнь, прежде всего — встреча этих живых природных сил с творческой, эмоциональной и духовной силой человека.**

Органическая жизнь — это соответствие сил, действующих в среде, самому пространству действия, это естественное возникновение, развитие и завершение явлений, естественное течение процессов. Чувство органического целого — вот что такое правда факта. И оно естественно для человека, так как он сам — часть этого целого, но свободная, волевая его часть.

«Благословенно дерево, чрез которое бывает правда!» (Прем.Сол.14,7)

¹ Интересной здесь может быть прекрасная работа русского религиозного философа Н.О. Лосского «Мир как органическое целое» / В кн. Избранное. М.1991.

Воля наша может созидать, а может и разрушать целое жизни, может растить, укреплять его, не нарушая живых процессов внутри этого божественного творения, а может и воевать с ним, как неразумное дитя воюет на мать. «Да будет воля твоя» — молим мы Творца, чувствуя в себе эту одновременно и созидательную и разрушительную силу, дарованную человеку — «или хочу или не хочу, спаси мя». Но, уповая на Творца, на откровение правды, сами должны готовить себя к ней.

Правда факта, чувство органического целого воспитывается, прежде всего, нахождением, восстановлением контекста действия. Любое явление должно быть рассматриваемо в контексте исторического, культурного и природного пространства — в связях всех действующих в этот момент времени сил. Оторванный от контекста факт не может быть осмыслен, и чем шире контекст, тем полнее может быть усмотрено значение того или иного явления, природы ли, культуры ли, общества. Процессы органические встречаются в нашем мире с явлениями механическими, живое с неживым, косным¹. Неживое, косное — это то, что не устремлено к единству с живым органическим целым, а преследует частные цели, рекламы ли, наживы, самоутверждения ли... Только контекст может выявить сущность, жизненность, органичность, или обнаружить искусственность, ложность, фальсификацию того или иного факта.

Но что значит восстановить контекст явления? Это значит увидеть как можно больше окружающих его процессов и обнаружить его «аристотелевы причины». Нужно учить детей выявлять глубину и структуру всякого явления и процесса, искать истинный центр тяготения, и затем

¹ Как здесь вспоминаются рассуждения о косной и живой материи академика В.И Вернадского. Ища признаки живого и неживого, он почувствовал, что естественная среда находит свое разрешение и исполнение в ноосфере — освещенном человеческим разумом пространстве его воли и духа. См. Вернадский В.И. «О косной и живой материи», «Размышления натуралиста» и пр.

пытаться уловить связи, подобия, параллели и противодействия этого нового явления и уже знакомого, родного потока жизни, осмысленного личного частного и общественного опыта.

Чувство правды не есть что-то привносимое в существо человека. М.Цветаева говорила, что поэт — это душевно-художественный рефлекс. Так же и чувство правды есть рефлекс живого человеческого сердца, ума, всей памяти жизни, прожитой поколениями. Сегодня в нашем общественном и личном бытии происходит активное угнетение этого душевно-духовного рефлекса. Организация эмоций, фальсификация фактов истории и культуры, манипуляция сознанием человека стали в наше время почти нормой общественного бытия¹. Информационный натиск, недифференцированный поток усеченных, вырванных из контекста фактов, скорость подачи материала, наконец, отсутствие времени на реакцию — все подталкивает сегодня человека к легковерию и поверхностному восприятию, делает его послушным и легко управляемым, как заводная механическая игрушка.

Правда факта это чувство живого и неживого, естественного и сфабрикованного, заданного с какой бы то ни было целью или рожденного. Но мы должны быть готовы к тому, что в противоположность чувству единства с этим живым органическим целым в человеке под воздействием среды может вырасти и желание стать механической частью заданного механического целого. Это будет и проще и удобней и выгодней. Поступиться надо будет только одним — правдой.

Собственно об этой угрозе утраты чувства живого давно говорили пророчествующие писатели-фантасты всего

¹ См. *Кара-Мурза С.Г.* «Манипуляция сознанием». М.: Алгоритм-книга, 2000. (Необходим именно это, первое издание, так как последующие «переработки» есть продукты той самой «индустрии власти», которую так сокрушительно правдиво высветил автор).

мира (Бредбери, братья Стругацкие, Станислав Лэм и др.) Утрата чувства правды факта ведет к механистичности жизни, человек перестает отрицать зло и растит в себе потребительское отношение к миру и ко всему, что его наполняет, к самому бытию.

«Лучше немного с правдою, нежели множество прибитков с неправдою». (Притч.16,8)

Правда факта, дела теснейшим образом сопряжена с **правдой слова и мысли**.

Слово наше уже есть дело. Творческое начало личности, дух человека сплетены с миром. Нет природы, отделенной от нашего «Я». Органические процессы мира спаяны с внутренним миром раненого грехом человека. Ум, дух человека — творческие движители мира. Не к естественному бытию призван человек, а к вышеестественному, органичным для него является не следование природе, а следование Духу не за солнцем мира идем — за Солнцем Правды.

Мысль и речь человека больше, чем что бы то ни было свидетельствуют о его внутреннем бытии. Душа движется, но куда? **Правда мысли** — это честный путь созерцания, сопряжения образов своей жизни, своих впечатлений, чувствований с силой высшей правды, которая открывается нам в опыте жизни. **Как учить правде мысли?** Не учить красноречию, риторике, эффектным оборотам речи. Не учить работать на публику, не учить нравиться ей, не учить говорить без понимания и без веры в то, что говоришь. **Слово — свидетельство.** «Не сотвори свидетельства ложна!» Но ложным наше слово является и тогда, когда оно не наше, не прочувствовано, не прожито, когда сказано по обязанности, формально. И конечно, вне правды пребывает всякое слово конъюнктуры — «чего изволите?»

И здесь надо сказать, что развитие речи должно иметь целью не бойкость речи, а **способность к внутреннему слуху.** Не говорить, а слушать надо учить, слушать жизнь и слова Божии о ней.

«Я Господь, изрекающий правду, открывающий истину». (Ис.45,19)

«Мною клянусь: из уст Моих исходит правда, слово неизменное...» (Ис.45,23)

Христианская педагогика должна учить детей **противостоять лжи во всех ее формах**. А что такое ложь? Это не выдумка — это слова мира, факты, преподнесенные под таким углом зрения, представленные в таком ракурсе, что видны только зло, эгоизм, разврат, хищничество. Ложь противоположна правде, один и тот же факт они освещают по-разному: правда являет высоту возможностей, ложь опутывает образами падений и представляет их единственным порядком мира. Не потому ли враг Божий назван «отцом лжи». Ложь — частность, раздутая до размеров всеобщего закона.

Но большая ложь начинается с малой, с искажений, фальсификации, неверных акцентов и пр. Надо научиться выявлять их и научить этому детей. И опять первое средство — восстановление контекста: где, когда, по какому поводу было сказано то или иное слово, есть ли цель у этого высказывания, какова его бытовая или психологическая направленность? Кому оно может быть выгодно? Свободно ли оно от оков личных пристрастий и каковы они?

Помилуйте! Так вы и от литературы ничего не оставите! Не все ПРАВДА и в литературе. Изящная форма литературных поделок, особенно нынешняя, технологичный «гламур», одновременно и щекочущий нервы, и утешающий глянец, вполне совместим с ложью. С теми силами и образами тления, которые стремятся поглотить жизнь и временами совсем, кажется, покрывают ее своими темными водами.

Человеческое слово правды — это не бытовое слово, конечно, а в первую очередь, слово искусства: поэзии, литературы, музыки, театра, кино. Это наши музы-ангелы, посланные служить нам. От них, «вторых светов»¹ ждем ясности, на их положительных образах учимся жить, чувство-

¹ «Вторыми светами» названы ангелы в Каноне Ангелам и Всем святым, Песнь 7, первый тропарь.

вать, вдохновляемся действовать, и готовим себя к восприятию Высшей правды. И тут педагогика, ставящая перед собой духовные задачи, должна дать детям **встречу с подлинным искусством**, с высотами творческого человеческого духа. Не тематическая, не пластическая выборка нужна, а духовно-художественная, то, что высокая культура сохранила под названием — откровение классики.

Встреча с подлинным всегда неожиданна новой высокой правдой о жизни, и только подлинное воспитывает вкус. А вкус дает силу сопротивления пошлости. «О пошлость, ты не подлость, а лишь уют ума». Эти строки Бэлы Ахмадуллиной, сказанные 30 лет назад, сегодня взывают к нам, сдавшим, кажется, все возможные высоты и рубежи, достигнутые русским и советским искусством. Неужели окончательно победила нас, по словам Валерия Гаврилина, «**обывательская идеология** с ее приобретательским фетишизмом, фетишизмом вещей, фетишизмом личного мирка!»! «Ведь ужас этих качеств в том, — продолжает он, — что они «разобщают» общество, лишают его общих идейных установок, общности духовной, ибо вещи, которые являются главным интересом в жизни обывателя, не рожают идей, не рожают культуры, ибо по сути своей требуют разъединения людей, рожают завистливость и заставляют действовать в ущерб целой массе других членов общества»¹. Только не прикормленная государственным зерном птица поэзии еще посвистывает то тут, то там, перепрыгивая с одного шеста на другой, да кто поймет ее сегодняшние страшные песни...

И в заключении хочется сказать о **духовном единстве правды**, внутреннем единстве всех ее проявлений и форм. Одно питает другое. Но слово, конечно, имеет преимущественное значение, и потому чтение приводит в волнение все силы души. Но куда двинем их, за кем направим?

¹ Валерий Гаврилин. О музыке и не только. СПб.: «Композитор», 2003. С. 94.

Духовная правда в подлинном искусстве создает высокий эмоциональный тонус, но не поработает наших чувств и главное нашей воли, сознания. Мы видим правду не только данной предложенной нам ситуации, но и большую правду жизни, не правду факта, ограниченную реальностью, а правду как некую высшую возможность и тягу нашего сердца. Раздвигая границы чувств, мыслей, делясь богатством ощущений, настоящее искусство в силу самой своей природы охраняет, защищает нас от пошлого, увлекает в глубины жизни, где дух сопрягается с волей и чувством — «блаженны алчущие и жаждущие правды».

«Крепко держал я правду мою и не опущу ее; не укурит меня сердце мое во все дни мои». (Иов 27,6)

«А НУ-КА, МАТУШКА, ВСТАНЬ С КОЛЕН!» Церковная и общественная среда как формирующая сила

(Тезисы выступления
на Рождественских чтениях 2009 г.)

Общественная жизнь в современной России находится, во-видимому, в коллаптическом состоянии. Кризисная ситуация наблюдается не столько в экономике, сколько в общественном сознании народа. Угнетен дух народа. Как следствие оказались угнетены, а частью просто отринуты традиционные идеалы русской духовной культуры и русского самосознания. Допущено кощунственное пересматривание, а точнее, «перетряхивание» истории, высмеивание героического прошлого страны, замалчивание наших великих достижений в науке, в искусстве, в социальном строительстве, в создании реального единства, братства народов, о котором еще помнят участники и ветераны Великой Отечественной войны.

Это угнетение духа — явление болезненное, это не органический и даже не революционный процесс обновления общества, это — самоотречение, духовное самоубийство, в которое впал народ. И люди, чувствующие душу народа, лучшие из пастырей, писателей, художников, артистов, которые живут одной с ним жизнью, не могут не страдать этой всепокрывающей болью народного отступничества, предания себя. Народная артистка России Татьяна Петрова в одной из своих замечательных песен поет: «А ну-ка, матушка встань с колен, надо сделать к спасению шаг».

Это реальный призыв духовно чуткого человека, артиста, поющего за весь народ, который оказался как в ледяном сне, поражен духовным нечувствием. Результат ли это социального шока или преступной по отношению к себе расслабленности, или всегдашняя «помощь» врага рода человеческого?! Не время сейчас оглядываться назад

— время — смотреть вперед, чтобы «сделать к спасению шаг».

Оздоровление общественной среды, которая сейчас является полем массового растления, не может произойти само без нашего участия и без наших трудов. Пассивность и бездействие наше уже совершили тектонические разрушения в стране и во внутреннем пространстве личности человека.

Как-то незаметно масса сдала свои позиции, люди отвернулись от того, что составляло смысл и дело их жизни, перестали защищать то, что любят и чем дорожат. Вдруг перестали дорожить дорогим, да как-то все сразу. А на противников, особенно из своих, набрасывались, как на провокаторов.

Почему? И вообще, как это все могло произойти?

Общественная среда — **не то**, что мы видим на экранах телевизоров, слышим по радио, с трибун, или, наоборот, из подземных переходов, с углов улиц... Мы ощущаем ее как некую **неотвратимую данность и заданность** этого времени и места, как малый закон самого нашего исторического бытия, как устремленность общественной мысли, как тенденцию движения основных сил общества, создающих его внутреннюю структуру.

Общественная среда — это невидимое поле тяготения массового сознания, которое возникает, реагируя не столько на установки реально властвующих сил, сколько на внутренние идейные устремления и духовную доминанту правящих.

Вспомним, еще до деклараций, до явного обозначения приоритетов о новых тенденциях в обществе начали свидетельствовать самоцензура и ироничность, ерничество по отношению к имеющимся устоям. Вдруг многие, не только телеведущие, но просто люди сами стали понимать, что нужно говорить, как писать, где стоять, чтобы тебя «не смыло» новой волной, а чего вообще лучше не видеть. Это поистине феноменальная чуткость! Новые веяния еще никак себя не обнаружили, еще только формируются тенден-

ции и идеи, а «делатели» уже готовы, слова нужные у них уже зреют, дела поспевают — и рвение их велико!

Среда рождается сама, но **из нас!** Что-то в душах людских слышит зарождение новых силовых линий, и «страха ради иудейска», откликается на них, и почти неосознанно начинает служить им. Чутьем распознают один другого — и вот уже силы центруются, направляются, и все как бы сами — и уже не точечные контакты проявили себя, но возникла **сеть взаимодействия, поле влияния — среда**. Воспринимается, точнее, впитывается она не умом, а всем существом человека. Противостоять ей может только дух.

Вот какова общественная среда, явление это тотальное по своей сути. Деться от нее некуда — **она тотально задает образ жизни**: тотально напрягает силы людей высокими примерами, призывая к подвигу, к трудам, заставляя учиться, расти, тотально воспитывает презрение к роскоши, излишествам, навязывая образцы бессребреннического служения, творческой самоотдачи. Но может среда и тотально развращать, учить быть расслабленным, доставлять себе удовольствие, учить любить себя во всех своих проявлениях.

В этой тотальности среды кроется тайна ее педагогического успеха. Среда не просто задает идеалы, не просто приучает к чему-то, она приучает **любить это что-то**, а противоположное, что не поддерживается — не любить, отторгать. Среда воспитывает не убеждения, а чувства и реально формирует личность, она воспринимается, впитывается не умом, а всем существом человека.

Тотальность среды рождает самую действенную укладную форму педагогики, которая не знает провалов, нужно только выиграть время, так как укладные формы крепнут со временем. Два, три поколения по семь лет — и у нас новое общество с новым **«люблю»!**

Но навязанный чуждый уклад, если он входит в противоречие с духом народа не может быть крепким. Незримо он отторгается и внутри сильного и внутри слабого народного организма. В иные времена иные народы восстают на

вводимый новый порядок, не забыв еще своего имени и своей настоящей внутренней жизни, воюют за себя. Иные, как бы поддаются ему, ложатся до времени на «дно бытия», пока не подойдут новые силы, не встанут из земли сыны и не пробудят к жизни спящих отцов.

Вот что мы имеем сегодня. Можно не обманывать себя: жизнь наша — это не новая Россия, это — жизнь, которой в России никогда не было, никогда никто так не жил, народ любил другое.

И вот сегодня возникла общественная среда, которая обращена против самого же народа. **Феномен самоуничтожения.** Мы должны признать это. Как должны признать и сопротивление этому уничтожению, которое восстает, кажется, из самой земли, поднимается в поколении двадцатилетних — неумным протестом, жаждой правды, смелостью, которую совсем, кажется, растеряли их отцы.

Эти стихийные силы молодости — залог нашего возрождения. Но чтобы эти силы не были рассеяны, приручены и уничтожены атакующей их средой, все должны прийти к ним на помощь. Мятущийся, горящий справедливостью дух юности нельзя поставить под удар, нельзя дать угасить. Он должен быть воссоединен с Духом Божиим. **Вот педагогическая задача времени и христианской педагогики сегодня!**

Церковь флагман нашего спасения. Никто не будет отрицать этого. Она — душа мира, ее горячее, бьющееся любовью сердце, ее живая, говорящая в правде совесть. Церковью мир стоит, Церковь животворит общественную среду. Она — хранительница идеалов, которые живут в совести народа. Не всегда эти идеалы декларируются как церковные, но следование им — залог праведной жизни. Угодны Богу герои труда и брани, ревнители чести и славы отечества, рыцари науки и воины слова.

Церковь сегодня должна осмыслить свою подвижническую роль в русском обществе — роль **сохранения человека как богоданной личности**, как духовной силы, которой вручена жизнь, как работника Божия!

Но в «убитом» обществе масса воспринимает Церковь как носительницу некоего нового мистического тоталитарного порядка. Народ, опускающийся в рабство, ищет и хочет тоталитарности Церкви и ждет от нее прямой указки. Не к свободной жизни по духу стремится развращенный раб, не к укреплению совести, не к росту любви и творческого сознания, а к дозволенной нормативности, которая **гарантировала бы душевный комфорт.** Именно этим душевным комфортом «сладко» рабство, лишаящее человека трудов и ошибок выбора, свободы и ответственности действий.

Предано дело свободы человека, его совести, его духа, а значит, предано дело Христово. И, стало быть, Церковь, верная Святая Невеста, должна встать на защиту человека.

Но сегодняшняя церковная среда, то есть взаимоотношения вне богослужения церковнослужителей и паствы, и просто пришедших в храм людей — также испытывает давление и проходит испытание на крепость, также как общество — искушается растлением. Педагогическая функция Церкви также угнетена, подавлена формальными знаниями и обрядовыми заботами.

Именно Церковь должна сказать сегодня стране «а ну-ка, матушка, встань с колен». Но все чаще слышим мы с амвона общие слова, мол, надо обратиться на себя, целиком заняться делом покаяния. Абсолютно не свойственный Православию момент рефлексии, внутреннего самосовершенствования вышел на первое место. Вся духовная радость Церкви, весть о Воскресении и будущей жизни, о искупленности человека, вот этого, каждого человека — радость эта обратилась на людей укорами и попреками, счетом их грехов. Церковь, прибежище душ человеческих, а порой походит на военное отделение «духовно-уголовного розыска».

Смешно... когда бы не было так грустно за молодых руководимых и руководящих. Но надо признать, что активные призывы к покорности, к непотворению злу, «на все воля Божия» — реально ломает волю людей, и дало-таки не-

которую возможность практического управления внутренней и внешней жизнью человека. Есть невольная вина Русской Церкви в том положении, в каком оказалась страна.

Надо подниматься с колен, возвращаться Святой Церкви к ее святым функциям в мире. Она должна протянуть руку человеку, а не рубить ее, протянуть руку тонущему и уже согласившемуся утонуть в нечистотах. И вот этому предавшему самого себя и продавшему родной край — Церковь должна дать хлеба и воды молитвы, согреть соборностью, обнять, чтобы он понял, что его любят, любит Бог.

Духовное нечувствие человека отступает перед духом правды, милости, мудрости, любви, но и крепости и стойкости в истине. Пробуждение духа происходит само, как только спадают путы лжи, дух сам воскресает в духовно свободной среде.

Православная воскресная школа сегодня, поистине может стать **школой нашего воскресения**. Биться за ребенка легче, чем за взрослого, беззащитность малого должна стать преградой нашим многочисленным компромиссам, соглашениям, доведшим землю Русскую до позора и запустения. Бескомпромиссность и прямота сердца — это и завет нам от святейшего Патриарха Алексея II. Его выступление в Совете Европы и однозначный, не предполагающий перетолковываний ответ относительно половых свобод — как распущенности и болезни личности, и нас обязывает к дерзновению правого слова и дела, к дерзновению борьбы с разворотом, поразившим страну как невиданная эпидемия духовно смертельной болезни.

Но не только физическое, половое здоровье человека заботит Церковь; нравственное здоровье понималось святыми всегда как правдивое состояние души. Ложь сегодня стала нормой русской жизни. И в делах, и в информации, и во множестве исследований, которые смеют себя называть научными, и в искусстве, которому предлагается петь заказные лживые песни, и в безжалостной клевете на тех, кто

не сгибает спины и отваживается говорить правду — везде сегодня царствуют ложь, утайка, намеренная путаница, дезинформация. Они и есть та реальная среда, которая пестует наших детей. Борьба с ложью должна стать для нас столь же непримиримой, как и борьба с половой распущенностью (но, знай, воин, эта гидра не о трех, а о трехстах головах).

Среда — рассеянное, не направленное поле воздействия, мы ее и не замечаем, но впитываем ее и принадлежим ей, если не защищаемся от нее.

Какова же защита? И есть ли она?

Есть! Прежде всего, **самостояние**: смотри, слушай, думай сам! Не перекладывай на другого труды и мысли, предложенные тебе. Не предавай себя, не исчезай как личность, не стремись к удобной стадности!

И здесь у Церкви есть богатый опыт — жизни святых, которые расцвели как многообразные благоуханные цветы в саду Божиим. Разные они проходили поприща, свершаясь как личности — и тем выполнили свое назначение.

Нельзя не вспомнить здесь трудов монахов Троице-Сергиевой лавры в трудные для России годы польского нашествия. Приведем здесь выдержку из «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьева.

«Когда Москва была разорена, и козаки, сапежинцы, свирепствовали в окрестностях областей, толпы беглецов с разных сторон устремились к Троицкому монастырю, и страшно было смотреть на них; одни были изломаны, обожжены, у других ремни из хребтов вырезаны, волосы с головы содраны, руки и ноги обсечены, многие приходили в монастырь, для того только, чтобы исповедаться, приобщиться и умереть; многие не успевали достигнуть монастыря, умирали по дороге; монастырь, слободы окрестные деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Дионисий¹

¹ Архимандрит Дионисий, бывший прежде в Старицком монастыре, был переведен в Троицкий Сергиев монастырь. (С.М.Соловьев Т. 8. С.638).

призвал келаря¹, казначея, всю братию, слуг и крестьян монастырских и начал им говорить, что во время такой беды надобно изо всех сил помогать людям, которые ищут приюта у святого Сергия. Ему отвечали единодушно: «Кто, государь архимандрит, в такой беде с разумом сберется? Никому невозможно стало промышлять, кроме единого Бога». Дионисий заплакал и начал опять говорить им: «Ведь это искушение нам от Господа Бога, от большой осады нас Господь избавил; а теперь за леность нашу и за скупость может нас и без осады смирить и оскорбить». «Что же нам делать?» — спросили келарь, братия и слуги. Дионисий отвечал: «Дом Святой Троицы не запустеет, если станем молиться Богу, чтобы дал нам разум: только положим на том, чтоб всякий промышлял², чем может». Слуги и крестьяне посоветовались между собой и сказали архимандриту с братиею: «Если вы, государи, будете из монастырской казны давать бедным на корм, одежду, лечение и работникам, кто возьмется стряпать, служить, лечить, собирать и погребать, то мы за головы свои и за животы не стоим». И вот пошел промысл всем бедным, живым и умирающим, в монастыре и кругом монастыря. Прежде всего, начали строить дома, больницы для раненых, избы на странноприимство всякого чина людям, прибегающим из Москвы и других городов, особые избы мужчинам, особые женщинам, и в Служней слободе и в селе Клементьеве; монастырские люди ездили по селам и дорогам, подбирали раненых и мертвых; женщины, которым монастырь дал приют и содержание, беспрестанно шили и мыли рубашки живым, саваны мертвым. А внутри монастыря, в келье архимандричьей, сидели писцы борзые, из которых отличался Алексей Тихонов, собирали они учительные слова их Божественных писаний, составляли увещательные посла-

¹ Келарем в это время был Авраамий Палицын. (Там же).

² Слово «промышлял» изменило свое значение. Раньше оно означало «делал, работал», отсюда — промыслы и «промысл Божий».

ния и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению земли»¹.

И через два абзаца еще вот какое замечание:

«Народ был готов встать как один человек; непрерывный ряд смут и бедствий не сокрушил могучих сил юного народа, но очистил общество, привел его к сознанию необходимости пожертвовать всем для спасения веры угрожаемой врагами внешними и наряда государственного, которому грозили враги внутренние, воры. Явились признаки сознания о необходимости нравственного очищения жителей для подвига очищения земли от врагов, признаки того, что народ, не видя никакой внешней помощи, углубился во внутренний, духовный мир свой, чтоб оттуда извлечь средства спасения»².

Сегодня как никогда педагогу надо учить детей думать своей головой. Учить видеть, что происходит, сопоставлять факты, явления, учить понимать суть протекающих процессов.

Учить думать — это развивать и духовные возможности, это профилактика суеверий и увлечений магизмом. Православная школа сегодня непременно должна возложить на себя эту задачу. Ведь школа общеобразовательная так опустила «свою планку», так впала в частности и поверхностность, что сегодняшнее среднее образование больше путает, чем просвещает. Не забудем также, что способность понимать — это и способность **понимать молитву**.

А молитва действительно — меч. Меч, защищающий от разных напастей и врагов. Не надо бояться христианину слова «враг». Есть у нас враг, и внутренний, и внешний, и у каждого еще свой. Но есть один общий, который делает нашу общественную среду тотально ядовитой — это телевизор.

¹ Соловьев С.М. История государства Российского с древнейших времен. М.: Мысль. 1989, книга IV, Т. 8 С. 638-640.

² Соловьев С.М. История государства Российского. Книга IV. С. 340.

Телевидение как рупор государственных сил, русскому человеку отвергнуть трудно. «Ну что же они там совсем ничего не понимают!» — это максимум. А допустить, что понимают и преследуют определенную цель — для большинства все-таки невозможно. Доверие к правоте общественного вещания огромное, если не патологическое. «Ну, может быть, этот хаос, и разврат, и агрессивность, и реклама, и дезинформация, и ложь, и убийственная скорость — случайны или результат халатности, расслабленности?» Но ведь и эту модель нам предложил телевизор! Нет, не случаен ни подбор ведущих, ни тематика передач, ни их содержание. Тут надо отважиться на правду: телевизор сегодня — это оружие массового интеллектуального поражения. Можно сказать — управления, можно, направления, но в любом случае, речь идет о заданном образе мыслей, чувств, а часто, и действий.

Оружие это всесильное, так как в народе его оружием не считают, к нему привыкли, телевизор у нас не чужой среди своих. С ним живут, как с покладистым соседом-забудыгой: болтает себе, и нам не скучно, надоел — переключим программу... И не замечаем, как этот психо-хирургический инструмент препарирует наше сознание, и дозируя и нужным образом освещая информацию — направляет наши чувства, мысли и незаметно встраивается в наш духовный обиход, формирует навыки рекламного, клипового мышления, даже не мышления, а манипуляции фактами, образами, словами в своих целях.

Молитва и телевизор не совместимы в одной жизни. Все знают, не смотри на зло, и не будешь с ним соединяться. Но кто исполняет?! То чувство комфорта, которое дает грамотно организованная праздная информация очень велико. Как отказаться от него? Чем заменить?

Свободой. Против этой телевизионной формы тотального порабощения человека Церковь должна вос-

стать вся, всеми своими человеческими силами. Именно человеческими, чтобы были реальные делатели, чтобы было на чьи плечи класть ношу сочувствия, помощи, попечения, заботы. Возьмется ангел за другой конец бревна, если мы поднимем свой. Люди Церкви, пастыри, педагоги должны сами прежде утвердиться в отрицании ложных идеалов мира, в дерзновении самостояния, противления его притяжению, его хитрым уловкам и путам.

«Удержание очес», свобода от тяги зрелищ и развлечений, а они бывают и приятно — духовного содержания, свободу от этого ложного информационного голода дает только молитва, а не магический, захватывающий душу заговор и не душевный разговор «о божественном».

Надо признать, изуродованная общественная среда, разрушенное часто формальное образование, падение уровня культуры, открытая пропаганда шаманской «духовности» и, конечно же, пассивность и необразованность церковных учителей отбросило наш народ в языческую мистику. «Недремучего» вида молодые женщины вполне серьезно спрашивают: «А куда надо вонзать булавку, на которой был приколот крест в витрине магазина? Или его надо носить от сглаза вместе с крестом на цепочке, или в каком-то другом, строго определенном месте, но в каком?» И попытка объяснить, что это «чушь и дичь», сразу же делает вас их врагом. «А какой иконе свечку поставить для здоровья, знаете?» «Меня вот крестили в детстве, а я хочу второй раз креститься, чтобы лучше было, ведь правильно?»

Духовное нечувствие торжествует. Утилитарный подход к Таинствам Церкви, ко Кресту, к святым мощам — страшно уродует наше церковное пространство. Оно превращается в потребительскую пошлую среду «удовлетворения духовных потребностей» людей, потребности, прежде всего, в собственном душевном комфорте.

Мы являемся свидетелями, как церковное предание сегодня «выходит из берегов», вбирая в себя множественные недогматические и неканонические предписания, распространяемые в церковной и околоцерковной среде как необходимые духовные действия. Люди, входящие в храм, усваивают раньше внешнюю форму церковного действия, чем его суть, причем часто совсем не доходят до его осмысления. Да и не поощряется все осмыслять в Церкви, скажут вам доброты.

И эта ложь закралась в нашу церковную среду, и от нее предстоит избавляться.

Прежде, чем преподать народу школу молитвы в ее подлинном виде, церковнослужителям и всем церковным людям надо самим вернуться на путь православной духовной, осмысленной молитвы. А путь этот и прост, и труден, как пеший крестный ход по морозу в день мученической кончины святого. Иди и иди в славе, держи молитву, вникай глубже в ее слова и не отвлекайся, не наполняй сердце ни праздным словом, ни встречным образом, удаляйся от суеты с каждым шагом — вперед и вверх. Тогда и становится понятно, что молитва есть реальный путь спасения, выхода из тупика жизни к свету свободы.

Богу важна наша свобода. Наверно, кому-то вспомнятся здесь слова из честной песни Шевчука «Господь нас уважает». Да, любовь Творца возвышает нас до свободы духа, чувства, мысли, поступка, свободы всецелой, но отягощенной бременем нашей раненой природы и ослабленной воли. Мир же сегодня предлагает нам цветистую свободу выбора в малом и рабство в большом, в главном, в творческом пути жизни и становлении воли.

Молитва же — открывает пути жизни. Уча молитвы, мы воспитываем свою душу, говорим себе, чего надо хотеть. Вот что делают слова молитвы! Первое их действие — педагогическое, просвещающее: нам открывается перспектива движения — куда стремиться.

Святые отцы здесь — проводники нам, они уже прошли этим трудным покаянным и благодатным путем. И вот мы стоим у этих поистине золотых духовных врат.

Само действие молитвы — это наше движение по пути отцов, движение нашего духа. Но сразу же будет происходить и встреча нашего духа с другими душевными и телесными волями в нас.

Если в нас сильна воля плоти и душевного комфорта, слова молитвы будут встречать сопротивление, они будут отторгаться естеством, войдут в антагонизм с душой, и тогда «нам лучше», «будет больше нравиться», когда молитвенные выражения менее понятны, более поэтичны и мелодичны. Сознание тогда не обжигает правдой, не поднимает мысль и дух на борьбу с тленом душевного комфорта.

Славянский язык молитвы, если мы его не углубляем свои знания, может сыграть здесь роль красивого, богато одетого, но не знающего выучки воина. Полупонимания в молитве недостаточно! Чтобы сдвинуть себя с мертвой точки природного эгоизма, нужен рывок воли, энергия отрицания, ненависть к своему греху. И все это есть в святых словах молитвы. Если мы их понимаем, то, повторяя и повторяя, свидетельствуем свою решимость, исповедуем их и обретаем двойную силу для духовного движения. Наша, пусть и слабая воля поддерживается, сопрягается с волей святых, выраженной в словах молитвы, крепнет и обретает верное направление. Школа молитвы — это постоянное обновление перспективы нашего духовного движения и воспитание нашей воли.

Господь действует в нас, когда мы осмысленно просим, умоляем преобразить нас, и действительно согласны со словами молитвы. Сокровища святоотеческих молитв требуют от нас мысленного труда, вникания в содержание: чего просим? от чего отрекаемся? чем хотим поступиться?

Только когда ум будет знать слова, понимать их смысл, сердце сможет участвовать своей живой силой. О, теперь оно не уснувший у врат барского пира стражник, знающий, что с праздничного стола ему непременно подадут и пищи и питья, — нет, теперь сердце наше горнило творения: стооко, стоухо, пронзаемо точностью слова, его беспощадностью! Это уже не шоковая терапия, это божественная хирургия веры, волевое отречение от греха — и движение, духовный шаг.

Если же мы не стремимся понять смысла молитв, то как бы застываем в начале духовного пути, душевная приятность и эстетические переживания усыпляют ум, совесть и оставляют нас праздными созерцателями, а не делателями на ниве Божией.

Если хотим усидеть на двух стульях и жалко нам отнять у себя сласти мира — «лучше», то есть приятней для нас полупонимание.

Но бывает и пуще. Некоторые считают, что молитва нужна для их душевного благополучия, комфортного состояния, хорошего настроения — и молятся с этим внутренним ожиданием. А возникает двоеволие и двоедушие: воля к благополучию сильна, осмысленна и органична, а вникание в слова молитвы трудно и требует самоотречения. Оно отойдет на второй план, и просвещающая, сила молитвы, ее воспитательное действие будет подавляться естественной волей к благополучию.

Учиться молиться — это учиться любить святость, сам путь святых, а «не в себя богатеть», не стяжать блага себе, пусть даже блага душевного покоя. Они здесь в нашем пожаре жизни невозможны и... преступны. Покой здесь может быть достигнут только равнодушием, эгоизмом, отстраненностью и защитой себя от чужих бед. Этот покой — благополучие пошлого мира. И его вполне можно совместить с «молитвой» как заговором от злых духов, от бед, от «нарушения моего покоя».

Заметим, в заговоре вообще нет просветительского элемента. Он не развивает сознание, душу, волю, человек остается тем, кем был и, наоборот замыкается от внешних пробуждений, которые все-таки посылает жизнь. Вот эта-то защита и есть смерть духовная. Человек остается в темноте своих множественных естественных, а то и противоестественных воль и желаний — и растит их в страсти, ибо иной дороги они в этом мире не знают.

Молитва тогда оказывается поруганной. Ибо произнесена, употреблена она «в свое благополучие», благополучие плоти и душевного спокойствия. А заповедь Божия предостерегает нас — Не помяни имени Господа Бога твоего всуе. То есть — чти молитву, учись ей!

Как видим, сама жизнь и время подсказывают, что нужно делать. Сегодня нам всем необходимо **литургическое воспитание**. В Древней Руси, которую теперь мы называем Святой, оно заменяло собой все наши законоучительные предметы и... породило сонм русских святых. Замечательное это дело — разбирать слова молитв, канонов, выписывать славянские словосочетания, уточняя их значения, делать пояснительные переводы... Открывается благоуханное и необъятное море церковной поэзии, которая как-то совершенно по-другому, не по-школьному усваивается сердцем. И с реальной жизнью эта литургическая поэзия соединена крепче чем, что бы то ни было. Душа на нее откликается лично, и знание, только что приобретенное, сразу же входит в духовный обиход — служит делу молитвы, углубляя ее.

Все, кто могут из церковных людей, сегодня должны, просто должны! разбирать с детьми и взрослыми структуру и сам текст богослужений. Вникать, внимать, открывать себе молитву и себя для нее.

Мы ведь действительно на краю языческой пропасти! Чтобы не сорваться в нее, в это духовное договорное потребительство, нам надо **заново войти в Церковь**.

Войти, чтобы увидеть новую возможность нашего единения. Она есть! Весь благодатный строй церковного богослужения свидетельствует об этой возможности подлинного духовного единства. Надо учиться ему, учиться воспринимать живое пространство высшей, открытой для нас молитвенной жизни. Не будем мерить этой высоты своим «нравится или не нравится» или «как это мне?» — но станем уподоблять себя ей, оживлять свою душу в этой поистине животворной среде молитвы.

Нелегко нам будет вставать с колен! Есть сила в глубине народа, светится она в молодых. Но прежде надо нам **соединиться и стать в духе** — тогда только обретем крепость благой воли, тогда осознаем себя ответственными за нашу землю, за жизнь, сохраненную нам огненными скорбями русских святых — тогда и отринем опутавшую нас ложь.

Педагогика
художественной правды

СЛУЖИТЬ СЛОВУ!

Статья из альбома «Живопись в храме». 2011 г.

«Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм», — так начал свою молитву при освящении первого Иерусалимского Храма Царь Соломон.

«Да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь, на сие место, о котором Ты сказал: «Мое имя будет там»; услышь молитву, которою будет молиться раб Твой на месте сем»...

«Когда кто согрешит против ближнего своего, и потребует от него клятвы, и для клятвы придут пред жертвенник Твой в храм сей, тогда Ты услышь с неба и произведи суд над рабами Твоими, обвини виновного, возложив поступок его на голову его, и оправдай правого, воздав ему по правде его»...

«Когда заключится небо и не будет дождя за то, что они согрешат пред Тобою, и когда помолятся на месте сем и исповедают имя Твое и обратятся от греха своего, ибо Ты смирил их, тогда услышь с неба и прости грех рабов Твоих и народа Твоего Израиля, указав им добрый путь, по которому идти, и пошли дождь на землю Твою, которую Ты дал народу Твоему в наследие».

«Будет ли на земле голод, будет ли моровая язва, будет ли палящий ветер, ржавчина, саранча, червь, неприятель ли будет теснить его в земле его, будет ли какое бедствие, какая болезнь, — при всякой молитве, при всяком прошении, какое будет от какого-либо человека во всём народе Твоем Израиле, когда они почувствуют бедствие в сердце своем и прострут руки свои к храму сему, Ты услышь с неба, с места обитания Твоего, и помилуй»...

«Если и иноплеменник, который не от Твоего народа Израиля, придет из земли далекой ради имени Твоего, — ибо и они услышат о Твоем имени великом и о Твоей руке сильной и о Твоей мышце простертой, — и придет он и помолится у храма сего, услышь с неба, с места обитания

Твоего, и сделай всё, о чем будет взывать к Тебе иноплеменник, чтобы все народы земли знали имя Твое, чтобы боялись Тебя, как народ Твой Израиль, чтобы знали, что именем Твоим называется храм сей».

«Когда выйдет народ Твой на войну против врага своего путем, которым Ты пошлешь его, и будет молиться Господу, обратившись к городу, который Ты избрал, и к храму Твоему, тогда услышь с неба молитву их и прошение их и сделай, что потребно для них».

«Когда они согрешат пред Тобою, — ибо нет человека, который не грешил бы, — и Ты прогневаешься на них и предашь их врагам, и пленившие их отведут их в неприятельскую землю, далекую или близкую; и когда они в земле, в которой будут находиться в плену, войдут в себя и будут молиться Тебе, обратившись к земле своей, к храму Твоему: тогда услышь с неба, с места обитания Твоего, молитву и прошения их, и прости народу Твоему».

«Да будут уши Твои и очи Твои отверсты на молитву раба Твоего и народа Твоего, чтобы слышать их всегда, когда они будут призывать Тебя, Владыка Господи!»¹.

Вот для чего храм! Назначение его — соединять народ Божий с Богом. Единственное место выбрано было на всей земле для этого таинства единения человека и Бога — единения через жертву. И жертвы эти, разнообразные, приносимые священнослужителями в Храме, давали возможность продолжаться жизни. А дело человека, как говорит Соломон, молиться — удостоверить свою верность. Молиться, и когда согрешил против ближнего, и когда предал, и когда отступил, и когда оказался пленным за свое отступничество.

Тем и стоял Древний Израиль.

Прошло время Ветхого Завета: разрушен Ветхозаветный Храм, и воздвигнут храм Гроба Господня. Принесена высшая искупительная Жертва за всех, святым союзом

¹ 3 Царств, 8: 27–52. Приводится в сокращении по Синодальному переводу Библии.

Церкви Спаситель соединил с Собой всех верных — храм стал домом Святой Церкви: под сводами его собираются теперь верные не только для молитвы, но и для Трапезы Господней. И не один уже храм, их тысячи — в разных землях! И какие же они разные по форме, по внутреннему убранству! Есть такие, о которых и вовсе нельзя сказать, какой они формы. Пещерные храмы Египта, Каппадокии, Родоса, в которых приходилось бывать, да и наши древние, киевские, крымские, кажется, и не имеют никакой обнаруживающей себя формы, — это обрамленное святое пространство, хранящее след святых событий и питающее наши души. И наш главный храм, храм Гроба Господня в Иерусалиме — простой каменный шатер над пещерой Воскресения, горой распятия Голгофой и Камнем помазания.

Иерусалимский храм Воскресения накрыл собой, вырвал из власти мира святыни, которые свидетельствуют о новой жизни, начавшейся здесь. Вот это свидетельство и дало новый смысл храму: уже не для продолжения этой жизни, не для благоустройства ее собирается Церковь в своем доме — но союз с Богом открывает врата Царства Небесного, Вечной жизни. Храм свидетельствует о ней. Не как музей он хранит свои реликвии, а как бьющий живой водой источник, сзывающий к себе странников.

Дух — новая реальность, открытая людям. И храм возвещает ее и наполняет ею жизнь каждого человека, входящего в него, ищущего встречи с Богом. «Настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе.» (Ин. 4: 23) Мы даже не наследники, мало так думать — мы реальные творцы Священного Предания, как ни высоко, как ни страшно это звучит! Вспомним А. С. Хомякова: «Церковь — это мы!» — мы, принявшие и несущие в груди Царство и желающие свидетельствовать о нем.

Храм хранит саму эту новую, пронизанную духом Божиим жизнь, а не только память о ней. И стоит эта жизнь в Церкви — словом: словом Священного Писания,

словом-делом молитвы, богослужения, словом проповеди — живым дыханием сегодняшнего дня Церкви. Жизнь храма — это высокое словесное действо. Собственно, всё остальное убранство — только отражение, вторение священному действию слова, его художественное эхо.

Архитектурные формы храмов и их внутреннее убранство не просто разные — храмы «растут» каждый на своей земле, они родные ей, и созданы из тех материалов, которые земля дает, и строятся они так, как земля любит. Где-то шатер, покрывающий святыни и собирающий верных на пир слова, совсем низенький, тесный (сколько таких в островной Греции!), а где-то храмы — настоящие замки; есть и терема лепные, а то — простые срубы с одной маковкой на двускатной крыше, и храмы-палатки есть: походные, военные храмы сохранили образ древней Скинии.

Что в храме непреложно? Престол с антиминсом. Это — первые святыни, «проводники», так сказать, Царства Небесного, и еще крест — орудие нашего спасения, и Евангелие — слово Божие. Но даже икона, такая нужная для наших глаз, такая родная сердцу, не всегда была: живопись первых катакомб аллегорична.

Да, жизнь храму задает не образ, а слово: раскрываем Евангелие — и начинается священное действие — таинство Слова. Именно им движем себя, свою душу, от мира дольного, которым удерживаемы, к миру горнему. И всё в храме должно помогать этому движению за словом, пути в Царство: и само звучание (пение) слова, и стены, и росписи — ничто не должно мешать Духу творить свою работу.

И вот если отсюда, с этой высокой нужды, взглянуть на интерьер и убранство храма, на росписи стен и иконы, на лепнину — то становится понятно, что здесь уместно, а что нет, что должно быть, а чего — не должно, и что может помешать слову и слуху. Именно слово Евангелия и задает меру художеству в храме, полагает ограничения форме, стилю, украшательству. А если так, то есть вещи, которые вообще мало совместимы с храмом: роскошь, например (она всегда помеха духу и молитве).

Не могу не поделиться. Как-то в начале 90-х заходим с детьми в один из монастырских храмов Москвы, который недавно вернули Церкви. Потолки-перекрытия уже выломаны, идет реставрационный ремонт, и уже встал во всей своей барочной витиеватости сверкающий и богато вьющийся лиственный и гроздьями иконостас, гордость братии. Молимся, рассказываю историю этого святого места, подходим к чтимой иконе, и замечаю, что дети чем-то смущены, не смотрят на образ. И одна девочка лет восьми, наклонив голову в сторону златовратного богатства, вдруг спросила: «А это нельзя никуда теперь деть? Мешает...» И вдруг все разом — «Иконе мешает! Ее не видно!»

Уж и не такие они были молитвенники, и не такие аскеты, но детские сердца почувствовали какую-то несовместимость этой золоченой урожайности, а где-то и сахарных купидончиков, с тем великим чудом Церкви, в которое они верили и которое здесь должно было быть. Не знали они и той фразы преподобного Сергия — «Золотосцем не буду!», которая стала внутренним девизом русского монашества, — но детская душа упорно стремилась разделить земное богатство и Бога. Как будто они знали, что ничто земное не существенно в храме, не обладает реальной силой, и то, что ценится в мире, здесь духовного значения не имеет.

И действительно ведь так: никакая увлеченная собой индивидуальность, вычурность — в вокале ли, в оформлении ли — здесь не нужна. Как-то не хочется никакого самоутверждения, случайного или игрового жеста. Не для самовыражения ведь собрались, не за этим пришли: не талантливому ищущему, но истинному — ждем верного, укрепляющего и направляющего нас ритма, звука, образа.

Вот откуда канон, он — охрана наших трепещущих чувств и зыбкого ума. Церковь, хранящая слово Божие и стоящая на страже нашего сердца, положила ограничения и дала предписания церковному художеству — служи Слову! Слову и человеку, внимающему слову! Стояние в мо-

литве — это труд внимания, сосредоточения, напряжения, ибо в храме идет духовная брань, бой за сердце человека.

Молитва не требует образа, но чтобы она началась в нас, нужно совершить усилие — оторваться от жизни здешней, на время забыть ее, «всякое отложить попечение» о земном — тогда и начнешь слышать сердце, и потянется лестница в небо. И храм, когда мы только входим в него, выполняет эту работу встречи с небом, до первого возгласа он обымает нас, погружает в свое пространство, а настенная живопись показывает, куда мы вошли — в семью Церкви! Это наша — моя — история: «мы Его и род», говорит апостол Павел, не метафорически, а реально ощущая себя Христовым.

Отец Глеб Каледа в начале 90-х советовал учителям: «Предложите, пусть дети и себя нарисуют, идущими по пустыне вместе с Моисеем за столпом огненным; себя, присутствующими при освящении Храма; себя, уводимыми в плен Вавилонский; себя среди апостолов, внимающих Слову Божию...»

В храме мы должны ощущать себя в среде народа Божия, вошли — и слились со Священной историей, и теперь все шествуем, словом подвигая свои сердца к свободе.

Быть в храме, молиться в нем — это не принадлежать себе, но Церкви, ее жизни. Храм становится странствующим Градом Небесным, здесь на земле он — реальное свидетельство Истины и действия Духа.

Но не можем мы, живя в мире, полностью слиться с Богом, не можем преодолеть свой эгоизм. «Душа — жилица двух миров», как верно открылось Тютчеву: она рвется в небо, и своими грехами свергается с него, и, страдая, жаждет омыться, очиститься от своей скверны — и стремится к храму, к «бане пакибытия».

Многokrатно входит человек в храмовое пространство, в это напряженное поле, чтобы очиститься святым огнем молитвы и Тайнства, многократно готов он возделывать свое сердце. Смысл росписей — встречать его, вводить в Священное Предание и вдохновлять, побуждать к молитве.

И здесь различимы два связанные между собой и всё же разные действия художества: просветительское и духовное.

Первое — встреча с образами, узнавание новых и новых событий из Священной истории, из жизни святых: так вот что это такое! вот как было! вот что значит! Далее приходит совместная соборная молитва, когда реально ощущаешь духовную поддержку всей Церкви; внутренние вопросы часто в личном откровении незримо разрешаются — мы ощущаем себя в среде живых и вечно живых, но движемся не друг к другу, а к Ведомому Богу. И тут уже меркнут все зримые образы, молитва — путь отвернувшегося от мира, очи внутрь. А когда и выпадем из этого движения, стараемся не рассеиваться, а вернуть себя вглубь своего сердца, догнать общее шествие.

Сакральное пространство христианства создается духом единства человека и Бога, и центр его даже не Литургия, а непосредственно Причастие, приобщение нас Святому Телу и Крови Христовой. Нельзя считать отдельно сакральным язык (опыт Церкви — многоязычие), или внешний декор, или внутреннее убранство храма, или материалы, из которых созданы иконы, — всё это только часть храмового пространства. Во время же Приобщения отступает даже слово — мы перед бездной: «Божественный мрак», о котором говорил святой Дионисий Ареопагит, божественным светом наполняет нас, как некогда наполнял святых. И теперь мы высоким родством породнились с ними, стали «уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу» (Эф. 2: 19).

И вот, следуя словам Литургии, мы, «увидевшие свет истинный, приявшие Духа небесного, обретшие веру истинную»... «с миром изыдем». Обретя мир внутренний, выходим в мир внешний (писались эти два слова по-разному: мир — согласие, и мир — вселенная). Мы вновь видим храм, семью святых — Церковь полна, и мы исполнены ее полнотой.

А дальше — каждый возвращается на свои стези, и храм провожает своего причастника, напутствуя его словами и образами. Что из этого запомнится? Что будет ос-

мысливаться и удерживать связь с Духом? У каждого — свое, если только человек возьмет на себя труд хранения своего сердца.

Это незримое духовное восхождение человека и для Церкви есть самая большая ее радость, и потому храм, дом свой, она устроит так, чтобы всё в нем служило пробуждению духа человека, было ему в помощь. Этим обусловлена внутренняя цельность всего пространства храма, взаимозависимость всех храмовых действий. Они существуют в единстве и должны служить одному: открывать человеку реальность новой жизни, наполнять его новой силой.

Но каким же должен быть храм, какой роспись, чтобы не мешать, а помогать этой нашей духовной работе? Имеется в виду не расположение сюжетов по стенам, здесь каноном уже найдена мудрая, цельная композиция духовного пространства храма, новой ойкумены, — но каким должен быть стиль росписи, композиционное решение эпизодов, ракурсы, отношения цветов, ритмы, — вся конструкция, вся мускульная сила рисунка, живописи?

Искусство всегда должно оставаться самим собой. И войдя в храм, оно не должно предавать себя, перерождаться, но во всём следовать законам жизни и развития пластических живописных сил. Именно они рожают живую форму. Святые образы вечности, только войдя в живую форму времени, могут заговорить с нами и открыться в своей новой глубине.

Но искусство, как и человек, всегда пребывает в состоянии выбора, стоит на развилке: оно может искать горних высот и смирять свою нежную и яркую силу, чтобы явить поистине прекрасное, то есть искони живое, восходящее к Истине, а может заиграться, отдаться на волю своих членов и уйти в самолюбование. «Два пути есть: путь к жизни и путь к смерти», — говорится в «Дидахэ», одном из первохристианских памятников, — и для искусства тоже эти пути есть.

Однажды на Рождественских чтениях довелось слышать интересный доклад искусствоведа О. С. Поповой: она рассматривала стили росписей сербских храмов. И вот —

зоркий глаз ценителя искусства и сердце, ищущее высоты и правды, уловили в росписях одного времени аскетическую сдержанность и глубину духовности, а в другую эпоху, недалеко отстоящую, — салонность, которая тогда проникла в высшие сферы церковной жизни и на какое-то время подчинила себе вкусы и устремления людей. И ментально это нашло отражение в пластике и в ритме церковного искусства.

История сохранила в разных землях разные стили, и каждый свидетельствует о своем времени, о его духовных идеалах. Как бы мы ни стремились войти в храм «прибранными», по словам Е. Трубецкого, а всё наша жизнь за нами «увязывается», даже не частная жизнь, а дух времени, вторгаясь, присутствует в наших словах, в действиях и, тем более, проявляется в искусстве.

Пожалуй, самая неумолимая и неуничтожимая черта искусства — это его способность художественно свидетельствовать о духе времени. Произведение, конечно, говорит и о своем создателе, но чем он талантливей, тем больше в работе отражаются духовные поиски и тупики эпохи.

Даже там, где, кажется, ничего не видно, всё залакировано и скрыто прихотью и манерностью исполнителя, который не пошел по пути художественного поиска, а предпочел пошло-приятное и не раздражающее невзыскательного зрителя видовое ремесло, — даже там есть свидетельство времени, его массовых вкусов.

Есть такое искушение и у церковного искусства — дезертировать со своего фронта, уйти от настоящего творческого труда, от поиска живой формы. Уйти можно в разное: в натуралистическую сюжетность, в развлекающий орнаментализм, но чаще всего — в немое копирование образцов прошлого. И возникает услужливое, «молчащее» искусство, оно вроде и есть, а дела его — нет: не свершается той художественной работы, которая должна твориться художником и которая, увлекая за собой зрителя, отрывает всех от обыденности и понуждает к пробуж-

дению чувств, мыслей, внутренней духовной жизни. Так заглушается священный диалог жизни, который начат был Творцом, но расти должен нашим словом и делом. Воистину — молчанием предается Бог.

Художество — действительно школа для наших чувств, недаром Премудрость (одно из имен Христа) названа в Библии «художницей всего». И еще сказано, что она «подготавливает друзей Божиих и пророков» (Прем. 7: 21, 27). Вот назначение всякого искусства, и храмового тоже! Это великая, созданная пробуждать сердца и облагораживать чувства сила. Таинство восхождения жизни — вот что таит в себе и открывает в нас настоящее искусство: музыка, архитектура, живопись, поэзия, театр (древние и историю, и точные науки, которым покровительствовала Урания, считали искусством) — все без исключения музы могут служить истине и возвышать нас.

И метод этого возвышения — **художественная правда**.

Художественная правда изобразительного искусства рождается из правды формы, из живой ткани произведения. Это неперемное условие: она — не хорошая и правильная мысль, не нравочение или заповедь, она — вот здесь, сейчас явленная новая жизнь, вынырнувшая из недр, разлившаяся весенней силой и замершая в цвете, линии, — и этой же силой утверждающая в нас дух правды.

Художественная правда — духовная составляющая жизни. Образ предлагает встречу, выражает событие, дает его пережить. Священное тоже нужно переживать, вера не есть холодное умозрение — но живое чувствование Бога, так, до всякого образа, чувствовали Его святые.

Мне довелось видеть, как в начале 90-х владыка Нифон (Сайкали) на Антиохийском подворье в Великую Пятницу носил на плече большой крест по храму. Разоблаченный до подрясника, он скорбно возглашал стихи псалма, попеременно то по-гречески, то по-арабски. Этот крестный путь мы как будто шли вместе со Христом, и чувства, которые пробуждались внутри, — не забыть!

Почему же мы сейчас так хотим, чтобы всё в храмах было приятно для нас! Евангелие не о комфортной жизни рассказывает, а о страшной великой жертве за человека, принесенной Богом. Люди переживали Евангельские события как реальную жизнь, именно переживали. Всё это нашло отражение в нашем богослужении, этой несравненной по высоте церковной поэзии, она — живой язык святости.

Говорим «язык» и понимаем под этим целый комплекс средств общения, просвещения, воздействия, а иногда и откровения. Но есть язык как словесная система, лексическая среда; и в нашей Церкви — это церковнославянский язык, древний, не бытовой, современной жизнью не тронутый, он создает совершенно особые условия бытия самой Русской церкви.

Церковнославянский возрос на переводах священных текстов и структурно остался верен своим древним грамматическим формам: в нем нет пластики русского языка, часто обобщены падежные окончания, родительный и дательный падежи употребляются непривычно для нашего слуха, действие часто переносится с субъекта на объект. Особенно затруднителен поэтический синтаксис псалмов, где часто сохранен тот разнесенный по смыслу порядок слов, который характерен для древнееврейской поэзии. И в живом действии богослужения мы, если не знаем службы хорошо, на слух улавливаем только общий смысл — о чем речь, понимаем корни слов, домысливаем по-своему их связи, а по-настоящему уяснить слышанное не можем, — вниманием же нашим владеет ритм.

Здесь есть прямая опасность подмены: душа взвихривается ритмом, входит в резонанс с самим звучанием древней необыденной речи и действительно испытывает возвышенное состояние, но, не обретая пути, то есть ясного слова обличения, которое вот сейчас обожгло бы сердце, слова призыва, убеждения — она всё приспособливает к своему нраву и так «отводит» от себя действие священного слова.

В лучшем случае, непонимание ведет к путанице. Вот пример: «Благослови, душе моя, Господа!» Как наша

душа может благословлять Господа? Мы идем за благословением к священнику, владыке. Здесь нам была бы более понятна форма с ударением на последнем слоге — «благосл?вь!», что близко к глаголу «славь»: «Благими словами славь, душа, Господа!»

Священный текст хранит свои старые формы, они как спаяны внутренним напряжением языка, и принимаются нами с радостью, и запоминаются удивительно легко. Но запомнившееся не есть понятное, и в известном назубок может затаиться «привычное непонимание», которое почему-то и не хочется прояснять. А в не известном на слух при нечеткой артикуляции церковнослужителей ясность мысли так затушевывается, что молитвенные возгласения и прошения слышны, а богословие, то есть смысл божественных слов — вдумается! — часто ускользает.

Церковнославянский требует от нас работы, напряжения сил, своими древними ритмами и прикровенными образами он вдохновляет, самым звуком, кажется, отрывая нас от дольного мира. Но это обманчивые ощущения. При поверхностном, пассивном восприятии, когда сердце двигается интонациями более, чем словом, ждет знакомых напевов, умиляется и восхищается согласным пением, — полупонятность речи быстро сводит духовное переживание к душевному, расслабляет волю, и вместо духовного наставления и готовности к брани душа обретает приятное успокоение. Такое состояние душевного комфорта скоро делается привычным и угнетает религиозное чувство, не дает ему вырасти и стать настоящей верой — и в жизни человека тогда начинают править пошлость и суеверие.

Но если пробудить себя к слову, заставить слышать, тогда контрастная динамика славянской речи откроет нам вселенскую силу библейских образов, связывающих великое и низменное, Божественное и человеческое, не унижая творения, но сопрягая противоположащее. Ритмическая, лепная скульптурность словесных образов церковной поэзии отнюдь не умилительна — слова страшат, пригвозждают сердце к высокой правде, не допуская никаких воль-

ных толкований. Вот для примера фрагмент праздничного песнопения:

Из утробы Иону младенца изbleва
морский зверь, якова прият,
в Деву же всельшееся Слово, плоть приемшее,
пройде сохраняющее нетленну
Егоже бо не пострада истления,
Рождшую сохрани невреденну.

Иону, как младенца, изверг из утробы
морской зверь, таким, каким и принял,
а Слово, вселившись в Деву и приняв плоть,
прошло через Нее, сохранив Ее невредимой;
Само не пострадав от плотского зачатия,
и Родившую уберегло от страданий.
(Ирмос в песни Рождественского канона)

Эти древние образы поистине всенародны, они опираются на глубинные метапонятия: род, жертва, страдание, грех, искупление. Нет в них и тени приятности, всё ведет к смыслу, метафора строго подчинена закону подобия — и прикровенное становится явным.

Этот путь — наш, им мы можем и двигаться, и жить — «и будешь великий купец»... если возьмешь на себя труд понимания и следования.

Но по господствующей сегодня «эстетике гламура» как доминирующего стиля времени, не народного, а заданного, навязываемого и теперь уже усвояемого народом, — по этим нормам славянские образы грубы и вообще неудобоваримы. Будучи поняты, они слишком тревожат, обязывают, не дают покоя уму — и потому непроизвольно их стремятся вывести в культурно-эстетическое пространство, найти способы смягчить, «запеть».

Так мир борется со Словом Божиим, не желая уступать человеку, ведь именно пробуждение ума, изменение его (так переводится слово «покаяние») и есть путь веры. «Вера — от слышания. Слышание — от слова Божия»,

как сказал апостол Павел (Рим. 10: 17). И должны мы открыто признать: есть у нас Слово Божие — нет слышания! И как-то незаметно многим уже и полюбилилось это неслышание, рождающее новую форму «удобной веры», где «сердца далеко отстоят» и люди чуждаются боли, тягот и вообще памяти о них.

Не отсюда ли гладкопись, прокрадывающаяся в искусство, превращающая его в служанку наших неочищенных покаянием чувств, а сам храм — в эмоционально приятное пространство!

Сегодня поражает обилие храмовых росписей, которые, по сути, являются лишь особым видом декоративной отделки стен: идет миниатюрная проработка деталей, а событие не прочувствовано, лишь формально означено. Какая-то изначально заданная блеклость, анемичность, безжизненность, ничего не выражающие лики и композиции. Откуда это? И главное — зачем?

Это не просто неудача, здесь господствует другая, внешняя, правда, «правда в малом»: правда деталей, складок одежды, подробностей рисунка, тканей. Что ж в этом плохого, можно спросить? Да часто ведет за собой эта «правда в малом» — ложь в большом! Задача этой внешней правды — уловить внимание, породить веру в правдоподобие. Похожесть внешней формы здесь понимается как главная цель искусства, внутреннее же, духовное приносится в жертву. Но люди уже знают, что правда не есть правдоподобие, она есть еще незримое для большинства, но искомое, чаемое, она — сродница вере, которая реальна в духовном и прикровенна в материальном мире.

Скудная же, внешняя «правда в малом» — полая. Она — даже не полуправда: не имея живой души веры, она не стремится ввысь, не чувствуя подлинного, не тоскует о свободе, она любит значительность, но не имеет лица и украшает себя символами и тайными знаками, предлагая нам крепостничество обрядового суеверия. Пустота притягивает тьму.

Художественная правда — не сестра ей; она везде разная, но всегда конкретна, соткана во времени и, открывая свое лицо, дает нам узреть внутренний мир человека, суть событий, эпох. «Не может быть художественной правды, — говорил Фаворский, — в бесконечных стилизациях и копировании старых росписей». «Не верю!» — выкрикивал Станиславский, когда актер фальшивил, деланные интонации были не просто неубедительны, они разрушали весь художественный мир, который мастер чувствовал внутри себя и вместе с другими пытался воплотить.

«Не верю!» — сколько раз можно было бы повторить и нам: не мог таким быть апостол Петр, не таким был Авраам, Ной!.. Но откуда мы знаем это? Знаем до образа, знаем по нашей причастности Творцу, Его милостью, Его откровением — и ищем созвучия этому внутреннему знанию, разворачивания его во времени сердца.

Читая Священное Писание, особенно Евангелие, вникая в смысл слов, иногда вдруг начинаешь ощущать такую близость и такое понимание героев, событий, что становится понятно: Писание — не герметичный текст, оно во все времена было обращено к человеку и сейчас направлено к нам. И богослужение — не пассивно, это не душеуспокаивающее действие, а дерзновенный рывок к Богу, в другую жизнь. Всё это есть в словах молитв, сказано ясно, определено, никакой двусмысленности ни в псалмах, ни в канонах. Всё названо своими именами и, если веруем, является нам прямым указателем в жизни. Эта предельная определенность и человека понуждает быть приверженцем истины, разделять добро и зло, искать святости — то есть активно, всю жизнь, в каждый момент своего выбора свидетельствовать Христа.

Но эти бремена сегодня для многих кажутся неудобноносимыми. Говорить о них привыкли, но в реальности такой путь вызывает недоумение. Поэтому-то у людей возникает желание «погасить» активность храма, сделать его эмоционально уютным, ублажающе приятным. Не потому ли такое устойчивое стремление к красивому пению

в храмах, которое, конечно, не проясняет смысл сложных славянских слов и оборотов, а соответственно ему — и не раздражающие стенные росписи?

Ведь мы каждый год поем в кано-не: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши!», а вот, оказывается, вырвать себя из комфортного забытья для мужественной работы духа — не очень-то и жаждем, в этом-то вся беда.

И всё же, как бы ни хитрила душа, стремиться к пробуждению надо. И искусство нам тут помощник, но не всякое, а настоящее — живое искусство, которое будет мешать спячке чувств, обыденщине, предательской теплохладности. Такое искусство — как честный товарищ, не покроет лжи и не утаит правды, оно неудобно своей открытостью и сложной простотой. Росписи, о которых мы хотим говорить, принадлежат именно к такому искусству.

Длинное получилось вступление. Но сейчас так расшатываются самые опоры, на которых держится здание культуры, такой разрушительный характер приняли ревизия и переоценка ценностей и так почти физиологически предлагается понимать свободу, — что приходится время от времени напоминать себе простые азбучные истины, повторять уже найденное, принятое культурным сообществом человечества, очевидное. Оправдывает разве что вопрошающая юность, ничего по-настоящему не знающая ни о России, ни о русском искусстве, не ищущая традиций, но интуитивно отворачивающаяся от чужих образцов и наставников. Им надо знать, что есть правда на земле, как есть она и выше!

Итак, обратимся к конкретным примерам современных храмовых росписей и представим художников, работы которых показались нам не просто удачными, но рожденными из глубины духовной традиции русского искусства и всей нашей трудной соборной жизни. Супруги живописцы Виктор Звягинцев и Татьяна Малюкова, москвичи, москховцы, активно выставяющиеся, но не в коммерческих галереях. Первый храм, расписанный ими, был храм Преобра-

жения Господня неподалеку от Переславля-Залесского. Вот как сам художник рассказывает об этой работе.

«Росписи храма Преображения Господня предшествовал долгий и интересный путь.

В 1995 году я поступил в институт имени В. И. Сурикова к одному из величайших русских художников конца XX века Н. И. Андронову. Будучи студентом первого курса, я стремился не пропустить ни одной встречи, беседы этого художника со студентами. На одной из таких встреч я познакомился с моей будущей женой Татьяной Малюковой. Общность творческих устремлений, жажда овладения мастерством определила нашу дальнейшую жизнь. Мы изучали древнерусскую фреску, творчество русских и западноевропейских художников разных эпох. Беседуя с нами, Андронов обращал особое внимание на архитектуру фрески древнерусских храмов, на то, как безупречно организовано живописное пространство, как цветовой строй «держит» плоскость стены, не давая ее разрушить. Перед нами стояла задача — организовать плоскость на листе бумаги, холсте, доске или стене.

К работе над проектом росписи храма мы приступили через несколько лет после смерти Андропова в 2000 году. В институте руководство мастерской принял замечательный художник Павел Федорович Никонов. Под его руководством проект росписи стал моей дипломной работой. Подлинно живописные традиции и принципиальный подход к работе, исключая стремление угодить кому-либо, характерны для этого художника. И эта художественно-нравственная линия стала основой для нашей дальнейшей работы.

В 2001 году за лето мы расписали храм Преображения Господня в Усолье (Переславский район, село Купанское). Нанеся рисунок по подготовленной сетке, мы приступили к росписи, пользуясь техникой скорописи, свойственной древней живописи.

В композиции росписи просматривался ясный принцип увеличения масштаба изображения по мере его удаления от зрителя. Изображения Христа, Ангелов, пророков в

куполе достигали 6 метров по высоте, в то время как в нижнем регистре росписи размер фигур от одного до полутора метров.

Роспись храма делилась на три больших регистра: купольный регистр, средний, находящийся на уровне верхних окон, и нижний. Деление на регистры и увеличение масштаба изображения снизу вверх позволило нам добиться архитектурной цельности и простоты.

Роспись велась очень свободно. Первый живописный слой наносился большими цветовыми плоскостями, и это определило пластическое построение росписи. Далее мы работали над доличным и личным письмом. Мы понимали, что увлечение излишней детализацией и объемностью может разрушить композиционное единство храмового пространства, и следили за тем, чтобы не допустить подобного «прорыва» на плоскости стены.

В процессе нанесения рисунка мы убедились, насколько естественна для художника, работающего на стене, обратная перспектива. Рука как бы естественным образом рисует расходящиеся или параллельные линии. И необходимо делать над собой большое усилие, буквально заставлять себя рисовать сходящиеся линии. Линейная перспектива визуально «разрушает» плоскость стены, создавая ненужную иллюзорность уходящего в «никуда» пространства. И для нас стало очевидным бесконечное различие между западноевропейским Возрождением и древнерусской живописной школой.

Мы поняли, что именно сегодня особенно необходимо вернуться к принципам средневекового искусства на новом этапе развития художественной культуры».

И вот — яркие, глубоко проникновенные и вместе с тем драматически-эмоциональные образы как обожгли новым светом стены древнего храма. Это огненное свидетельство было непривычным — храм будто заговорил с нами на нашем языке, открывая не живые, а вечно живые лики святых, собрания Святой Церкви, противостоящие ей безблагодатные сообщества еретиков.

Всё в росписях было наполнено духовным смыслом и силой. Живопись не отрекалась здесь от самой себя, но не предлагала никаких внешних эффектов, все свои силы она подчинила слуху, желая обрести форму художественного воплощения Слова Божия, найти подлинное, пластическое решение темы, обнаружить ее внутренний ритм, звучание во времени. В этом смирении поиска проявило себя целомудрие художественного сознания, укрепленное строгостью профессионального воспитания и обретенным в труде мастерством.

Язык и сам стиль оттачивался и становился всё более ясным и духовно четким в процессе создания этого живого храмового пространства. Нижний ярус уже просто «втягивал» нас в себя, Вселенские соборы открывали свои деяния. Не литературность, не иллюстрация к священным событиям, не перечень эпохальных рубежей на пути человечества — но живые образы вечности облекли стены, создавая новое пространство и для сердца человека.

Живопись в храме через сознание и мастерство художников-монументалистов приблизила к нам образы Церкви, запечатлела их, не снимая печати тайны, не смешивая с мирским, но вводя в наше пространство. Свидетельство, а не изображение — вот концептуальное решение, которое нашла здесь живопись: не «какой?», а «что?». Метод же был традиционным — ритмическая плоскостная композиция.

Это было свидетельство о Вечности во времени, и потому запечатленные образы отразили, обнажили нам и нас самих — наше время, наш род. Этот дом Господень как будто наполнил себя нами и пребывающим в нем вселил в душу реальный страх Божий, поднимая человека на невидимую брань с грехом. Живопись не ублажала эстетствующих, но всею силой пробуждала в человеке его живые чувства.

Вот что написали сами художники об этой работе в аннотации к своей выставке: «Мы расписывали храм с подлинным чувством, так, как представляли себе роспись

тогда, когда храм был еще не восстановлен. Роспись выполнена в свободной технике живого письма, традиционной для древнерусских храмов. Общий объём работ составил около 600 м²; возможно, что-то нам удалось, что-то не очень, но, главное, мы сумели избежать всеугождающей выхолощенности».

Эта встреча свободной живописи и молитвенного пространства храма XVIII века принесла свои неопределимые плоды — родился живой духовно-художественный язык современного храмового искусства — запечатленное живописное свидетельство.

Второй храм, который расписали наши художники, — это храм Всех святых, в земле Российской просиявших, в г. Усть-Илимске Иркутской области. Храм был новый, построенный по современному проекту, его история только начиналась. Но молитва уже горела негасимой свечой в этом сибирском городе, оживляя и скрепляя души, и теперь незримо помогая живописным силам связать воедино формы храма и создать живое духовное пространство.

По расположению сюжетов и общей композиции роспись храма была канонически традиционной. Отметим две знаковые особенности в системе росписи. Для центрального широкого купола была выбрана особая композиция — свод Архангелов. Образы эти, видимо, были навеяны и вдохновлены купольными фресками «Вознесения» древнего собора св. Георгия в Старой Ладозе (XII в.). В Усть-Илимском храме эта композиция развернулась в некий святой «хоровод», поддерживающий небесную сферу. Образ оказался внутренне созвучен нашему времени и привлекает своей народной соборностью: он как бы проецируется на нас, задавая всему собранию храмового народа целокупное круговое единство.

На восточной стене над иконостасом воздвиглась живоносная полусфера Пятидесятницы — «Схождения Святого Духа на апостолов». В подножии апостолов — конструк-

тивно-композиционная арка, открывающая новое цветовое и временное пространство: здесь в рост фигуры пророков Иезекииля и Иоиля, пророчествующих об излиянии Духа Святого. На свитках крупно даны слова пророчеств:

«И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное» (Иез. 36: 26).

«Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши» (Иоиль 2: 28).

Вся композиция широкая, просторная, но не обнаруживает никаких пустот — легко написанный зыбкий фон создает ощущение трепещущего воздуха, и слова читаются здесь ясно, звучат камертоном — «Дух новый дам вам!» Это начало новой эры, новой эпохи. И художники, следуя этому слову, разворачивают перед нами библейскую историю, эпически и художественно осмысленную. Стиль их росписи приобретает большую широту и вместе с тем связанность, удерживающую все живописные силы в единстве. Не экспрессивность, как это может вначале показаться, основа его, но духовный реализм, не лирическое переживание событий стало движителем, а прочувствованная и явленная драматическая полнота и цельность бытия — эпичность.

Эпическое начало сегодня как-то изымается из сознания людей, нам настойчиво прививается индивидуалистическое переживание мира и жизни. Христианство же, и особенно Православие — не есть личное дело каждого. Бог спасает народ, и человек не один пред Богом, рядом с ним люди, те самые братья и сестры, которые сегодня так ожесточились друг против друга. А ведь мы — народ Божий, единая цельность. Эпическое сознание включает и прошлое, и чужое для него не чуждо.

Эпическое соприродно русской душе и русской культуре: не интересно нам было устраивать только свою жизнь, всегда болело сердце за весь белый свет. Так, и образы Священного Предания оказались как бы включены в нашу историческую реальность, переживались как родные — таким было народное не книжное богословие. Оно-то, види-

мо, и позволило родиться феномену древнерусской живописи, создавшему особое, живое пространство храма. Новую реальность являли сплошь покрытые фресками стены, буквально включая стоящих в храме в священное событие, заставляя их найти себе место здесь, в Божием доме — и участвовать, переживать, жить.

И Усть-Илимский храм Всех русских святых продолжил эту традицию древнего русского храма, храма-вселенной. По духу он и воспринимается как древний — всё здесь существенно, значимо, храм не развлекает, а говорит, свидетельствует о чуде высшей жизни, открытой ныне человеку.

Пластический художественный язык этой росписи очень современен и богат, но искусство здесь умно прибрано и действует не эстетически умиротворяюще, но призывно, как слово. И слово это ясно, открыто и мужественно аскетично — воспринят Евангельский дух, он стал главной мерой церковного искусства. Такое ощущение, что роспись рождалась, вслушиваясь в древний язык Русской Церкви, уподобляясь ему в напряженном сближении антиномий, в сплаве лирической интонации личного переживания и эпического размаха обращенной к Богу народной мысли.

Роспись не просто вторит слову Церкви, но ищет единый с ним внутренний ритм и находит его — в самом звучании славянской речи. Это единство ритмов живописи и высокого поэтического слова и создает живое пространство храма: слов? как будто разлетелись по стенам золотым живописным эхом и трепещут, угадываются, слышны в образах.

Но никак нельзя сказать, что роспись иллюстрирует Священное Писание, — она верна Слову Писания. А слово абстрагирует нас от конкретизации действительности, делает явление в необходимой степени обобщенным, отвлеченным, чтобы не возникло «рабства плоти», то есть исторической этнографии и даже психологии. Рассказ оказался преодолен — он стал новым пластическим событием: исторические подробности приглушены настолько,

чтобы событие не было приковано только к своему времени, но не удалялось от нас, чтобы не родилось музейного чувства и желания рассматривать детали.

Всякий соблазн натурализма и вообще богатой натуры преодолен: нет осчастливливающей роскоши и отталкивающей нищеты, нет пугания образами, нет следящих зрачков, от которых хочется скрыться, и искушающих женских форм — глазу решительно «нечего нянчить»: никакой иллюзорности и безответственной игры красок — поистине свобода аскезы.

И психологическая правда, так называемая правда чувств, также не влечет художников — она возведена к типическому: нет стремления к портретности, лепке характеров — дан тип. Это драгоценнейшее обобщение дает возможность представить священные события не как частное переживание библейских героев, но как всеобщий закон духовной жизни каждого человека — вашей, моей. Не акцентируется динамика частного переживания, образ не замкнут в своем правдоподобии, и потому он не вовлекает нас в сопереживание героям, а обращает к себе.

Однако человеку не удается остаться в сетях своих обыденных переживаний: созданное живое пространство активно, оно включает нас в себя. Напряженность внутреннего ритма рисунка, острота и точность цветовых отношений воспринимаются нами, сообщают энергию и, преодолевая тяготение, отрывают нас от земного, возвышают над личным опытом. Так мы оказываемся выведены из ущелья мира, из «ночи настоящего жития», и не в другое время, а в другую, не прошлую, а будущую реальность, родную нашей душе. И входим мы в эту духовную реальность, в это «новое свое» — не зрителями, а жителями, ощущая себя частью великого целого.

Не знак, не символ, но сама запечатленная духовная реальность создает новое пространство. Как слух может отворять сердце, так и образ может уводить с поверхности бытия вглубь него, уводить и учить этому пути нас. Вот дело духовного реализма: он не просто напитывает

нас красотой и живостью форм, не просто дает пережить происшедшее событие, он отворяет двери иного мира, и душа трепещет перед истиной, как бы заглядывая в вечность, может быть, ничего пока не видя, — и замолкает всякая плоть человеческая, внимая Слову.

Храм, одетый фресками, заговорил, и говорит теперь так, что нельзя не услышать: поистине — камни вопиют. А внешне, вот что удивительно, создается впечатление, что роспись народно проста. Она действительно народна в своем языке, не в смысле фольклорна, а питаема народной силой, ясна, бескомпромиссна, нигде ни цветом, ни линией не вольничает, не создает нарочито волнующих форм. Образы не надрывают сил переживанием, а открывают новое знание и дают новый опыт личной встречи. При этом надо сказать, что никакого произвольного толкования эпизодов нет, всё соответствует святоотеческому богословию и современному уровню мысли. (Это, кстати, примечательно: изобразительный индивидуализм непременно приводит к искажению смысла, мифологизации, «художественной ереси», — здесь же всё «уместилось» в широкое лоно канона и тем стало реальной преградой магизму, духовному и мистическому потребительству, накапливающемуся в обществе.)

Нельзя не отметить еще одну значимую черту. Художественный язык Усть-Илимских росписей не допускает никаких украшательств, можно сказать — суровый стиль. Не так ли строг в своих грамматических и синтаксических конструкциях славянский язык?! Эта двойная, подтверждающая глубинное единство аскетичность: аскетичность слова, звучащего в храме, и слова, запечатленного в стенах — дает художеству преодолеть частное, делает его всеобщим, личное же — вселенским.

Духовное трезвение, глубокое, не поверхностное, не собственническое переживание реальности — вот еще один критерий образности в искусстве. Мало для настоящей живописи эстетических мерок — живя, она вовлекает в свою высокую художественную правду и наш дух и, зрима, не-

зримо питает его, поддерживая в нас чувство истины.

Вот общее впечатление о росписях Усть-Илимского храма. Теперь немного о его решении, о композиции.

Никто не станет спорить, что нет и не может быть единого образца для слышания. Глубина слуха, устремленность к родному и родственному, поиск истины, освобождение от гнетущих страстных чувств — всё делает восприятие искусства творческим актом самой личности. И композиция любого произведения, если она действительно рождается во времени, произвольно учитывает эту внутреннюю готовность человека, она ощущает нерв общей жизни, и отзывается на него, и строит свои образы как подобие и как преодоление нашего дня. Композиция — внутренняя архитектура живописи, она больше всего свидетельствует о живом чувстве времени, об ощущении пространства.

Принцип композиции Усть-Илимского храма — цельность, создание цельного единого пространства: нет разделенности на отдельные фрагменты — мы как-то сразу видим всё живописное поле стены, окунаемся в него раньше, чем узнаём образы и события. Разработка самих эпизодов способствует этому. Событие явлено в них не в законченном виде, не статично, не как полная постановочная мизансцена — а как ее фрагмент, часть, кусок жизненной панорамы, часто в ракурсе, из-за спины. Взгляд наш сам выхватывает из глубины пространства притянувший его образ, который частью остается в своем бытийном контексте, не выступает, не является нам целиком, мы чувствуем, что он незримо связан со всем своим пространством-временем, и что всё там включает в себя всё.

Когда же это «всё» заглядывает в окно нашего времени, рождается удивительное чувство, что прошедшее совсем не прошло, оно вот тут рядом, «при дверях», что вот за этой изображенной, выраженной живописью частью — целое жизни, где и наше дыхание, сегодняшнее, также имеет значение и смысл.

Каждая часть общей картины росписи воспринимается как часть целого. Нигде не устраивается «презентации» события, ничто отдельно не демонстрируется, но эпизод как будто приоткрывается и вводит нас внутрь себя, а через себя — в другой, третий... как по лесной тропинке идешь, она вьется, и всё окружающее: весь сад Священной истории человечества, всю его землю и небо — чувствуешь как свое наследие.

Это не презентативно-галерейный и не репортажный, а эссеистский, философский способ собирания и удерживания внимания. Художественное чутье помогло начать честный и свободный диалог со зрителем. Плоскость стены как поверхность везде сохранила цельность, она ровна, ничто не перевешивает, не выпирает, нигде глаз не проваливается в пространство между фигурами, нет никаких иллюзионистских интриг. Нет желания оживить героев и дать пространственные сцены библейской жизни, изобразить духовное въяве — нет, поверхность стены лишь несет свидетельство о новой реальности, лишь запечатлевает ее, не прикасаясь к тайне священной Вечности.

Вот ключ к духовной пластике — она не должна возбуждать плотские чувства: должна быть зримой, но не осязаемой физически. И здесь древнее правило

высочайшего благоговения — «удержание оч?с» — выполнено, хранение молчания перед Вышним лишает наши чувства страстного горения. Целомудрие не в том, что изображено, а в том — как изображено, что засвидетельствовано.

Но не забудем, что манифест не в голове, а в руке художника: можно и понимать, как должно делать, но надо суметь это сделать. Не технические, но комплексные профессиональные навыки, вкус и внутренняя культура открывают путь художеству. И в росписях Усть-Илимского храма, о котором мы говорим, многое стало возможным именно за счет того, что художники достигли в своем деле мастерства. И мастерство это осмысленное, развивающееся, строгое к себе. Только от умения мастер-

ски взять человеческую фигуру в целом, в ее связи с окружающим и возникло дерзновение создать такую сложную композицию с взаимопроникающими сюжетами. И ничего не перепуталось, не «слиплось», точность рисунка и цвета создали такую внятность, что ребенку понятно.

Духовное понимается художниками не как туманная недосказанность и нагнетание смутной таинственности, а как открытость Бога людям. Так, у колодца Самарянка вопрошала: «Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам всё. Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою». (Ин. 4: 25–26). От этой простоты — и осмысленность, и стремление к ясности пластического языка, к лаконичности, чтобы каждый штрих росписей передавал высокую простоту Евангельского откровения.

Но и другое важно — художники доверяют зрителю, не учат, не назидают, но говорят с ним, как с братом... любят. Вот, наверное, в чем секрет живости и сила росписей! Композиция строится всегда остро, акцентно, но цвет, проходя, объединяет всё легким сбалансированным тоном, и даже высокие трагедийные мгновенья наполняются светом. Композиция и условность языка удерживают зрителей от эмоционального прочтения, не погружают в отчаяние от явления страданий, но, вовлекая в самую пучину жизни, возвышают, давая новую силу — «Боги ест?!»

Цвет в росписях, связывая пространство, заставляет аукаться и времена: Церковное Предание включает в себя разные эпохи, и все они открываются нам. Проникающие, не разделенные друг от друга композиции позволяют читать священные эпизоды не только в хронологической последовательности, но создают как бы второй круг, открывая их так, как они связаны в церковном годе. И уже не познавательная потребность становится проводником зрителю, а его духовная нужда, жажда, интуитивно притягивающая его к тому или иному изображению — границ же между ними нет.

Принцип этот в сочетании с активным колоритом может стать и коварным союзником. Путаница в рисунке,

когда хотят и динамику действия выразить, и сохранить историческую правдивость, а честнее, некоторую привычную для религиозной живописи архаичную манерность, зачастую приводит к смысловому хаосу: рисунок перестает читаться и его приходится разгадывать. Многие новые росписи грешат этим.

В Усть-Илимском храме ясность изображенного почти предельная для живописи. Композиция растет, как мы уже сказали, проникающими сюжетами, но в каждом эпизоде ритмический центр четко означен, и потому глаз не мечется и не ползает по стенам, легкие художественные смысловые акценты притягивают к духовному центру события. Необыкновенно благородны внутренние контуры рисунка, они переживаются зрителем скрыто, но сохраняют наши чувства целостными, не рождая никаких свободных ассоциаций.

В сопрягающихся сюжетах эпизоды не дают друг друга, не нанизываются, а спокойно разворачиваются перед нами: и плотность есть, и воздух, и, главное, нет страха, что что-то забудем сказать. Не надо знать всё, надо знать главное, оно — правда, и в живом пространстве оно может быть обретено в любой точке: малое, как часть, свидетельствует о жизни целого. Так, созданное живописью единое пространство охватывает и библейское время, и наше восприятие его: то один кусок стены «заговорит» с тобой, то другой, можно остановиться на любом, и он будет достаточным для личного духовного движения. Ритмическое мерцание, которого удалось достичь, передает, кажется, дыхание самой жизни.

И последнее, при общей тенденции нашего времени к технократичности росписи Усть-Илимского храма не технократичны, ничего в них нет формального, механически собранного, они именно органичны, то есть рождены временем. Потому-то пластически и отразили они сегодняшнего человека и всю нашу новую жизнь, в которой верные еще по-настоящему не полюбили верность, не посвятили себя ей, и вечные слова Божии подчас открыто

смешиваются со словами лести и корысти. Но это наше время, оно поручено нам, и роспись живет активным внутренним стремлением к правде, ощущается вера во всё, что изображено. Потому и у зрителя пробуждаются чувства, это может некоторых даже и смутить: спящие удобнее для управления, — но Господь заповедал пробудиться душе: восстань, спящий! И храм вторит Его слову.

Стена Распятия одна из самых непостижимых. Композиция решена целиком, вначале нельзя даже сказать, что здесь что-то изображено или выражено, произошла как бы дематериализация самой стены, живописные силы пришли в движение — и Крест выступил реальным центром, собирающим жизнь. Поражает легкость всей этой огромной плоскостной композиции, ритмическая же организация цветового поля создает впечатление глубокого внутреннего сияния.

Нельзя не сказать здесь, что однажды автору этих строк привелось беседовать со священником, который после автокатастрофы шесть раз переходил границу жизни и смерти. Технически образованный батюшка рассказывал об этом своем уникальном духовном опыте подробно и открыто, и возникла возможность спросить: а какое там пространство? «Пространство? — он был искренне рад моему вопросу. — Пространство ходит, дышит, мерцает, ну наподобие северного сияния, видели когда-нибудь?»

Вот в каких образах не живая Вселенная, о которой так любят говорить ученые, а Живая Вечность открылась человеку! Стена Распятия как будто запечатлела это.

Когда же начинаешь вглядываться в эпизоды, приковывают внимание образы Спасителя. Все они разные. Лик в барабане центрального купола монументален, он дан широкими точными мазками. Здесь найдена та мера абстрагирования от реалистических форм, от портретности, которая единственно, кажется, необходима для запечатления Божественного действия. Не «образ Бога» изображен, а действие Божественных сил, не «вот Я, Бог», а «Бог зрит». Здесь художеству удалось следовать определениям

первых Вселенских соборов: святая печать Лика — свидетельство Сущего, то есть Вечно Живого, — само же бытие Божие остается прикровенным. Но то, что открыто нам, обращено к человеку, явлено: мягкая асимметрия волос, небольшая разноуровневость плеч, чуть вправо взвихрена бородка, какой-то легкий трепет во всем внешнем, означенном облике, и такой же цельный, противостоящий этой динамике внутренний всемерный и всемирный тон милости. Вот как «нераздельно и неслиянно» зазвучали две природы во Христе, и чувствуешь — перекроет эта милость и наши бесконечные отступления, и наш эгоизм.

Совсем другой Спас в композиции Второго Пришествия. Строгость, может быть, даже замкнутость несколько затемненного Лика Вселенского Судии подчеркнута светлым нимбом — грядет Вершитель, не оставляющий лукавству места и времени. Этот образ — на границе миров, времен и вечности, за ним — новая жизнь нового мира. Можно говорить здесь и о взгляде Спасителя, он — всепроникающий. Запечатленность здесь переходит в ту новую обетованную реальность, которая еще неведома нам, и отсюда такая пронзительная контрастность — не скрыться и не отвести глаз. Вообще, надо сказать, что сердце соглашается с предложенными образами: не возникает ни отторжения, ни поправок. И Евангельские, и библейские пророчества ложатся на эту предложенную художественную канву, и в душе рождается — удивительно! — не узнавание образов, а благодарение. Видимо, происходит умножение связей, расширяется семантическое и духовное поле знакомых образов, и мы радуемся этой крепнущей духовной силе нашего ума.

Итак, образы Спасителя, которые мы рассмотрели, явили, на наш взгляд, такую верную меру условности в живописи, которая позволила и живо, и достойно запечатлеть незримое — умозрение в красках. В других композициях, где Иисус Христос предстает в Своем историческом облике, эта мера условности меняется. Здесь новой церковной живописи трудно избежать арианства: представляя дела Божии в нашем мире, изображение любит и Делателя очеловечивать.

Реализм форм тут является предателем художественной правды, и нужна определенная свобода и вера в силу искусства, чтобы освободить волю и художественные силы от избирательных штампов и конъюнктуры — и дерзать!

Образ «Христос и легионеры» композиционно нов. Лик Спасителя только нимбом отделен от лица стражника-воина, находятся же они на одном уровне. Мгновенно пронзает мысль — Двумикий Янус! Человек всегда имеет возможность обратиться к Богу или стать в строй распинателей. Два образа эти есть и в псалмах: «Боги ест?» (Пс. 81: 6) и «Всяк человек ложь» (Пс. 115: 2).

Внутренняя структура этого эпизода раскрывается в аристократичности его графики: благородство облика не демонстрируется, сам Лик Христа дан в ракурсе в полупрофиль и с той степенью обобщения, которая выдвигает на первое место действие, а не Действующего. Не к чертам Лица внимание, не портрет, но деяние — так художественно осмыслена жертва Царя Славы, Его Крестный путь.

Подобен этому и эпизод «Поцелуй Иуды». Здесь надо отметить, кроме очень выразительного по рисунку, какого-то «попльвшего» лица Иуды, будто струнулись со своего места глаза, — еще и красное, чуть отличающееся тоном и пробелами облачение у обоих: у Преданного и предающего. Два красных тона встретились, несомы разными силами, и образуют двугорбую волну. Это очень точное художественное богословие, более всего другого оно свидетельствует о вольной жертве Спасителя, жертве за всех... и за предающего, который уже здесь, на месте своего позора, оказался объят любовью Божией, но этого не ощущает.

После такой низкой правды глаза наши сами собой уходят долу и сразу же летят к небу: ищут света — и находят Крест. Светится Распятие. Светится выбивающимся из под него белым фоном царственного града — и земного, и небесного, — и чувствуешь, что Крест — сила. Но здесь Распятие — с Распятием, затаивается душа, ждет встречи с Ликом и вдруг замечаешь, что Его нет: смерть коснулась плоти, и нарушен порядок, строй живого — Лик

оказался смят, страдание выступило и скрыло собой образ. «Видех бо во гробе лежаща брата моего, безславна и безобразна» (Канон покаянный, песнь 8).

Лик затемнен и неясен, его не удастся рассмотреть. Сначала даже возникает ощущение непрописанности, и вдруг ловишь себя на мысли — ведь это неживое лицо! То есть вообще не лицо, так как жизнь разъединилась здесь сама с собой. Искусство не дает нам здесь никаких реалистических деталей, и не удается душе соскользнуть в психологическое переживание страстей — высокая жертва должна быть осмыслена духовно.

И опять почти инстинктивный поворот головы: на противоположной стене — взрыв Воскресения, Сошествие во ад. Лик Спасителя в этой композиции сохраняет некоторые черты Распятого. Больше обычного склонена Глава. Облик Воскресшего весь отвечает фразе «Во исполнение пророчеств». Какое-то вековое, прожитое разом страдание ушло внутрь, и еще не свершилось полного освобождения, еще, может быть, только сказаны слова Марии Магдалине: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Ин. 20: 17).

Весь эпизод Воскресения очень динамичен, композиция разворачивается, почти вращаясь, и в центре этой, пришедшей в движение, Вселенной вдруг оказывается лирический гимн: Превозмогший страдания хранит на Лике печать скорби — драматический контрапункт к всеобщему восстанию. Это совершенно ново, но, безусловно, возможно, и даже, более того, соответствует современному богословию и духовному чувству Воскресения как труда самой жизни. Никаким формальным следованием букве закона такого достичь нельзя, здесь проявила себя духовно-художественная интуиция, запечатлевшая Откровение.

Справа, ниже героической симфонии Воскресения, композиция «Уверение Фомы». Спаситель здесь полуразвернут к нам, плечо обнажено, рука поднята крылом, Он будто «растянут» вторичным распятием нашего неверия. Перед нами уже другая, новая, легкая Плоть, окутанная го-

лубым небесным облаком. Фома же обвит красным горячим гиматием, он развевается, летит, горит, как свидетельство укрепленной веры — отдал Спаситель жаждущему правды апостолу свою милоть, как Илия Елисею: «Не будь неверующим, но верующим» (Ин. 20: 27). Голубой хитон Фомы чуть светлее, чем облачение Христа, протянутая вперед рука его прозрачно соединена со Святым Телом. А кроткий Лик открывает такую теплоту чувства и сострадания нам, такую готовность взять всех под свое крыло — в ком не родится движения покаяния!

Пластически композиция переживается сразу и как динамическое действие: внутреннее преобразование Фомы, и как статическое: столпническое обнажение Христа. В последнем образе есть глубинное соответствие соборному знанию о внутренней неизменности Спасителя: Бог неизменен, не подвигнется, не отступит, не прейдет и любовь Божия.

И вот в композиции и, главное, в Лике Христа каким-то образом выразилась эта постоянная готовность служить нам, отдать Себя. И только усиленные темные тени под глазами, данные одним мазком, передают внутреннюю скорбь этого жертвенного сострадания и помощи. Здесь искусство коснулось глубинной тайны любви Божией к человеку.

«Что человек? что Ты помнишь его?
Или сын человеческий, что посещаешь его?
Немного Ты умалил его перед ангелами небес;
Какой славой и честью его увенчал!
Поставил его владычествовать
Над делами Твоих рук.
Всё положил, Создатель, под ноги его:
И овец, и волов, и всех полевых скотов,
И птиц поднебесных, и рыб,
И всё, что проходит морскими стезями...
Господи Боже наш!
Как величественно имя Твое по всей земле!»
(Пс. 8: 5–10, авторский перевод)

Огромное педагогическое значение обнаруживает эта современная по языку и точная по богословию роспись сибирского храма. Уже и смотрим мы на стены, не разглядывая их, а целомудренно, не отыскивая деталей: зрение облагодатствовано художественной правдой, ставшей и для живописи, и для человека верным камертоном, — оно перестает быть алчным и готово в любой момент отступить перед вынырнувшей из сердца молитвой. Так художество воспитывает наш внутренний слух и готовит пути духу.

Одна из острых проблем современного художественного сознания — это сохранить духовный слух в информационно насыщенном, шумовом поле времени. Когда сбиты критерии оценок и идет активная пропаганда относительных ценностей и образцов «искусства», не содержащих и следов культурной традиции, возникает контрдвижение — охрана художественных форм прошлого как поддерживающей нормы. Но надо признаться, что суть не может быть сохранена формой, суть сохраняется действием. Верность сути — в действии, в духе.

Соблюдение внешней нормы не есть сохранение традиции, оно может быть достигнуто за счет того, что произведение, повторяя старые, найденные уже формы, перестанет отражать глубины настоящего, вверенного ему времени, отвернется от реальной жизни, от звучащего по-новому пространства. Это окаменение — духовная болезнь, результат внутренней трусости делателя, его неспособности или нежелания двигаться, развиваться; и произведение тогда, как бы ни было оно технически совершенно, уже не будет свидетельствовать о жизни, не будет являть собой высокое подобие замысла Божия о нас. «Господи, избави мя от всякого неведения и забвения, и малодушия, и окамененного нечувствия», — молимся словами свт. Иоанна Златоуста на исходе каждого дня.

Необходимо сохранить живым и чувствующим не только свое сердце, но художнику — его внутренний слух, который дает возможность слышать глубины жизни. Имен-

но внутренний слух, усиливая чувство истины, сначала прививает вкус к живой, вечно меняющейся форме и одним дает возможность преодолеть безысходный тупик натурализма, подражательности, других же отводит от отвлекающей игры модной пластики. Затем верных он ведет во внутреннюю пустыню, чтобы вкус этот при различении духов укрепился аскезой и опять стал слухом — новым слышанием — и начал приносить новые плоды.

Так вызревают формы духовного реализма. Это — не стиль и не прием, но внутреннее основание художества, его сокровенная вера, слово правды, которое дает одновременное пребывание — жизнь с жизнью — в двух временах-пространствах, сопрягает деяния духа человеческого со священным Домостроительством Божиим. Духовный реализм несет жизнь на руках, как несут спящего младенца, не крича и не разговаривая ни с кем по дороге, чтобы не вторгаться в заповедное пространство детского золотого сна искусства. Вслушивание и затаивание сердца — вот его школа чувств.

Собранность, аскетизм, видимо, заданы духовному творчеству изначально, и все художники, входя в храм, должны принять эти необходимые условия не внешнего своего бытия, а внутреннего. Но мало принять, надо выдержать это испытание пустыней, найти в ней оазисы воды живой — силу искусства. Этот поиск и стал главным делом на каждом квадратном метре росписи Усть-Илимского храма.

Эскизы, конечно, все были сделаны заранее, и в цвете, и многие — в большом масштабе, и обсуждались; но здесь, на живой стене, в данном месте и времени, всё оживало — рождалось — заново. Не было ни одной просто механически перенесенной с эскиза фигуры — общей встречей всё как бы заново связывалось; и всё время шла внутренняя проверка, вслушивание, «сверяние» возникающих в пространстве живописных композиций и образов с теми тонами, которые одновременно с этим начинали звучать в сердце. Цвет «держал» теперь композицию с четы-

рех сторон, и в этой полифонической пластике прочитывалось уже не только само священное событие, но действие, следующее за ним,— слышны становились не слова героев, а песнопения о них...

«О Всепетая Мати! Рождшая всех святых святейшее Слово!» Образы Божией Матери в Усть-Илимских росписях, так же как и образы Спасителя,— разные в разных композициях. Богородица до Распятия и после него вся обращена внутрь Себя, бордовый и синий, цвет? Ее облачения, так проникают один в другой, что возникает эмоционально закрытое поле, вполне соответствующее тому безмолвию, в котором, по Преданию, пребывала Пречистая. Но вот Она, склоненная над главой снятого с Креста Спасителя: заостренный, вытянувшийся нос, тот же и совсем не тот Лик — скорбь разом высушила, сердце не могло быть подготовлено к такой ране.

Эта открывшаяся правда, правда боли, будто застыла на стене и заставляет вспомнить — «Вы куплены дорогой ценой». Но не отчаяние материнское вынесено на зрителя в композиции, а глубочайшее смирение Пречистой, от Лика Ее нельзя оторвать глаз: вот сердцу пример несения скорбей, устрашает и Божия жертва — чем ответим? Пластически эпизод решен очень лаконично, весь он «держится» огромной мягко объемной белой горизонталью спеленатого Тела. Трагизм утраты преодолен тишиной покоя, и знаем — уже брезжит надежда на пробуждение жизни, нет, не трагизм, никакой роковой безвыходности, срыва чувств нет — «Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи». На все Лики Пречистой как знак предъизбранности положена печать царской сдержанности.

О многих образах хочется говорить. Как осиянны внутренним светом призванные! Это и апостольские строгие лики, и ветхозаветные цари, воздавшие славу Царю Небесному, и святители — учителя народов. Шествие святых охватывает весь храм, оно непрерывно: видишь лики, а чувствуешь движущийся, собирающийся народ Божий. Очень хороши в композиции «Сошествие во ад» поднятые вверх

головы восставших праведниц и праведников, данные в ракурсе, точными мазками, в бледно-голубых прозрачных одеяниях — в них угадываются черты индивидуальности каждого (тоже точное богословие: не безликими восстанем!). Цари, пророки — у всех лица, но не характер выражен, а нечто более глубокое, та духовная индивидуальность, которая присуща человеку от начала. И как на этом многоликом фоне живого народа Божия каменеют лица еретиков, замкнувших себя грехом отступничества и хулы!

Все соборные композиции плотны, нигде нет демонстративно развернутых на зрителя планов и образов — всё живет в своем естественном, а точнее, духовном контексте. И потому, видимо, при всей активности композиций эмоциональной атаки на зрителя нет — наоборот, всё это восставшее, явленное глазу человечество торжествует и сообщает нам свою силу. Как это верно! «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир» (Ин. 3: 19). Примечательно, что, прочитав богословскую работу архимандрита Феодора (Бухарева) об Апокалипсисе, митрополит Филарет (Дроздов) примерно так и сказал: «Виден свет!»

Светоносного в храме много. Нельзя не отметить удачи в ангельских ликах. Вестник — дух, он бесплотен, как его запечатлеть? Наверно, у каждого молящегося возникало недоумение от залетевших в наши храмы разве что из любви к классической Греции «купидончиков». Здесь же эти «вторые светы» — поистине грозные Силы Небесные. Но они прозрачны, бесплотность достигается не только обобщением внешней формы, но часто неожиданным повторением цвета облачения в самом лике ангела. И глаза совершенно особые: глаза есть, а взгляда, как такового, нет. И тут понимаешь, что взгляд свидетельствует о жизни души, о личном земном пути, чувстве, он отражает многое в нас; ангел же — вестник, у него своей личной судьбы нет, весь он — дух и слух, улавливающий волю Божию. Ангельское воинство, разнесенное в разных композициях по стенам храма, как будто всё напряжено этим высоким слухом. Сначала притягивает свободный абрис ка-

кой-нибудь трепещущей светом фигуры, и тут же ощущаешь свое замирание, сосредоточение в слухе — и наше сердце, вслед за бесплотными, ищет звука, слова. Тишина — начало слышания.

Глубокое непотребительское понимание природы позволило художникам и природу ввести в храм: хоры расписаны Райским садом. Сплетенным ковром ветви, цветы, птицы съединились в прекрасный трепещущий светом мир, врученный человеку для жизни. Какая-то певческая сила вошла в жизнь формы, и живопись распцвела многоплодием и многозвучием облагодатствованной природы. Но во всём этом ковровом богатстве нет никакой брутальности: не изобилие насыщающее, а живая земля, не оскверненная убийством и стяжательством. Нигде цвет не стал краской, нигде не вышел из заданной художественной и духовной тональности. Внешне рос-пись может показаться очень простой, но, в действительности, она чрезвычайно сложна — сложно решенная форма, продуманный не случайный и не хаотичный ритм.

Итак, Усть-Илимский храм Всех святых, в земле Российской просиявших, заговорил с людьми языком русской живописи и заставляет нас по-новому чувствовать вечные сюжеты: Священная История предстает здесь живым миром, где возникает множество динамических форм, гибких, подвижных, новых, лишенных самолюбования и застылости.

Ничто не упрощено и не выхолощено в росписях, мазок подчинил себя ритму славянской речи. Нигде не разрушается изобразительная плоскость, и этим достигается единство звучания всего пространства — оно неделимо и воспринимается как живое органическое целое.

Эта цельность обрела силу художественной правды и запечатлела образы Божественного Откровения как вехи духовного пути человечества. Целое включает в себя каждого, и верно найденная мера обобщения разомкнула стены храма для современного человека: язык росписи в еди-

ном пространстве соединил времена и судьбы. Частное отступило перед всеобщим: не характеры, но живые типы свидетельствуют истину не как свершившееся прошлое, но как грядущее, чаемое.

Композиция не просто зрима, она — слово! Вещее слово Священного Предания золотым эхом разнеслось по стенам, входя в резонанс, усиливая и проясняя образы церковной поэзии богослужения.

Художественная лексика этой монументальной работы чрезвычайно обширна и звучна. Храм активен, но человек в нем остается свободным, не испытывая эмоционального давления: живая форма художества не скрывает в себе шипов натурализма.

Но форма здесь никак не самоцель, она есть только явление той духовной силы, которая творит жизнь. И это угадывается пребывающими в храме: и сама творящая сила действует, и противостояние ей сил противоборствующих ощущается. Духовная брань, идущая в мире, здесь стала целью и смыслом — сверхзадачей — искусства, и в людях оно пробуждает не желание духовного комфорта, а мужественную решимость, готовность к трудам.

Трепещет внутренним светом плоскость стены. Внимание — не к предметам жизни, а к отношениям, можно бы сказать, пластическим, цветовым, но хочется сделать поправку — онтологическим отношениям: даны не факты, а силы, действующие в жизни, и рядом с аккордами Вечности слышны звуки сегодняшнего времени.

Вопиет восставшее в художественной силе человечество, томимое духовной жаждой правды; та часть народа, которая не поддалась расщеплению своего сознания, вопиет. Не немощь, а сила наша обнаружила себя в этом сибирском храме, ибо так только сам народ пел правду Божию: серьезно, без уточнения деталей, не смакуя красивенькое, и веря, веря слову как делу.

Эта народно-духовная правда, может быть, и самим народом сейчас почти забыта, так он заморожен, так загнан в тупик сегодняшней нежизни. Но не быть отступлению

вечным, искусство не лжет: недолго нам оставаться в утробе китовой.

Вот к какому скорбному гимну привели нас наши рассуждения. Что ж, восприятию нельзя задать одно направление: аукнулось здесь, а уже и в другой стороне слышатся отзвуки, и сзади, и впереди. Слово искусства долго не отпускает сердце, фактически, с ним живешь какое-то время; идешь по жизни, но с другими глазами, образы рождают строчки, и тянутся во все стороны диалоги. Паутиной серебряной сетью культура пронизывает мир и осеняет, облагораживает чувства, связывает природное и духовное, задает направление бушующему естеству, открывает врата сердца — вот как угнезживается в нас увиденное, услышанное.

А теперь отзыв священника, ведь русский храм — ребра Церкви, как в нем служится?

«В том, что сделали Виктор с Таней, есть еще один, очень важный для жизни прихода момент. Храмы в провинции редко расписывают — дорого! А если найдутся «мастера», то расписывают даже не годами, а десятилетиями. Это обычная практика, подозреваю, что везде так. Стоят соборы в лесах — ни пройти, ни притулиться. Получается храм для лесов и росписей, а не для прихожан. И если бы на века, то еще и можно было бы потерпеть, но, во-первых, качество росписей таково, что на века не надо бы. Во-вторых, есть ли они у нас, эти века? А Виктор с Таней расписали вдвоем за небольшие деньги 450 квадратов в три месяца!!! Да как расписали! Воистину Евангелие в красках! Всё понятно даже ребенку, а по детям и нужно судить об этом. Был яркий иконостас, и не просто было найти тон, чтобы стены и иконы не «убили» друг друга. Всё получилось.

Я сначала никак не мог привыкнуть к рукам и ногам: всё казалось, что руки и ноги надо бы прописать, всё остальное пусть будет как есть. Сейчас привык, присмотрелся, и мне росписи (если честно признаться) нигде, кроме наших, не нравятся. Всё кажется или статично

мертвенным или «красивеньким». У нас они живые. Уже три года прошло, а всё стою и не устаю рассматривать...»

Это не заготовленный отзыв. Когда собирались фотографии для альбома, это письмо как сопроводительный текст было прислано по электронной почте протоиереем Александром Белым, настоятелем храма. Не привести его нельзя.

И закончить наши не избегнувшие пафоса и риторики заметки хотелось бы выдержками из высказываний Владимира Андреевича Фаворского, выдающегося русского художника, прожившего жизнь христианина и отдавшего ее искусству. В его устных выступлениях, статьях, лекциях, беседах со студентами содержатся глубочайшие откровения о художественной правде. Не хотелось «подпирать» ими наши рабочие тезисы, просто вспомним слова мастера, ведь они — живой завет духовного реализма в искусстве.

«Искусство неотделимо от жизни. Вся наша жизнь связана с искусством, и в нашей повседневной жизни зарождается искусство. Как это происходит? Любовь к природе, любовь к родному городу, любовь к людям — вот откуда происходит искусство».

«Искусство обладает особым качеством. Встречаясь в жизни с предметами, общаясь с ними, знаешь, как они называются, и эти названия в какой-то момент сами были образами. Но в нашей жизни мы с ними обходимся как со знаками, помогающими памяти. Эти знаки часто заслоняют от нас вещи. Мы знаем их как знаки, а не как вещи. Вот искусство как бы снимает эти маски. Оно вновь раскрывает, что это такое, и тогда вещи открывают совсем неизвестные стороны.

Художник, рисуя, изображая что-нибудь, прежде всего, забывает о себе и всецело погружается в то, что видит.

И это, потеряв свой знак, свой обычный смысл, открывается ему как что-то неизвестное, новое, совсем необычное. Таким образом, правда художественная глубже, чем просто правда. Интерес к вещи, к какому-нибудь явлению должен превратиться в трепетную любовь».

«Мне кажется, что основой подвига является забвение себя. Метод искусства, так же, как и науки, строится на том, что человек забывает себя ради правды в искусстве или в науке, ради красоты и справедливости».

«Что такое правда? Это не правдоподобие. Ей противопоставляешь не неправду, а ложь».

«Мы изображаем правду, но правду не просто перечисление — что есть, а правду-красоту, правду-справедливость. Правда утверждается как вещь в материале».

«Мертвенность получается в результате того, что материал пытаются уничтожить иллюзионистическим изображением. Плохо, когда искусство становится средством изображения, а не выражения».

«Художник, увидевший лирическую цельность природы, часто навек остается при этом, и больше ему ничего не надо. А в сущности он мог бы идти дальше в видении художественной правды, — поняв природу как сложную цельность, уже не лирически, а драматически (то есть во взаимодействии сил). Цельность — это понятие нравственное. Сложность понимаем как цельное».

«Природа обогащает искусство. Надо сказать, вернее, — питает искусство. И поэтому встречи с природой нужно очень беречь. Нужно быть способным подойти к ней, совершенно отказавшись от корыстных побуждений, как можно более чистым и непосредственным образом».

«Композиция приносит нам большие выгоды, как бы позволяет читать между строк и изображать пространство между предметами. Композиционное изображение как бы стирает названия предметов, и мы должны понять и назвать их сызнова, и всякое изображение начинается с удивления. Удивление должно быть вначале. Смысл композиции в том, чтобы изобразить время. Композиция и есть соединение разновременного в изображении».

«Входишь и чувствуешь определенный содержательный строй, ритмически образующий все пространство и проникающий в тебя (о Кремле. — Л. С.). Все стены одеты живописными фигурами, всё пространство пронизано их движением».

«Что особенно поражает в высоких произведениях искусства — это «точность». Точность в передаче правды природы, точность рисунка и цветовых отношений и точность музыкальная, точность ритмическая. Но может быть подмена этой художественной точности. Многие художники в своих произведениях гордятся детальностью, но все эти детали как бы только перечисляются и как будто там, где нужно, но ни в пространстве они не имеют точного места, ни во времени не получают своего места — не входят в очередь смотрения, а воспринимаются произвольно, и таким образом эта точность не художественная, а как бы бухгалтерская».

«Открывая законы в классическом наследии прошлого, можно учиться, только нельзя превращать эти законы в правила. Законы живут. Правила неподвижны».

В. А. Фаворский. Об искусстве, о книге, о гравюре. М., 1986.

Начинали с молитвы — закончили законами искусства. Что ж, искусствоведы продолжат начатый нами разговор о росписи храма: и нашего Усть-Илимского храма

Всех святых, в земле Российской просиявших, и других храмов. Необходимо нам слышать друг друга, чтобы не терять высоту, дополнять опыт опытом, видение видением, анализом, чтобы помнить нам, откуда мы, кто мы, куда мы идем. Так, кстати, старый Гоген назвал одну из своих поздних работ, не лучшую: живописные средства отступили в ней перед мыслью — не всегда пластике удается осилить встречу со словом.

ОТ ОБРАЗА К ПОДОБИЮ (ЗАМЕТКИ ОБ ИСКУССТВЕ ПРИКАМЬЯ)

Он есть Бог наш, и мы - народ паствы Его и овцы руки? Его.

Пс. 94,7

«...Жители радушны, гостеприимны, добры, довольно странны... И Пермь не завистлива, она считает себя лучше всех городов и упорно стоит за свое. Пермь настоящий русский Китай...».

Мельников-Печерский.

«Дорожные записи».

Встреча с пермской деревянной скульптурой не может не принести радость. Это уникальное явление в духовной культуре России – его чистота и масштабность поражают, вселяют бодрость в сердца, наполняют активностью. Феномен этот нельзя рассматривать только как явление художественно-эстетическое, или как особую форму народного прикладного искусства, нет, пермская деревянная скульптура – это, прежде всего, **скульптура культовая, храмовая**. Мы должны помнить, что она складывалась, а точнее возникла, рождалась как живая часть молитвенного пространства храма. Множество ее образов, разных по сюжетам, пластике и мастерству исполнения, едины в своей идее, а точнее, в своем назначении — в них отражено религиозное сознание народа, его духовные чувства, его высшая интуиция. И потому пермскую деревянную скульптуру нельзя рассматривать просто как часть материальной культуры народа, она – живая **форма народной веры**, давшая уникальные образцы пластического искусства, аскетического по своему духу, простого по ясности изображаемого предмета и высокого по бескомпромиссности своей идеи и преклонению перед жертвенностью. Это итог развития духа народа, его религиозного

чувства. Без этого священного центра, центра духовного тяготения времени, нельзя понять никакое искусство — здесь сокрыто внутреннее ядро культуры.

И первобытное искусство имело не бытовое, не абстрактно мифологическое, но реальное культовое, религиозное начало в своем основании. И как всякое религиозное действие (а в слове «ре-лигия» — слышим «лига», то есть «связь»; ре-лигия — восстановление связи) религиозное искусство имеет две составляющие. Первая — это духовный поиск народа, стремление осмыслить свое бытие как неслучайное, значимое, в единстве всего космогонического пространства — та самая духовная жажда, которая томила пророков. Вторая составляющая — Откровение, которое является, по сути, ответом на эту духовную жажду. Бог открывает человеку мир и смысл его жизни, его призвание, дает узреть силы, действующие в мире и его долг перед ним, — открывает прикровенно, в той мере, в какой люди способны вместить это знание, то есть взять его в свое сердце, создать его образ, сделать его опорой жизни. «Дух Божий — духу нашему» — вот как, по словам апостола Павла, идет духовное развитие народов.

То множество духовных интуиций, которое сохранила история, и представляет нам эту множественную, раздробленную и на первый взгляд противоречивую картину различных верований и народных мировоззрений, но в них отразился духовный путь человечества, поиски связи с высшим миром, стремление к Истине — к единству духовного целого.

Прикамская культура сохранила памятники, свидетельствующие о более чем тысячелетней духовной истории своей земли. Уже по рисункам Писаного камня по реке Вишере и в пещере на реке Белой можно понять, сколь напряженной была внутренняя жизнь этого древнего народа, сколь сильны его духовные чувства. В серьезности отношения человека к своему роду, в чувстве неразрывной связанности людей, в союзе рода с землей, — прослеживается та небытовая ответственность за жизнь, которая высоко ха-

актеризовала средневекового человека, — его устремления к познанию и космологическому единению с силами, движущими и природу, и род.

Примером этому могут служить знаменитые археологические пермские рельефы — средневековое литье. (Любопытно, что подобные литые сквозные рельефы представлены и в истории средневекового Китая — 4-7 век. Их родственность неоспорима. Но неизвестно, знал ли об этом наш неутомимый путешественник писатель Мельников-Печерский, назвавший некогда Пермь — Русским Китаем?) Культовый характер этой медной пластики очевиден. Силы природы, которые в древности переживались как духовные начала, олицетворены в этих пластинах животными и зверями, обычно они располагаются ближе к краям пластины в строгой вертикальной соподчиненности (птицы —верху, морские гады —внизу). В центре же — человеческая фигура божества, иногда расходящаяся в три фигуры.

Это не изображение, еще нет ни образа, ни лика — только знак: означены силы, действующие в мире, определено их местоположение в пространстве, их соподчинительная связь. Эти фронтальные иерархические композиции, в которых отразилась не только картина мира, открывавшаяся человеку в ту эпоху, но и его стремления выявить духовную структуру жизни, разграничить добро и зло, — оказались прообразовательными, и в содержательном, и в пластическом смысле. В них была угадана и прикровенно отражена та картина мира, которая в полноте образов теперь явлена нам в православной космогонии, композиции же послужили развитию народной иконы.

С высоты сегодняшнего христианского опыта и знания человечества эти средневековые рельефы прочитываются как **медные духовные летописи народа**, жаждущего истины и неуклонно движущегося к ней.

Можно сказать, что искусство Прикамья разных эпох отразило процесс созревания народной веры — **движение вглубь религиозного переживания**. Таков путь и всей нашей духовной культуры — путь с поверхности жизни в ее

глубину, от внешнего — к внутреннему, от обобщенно-безличного — к личностному. Так происходило постепенное **преодоление магического мировоззрения** — от поклонения безличным силам природы народ обращался к Богочеловеку, к Богу Слова. Евангелие реально показало миру Нового Человека — и новый духовный облик приобрело искусство Перми.

В полноте этот новый образ жизни и веры отразился и раскрылся в храме, в особом храмовом пространстве, где нашла свое святое место деревянная религиозная скульптура. Вся накопленная веками пластика и традиции общения с материалом теперь стали подчинены одной идее — дать образ воплощенного Сына Божия Спасителя мира и открывшегося с Ним духовного царства. Тайна спасения в народном сознании была накрепко соединена с жертвой, с личным страданием за других, и в крестном пути Богочеловека сердце угадывало великое сострадание к трудной народной жизни и несказанную милость к каждому. Не родственного, а родного узрел народ во Христе Спасителе, и на этой горячей волне любви произошло очеловечение Божественного образа и образов святых. Именно любовь обратила народную душу от языческих истуканов-«властителей» — к Богу милости и терпения, жертвующему Собой ради человека.

Храмовая скульптура Перми — это особая страница не истории церковного искусства, а истории Русской церкви, совершенно по-новому освещающая богочеловеческие отношения христианства — как союз любви страдающего Отца и искупленных этим страдание чад. Отсюда и теплота камерной, дерзнем даже сказать домашней пластики, лирическое звучание духовных образов в вечных сюжетах жертвы, служения, скорби. Таков Спас Полуночный и Христос в темнице — сидящая обнаженная фигура Спасителя в терновом венце с поднесенной к голове правой рукой. Под сенью или без нее, эта деревянная скульптура (размером она соотносима с человеком) переживается не как образ скорби или ее олицетворение — нет, объемность фигуры и теплота дерева создают эффект реального присутствия: мы

оказываемся в одном пространстве с Христовым страданием. Это почти пограничная зона искусства, еще шаг — и оно станет реальностью.

Невозможно без волнения и даже восхищения смотреть и на скульптурную композицию Всенощного блюда. Это дискос под сенью со Спасителем и группой апостолов — небольшая настольная композиция. Но прочитывается она как живое свидетельство, как напоминание о том, что такое собрание новых людей действительно возникло и породило новую жизнь, — здесь же дерзновенно воссоздан судьбоносный миг этого таинства святого собрания Церкви, остановлено время.

Многое воссоздано пермскими мастерами, многое любимо: жизнь святых и Богоматери, Апостолы, Николай чудотворец, Святой Иоанн Креститель, Святая Параскева и, конечно же, ангельские чины. Их множество, сонм многих застывших в разных позах воплощенных в дереве духов, поистине непобедимое ангельское воинство, кто с ликом кротким, кто с удивленным, кто как будто в «петровском парике», кто — задумчивый странник из земли обетованной... Христианские образы вызвали не просто сочувствие в народе, христианство как новая онтологическая реальность, как живое духовное пространство, как реальная связь с Богом, чувство Его близости и возможность богообщения. Это была уже новая, невиданная доселе степень духовной свободы человека. Но свобода эта была свободой личных уз, сопряженных с трудами жизни, земли, с пробуждаемой любовью честью.

Народная вера всегда была укоренена не столько в мистическом, сколько в этическом чувстве — в глубине народной морали. Способность к жертве, к подвигам ради ближнего. всегда считалась в народе высшей добродетелью. Излюбленными народно-библейскими сюжетами, вслед за евангельскими страстями, стали библейские повествования о рабстве Иосифа Прекрасного, о покаянии Марии Египетской, о стремлении к пустыне царевича Иасафа. Эти темы во многих вариантах были разработаны в русских ду-

ховных стихах – множественных песенных памятниках народной веры. Здесь христианские образы и метафоры порой сплетались с плачами Земли-кормилицы, страдающей за человеческие грехи, встречались и вымышленные поэтические беседы византийских святых философов с Богом, духовные сказы и присказки.

Пермская деревянная скульптура имеет глубокое родство с духовными стихами — в основе их одни и те же народные чувствования единства мира и человека, то же неразделенное понимание жизни и святости как самоотречения, то же духовное отношение к родной земле. Христианская эпоха внесла в искусство Прикамья полифонию: произошло не отрицание традиции земельной веры, а расширение области родного. Дохристианские образы, в виде разнообразных знаковых символов, устоявшихся пластических форм остались в искусстве Перми, но теперь — как эстетические каноны и местные изобразительные приемы, свое мистическое значение они полностью потеряли.

Духовное же содержание христианского искусства Прикамья, как и везде в других землях, имело начало — в Откровении, оно не выводимо из опыта жизни, не наследует язычеству — но является даром Божиим, движущим человека. Выражают же его в тех образах, которые освоила культура того или иного края: что умеют руки народа, то они и приносят во славу открывшего Свой образ Творца.

Эта работа славления углубляла духовное переживание народа и возвышала народных художников до подлинного образного богословия. Независимо от искусности исполнения скульптуры, духовный смысл изображенного всегда точно прочитывался зрителем. Да и можно ли смотрящего назвать зрителем? нет, он скорее, свидетель, так как вовлекается не в эстетическое переживание, а в литургическое, единое, объединяющее всех пространство, где все равно приобщаются духовному целому, то есть Церкви, становятся участниками общего дела спасения.

Не познавательную, не эстетическую, а, прежде всего, духовную активность пробуждают образы пермской

христианской скульптуры. Духовное же является удерживающим равновесие центром, приводящим и познавательное, и эстетическое начало в согласие: ум начинает чуждаться схоластики, побуждается к усмотрению истинных связей, чувства удерживаются от потребительского упоения — искренними духовными образами воскрешается в нас подлинная жизнь души — человек обращается к себе, начинает видеть себя при свете Истины.

Лаконичное и многоголосое, жизненно правдивое христианское искусство Прикамья — свидетельство творческого духа Церкви, его неизбывной силы. Возшли семена святителя Стефана Пермского и его последователей, откликнулась Пермь на евангельский зов, вошла со своей многовековой традицией культуры на пир званых, вплела свой резной цветок в венок славы Церкви.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ И РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Книги Священного Писания

- Библия (синодальный перевод). М., 1991.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. М.: Российское библейское общество, 2005.
- Библия в русском переводе с приложениями. Брюссель: Изд. Жизнь с Богом, 1989.
- Новый Завет Господа Иисуса Христа (новый перевод с греческого еп. Кассиана (Безобразова). Лондон, 1991.
- Толковая Библия. Спб., 1904. Репринт. Стокгольм, 1987.
- Пятокнижие Моисея в переводе архимандрита Макария (Глухарева). М.: Университетская типография 1863. Репринт М.: Российское Библейское общество 2000.
- Псалтирь в русском переводе с греческого текста с введением и примечаниями П.Юнгера. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1997.
- Книги Ветхого Завета. Большие пророки. В пер. П.А. Юнгера. М. Изд.: Совет РПЦ. 2006.
- Книги Ветхого Завета. Пророк Даниил и Малые пророки. В пер. П.А. Юнгера. М.: Изд. Совет РПЦ. 2006.

Толкование Священного Писания

- Свт. Иоанн Златоуст.* Толкование на книгу Бытия. Спб., 1898, Репринт. М.: Изд. Московской Патриархии, 1993.

¹ Наш список литературы составлен по педагогическому прикладному принципу. Мы стремились не только дать использованную в статьях литературу, но представить читателям те издания, которые могут быть полезны православному педагогу в его духовном и профессиональном развитии, и помогут в организации учебного процесса духовно ориентированных школ всех типов.

- Свт. Иоанн Златоуст.* Толкование на святого Матфея Евангелиста. Репринт. М.: Изд. Московской Патриархии, 1993.
- Свт. Иоанн Златоуст.* Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Репринт. М.: Изд. Московской Патриархии, 1993.
- Свт. Афанасий Великий.* Толкования на Псалмы. М.: Благовест. 2009.
- Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский.* Толкование на Евангелие от Матфея. Казань, 1875.
- Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский.* Толкование на Апостол Изд Казанской духовной Академии 1910.
- Зигабен Евфимий.* Толковая Псалтирь. М. Изд. храма Казанской иконы Божией Матери в Ясенево. 2002.
- Свт. Феофан Затворник.* Краткие мысли на каждый день года по церковному чтению Слова Божия. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1991.
- Барсов М.* Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия. Спб., 1893.
- Барсов М.* Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний святых Апостолов. Спб.: Сатис. 1994.
- Епископ Григорий (Лебедев).* Евангельские образы (Толкование на Евангелие от Марка). М., 1991.
- Епископ Каллист Диоклийский.* Как читать Библию. М.: Изд. Альфа и Омега, 1993.
- Епископ Михаил (Грибановский).* Над Евангелием. Спб., 1994.
- Клименко Л.П.* Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Ниж. Новг. 2008.
- К познанию Библии.* Под ред. прот. Милеанта А. Рига.: Изд. Балто-слав. общества, 1992.
- Свящ. Дьяченко Г.* Объяснение воскресных и праздничных Евангелий всего года, читаемых на Литургиях и Всенощных бдениях. М. Изд. Ступина. 1899.

Фаррар Ф. В. Жизнь Иисуса Христа. Спб., 1893. Репринт. М., 1991.

Эрричэ Д. К. Богословские аспекты перевода Библии // Мир Библии. 1994. №

Догматика. Катехизис

Блаж. Августин. О Троице. В сб. Богословские труды, 1989, № 29.

Св. Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. М., Синодальная типография, 1899.

Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово об Ангелах. // Богословские труды, 1990, № 30.

Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М. 1992.

Свт. Кирилл Иерусалимский. Поучения огласительные и тайноводственные. Репр. М.: Синодальная б-ка, 1991.

Свт. Филарет (Дроздов). Катехизис. Спб., 1826.

Епископ Семенов-Тянь-Шанский. Катехизис. М.: Изд. Московской Патриархии, 1990.

Закон Божий. Под ред. прот. Слободского С. Джорданвиль, 1967.

Иеромонах Михаил (Грибановский). Истина бытия Божия. Опыт уяснения основных христианских истин естественной человеческой мыслью. СПб. 1888. Репр. СПб.: Общество памяти игуменнии Таисии. 2004.

Куломзина С. С. Закон Божий. Нью-Йорк, 1991.

Прот. Хопко Ф. Основы Православия. Минск, 1991.

Прот. Глиндский В. Основы христианской православной веры. Изд. Московской Патриархии, 1992.

Яннарас Х. Вера Церкви. М., 1992.

Апологетика

Свт. Василий Великий. Творения. Ч. I. М., 1845. Репринт. Изд. Московской Патриархии, 1993.

Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии. Ветхий завет. Massimo, Milan. Репринт. М.: Путь, 1995.

Прот. Зеньковский В. Апологетика. Рига, 1992.

Ильин В.Н. Шесть дней творения. Изд. Белорусского Экзархата: Харвест. 2006.

Лосский Н. О. Мир как органическое целое. Избранное. М., 1991.

Невероятное для многих, но истинное происшествие. Калуга, 1911. Репринт. Тверь: Благовест. 1991.

Прот. Иванов Н. И сказал Бог. Клин: Христианская жизнь, 1997.

Прот. Каледа Г. Плащаница Господа нашего Иисуса Христа. М. Изд. Зачатьевского монастыря. 1997.

Прот. Каледа Г. Библия и наука о сотворении мира. Опыт естественно научного толкования книги Бытия. // Альфа и Омега. 1996, № 2-3(9-10).

Прот. Ляшевский Стефан. Опыт согласования современных научных данных с библейским повествованием. . Изд Псково-Печерского монастыря. 1994.

Прот. Фиолетов Н. Н. Очерки христианской апологетики. Клин.: Христианская жизнь, 2000.

Свящ. Елисейев В. Православный путь к спасению и лже-мистические оккультные учения Востока. // Путь православия. М. 1993. № 1.

Той повеле, и создашесь. Современные ученые о сотворении мира. Сборник статей. Клин.: Христианская жизнь, 1999.

Агиография. Жизнь святых

Писания Мужей апостольских. Рига. Латвийское библейское общество. 1994.

Жития святых. Святителя Дмитрия Ростовского в 15-ти тт. М.: Синодальная типография, 1913. Репринт. Изд. Введенской Оптиной Пустыни, 1992.

Жития русских святых. тт.1-3. Тутаев, 2002.

Древние жития святителя Иоанна Златоуста. Тексты и комментарии. Пер с греч. Балаховской А. .М.: ПСТГУ. 2007.

- Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. М., 1992. Репринт, М., 1992.
- Преп. Нил Сорский*. Устав о скитской жизни. Свято-Троицкая Сергиева лавра. Репринт. 1991
- Пресвитер Руфин*. Жизнь пустынных отцов. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1898.
- Палладий, еп. Еленопольский*. Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. Пер. с греч. М. 1992.
- Свт. Игнатий (Брянчанинов)*. Аскетические опыты. Спб., 1905. Репринт. Изд. Московской Патриархии, 1991.
- Иеромонах Иоанн (Кологривов)*. Очерки по истории Русской святости. Брюссель: Жизнь с Богом, 1961.
- Ильин В.Н.* Преподобный Серафим. Трактат. М. Лепта. 2003.
- Федотов Г.* Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.

Богослужение

- Всенощное бдение. Литургия. Киров. 1991.
- Литургия свт. Иоанна Златоуста с пояснениями. М.: Путь, 1994.
- Божественная Литургия с параллельным переводом и примечаниями. Пер. с греч. В.С. Шолоха. Киев.: Пролог. 2004.
- Православный толковый молитвослов с краткими катехизическими сведениями. Спб., 1907. Репринт. Тула, 1993.
- Смысл и значение православного богослужения. Минск, 1990.
- Архимандрит Киприан (Керн)*. Евхаристия. Париж: YMCA-Press, 1947.
- Архимандрит Киприан (Керн)*. Крины молитвенные. (Сборник статей по литургическому богословию с переводом молитв). М. Изд. им. Кирилла и Мефодия. 2002.

- Болотов. В.В.* Михайлов день. Эртологический этюд. СПб. 1892. // Христ. чтение. 1892. N 11-12.
- Георгиевский А. И.* Чинопоследование Божественной Литургии. М. 1951.
- Ильин В.Н.* Запечатленный гроб. Пасха нетления. Объяснение служб Страстной седмицы. Клин.: Христианская жизнь. 2001.
- Прот. Флоровский Г.* Гимнография и эртология. М. 1997.
- Прот. Четвериков С.* Евхаристия — центр христианской жизни. // Московские епархиальные ведомости. 1992, № 1.
- Прот. Шмеман А.* За жизнь мира. М.: Весть, 1993.
- Прот. Шмеман. А.* Святая Святым. Киев. Центр православной книги, 2004.
- Прот. Шмеман А.* Великий пост. М.: Московский рабочий, 1993.
- Скабалланович М.* Толковый Типикон. Объяснительное изложение типикона с историческим введением. Вып.1,2. М. Паломник. 2003.

О молитве

- Акафистник в 2-х тт.. Изд. Московской Патриархии. М., 1993.
- Канонник в различных нуждах. СПб. Сатис. 2006.
- Преп. Максим Исповедник*. Толкование на Молитву Господню. В кн. «Творения преп. Максима Исповедника», кн. 1, М.: Мартис, 1993.
- Свт. Григорий Нисский*. О молитве. ЖМП. 1993, № 5.
- Преп. Симеон Новый Богослов*. Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. Репринт. 1989.
- Архимандрит Софроний (Сахаров)*. О молитве. СПб.: Сатис, 1994.
- Митр. Антоний Сурожский*. Школа молитвы. Клин, 2000.
- Митр. Антоний Сурожский (Блюм)*. Молитва и жизнь. Рига, 1992.
- Митр. Антоний Сурожский*. Может ли еще молиться современный человек? Клин: Христианская жизнь,

1999.

Отец Арсений. М., 1993.

Преп. Паисий Величковский. Об умной или внутренней молитве. М., 1902.

Умное делание. Сост. игумен Харитон. Изд. Валаамского монастыря, 1936. Репринт. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1992.

Духовная жизнь

Преп. Авва Дорофей. Душеполезные поучения. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1900. Репринт. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1990.

Блаженный Августин. Исповедь. Богословские труды. 1978, № 19.

Преп. Макарий Египетский. Духовные беседы. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1904..

Преп. Макарий Египетский. Новые духовные беседы. М. 1990.

Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово о смерти. Спб., 1905. Репр. М., 1991.

Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово о чувственном и о духовном видении духов. Изд. Свято-Троицкого

Св. Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. СПб., 1893, Репр. 1994.

Преп. Иоанн Лествичник. Лествица. Сергиев Посад, 1908. Репр. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991.

Преп. Исаак Сириин. Слова подвижнические. Репринт. М. 2003.

Свт. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь, и как на нее настроиться. Джорданвиль, 1988.

Свт. Феофан Затворник. Невидимая брань. М. 1993.

Архим. Иоанн (Крестьянкин). Опыт построения исповеди на тему Десяти Заповедей Божиих. Изд. Воронежской епархии, 1991.

Архим. Иоанн (Крестьянкин). Опыт построения исповеди на тему Девяти заповедей Блаженства. Изд. Воронежской епархии, 1991

Прот. Шмеман А. Воскресные беседы. М.: Паломник, 1993.

Свящ. Ельчанинов А. Записи. М., 1992.

Богословие

Свт. Иоанн Златоуст. Избранные творения. СПб. : Изд. Духовной Академии, 1902. Репр. Изд. Московского Патриархата, 1991–1993.

Свт. Василий Великий. Творения. Ч. I–IV. М., 1845. Репринт. М. 199193.

Свт. Григорий Богослов. Творения. Спб., 1895.

Свт. Григорий Чудотворец. Творения. Петроград, 1916.

Свт. Григорий Палама. Триады. М., 1995.

Гаврюшин Н. К. Этюды о разумной вере. Минск. Белорусский Экзархат МП, 2010.

Прот. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1981.

Прот. Флоровский Г. Восточные отцы IV века. Париж. 1931. Репр. М. : Паломник 1992

Прот. Флоровский Г. Восточные отцы V–VIII века. Париж. 1931. Репр. М.: Паломник 1992.

Прот. Флоровский Г. Догмат и история. М Изд. Свято-Владимирского братства. 1998.

Прот. Флоровский Г. Христианство и цивилизация. Избранные труды по богословию и философии СПб.: РХГА. 2005.

Юнгеров П.А. Вероучение Псалтири, его особенности и значение в общей системе библейского вероучения. Киев.: Пролог, 2006.

Экклесиология и История Церкви

Каноны или книга правил. Монреаль: Изд. Братства преп. Иова Почаевского, 1974.

Праздники в честь чудотворных икон Пресвятой Богородицы. М., 1905. Репринт. Чехов, 1992.

Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы. М., 1904. Репринт. М., 1990.

Евсевий Памфил. Церковная история. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви в 4-х тт. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1994.

Игумен Иоанн (Экономцев). Православие. Византия. Россия. М.: Христианская литература, 1992.

Карташов А. В. Вселенские Соборы. М., 1994.

Карташов А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж: YMCA-Press, 1959. Репринт, М.: Наука, 1991.

Киселев А. Чудотворные иконы Божией Матери в Русской истории. М.: Русская книга, 1992.

Поснов М. Э. История христианской Церкви до разделения Церквей 1054. Брюссель, 1964. Репринт. Киев, 1991.

Прот. Мейендорф И. Церковь и государство. // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Столица. 1991.

Прот. Шмеман А. Исторический путь православия. Нью-Йорк, 1954. Репринт. М., 1993.

Свящ. Мансуров С. Очерки из истории Церкви. М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.

Скрынников Р. Г. Святители и власти. Лениздат, 1990.

Толстой М. В. История русской Церкви. Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991.

Православная антропология.

Христианское учение о человеке

Свт. Григорий Нисский. Об устройении человека. СПб.: ахиота, 1995.

Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке / Богословские труды. № 29.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа, тело. Волгоград, 1990.

Архимандрит Киприан (Керн). Антропология свт. Григория Паламы. Париж: YMCA-Press, 1950.

Клеман О. Вопросы о человеке. / Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Столица, 1991.

Лосский Н.О. Органическое и неорганическое миропонимание. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М.: Республика, 1995

Мелехов Д. Е. Дух да властвует над душой и телом. / Московский церковный вестник, 1992. № 18-19.

Несмелов В.И. Наука о человеке. Казань, 1905. Репринт. 1994.

Православное учение о человеке. Избранные статьи. Синодальная богословская комиссия. Клин.: Христианская жизнь. 2004.

Позов А. Основы древне-церковной антропологии. Т. 1-2. Мадрид, 1966.

Прот. Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб.: Византинороссика, 1997.

Прот. Зеньковский В. Принципы православной антропологии. / Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М.: Столица, 1991.

Шеховцева Л.Ф. Сравнительный анализ концепций человека в современной психологии и христианской антропологии. СПб., 2000.

Православная педагогика и психология

Св. Климент Александрийский. Педагог. М., 1996.

Антология педагогической мысли христианского средневековья. Т.1. М., 1994.

Вопросы православной педагогики. Вып. I. М., 1992.

Абраменкова В. Сорадование и сострадание в детской картине мира. М., 1999.

Добротворский А. Александрийская образованность как сфера благоприятствующая происхождению Александрийской школы. // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1880. Ч.1.

Духовная школа. М., 1906.

Древняя русская Пчела по пергаментному списку, труд В. Семенова. // Сб. отд. Рус. яз. и словесности АН. (54) № 4.

- Епископ Евфимий.* Прекрасный Божий мир. Пособие по катехизации детей 9-12 лет. М., 1996.
- Законоучитель: Сборник материалов в помощь преподавателю. М.: Православная книга, 1993.
- Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб.: Летний сад, 2001.
- Кибардин Н.* Система педагогики по творениям блаж. Августина. Казань, 1911.
- Куломзина С. С.* Наша Церковь и наши дети. М., 1993.
- Куломзина С. С.* Семья — малая церковь М., 1997.
- Лосский Н. О.* Мир как органическое целое. Избранное. М., 1991.
- Митрополит Антоний (Храповицкий).* Чтения по пастырскому богословию. Белград, 1935.
- Митрополит Амфилохий (Радович).* Основы православного воспитания. Пермь, 2000.
- Митрополит Пергамский Иоанн (Зизиулас).* Общение и инаковость. / Континент. М.— Париж. № 84.
- Опыт православной педагогики. Сост. Стрижев А. и Фомин С.М.: Литературная учеба, 1993.
- О религиозном воспитании детей. Беседы свт. Иоанна Златоуста и священномученика Владимира, митрополита Киевского и Галицкого. М., 1993.
- Пестов Н. Е.* Современная практика православного благочестия. Т.1, 2. СПб.: Сатис, 1997.
- Пирогов Н. И.* Избр. пед. соч. М., 1985.
- Поучение Владимира Мономаха /Литература Древней Руси. М.: Высшая школа, 1990.
- Прот. Дернов А. А.* Методика Закона Божия. Учебное пособие. Спб., 1913.
- Прот. Дронов М.* Талант общения. Дейл Карнеги или Авва Дорофей? М.: Новая книга, 1995.
- Прот. Зеньковский В.* На пороге зрелости. Беседы с юношеством о вопросах пола. М., 1991.
- Прот. Зеньковский В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1993.

- Прот. Зеньковский В.* Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995.
- Прот. Каляда Г. А.* Домашняя церковь. М.: Изд. Зачатьевского монастыря. 1997.
- Рачинский С. А.* Сельская школа. М. 1991.
- Свящ. Сосунцов Е. Ф.* Методика и конспекты уроков по Священной истории. Казань, 1910.
- Свящ. Сосунцов Е. Ф.* Первая книга преподавателя Священной Истории. Спб., 1915. Репринт. Спб.: Сатисъ, 1994.
- Сестра Магдалина.* Мысли о детях в Православной Церкви сегодня. М., 1992.
- Свящ. Шестун В.* Православная педагогика. Самара, 1998.
- Свящ. Конюхов. Д.* Школьное православное образование. М. 1999.
- Сулова Л.В.* Методика Православной педагогики. Ч.1. Педагогика. Школа. Человек. Клин: Христианская жизнь, 2000.
- Сулова Л.В.* Православная школа сегодня. Изд. Владимирской епархии, 1996.
- Сулова Л.В.* Диалог как пространство со-бытия. // Искание высот. Клин.: Христианская жизнь, 2004
- Сулова Л.В.* Церковный год. Беседы о православии. М.: Паломник, 2000.
- Сулова Л.В.* Искание высот. Сборник статей по духовному воспитанию и развитию личности. Клин: Христианская жизнь, 2004.
- Сулова Л.В. Давыдова Е.Ю.* Азбука-игра. Учебный комплект. Православная детская библиотека. Клин: Христианская жизнь, 2004.
- Сулова Л.В.* Открытый урок. Книга для педагогов и родителей. Клин: Христианская жизнь, 2006.
- Сулова Л.В.* Дорогою небес. Паломничество по святым местам. М. Храм свт. Иоанна Златоуста Московской епархии. 2008.
- Сулова Л.В.* Воспитание чувства правды. М. 2009.

- Сулова Л.В.* Оглядываясь на Заповеди. Педагогическая подготовка к исповеди. М.: Троица. 2010.
- Тарасар К.* Православное образование в исторической перспективе. К пониманию культурного контекста православного образования. Лекция, прочитанная в Томской семинарии в 1995 г. (Рукопись).

Общая педагогика и психология

- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М., 1991.
- Амонашвили Ш. А.* Здравствуйте, дети! М., 1983.
- Амонашвили Ш. А.* Школа жизни. М. 2000.
- Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1979.
- Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М., 1987.
- Вилльман О.* Дидактика как теория образования в ее отношениях к социологии и истории образования. М., 1904.
- Волович М. Б.* Не мучить, а учить. М.: РОУ, 1992.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь. //Собр. соч. в 6 тт. Т. 2. М.: Педагогика, 1982.
- Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М. 1991.
- Выготский Л.С.* Психология личности. Тексты. М. 1982.
- Гальперин С. В.* Мое мировидение. Курс лекций. М.: РОУ, 1992.
- Гессен И. С.* Основы педагогики. Педагогика как прикладная философия. М., 1998.
- Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996.
- Джеймс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991.
- Джеймс У.* Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.
- Иванов В.П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев. 1977.
- Идеи эстетического воспитания. М.: АН, 1977.
- История воспитания и образования в России. Хрестоматия. Ч. 2. XVIII в. М.: РОУ, 1992.

- Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм-книга, 2000.
- Конев К.* Культура и архитектура педагогического пространства. /Вопросы философии. 1996. № 10.
- Корчак Я.* Педагогическое наследие. М.: Педагогика, 1991.
- Коменский Я. А.* Великая дидактика. М.: Педагогика, 1985.
- Курганов С.Ю.* Ребенок и взрослый в учебном диалоге. М.: Просвещение, 1989.
- Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975,
- Макаренко А. С.* Книга для родителей. М., 1934.
- Маслоу А. Г.* Дальние пределы человеческой психики. Спб., 1999.
- Маслоу А. Г.* Личность и мотивация. М., 1999.
- Медынский Г. А.* Трудная книга. //Собр. соч. в 3-х тт., т. 3. М.: Художественная литература, 1981.
- Медведева И., Шишова Т.* Книга для трудных родителей. М.: Роман-газета, 1994.
- Мясищев В. Н.* Структура личности и отношение человека к действительности. В сб. Доклады на совещании по вопросам психологии личности. М.АПН. 1956.
- Педагогический поиск. Сборник статей об опыте педагогов-новаторов. М.: Педагогика, 1987.
- Песталоцци Г.* Избранные педагогические сочинения. М., 1963.
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
- Пирогов Н. И.* Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1993.
- Психология личности. Сборник статей в 2 тт. Самара. Изд. Дом «Бахрах». 1999.
- Платон.* Диалоги. М.: Мысль, 1993.
- Помяловский Н. Г.* Сочинения. М., 1949
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии М., 1976.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957.

- Ушинский К.Д.* Педагогическая антропология. Собр. соч. в 6 тт. Т.5, 6.
- Ушинский К.Д.* Родное слово. М.: Педагогика, 1988.
- Троицкий В. Ю.* Судьбы русской школы. Проблемы наследия русской словесности. М.: Институт русской цивилизации. 2010.
- Чуприкова Н.И.* Умственное развитие и обучение. М.: Столетие. 1995.
- Чуприкова Н.И.* Психология умственного развития. Принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997.
- Чуприкова Н.И.* Идеи общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX—нач. XX века/ Вопросы психологии. 2000. №1.
- Школа и педагогика в культуре Древней Руси. Историческая хрестоматия. М.: РОУ, 1992.

Церковное искусство

- Архиепископ Солнечногорский Сергей.* Воплощение богословских идей в творчестве преп. Андрея Рублева. / Богословские труды 1981. № 22.
- Архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской).* Избранное. Петрозаводск, 1992.
- Буслаев Ф.* Общие понятия о русской иконописи. М. 1866. Репр. 1998.
- Архимандрит Феодор (Бухарев).* Русские духовные писатели. М.: Столица, 1991.
- Барская Н. А.* Сюжеты и образы древнерусской живописи. М.: Просвещение, 1993.
- Бычков В. В.* Малая история византийской эстетики. Киев, 1991.
- Бычков В. В.* Духовно-эстетические основы русской иконы. М. Научно издательский центр «Ладомир». 1995.
- Бычков В. В.* Эстетика отцов Церкви. Апологеты. Блаженный Августин. М.: «Ладомир». 1995.
- Васильев Б. А.* Духовный путь Пушкина. М., 1995.
- Вагнер Т. К., Владышевская Т. Ф.* Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993.

- Георгиев Е.* Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952;
- Давыдова Н. В.* Евангелие и древнерусская литература М., 1992.
- Кн. Трубецкой Е.* Три очерка о русской иконе. М., 1991.
- Киселев А.* Чудотворные иконы Божией Матери в Русской истории. М.: Русская книга, 1992.
- Луковникова Е.* Иконография Рождества Христова. /Альфа и омега. 1994. № 3.
- Покровский Н. В.* Евангелие в памятниках иконографии. М.: Прогресс-традиция, 2001.
- Прот. Дронов М.* Библейское мышление и язык иконы. / Альфа и омега. 1993. № 3.
- Свящ. Флоренский П. А.* Иконостас. М.: Искусство, 1994.
- Свящ. Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс. 1993.
- Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Изд. Западноевропейского экзархата, Московский патриархат, 1989.
- Философия русского религиозного искусства XIV–XX вв. / Сост. Гаврюшина Н. К. М.: Прогресс, 1993.
- Цеханская К.В.* Икона в жизни русского народа. М.: Паломник, 1998.
- Языкова Н. К.* Богословие иконы. М., 1995.
- Духовная культура. Философия искусства**
- Аверинцев С.С.* Чаения языков и благовестие Христово. // *Аверинцев. С.С.* Связь времен / .Киев.: Дух и литера, 2005.
- Аверинцев С.С.* Комментарий к ст. М. Бахтина «К философии поступка», в сборнике «Философия и социология науки и техники». М., 1986.
- Аксаков. И.С.* Статьи, очерки, речи //В книге У России одна единственная столица. М.: Русский мир. 2006
- Аксаков. К.С. Аксаков И.С.* Литературная критика. М.: Современник, 1982.

- Аксаков К.С.* Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995.
- Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
- Библер В.С.* Диалог культур. Мышление как творчество. М., 1975.
- Бубер М.* Два образа веры. М.: Республика, 1995.
- Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1981.
- Дмитриев С. С.* Очерки по истории русской культуры нач. XX в. М.: Просвещение, 1985.
- Дурылин С.Н.* Герой нашего времени М.Ю. Лермонтова. Комментарии. М. Дом-музей Дурылина, 2006.
- Гаврилин В.* О музыке и не только. СПб.: «Композитор», 2003.
- Жегин Л.Ф.* Язык живописного произведения (Условность древнего искусства). М.: Искусство, 1970.
- Ильин В. Н.* Эссе о русской культуре. СПб., 1997.
- Ильин И. А.* Основы христианской культуры. Мюнхен: Братства преп. Иова Почаевского, 1990.
- Ильин И. А.* О воспитании национальной элиты. М.: Жизнь мысли, 2001.
- Ильин И. А.* Одинокий художник. М.: Искусство, 1993.
- Киреевский И. В.* Разум на пути к истине. М.: Правило веры, 2002.
- Киреевский И.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979.
- Киселев А.* Чудотворные иконы Божией Матери в Русской истории. М.: Русская книга, 1992.
- Кн. Трубецкой Е. Н.* Три очерка о русской иконе. М.: Инфо-Арт, 1991.
- Кудряшова М. И.* Черная культура. М., 1998.
- Левитан И.И.* Письма. Документы. Воспоминания. Под ред. А. Федорова-Давыдова. М.: Искусство, 1956.
- Маковец, 1922–1926. Сборник материалов по истории объединения. М., 1994.
- Мандельштам О. Э.* Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987.

- Мережковский Д.* Больная Россия. Л.: Изд. ЛГУ, 1991.
- Одоевский В.Ф.* Записки для моего праправнука. М.: Русский мир, 2006
- Одоевский В.Ф.* Русские ночи. //Соч. в 2-х тт. т2.М.: Худ. лит., 1981.
- Одоевский В.Ф.* О литературе и искусстве. Библиотека «Любителям Российской словесности». М.: Современник, 1882.
- Потебня А. А.* Мысль и язык. //Слово и миф, М.: Правда, 1989.
- Рильке Р.М.* Письма к молодому поэту// Новые стихотворения. М. Наука., 1977.
- Розанов В. В.* Сочинения. М.: Советская Россия, 1990.
- Романович С.* О реализме. / Маковец. 1922. № 2.
- Розанов В.В.* Танцы невинности. / Среди художников. М.: Республика, 1994.
- Саппак В.* Телевидение и мы. М.: АПН, 1960.
- Свящ. Флоренский П.* Анализ пространственности и времени в художественно-образительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
- Фаворский В.А.* О композиции и конструкции/Литературно-теоретическое наследие. М.: Искусство, 1989.
- Хайдеггер М.* Путь к языку./ Время и бытие. М.: Республика, 1993.
- Цветаева М. И.* Об искусстве. М.: Искусство, 1991.
- Цветаева М.И.* Искусство при свете совести. //Новый Град. 1932. №6.
- Цеханская К.В.* Икона в жизни русского народа. М.: Паломник, 1998.
- Чекрыгин В.* О намечающемся новом этапе общеевропейского искусства. Ж-л «Маковец», № 2, Сергиев Посад, 1922.
- Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	3
Из книги «Православная школа сегодня»	
Наши проблемы	7
Учимся учить (Поиск православного метода в педагогике)	17
Видеть, слышать, чувствовать... (Сократическая беседа и слайд-фильм как средство христианского воспитания)	35
Какой может быть воскресная школа сегодня (Концептуальный проект современной воскресной школы)	46
Первая возрастная группа 4–6 лет	
Вторая возрастная группа 7–9 лет	
Третья возрастная группа 10–12 лет	
Четвертая возрастная группа 13–15 лет	
Пятая возрастная группа 16–17 лет	
Работа с родителями	
Из книги «Методика православной педагогики»	
Православная педагогика как общественное и духовное явление	99
1. Педагогика как область социально-общественной деятельности. Связь педагогики с господствующим в обществе мировоззрением. Предмет педагогики	
2. Воспитание, обучение и развитие	
3. Содержание и особенности православной педагогики и отличие ее от других педагогических систем	
Христианская наука о человеке. Духовное основание развития личности.	118
1. Христианская антропология : предмет исследования — НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК	
2. Состав человека. Терминологическое и контекстное понимание священных текстов	
3. Тело: материя и форма	
4. Душа: бессмертное «чувствилище»	
5. Дух: «чувство словеста»	

Древнехристианские школы и их значение для развития современной православной педагогики .	135
1. Древнехристианская педагогика и национальные особенности школы. Укладное и школьное образование	
2. Александрийская школа II-III веков	
3. Восточно-сирийская школа IV-VIII веков	
4. Латинская школа VI-IX веков	
5. Принципы использования опыта Древней Церкви в современной православной педагогике	

Из книги «Искание высот»

Искание высот (Образы современной педагогики)	153
Диалог как пространство со-бытия (Концептуальные основы диалога как духовно-педагогического метода)	171
1. Душевный диалог. Диалогический эрос Мартина Бубера (дохристианское сознание)	
2. Кенотический диалог. Эсхатологическая модель общения митрополита Иоанна (Зизиуласа)	
3. Диалог — слушание. Экзистенциальная среда развития Мартина Хайдеггера (Путь к языку)	
4. Диалог, как искусство совместного бытия	

Из книги «Открытый урок»

Наша школа, наш ребенок (Пять «десятилетий» 90-х)	193
У времени в плену	
2. Семья	
3. Школа	
4. Мировоззрение, мироощущение, миропонимание	
5. Безымянная святость	
6. Хитрые времена	
7. Новое детство	
8. Педагогика Благовестия	
Диалог как средство духовного развития личности . . .	243
1. Что стоит за словом «развитие»?	
2. Феномен диалога	
3. Духовно-педагогическое пространство — новая онтологическая реальность	

Художество пути 258

1. Педагогический процесс:
не технология, но художество
2. Содержание образования: «Искать Бога!»
3. Задачи, средства, методы: «Кто не собирает со Мной,
тот расточает»
4. Этика православного педагога.
Заповеди отрицания.

Обоснование программы «Лето Господне»
(Духовное воспитание и развитие детей 7-8 лет) 288

1. Психолого-педагогические принципы курса
2. О материале, на котором строится учебный процесс
3. Наше занятие. Методика длинного урока
4. О структуре всего курса

Из книги «Оглядываясь на Заповеди», 2010

Дети и покаяние 311

Необходимое вступление 320
Вехи Ветхого Завета

О педагогике русской литературы 326

Статьи разных лет

«Куда ж нам плыть?»
Кризис мировоззрений — кризис идеологий 329

Небезобидный хоровод
(По поводу «духовно-педагогической» деятельности
священника Анатолия Гармаева) 338
Предпосылки успеха «школы поселений»
Особенности уклада и распорядка дня в поселениях
Эпоха сарафанов
Духовно-педагогическое пространство

Воспитание чувства правды
(Доклад на педагогической конференции 2008) 365

«А ну-ка, матушка, встань с колен!»
Церковная и общественная среда как формирующая сила.
(Тезисы выступления на Рождественских чтениях, 2009). 379

Педагогика художественной правды

Служить Слову!
(Статья из альбома «Живопись в храме». 2011 г.) 397

От образа к подобию
(Заметки об искусстве Прикамья) 441

Список используемой
и рекомендуемой литературы 394

Сурова Людмила Васильевна

Педагогика духовного развития

Статьи разных лет

Украина Православная

Киев, 2013

Тираж 4000.